

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА**

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

**№ 3
Том 1. Филология**

Санкт-Петербург
2015

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 3 (Том 1)'2015
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Е.С. Нарышкина, кандидат психологических наук, доцент.

Редакционный совет:

Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
С. Г. Гренье, доктор филологических наук, профессор (США);
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
Л. В. Дербенёва, доктор филологических наук, профессор (Украина);
О. Н. Морозова, доктор филологических наук, доцент;
М. К. Пезенти, доктор филологических наук, профессор (Италия);
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2015
© Авторы, 2015

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Розонова Ю.А.

Тема поэта и поэзии в лирике Ахматовой 1909–1921 годов 7

Касаткина К.В.

Тип «подпольного человека» в романе Ю.К. Олеси «Зависть»..... 17

Стрельникова Л.Ю.

Двойничество персонажей как стратегия модернистской игры
в повести В. Набокова «Соглядатай» 26

Петелина О.О.

Имя и творчество М.Ю. Лермонтова
в поэтическом универсуме В. Строчкова 33

Гордеева Е.М.

Роман-идиллия А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»
как современная робинзонада..... 38

Пискун Е.С.

А.П. Чехов и русская драматургия конца XX века:
преемственность художественных концепций 47

Придорогина Е.А.

Проблема брака в творчестве Франка Ведекинда 57

Качоровская А.Е.

Интермедийность и метод импровизации комедии дель арте
в постмодернизме (на материале романа Умберто Эко «Остров накануне») 65

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Богоявленская Ю.В.

Современные сопоставительные исследования: новые векторы развития..... 72

Прозорова Н.Е.

Дистрибутив в сфере глагольной множественности..... 82

Аветян Н.С.

Номинативная вариативность англоязычных полицейских социолектизмов 86

Горохова Н.В.

Омонимия англоязычных технических терминов
(на основе терминополья трубопроводного транспорта) 95

Мещерякова-Клабахер В.А.

Атрибутивные конструкции как средство характеристики
антропонима в текстах немецких СМИ..... 100

Федоров Д.А.

Некоторые лексикологические аспекты «риторического цикла»
сочинений Цицерона 106

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ..... 110

Знаешева И.В.

К проблеме анализа дискурса как исследовательской методике 110

Гринфельд В.А.

Корпоративная медиакритика на страницах профессионального издания 118

Почтарь Е.И.

Импликативная форма смыслового представления в сфере массовой
коммуникации 127

<i>Чистикова Е.С.</i>	
Мнемонические тексты дневников и мемуаров: временная удаленность как типологический критерий	134
<i>Романтовский А.В.</i>	
Метакоммуникативные индексы в дискурсе интернет-комментариев	141
<i>Сидоренко А.В.</i>	
Реализация агональности в современном англоязычном деловом дискурсе	150
<i>Берсенева Н.С.</i>	
Словообразовательные модели академического дискурса в жанре научной фантастики	158
<i>Величкова Л.В., Киришинова О.В.</i>	
Психолингвистический подход к исследованию эмоциональности речи	165
<i>Московская Н.Л., Удод Д.А.</i>	
Динамика порождения текстового пространства креолизованного текста буклета музыкального альбома	172
КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ	
<i>Глинская Н.П.</i>	
Оценка качества научного термина как метакогнитивная деятельность.....	185
<i>Шогенова М.Ч.</i>	
Этнокультурный идеал языковой личности: лингвокогнитивный аспект.....	194
<i>Ерофеева Т.И.</i>	
Концепт «деньги» в наивном сознании студентов.....	204
<i>Топка Л.В.</i>	
Эмотивный предикат как средство репрезентации константы внутреннего мира человека.....	210
<i>Дёмушкина Т.Н.</i>	
Согласие и несогласие как типы речевых актов в английской диалогической речи.....	218
<i>Корюкина Е.Е.</i>	
Использование языка для специальных целей при фреймовом анализе англоязычной терминосистемы инклюзивного образования.....	226
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ	
<i>Питка Я.А.</i>	
Особенности фразеологических оборотов с номинантом «лошадь» в русском и французском языке	235
<i>Ошева Е.А.</i>	
Функционирование англо-американских слоганов в коммуникативном пространстве	242
<i>Идельсон Е.В.</i>	
Репрезентация концепта «SPACE» в сознании билингва: статистический анализ экспериментальных данных	246
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
<i>Нургатина Г.Г.</i>	
Творчество Хусаина ибн Амирхана (историография вопроса).....	253
Сведения об авторах	263

Contents

THE STUDY OF LITERATURE AND FOLKLORE

Rozonova Iuliia

The Theme of the Poet and Poetry in Akhmatova's Lyrics of 1909–1921 7

Kasatkina Kseniya

Type "Underground Man" in the Novel "Envy" by Y. K. Olesha.....17

Strelnikova Larisa

Duplicity of the Characters as the Strategy of the Modernist Game in the Novel
"The Eye" by V. Nabokov 26

Petelina Olga

The M.Y. Lermontov`s Name and Creation
at the Poetic Universe of V. Stochkov.....33

Gordeeva Elena

A.P. Chudakov`s Novel-idyll 'Haze Lies on Old Steps'
as a Modern Robinsonade 38

Piskun Evgenija

A.P. Chekhov and Russian Drama of the 20th Century:
Continuity the Artistic Concepts.....47

Pridorogina Elena

The Frank Wedekind`s Conception of Marriage 57

Kachorovskaya Anna

The Intermediality and the Method of Improvisation Commedia dell'arte
in the Postmodernism (Based on the Novel by Umberto Eco "The Island
of the Day Before").....65

LINGUISTICS

Bogoyavlenskaya Yulia

Modern Comparative Studies: New Vectors of Development 72

Prozorova Natalja

The Distributive in the Sphere of Verb Plurality 82

Avetjan Narine

Nomination Alternatives of English Police Sociolectisms 86

Gorokhova Natalja

The English Linguagetechnical Termshomonyms
(Based Onpipeline Transportterms).....95

Meshcheriakova-Klabacher Vera

Attributive Constructions as a Means of Anthroponym Characteristics
in German Media Texts 100

Fedorov Denis

Some Lexicological Aspects of Cicero`s Rhetoric Works 106

THE THEORY OF DISCOURSE AND LINGUISTIC STYLES

Znaeševa Irina

Discourse Analysis as a Research Method 110

Grinfeld Vladimir

Corporate Mediacritic Pages Professional Edition 118

Pochtar Elena

Implicative Form of Presenting Meaning in Mass Communication.....127

<i>Chistikova Ekaterina</i>	
Mnemonic Texts of Diaries and Memoirs: Time Distance as a Typological Criterion.....	134
<i>Romantovskiy Alexander</i>	
Metacommunicative Indexes in the Discourse of Internet Comments	141
<i>Sidorenko Alexandra</i>	
Agonism Realisation im Modern English Business Discourse	150
<i>Berseneva Natalia</i>	
Word Formation Patterns of Academic Discourse in the Literary Genre of Science Fiction.....	158
<i>Velichkova Ludmila, Kirshinova Olesja</i>	
Psycholinguistic Approach to Emotionality of Speech	165
<i>Moskovskaya Natalia, Udod Dmitry</i>	
The Dynamics of Text Space Production of Creolized Text of Music Album’s Booklet.....	172
COGNITIVE ASPECTS OF LINGUISTIC CATEGORIZATION	
<i>Glinskaya Nelli</i>	
Evaluating Scientific Term Quality as a Metacognitive Activity.....	185
<i>Shogenova Marina</i>	
Ethnocultural Ideal of a Linguistic Personality: Linguistic and Cognitive Aspect.....	194
<i>Erofeeva Tamara</i>	
Concept ‘Money’ in the Naïve Consciousness of Students.....	204
<i>Topka Larisa</i>	
Emotive Predicate as a Means of Representation of Man’s inner World Constant	210
<i>Dyomushkina Tatiana</i>	
Agreement and Disagreement as Types of Speech Acts in English Dialogical Speech.....	218
<i>Koryukina Ekaterina</i>	
Language for Special Purposes in the Frame Analysis of the Inclusive Education English Term System.....	226
LINGUISTIC CULTUROLOGY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION	
<i>Pitka Jana</i>	
Particularities of Phraseological Units with Nominee «Horse» in Russian and French Languages	235
<i>Osheva Elena</i>	
English and American Advertising Slogans in Communication	242
<i>Edelson Elena</i>	
Representation of the Concept «Space» in Bilingual Mind: Statistical Analysis of Experimental Data	246
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
<i>Nurgatina Gulnaz</i>	
Works of Husain Ibn Amirkhan (Historiography of Issue).....	253
About authors.....	263

УДК 82.09

Розонова Ю.А.

Тема поэта и поэзии в лирике Ахматовой 1909–1921 годов

В статье рассматривается становление и развитие темы поэтического творчества на протяжении первых пяти поэтических книг А.А. Ахматовой в сопоставлении с аналогичной темой в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова. Исследование проведено на основе анализа образов-тропов, мотивов и сопутствующих тем в лирике поэта 1909–1921 годов.

The article considers the roots and the development of poetic creative work from the first to the fifth book by Akhmatova in comparison with the analogous theme of Pushkin, Lermontov, Nekrasov. The research has been conducted on the basis of analysis of image-topos, motives and accompanying themes in the lyrics of the poet in 1909–1921.

Ключевые слова: А. Ахматова, русская поэзия, лирика, тема поэта и поэзии, тропы, мотивы, сопутствующие темы.

Key words: Akhmatova, lyrics, theme of the poet and poetry, propes, motives, accompanying themes.

Тема поэтического творчества получила начало в первой книге Ахматовой «Вечер», в которой творчество соперничает с любовью. В стихотворении «Музе» Муза забирает у героини кольцо – символ любви. Открытым врагом Музы становится возлюбленный героини. Их непримиримость легла в основу глубокого внутреннего конфликта женщины-поэта, занявшего одно из центральных мест в лирике Ахматовой. Позже этот конфликт осложняется. В 1921 году Ахматова пишет стихотворение «Я гибель накликала милым...», где высказывает свою сокровенную мысль о смертельном проклятии, лежащем на любимых, воспетых в ее творчестве людях. Шире это стихотворение может быть понято как выражение поэтом своей вины перед каждым человеком за процветающее зло [20, с. 81–82].

Получив начало в книге «Вечер», в последующих книгах тема творчества все более развивается и углубляется. Во второй поэтической книге, «Четках», к героине приходит ясное осознание себя поэтом:

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет вам,
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?
(«Покорно мне воображенье...») [1, с. 54].

Вместе с этим читателю и критику открывается двойственная природа образа поэта в лирике Ахматовой. Как земная женщина героиня погружена в любовные переживания и греховную, с точки зрения христианской морали, страсть, поэтому к ее образу использованы следующие метафоры и эпитеты: «грешная», «Ева», «слепая», «темная», «нерадивая, скупая Божья раба», «преступница», «прелюбодейка». Образ прелюбодейки, симптома-тичный для названной стороны личности ахматовской героини, заявлен в первом катрене стихотворения «Умирая, томлюсь о бессмертье...». Сюжет горения прелюбодей в серном котле в аду широко распространен в иконописи и светском изобразительном искусстве [21, с. 538], он и нашел отражение в названном стихотворении Ахматовой. Поэтический дар совершенно преображает героиню. Перед нами иная ее ипостась. Она получает особенное развитие в третьей, четвертой и пятой книгах. Начиная с «Белой стаи», третьей книги Ахматовой, связь темы творчества с любовной темой отходит на второй план. В этой книге впервые заявляют о себе и становятся важными для поэта такие проблемы, как поэт и толпа, поэт и родина. Время тяжелых испытаний потребовало от поэта четкой позиции перед лицом происходящего. Его общественным долгом становится объективное летописание общественных событий, этим объясняется метафора «память поэта – книга грозных вестей» («Памяти 19 июля 1914»). Поэт должен навсегда сохранить память о кровавых войнах, гибели лучших сынов России, горе оставшихся в живых. Тяжелым крестом ложится эта обязанность на плечи поэта. В названном стихотворении возникает мотив мольбы поэта о временной смерти как избавлении от излишних страданий. Поэт у Ахматовой не только гражданин своей страны, но и живой человек с трепетной и израненной душой. Преодолевая душевную боль, в стихотворении «Молитва» он прямо заявляет о том, что высший для него идеал – слава России. Ей в жертву можно принести любовь, ребенка, Музу.

Осознание гражданского долга приходит к поэту от Всевышнего, и поэт должен исполнить Божью волю. Здесь он выступает в роли орудия Провидения. Общение Бога с поэтом может осуществляться непосредственно, но чаще посредницей между ними выступает Муза. Ее божественное происхождение, помимо сравнения «Муза (как) небесный вестник», неоднократно подчеркнуто с помощью эпитетов. В стихотворении «Уединение» к образу руки Музы использован эпитет «Божественно спокойна и легка». Однако на протяжении пяти первых книг Ахматовой троп «Муза – человек» встречается 14 раз, что гораздо больше, чем количество указаний на божественную сущность Музы. Но, в общем, поэзия растворена во всем: голос Музы слышится и в шуме деревьев, и в хрусте песка, и в мелодии волынки («Эпические мотивы.1»).

Отметим, что существует иная, отличная от нашей, точка зрения. Одним из первых ее выразил В.М. Жирмунский, который считал ахматовский образ Музы «объективным воплощением поэтического самосознания» [6, с. 78]. Миссия Музы начинается с того, что она превращает обычного че-

ловека в поэта, для этого меняя его отношение к слову. Повседневное привычное слово лишается своего автоматизма и воспринимается как нечто перевозданное. Оно поворачивается к поэту неизвестными до этого гранями смысла и звучания. Мотивы изъятия обычных слов из памяти будущего поэта и наделения его новыми чудесными словами находятся в центре «Эпических мотивов. 1». Так начинается поэтическое творчество. Выше-названное стихотворение эксплицирует такую важную для исследователя проблему, как представление поэта о слове. В исследуемых книгах можно выделить три основных образа-тропа с основанием сопоставления «слово» или «песня» в значении «стихотворение». Чаше всего встречается троп «слово – существо» (10 случаев употребления). Трижды в качестве образа сопоставления тропа выступает образ птицы, имеющий символику свободы, вольного творческого порыва. Это значение эксплицировано самим автором посредством эпитета к образу ласточки в стихотворении «Теперь никто не станет слушать песен...» из «Подорожника». Поэт обращается к своему творению:

Еще недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полет [1, с. 131].

Противоположная символика у образа сопоставления «человек». Он представляет поэтическое творение в виде униженного, обездоленного, несвободного существа: «стихотворение – нищенка голодная», «стихотворение – пленница». Первый троп из перечисленных соседствует с названным выше образом свободной ласточки внутри одного текста. Как для нищенки закрыты двери домов, так для детища поэта закрыты людские сердца. Образ песни-пленницы мы встречаем также в четвертой книге поэта «Подорожник», в стихотворении «Сразу стало тихо в доме...».

Второе место по частоте употребления занимает образ «слово – предмет», шире «материальный объект». Он встречается у Ахматовой 5 раз, в том числе в «Эпических мотивах.1». В сознание будущего поэта Муза вкладывает поэтическое слово как некий чудесный предмет.

Не менее важен, хотя и менее употребим образ «слово – драгоценное» (3 раза). Поэтическое слово – особенное богатство. Принадлежащее поэту, оно призвано душевно и нравственно обогатить человечество. Эту идею содержит необыкновенно емкое по смыслу стихотворение «Нам свежесть слов и чувства простоту...» из «Белой стаи»:

Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены – и это знаем сами –
Мы расточать, а не копить [1, с. 84].

Образ «слово – драгоценное» восстанавливается на основе присутствующих в тексте признаков сопоставления – мотивов «расточать» и «копить». Всё творчество Ахматовой говорит о том, что цель драгоценного поэтического слова заключается в пробуждении «чувств добрых» в душах читателей. Сама Ахматова неоднократно это подчеркивала: «Как это верно, как это важно. <...> Разве не в чувствах добрых к человеку – основной

смысл искусства, главное назначение поэзии» [12, с. 236]. Только читательская неостребованность низводит поэтическое слово до положения бесправного, униженного существа.

К «Эпическим мотивам.1» примыкают стихотворения о поэтическом творчестве как процессе. В качестве центральных назовем два стихотворения «Белой стаи»: «Я так молилась "Утоли"...» и «Они летят, они еще в дороге...». Первое из них повествует об ожидании поэтом Божественного благословения на творчество. На наш взгляд, оно имеет некоторую переключку с пушкинским «Пророком», если понимать его как стихотворение о преображении обычного человека в поэта. Связь пушкинского «Пророка» и названного стихотворения Ахматовой можно увидеть в тематических совпадениях. Приведем последний катрен ахматовского текста:

Так я, Господь, простерта ниц:
Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И немоты моей чудесной? [1, с. 83]

У Ахматовой так же, как у Пушкина, присутствует образ серафима, но он трансформирован. В переводе с древнееврейского серафим означает «горящий», «огненный». У Ахматовой сема огня выходит на первый план: сомкнувшихся ресниц и немоты поэта должен коснуться небесный огонь. И у Пушкина, и у Ахматовой огонь в названных текстах выступает как символ Божественного откровения, Божественной истины. Стиль обоих текстов отличается приподнятостью и обилием церковнославянизмов. Рифма Ахматовой местами напоминает пушкинскую: *ниц – ресниц* (у Ахматовой), *зеницы – орлицы* (у Пушкина). В стихотворении Ахматовой чередуются мужские и женские рифмы, как в первых стихах пушкинского «Пророка».

Но у двух сравниваемых текстов есть существенные различия. У Пушкина проявление Божественной воли неожиданно для человека, поэтому он ведет себя пассивно. В начале стихотворения его желания неопределенны, нам известно лишь то, что его одолевает необъяснимое душевное смятение. В стихотворении Ахматовой ситуация иная. Создается устойчивое впечатление, что Ахматова изображает уже сложившегося поэта, переживающего период творческого затишья. В муках творческой немоты он сознательно обращается к Богу с определенной просьбой – утолить жажду песнопенья, то есть творчества. Отметим, что метафоры «поэтический дар – песня», «стихотворение – песня» и «способность к поэтическому творчеству – способность петь» становятся в лирике Ахматовой постоянными, начиная с «Четок».

О том, как происходит это «утоление», повествует стихотворение «Они летят, они еще в дороге...». Смысл этого стихотворения у читателей и критиков вызвал разные толкования. Так, В. Франк считает, что это стихотворение о смерти [19, с. 239]. На наш взгляд, здесь описывается рождение стихотворения, названного поэтом песней (отсюда «предпесенная тре-

вога»), словами освобождения и любви, его творением. Этот акт осмыслен религиозно, об этом говорит использование отдельных христианских тем и образов. Первым из них назван червонный венец из роз. Он заставляет вспомнить мученический венец Христа, свитый из терна – растения семейства розоцветных. За темой венца следует образ незримых. В христианстве это традиционная перифраза ангелов. Они бесплотные, духовные существа, а, следовательно, незримые [3, с. 48]. Темы невыносимо щедрого света и раскаленного ветра могут быть истолкованы двояко. С одной стороны, в христианстве огню, ветру и особенно свету уподобляется природа ангелов [10, с. 46]. В то же время ветер и огонь символизируют самого Бога, его дыхание и Слово [3, с. 525; 4, с. 40–41]. Последний катрен стихотворения содержит образ красного горячего вина, в таинстве причастия символизирующего кровь Христа. Тема Христовой крови названа в тексте дважды, а значит, она необыкновенно важна для понимания смысла стихотворения. Кроме темы вина, ту же тему имплицитно содержит эпитет «червонный» к теме венца. Красный цвет традиционно обозначает кровь [4, с. 131].

Введенные Ахматовой христианские темы и образы говорят о том, что во время творческого акта поэт подобен Христу в момент распятия. В стихотворении мощно звучит тема муки, актуализированная, в частности, посредством образов мученического венца и крови Господней. Из пассивного орудия Божественного провидения поэт возвышается до Христа. Уподобление поэта Христу приводит к тому, что поэт принимает на себя миссию Христа – служение людям, чтобы так же, как он, однажды быть ими преданным.

Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И равнодушие толпы.

(«Нам свежесть слов и чувства простоту...») [1, с. 84].

Так Ахматова предсказала свое будущее и будущее многих русских поэтов.

Сходство поэта с Христом [8, с. 77] подчеркивают мотивы исцеления слепых и предательства учеников. Одинокому поэту противостоит непонимающая толпа. Это одиночество вынужденно и насильственно: толпа гонит от себя столь не похожего на нее поэта, нанося обиды. Для выражения этой мысли в стихотворении «Уединение» Ахматова использует библейский мотив побивания изгоя камнями. Для поэта такое отчуждение трагично, так как он пришел к людям с великой миссией добра.

Сходное понимание конфликта поэта и толпы свойственно лирике Лермонтова. Влияние творчества Лермонтова на поэзию Ахматовой было отмечено еще в начале XX века. Современная наука подтверждает этот тезис новыми доказательствами. Так, например, А.Г. Найман указывает на то, что тема поэта и поэзии перекликается с лермонтовской. В стихотворении Ахматовой «Читатель» он видит версию диалога Поэта с Не-поэтом,

разработанную Пушкиным и Лермонтовым [15, с. 62]. Исследование проблемы «Лермонтов – Ахматова» носит отрывочный, фрагментарный характер. Вместе с тем, есть основания полагать, что влияние Лермонтова на Ахматову глубоко и разнообразно. Об этом, в частности, свидетельствует корреляционный анализ тематики разных русских поэтов. Он с математической точностью установил связь между творчеством обоих поэтов [2, с. 210–211].

В настоящей работе мы ограничимся узким аспектом: исследуем влияние темы поэта и поэзии Лермонтова на аналогичную тему Ахматовой. Ахматова так оценивала творчество Лермонтова: «...у него много графоманского. У него много лирических вещей неопределенной формы, неопределенного содержания <...>. А под конец – целая вереница шедевров» [22, с. 148]. Мы предполагаем, что один из таких шедевров, а именно «Пророк», оказал влияние на понимание поэта Ахматовой.

Б.М. Эйхенбауму первому принадлежит мысль о том, что «Пророк» Лермонтова – своеобразное продолжение «Пророка» Пушкина: «Пушкин описал превращение в пророка и кончил призывом к нему. <...> Лермонтов рисует его дальнейшую судьбу» [23, с. 342]. Эта точка зрения была поддержана последующими исследователями, в частности, Л.Я. Гинзбург [5, с. 235]. В скобках заметим, что это не единственно возможная трактовка лермонтовского текста. Тот же Эйхенбаум предполагал наличие автобиографического затекста в стихотворении, видя возможную причину его написания в предчувствии Лермонтовым своей трагической судьбы [24, с. 123]. Г. П. Макогоненко смысловым центром стихотворения считал почти классовый конфликт поэта с приближенной к престолу аристократией [11, с. 215]. Мы рассматриваем текст под первым углом зрения.

Л.Я. Гинзбург пишет: «...пушкинским принципам предстояло в лирике Лермонтова <...> самобытное развитие» [5, с. 238]. Первым различием пушкинской и лермонтовской темы поэта и поэзии исследователи называют разные отношения поэта с толпой. Пушкинский поэт сознательно гонит от себя не понимающую его толпу. На этот разрыв он идет охотно:

Подите прочь – какое дело
Поэту мирному до вас! [16, с. 142].

Лермонтовского поэта-пророка, напротив, изгоняет толпа. Одиночество поэта вынужденно [7, с. 135; 11, с. 219]:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.
Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи [9, с. 491].

Тот же мотив изгнания поэта встречается у Ахматовой в стихотворении «Уединение». Его центральный мотив – спасение поэта бегством от разъяренной толпы и уединение в творчестве:

Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,
И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен [1, с. 78].

Близость лермонтовского и ахматовского текстов подчеркивает повторяющийся библейский мотив побивания изгоя камнями. Сближает их и мотив подвластности поэту всего живого. Сравним: лермонтовскому поэту покорна каждая тварь и слушают его звезды; ахматовский поэт кормит с рук диких птиц и повелевает ветрами. Отчуждение поэта и толпы у Лермонтова трагично, ведь он пришел к людям с великой миссией добра. По словам Д.С. Мережковского, Лермонтов в творчестве идет к людям [13, с. 90], в то время как Пушкин остается «жрецом, уходящим от людей» [13, с. 89]. С миссией добра и правды идет к людям и поэт Ахматовой. При этом Ахматова возвеличивает образ самоотверженного и страдающего поэта до образа Христа.

У Лермонтова толпа раздавлена пыткой жизни, трагична (см. стихотворение «Не верь себе»), поэтому вызывает сочувствие лермонтовского поэта сочувствует толпе. В этом он отличается от пушкинского поэта [5, с. 170; 24, с. 96]. Бескомпромиссной, жестокой неприязни поэта к толпе мы не встретим и у Ахматовой. Особенно показательным в этом отношении позднее творчество поэта. Стихотворение «Читатель», написанное в конце 1950-х годов, проникнуто искренней симпатией и состраданием к читателю:

А каждый читатель, как тайна,
Как в землю закопанный клад. <...>
Там кто-то беспомощно плачет
В какой-то назначенный час [1, с. 198].

Ахматова заменяет понятие толпы понятием «читатель». В конце стихотворения читатель назван другом поэта. Если искать этому биографическое объяснение, нужно вспомнить, что Ахматова в полной мере пережила судьбу сограждан во время войн, террора, голода, смертей. В «Реквиеме» поэт подчеркивает, что стал одним из многих, воплотил судьбу миллионов людей. С точки зрения литературоведения, а именно творческих связей поэта, особое отношение поэта к читателю у Ахматовой ученые объясняют влиянием Некрасова: «В последние годы общности Ахматовой с Некрасовым проявляются в особо доверительной интонации ее стихов, обращенных к верным друзьям-читателям» [8, с. 85].

Итак, в теме поэта и поэзии Ахматовой сказалось влияние, по крайней мере, трех крупнейших поэтов XIX века: Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Каждый из них по-своему обогатил ахматовскую лирику, но специфический биографический затекст, своеобразная трактовка традиционных образов делают творчество Ахматовой оригинальным.

Помимо образов поэта – орудия Божьего промысла и поэта-Христа, в лирике Ахматовой важное место занимает образ поэта-юродивого. Поэт у Ахматовой наделен всеми признаками юродства: пророческим даром, одиночеством, сиротством, нищенским существованием, блаженностью. На способность поэта к пророчеству Ахматова прямо указывает в «Anno Domini MCMXXI»:

Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим [1, с. 163].

Г. Федотов писал, что даром пророчества обладали почти все юродивые [18, с. 201]. Заметим, сама про себя Ахматова говорила, что одной гранью своей души примыкает к образу «великой в своем страдании пророчицы» Кассандры Шиллера [17, с. 6]. Одиночество, сиротство, нищета названы в стихотворении «Моей сестре»:

Позабудь о родительском доме,
Уподобься небесному крину.
Будешь, хворая, спать на соломе
И блаженную примешь кончину [1, с. 106].

В этом же стихотворении появляется тема блаженности. Образы поэта-Христа и юродивого, отказывающихся от себя ради других, неизбежно приводят к пониманию того, что лирика Ахматовой, которую так рьяно обвиняли в эгоцентризме, – это лирика самопожертвования и высокого служения людям.

Четвертая книга стихов, созданная, как и «Белая стая», в годы общественных потрясений, отвечает на вопрос, как воспринят поэт обществом, что ожидает его в ответ на гражданский и творческий подвиг. Во время народных бедствий голос поэта должен быть особенно важен как нравственный ориентир. Но происходит иначе: он тонет в буре тревог и смертей. Толпа, одичавшая от крови, не внемлет поэту. Со своими идеалами «чувств добрых» он становится неудобным, лишним в кровавой бойне. Такое трагическое положение дел вызывает к жизни образ рвущегося сердца поэта («И целый день, своих пугаясь стонов...»). Последними, спасительными ценностями для него служат лира и звездное небо над головой («Ночью»).

В «Anno Domini MCMXXI» тема поэта и поэзии разрабатывается по-разному. С одной стороны, его голос – один из хора голосов сограждан. Выражая эту мысль, Франк пишет, что, начиная с 1914 года, в творчестве Ахматовой «единственное число уступает место множественному числу», «я» заменяется на «мы» [19, с. 241]. Поэт находит свое место среди соотечественников, оно в одном ряду с верными детьми России:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам [1, с. 139].

Долг поэта и его соотечественников – защитить родину от врагов и сохранить великие ценности, в том числе город Петра:

Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.
(«Петроград, 1919») [1, с. 136].

С другой стороны, кроме сурового общественного долга, поэт верен вечным мирным ценностям. От Музы плача он уходит к Музе труда и веселья («Эпические мотивы. 2»). Идиллические картины: дети, кормящие уток, закат, ленивый и ласковый снежок – вот главное в жизни («Эпические мотивы. 3»). И библейский персонаж, Лотова жена, близок поэту именно своей трогательной женской привязанностью к родному очагу – свидетелю и участнику нескольких человеческих жизней с их радостями и горем, будничными заботами и праздниками. Оговоримся, что библейские стихи Ахматовой, в том числе «Лотова жена», вызвали у читателей и критиков разные, порой противоположные мнения об их истинном смысле и затексте. Наш способ прочтения ахматовского стихотворения как выражения человеческой, женской тоски по родному очагу – лишь один из множества.

Образ Музы в пятой книге приобретает новое звучание. Ее главная роль теперь заключается в утешении поэта [14, с. 60] и спасении от мук любви, разлук, войн, мятежей и горя. Она укрывает поэта от земных тревог в чудесном саду («Пусть голоса органов снова грянут...»). Но в пятой книге Ахматовой с образом Музы-утешительницы соседствует образ Музы, приносящей смерть («Я гибель накликали милым...»), что также говорит о разноплановости темы поэта.

Как бы ни было велико искушение укрыться от бед, как бы поэт ни страдал от человеческого непонимания, он неотделим от людей. Особенное положение поэта накладывает на него нравственную обязанность быть с народом и страной до конца. На наш взгляд, стихотворение «Многим», как и многие другие, может быть прочтено именно так.

Список литературы

1. Ахматова А.А. Сочинения: в 2 т. – Т. 1. Стихотворения и поэмы / сост., подгот. текста, коммент. В. А. Черных; вступ. ст. М. Дудина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Худож. лит., 1990. – 525 с.
2. Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 332 с.
3. Библейская энциклопедия. Репринтное издание. – М.: ТЕРРА, 1990. – 902 с.
4. Бидерман Г. Энциклопедия символов. – М.: Республика, 1996. – 333 с.
5. Гинзбург Л.Я. О лирике. – Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1974. – 407 с.
6. Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой. – Л.: Наука, 1973. – 184 с.
7. Коровин В.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. – М.: Просвещение, 1973. – 288 с.

8. Кралин М.М. Некрасовская традиция у Анны Ахматовой // Некрасовский сборник. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1983. – Вып. VIII. – С. 74–86.
9. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. – Л.: Наука, 1979. – Т. 1. – 655 с.
10. Лосева И.Н., Капустин Н.С., Кирсанова О.Т., Тахтамышев В.Г. Библейские имена: люди, мифы, история. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 605 с.
11. Макогоненко Г.П. Лермонтов и Пушкин: Проблемы преемственного развития литературы. – Л.: Сов писатель, Ленингр. отд-ние, 1987. – 398 с.
12. Мануйлов В.А. Подарок судьбы. // Воспоминания об Ахматовой. – М.: Сов. писатель, 1991. – С. 227–236.
13. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Вопросы литературы. – 1989. – № 10. – С. 88–123.
14. Мочульский К.В. Анна Ахматова. «Anno Domini» // Ахматова А.А. После всего. – М.: Изд-во МПИ, 1989. – С. 54 – 61.
15. Найман А.Г. Рассказы об Анне Ахматовой. – М.: Худож. лит., 1989. – 300 с.
16. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. – М.: Воскресенье, 1995. – Т. 3. – Кн. 1. – 634 с.
17. Тименчик Р.Д. Предисловие // Ахматова А.А. Requiem. – М.: Изд-во МПИ, 1989. – С. 3 – 25.
18. Федотов Г. Святые Древней Руси. – М.: Московский рабочий, 1990. – 268 с.
19. Франк В. Бег времени // Ахматова А.А. После всего. – М.: Изд-во МПИ, 1989. – С. 236–250.
20. Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. – М.: Радуга, 1991. – 383 с.
21. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 655 с.
22. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. – М.: Книга, 1989. – Кн 1. 1938–1941. – 269 с.
23. Эйхенбаум Б.М. Лирика Лермонтова (Обзор) // Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 289–359.
24. Эйхенбаум Б.М. Литературная позиция Лермонтова // Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 40–124.

Тип «подпольного человека» в романе Ю.К. Олеси «Зависть»

Подпольный человек («Записки из подполья» Ф.М. Достоевского) и Николай Кавалеров («Зависть» Ю.К. Олеси) обладают целым рядом сходств в мировоззрении, поведении, чертах характера, психологии и языковых особенностях. На основании проведенного анализа делается вывод: Николай Кавалеров представляет собой своеобразную трансформацию литературного типа «подпольного человека» в исторических условиях 20-х годов XX века.

Underground man ("Notes from Underground" by F. M. Dostoevsky) and Nikolai Kavalero ("Envy" by Y. K. Olesha) share a number of similarities in their world views, behavior, speech, character and psychological traits. Further analysis shows, that Nikolai Kavalero is a peculiar transformation of the "underground man" type in historical context of the twenties of XX century.

Ключевые слова: Достоевский, Олеша, «Записки из подполья», «Зависть», подпольный человек, Кавалеров.

Key words: Dostoevsky, Olesha, Notes from Underground, Envy, underground man, Kavalero.

Как известно, Николая Кавалерова, героя романа «Зависть» Ю.К. Олеси, нередко сравнивали и даже отождествляли с самим автором. На определенное сходство со своим героем неоднократно указывал и сам Юрий Олеша. Так, в своей знаменитой речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей автор «Зависти» признался: «Мне говорили, что в Кавалерове есть много моего, что этот тип является автобиографическим, что Кавалеров – это я сам. Да, Кавалеров смотрел на мир моими глазами. Краски, цвета, образы, сравнения, метафоры и умозаключения Кавалерова принадлежали мне. И это наиболее свежие, наиболее яркие краски, которые я видел» [5, с. 235]. С этих писательских откровений и берет начало литературная традиция отношения к роману «Зависть» как к чему-то большему, чем просто вымысел: многие читатели и по сей день склонны усматривать в дневниковой форме романа своеобразную исповедь лишнего человека, поэтическое откровение художника, размышляющего о судьбе поэта в эпоху грандиозного советского строительства. Отчасти схожая судьба была и у «Записок из подполья»: с момента их публикации читатели и критики видели в «подпольном человеке» самого автора, старательно выискивая в герое черты Достоевского. Вспомним, например, известное письмо Страхова к Толстому, где первый пишет о Достоевском: «Лица, наиболее на него похожие, – это герой "Записок из подполья", Свидригайлов в "Преступлении и наказании" и Ставрогин в "Бесах"» [6, с. 308]. По-

добное отождествление героя и его создателя – не редкость в литературе. Думается, практически каждый художественно убедительный характер, особенно описанный в доверительной, исповедальной манере, вызывает у читателя подозрение в родстве автора и героя.

Современный читатель уже привык смотреть на Юрия Олешу как бы сквозь линзу образа Кавалерова. Как было сказано выше, прежде всего, это произошло с подачи самого автора, но и литературные критики впоследствии немало постарались для того, чтобы образ героя «Зависти» оказался неразрывно связан с биографией самого автора. Так, во многом этому способствовала знаменитая, изданная в 1976 году за границей книга Аркадия Викторовича Белинкова «Сдача и гибель советского интеллигента», проникнутая глубоко личной заинтересованностью в судьбе Юрия Олешы. Нисколько не умаляя значения труда А. В. Белинкова, мы в своей работе хотели бы попытаться взглянуть на характер Кавалерова с совершенно иной точки зрения, по возможности абстрагировавшись от литературной традиции восприятия этого героя. На наш взгляд, постоянное присутствие фигуры писателя с трагической судьбой за спиной Кавалерова мешает взглянуть на последнего максимально объективно, подталкивает к тому, чтобы приписать ему недостающие достоинства и умалить недостатки, как это делает Белинков: «Именно потому, что в произведении есть невыдуманный конфликт, писатель может подвергнуть своего героя всяческим испытаниям – на крепость, на стойкость. Но, обеспокоенный натиском противников Кавалерова, автор начинает подыгрывать победителям. Он придумывает своему герою толстый нос, пиджак с оборванными пуговицами и душевную нечистоплотность. Для того чтобы показать недоброкачественность идеологии Николая Кавалерова, писатель устраивает ему моральное разложение. Все это уступки, боязнь серьезного спора, попытка ускользнуть. Но в произведении есть невыдуманный конфликт, и трагизм романа в том, что герой не может проявить своего ума, таланта и значительности в обстоятельствах, созданных Бабичевым. Кавалеров не может стать героем бабичевского времени» [1, с. 250].

У нас, в отличие от Белинкова, нет оснований не доверять автору. Мы хотели бы опираться непосредственно на существующий текст, а задачу восстановления того, что автор побоялся высказать и подразумевал, оставим текстологам. А из текста, как нам кажется, следует вовсе не то, что «Кавалеров не может стать героем бабичевского времени», а то, что Кавалеров вообще не может стать героем никакого времени. Точно так же, как и парадоксалист Достоевского, Кавалеров всегда будет лишним – в любом обществе любого века. И дело здесь вовсе не в том, что в какую-то конкретную эпоху (60-е годы 19 века или 20-е годы 20 века) оказывается невостребованным поэтический дар, а в том, что, вероятно, какой-то надлом заложен в личности – Кавалерова или парадоксалиста – вне всякой временной привязки. По нашему убеждению, герой «Зависти» – это «подпольный человек» Достоевского, перенесенный из одной эпохи в другую.

Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что в машинописном варианте повести Олеси существовал подзаголовок: «Записки Кавалерова», что, возможно, содержит в себе отсылку к «Запискам из подполья».

Необходимо отметить, что на сходство этих двух героев было указано почти сразу после выхода «Зависти». В.П. Полонский в 1929 году в статье «Преодоление зависти» в качестве эпиграфа к разделу, посвященному образу Кавалерова, взял следующие строки из «Записок из подполья»: «Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы и самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшествия, – вот это-то все и есть та самая пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системные теории постоянно разлетаются к черту... Человеку надо одного только самостоятельного хотения, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела» [7, с. 304].

Это сходство отмечается уже в постсоветском литературоведении. В.К. Шеншин замечает, что «“Зависть” близка к “Запискам из подполья” и к другим романам Достоевского прежде всего глубоким раскрытием драматических противоречий индивидуального сознания героя-идеолога. Здесь отражен конфликт интеллектуального героя-индивидуалиста, болезненно самолюбивого социального отщепенца, с действительностью» [8, с. 89]. Об этом конфликте пишет и В. Н. Кузьмина в статье «Между философией “подполья” и мироощущением “человека толпы”». Сравнивая героев Достоевского и Олеси, исследовательница делает важный для нас вывод: «Образ “подполья” оказывается явлением универсальным, определенным состоянием человеческой души, утратившей цельность, нарушившей гармонию, равновесие между идеалом, красотой и земной реальностью как божественным созданием. XX век оказался гораздо более изощренным в изобретении самых многообразных форм подобной дисгармонии» [3, с. 266].

Итак, по нашему мнению, Кавалеров – это «подпольный человек» 20-х годов XX века. Если можно так выразиться, герой романа Олеси еще более «подпольный», чем сам «подпольный человек» Достоевского. Прежде всего, это связано с исторической эпохой, в которой разворачиваются события «Зависти». Согласимся с В.Н. Кузьминой, что 20-е годы XX века становятся более плодородной почвой для появления «подпольных» людей, чем даже 60-е годы XIX века, ведь многие общественно-политические тенденции, зародившиеся в эпоху Достоевского, в период великой социалистической стройки в полной мере получают свое развитие и воплощение. То есть если прагматизм социалистов, революционеров и нигилистов активно отбрасывает на обочину жизни усиленно рефлексировующего парадоксалиста, то энергичность предприимчивых нэпманов, дельцов, промышленников и строителей коммунизма вычеркивает Кавалерова из жизни еще более активно. «Усиленное сознание» Кавалерова становится не нужно и даже вредно в 20-е годы – стране не нужны отвлеченно теоретизиру-

ющие, тонко чувствующие, невротические личности, а нужны рабочие руки, трезвое, позитивное мышление, трудоспособность и энтузиазм.

Осознание своей «выброшенности» и «ненужности» выражается в самоуничижении, которым проникнута исповедь Кавалерова – точно таким же уничижением отличаются и «Записки из подполья». Кажется, «подпольному человеку» нравится вспоминать мельчайшие детали своего дурного поведения, он стремится разными средствами преувеличить свою подлость, представить ее в самом неприглядном виде. Схожей откровенностью отличается и Кавалеров. Например, еще в самом начале своего повествования, рассказывая о Бабичеве, герой заявляет о себе: «А я, Николай Кавалеров, при нем шут» [4, с. 10]. Продолжая самопрезентацию, герой характеризует себя как человека, который «жил в знаменитое время, всех ненавидел и всем завидовал, хвастал, заносился, был томим великими планами, хотел многое сделать и ничего не делал – и кончил тем, что совершил отвратительное, гнусное преступление...» [4, с. 24–25]. Сравним с тем, что пишет о себе парадоксалист: «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым» [2, V, с. 100].

То, что рассказывает Кавалеров, находит буквальные соответствия с записками парадоксалиста. Например, герой Достоевского рассказывает историю о том, как однажды специально зашел в трактир с целью спровоцировать ссору и быть спущенным в окно, однако план его не удался: «Я испугался того, что меня все присутствующие, начиная с нахала маркера до последнего протухлого и угреватого чиновнички, тут же увивавшегося, с воротником из сала, — не поймут и осмеют, когда я буду протестовать и заговорю с ними языком литературным. <...> Я вполне был уверен (чутье-то действительности, несмотря на весь романтизм!), что все они просто лопнут со смеха, а офицер не просто, то есть не безобидно, прибьет меня, а непременно коленком меня напинает, обведя таким манером вокруг биллиарда, и потом уж разве смилуется и в окно спустит» [2, V, с. 128–129]. Именно эту фантазию парадоксалиста буквально воплощает Кавалеров: в ответ на насмешку он устраивает «литературный» протест (с длинным символическим и высокопарным монологом, в котором «самоуничижение и заносчивость слились в одном горьком потоке»), после чего оказывается «выброшен» на мостовую [4, с. 15–16]. Но на этом сходство не заканчивается. Кавалеров, как бы глядя на себя со стороны, описывает именно то ощущение, которое Достоевский в своих романах называл «слететь с колокольни»: когда человек переступает через какую-то грань в себе и с ужасом понимает, что уже не может замолчать, остановить поток откровений в адрес окружающих – он должен высказать все до конца: «Я говорил, ужасаясь тому, что говорю. Я резко вспомнил те особенные сны, в которых знаешь: это сон – и делаешь что хочешь, зная, что проснешься. Но тут видно было: пробуждения не последует. Бешено наматывался клубок непоправимости» [4, с. 16].

Примечательны выражения, в которых рассказывает о себе герой Олеси: его сначала «выкинули», а потом «подобрали» – словно он какая-то ветوشка, не нужная одному, но пригодившаяся другому. Совершенно так же говорит о себе герой Достоевского: «Я стоял у биллиарда и по неведению заслонял дорогу, а тому надо было пройти; он взял меня за плечи и молча, — не предупредив и не объяснившись, — переставил меня с того места, где я стоял, на другое, а сам прошел, как будто и не заметив. Я бы даже побои простил, но никак не мог простить того, что он меня переставил и так окончательно не заметил» [2, V, с. 128].

Сравним: Кавалерова «выкидывают» и «подбирают», «подпольного человека» – «переставляют» с места на место, словно мебель. Именно такое отношение к нему, как к вещам, то, что их «окончательно не замечают», и вызывает обиду и ярость «подпольных» людей. Кавалеров описывает свои чувства:

«– Моя молодость совпала с молодостью века,– говорю я.

Он не слушает. Оскорбительно его равнодушие ко мне» [4, с. 20].

Парадоксалист не может простить того, что его «окончательно не заметили», для Кавалерова оскорбительно равнодушие собеседника.

Олеша в своей книге «Ни дня без строчки» по поводу творчества Достоевского пишет: «Основная линия обработки им [Достоевским. – К.К.] человеческих характеров – это линия, проходящая по чувству самолюбия» [4, с. 748]. Думается, эти слова в полной мере могут быть отнесены и к герою самого Олеси. В. Н. Кузьмина вообще называет тему самолюбия центральной в творчестве писателя. «При этом, так же, как и у Достоевского, эта проблема озлобленного и завистливого самолюбия и при том самолюбия романтически настроенной личности» [3, с. 267].

Болезненное самолюбие Кавалерова заставляет героя придавать значение таким мелочам, которых не замечают другие: его может больно ранить любое неосторожное слово, косой взгляд или пренебрежительная интонация; это как будто о нем написал парадоксалист: «Я тщеславен так, как будто с меня кожу содрали, и мне уж от одного воздуха больно» [2, V, с. 174]. Как и герой Достоевского, Кавалеров уверен, что окружающие настроены по отношению к нему насмешливо и враждебно. Он подозревает враждебность даже в неодушевленных предметах: «Меня не любят вещи. Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня. С одеялом у меня всегда сложные взаимоотношения. Суп, поданный мне, никогда не остывает. Если какая-нибудь дрянь – монета или запонка – падает со стола, то обычно закатывается она под трудно отодвигаемую мебель. Я ползаю по полу и, поднимая голову, вижу, как буфет смеется» [4, с. 8]. Но особенную подозрительность проявляет Кавалеров по отношению к приютившему его Андрею Бабичеву. Кавалерову все время кажется, что тот намеренно пытается его задеть, оскорбить, унижить: «Он никогда не говорит со мной нормально. Как будто ни о чем серьезном я не могу его спросить. Мне всегда кажется, что в ответ

от него я получу поговорку, или куплет, или просто мычание. Вот – вместо того чтобы ответить обыкновенной модуляцией: «замечательный молодой человек», он скандирует, почти речитативом произносит: “че-лоо-ве-эк!”» [4, с. 17–18]. Или: «Я вижу, что то, что я присутствую здесь, когда в мыслях его этот самый Володя Макаров, кажется ему оскорбительным» [4, с. 18]. Скорее всего, эти подозрения не имеют ничего общего с действительностью и выдуманы самим Кавалеровым: вряд ли такой деловой и занятой человек, как Андрей Бабичев, станет размениваться на мелочное высокомерие или навязчивое стремление оскорбить своего гостя. Кавалеров ошибочно приписывает своему собеседнику ту высокую степень невротической рефлексии («усиленного сознания», по Достоевскому), которой обладает сам. Однако отношение Кавалерова к Бабичеву нельзя определить однозначно – это причудливое сочетание ненависти, презрения, зависти, обожания, жажды внимания, восторга, ревности и обиды. Бурные всплески отрицательных чувств к Бабичеву чередуются у Кавалерова со страхом окончательно потерять расположение своего покровителя. Например, устроив скандал на аэродроме, Кавалеров желает непременно объясниться с Бабичевым: «Я должен поговорить с ним. Он должен понять. Я должен объяснить ему, что это он виноват, – что не я, но именно он виноват!» [4, с. 36]. Вспомним письмо парадоксалиста офицеру: «Я сочинил к нему прекрасное, привлекательное письмо, умоляя его передо мной извиниться; в случае же отказа довольно твердо намекал на дуэль. Письмо было так сочинено, что если б офицер чуть-чуть понимал “прекрасное и высокое”, то непременно бы прибежал ко мне, чтоб броситься мне на шею и предложить свою дружбу. И как бы это было хорошо! Мы бы так зажили! так зажили!» [2, V, с. 129]

У обоих героев наличествует желание создать «райскую ситуацию», но не иначе как после признания «обидчика» в своих ошибках. А если «обидчик» вдруг не знает о том, что он ошибался – то ему необходимо об этом сообщить (в письменной или устной форме). Примечательно то, что оба героя не доводят свои намерения до конца. Вообще, «подпольных» людей отличает крайняя непоследовательность в поступках и желаниях. К примеру, написав письмо Бабичеву, где ядовито обличаются пороки последнего, Кавалеров решает не отдавать письма, но случайно забывает его в квартире Бабичева. Придя в ужас, Кавалеров хочет упасть перед Бабичевым на колени, умолять о прощении, но вместо этого бросается злобными обвинениями, в ответ на которые его выставляют из дома. Такая резкая смена настроений, несоответствие намерений и поступков очень характерны и для парадоксалиста (например, когда Лиза приходит к нему, он говорит и делает именно то, чего «ни в коем случае» не собирался и ровно противоположное тому, что хотел сказать и сделать).

Таким образом, Кавалеров, как и «подпольный человек», презирает окружающих, противопоставляя себя обществу, и в то же время жаждет их признания. Люди, по утверждению Кавалерова, в основной своей массе

представляют собой «бродячую труппу уродов» [4, с. 15], это бесчувственные, грубые и тупые существа. Осознавая свою оторванность от людей, «подпольный человек» Кавалеров начинает безудержно рваться к ним. Это почти буквально соответствует взаимоотношениям парадоксалиста с его приятелями, Зверковым и компанией, когда герой Достоевского сначала всячески стремится задеть и унижить собеседников, а потом спохватывается, принимается просить прощения и уверять в дружеских чувствах.

В «Зависти» это особенно сильно проявляется в сцене увеселительной прогулки Бабичева, Кавалерова и компании на аэродром, в ходе которой Кавалеров случайно отстает от компании, оказывается за оградой, и сторож не пропускает его к приятелям. В этот момент прогулка, которая до этого не имела никакого значения для героя и даже вызывала у него одно раздражение, вырастает до размеров судьбоносного действия. Кавалеров пытается прорваться через ограду, зовет Бабичева, принимается уверять сторожа: «Товарищ, я не простой гражданин. Я оттуда. Я с Бабичевым» [4, с. 34]. Потом он начинает буянить и сквозь ограду выкрикивает оскорбления в адрес Бабичева. Эта сцена почти зеркально повторяет сцену судорожной погони парадоксалиста вслед за бросившими его на банкете приятелями, которым за минуту до этого он высказал все, что о них думает.

Символически оба этих порыва в общество обозначают попытку «взломать» собственное подполье, во что бы то ни стало слиться с окружающими людьми. Презирая своих современников, герои Достоевского и Олеси в то же время мечтают стать им полезными и нужными (но так, чтобы это случилось как-то вдруг, без усилий с их стороны).

Кавалеров рассуждает: «Я хочу большего внимания. Я хотел бы родиться в маленьком французском городке, расти в мечтаниях, поставить себе какую-нибудь высокую цель и в прекрасный день уйти из городка и пешком прийти в столицу и там, фанатически работая, добиться цели» [4, с. 21].

Сравним с мечтами «подпольного» парадоксалиста: «То-то и есть, что я слепо верил тогда, что каким-то чудом <...> вдруг представится горизонт соответственной деятельности, благотворной, прекрасной и, главное, совсем готовой (какой именно – я никогда не знал, но, главное, – совсем готовой), и вот я выступлю вдруг на свет божий, чуть ли не на белом коне и не в лавровом венке» [2, V, с. 132–133].

Из приведенных цитат следует, что оба героя жаждут славы, которая придет к ним благодаря какой-то прекрасной и полезной деятельности, результатом которой, по выражению парадоксалиста, должно стать следующее: «Я, например, над всеми торжествую; все, разумеется, во прахе и принуждены добровольно признать все мои совершенства, а я всех их прощаю» [2, V, с. 133]. Но никакой общественно полезной деятельности не подворачивается, и слава почему-то так и не настигает «подпольных» людей, несмотря на их усиленное хотение этой самой славы. В романе «Зависть» неспособность Кавалерова к какой-либо деятельности постоянно

подчеркивается сопоставлением с деятельным и вечно занятым Бабичевым. При всем том, «подпольный человек» бунтует против рационального бездушного мира, не желая быть «органним штифтиком», и провозглашает законность «неразумного хотения», возможность проявить «высшее своеволие». У Кавалерова это выражается в том, что мечты о великом поступке в конечном итоге приводят его к желанию «вдруг взять да и сотворить что-нибудь явно нелепое, совершить какое-нибудь гениальное озорство и сказать потом “Да, вот вы так, а я так”» [4, с. 21]. Это напоминает страх парадоксалиста перед хрустальным зданием, «которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать» [2, V, с. 120]. Показать кукиш рационалистическому хрустальному дворцу всеобщего благополучия – это ли не то самое «гениальное озорство», о котором мечтает Кавалеров? В романе Ю.К. Олеси роль «хрустального здания» выполняет проект общественной столовой «Четвертак», эдакого коммунистического рая, где любой голодный сможет получить великолепный обед всего за четвертак. Вместе с Иваном Бабичевым Кавалеров мечтает разрушить этот «хрустальный дворец» и убить его основателя – Андрея Бабичева.

Еще одной чертой, указывающей на принадлежность Кавалерова к типу «подпольных» людей, служит его жестокость по отношению к близкой ему женщине. Если парадоксалист оскорбляет Лизу предложением денег, то Кавалеров идет дальше: он избивает вдову Анечку Прокопович за то, что та не похожа на юную, прекрасную и недоступную Валу, за то, что вдова олицетворяет собой «символ его мужской униженности» [4, с. 23]. Примечательно, что оба корят себя за плотскую невоздержанность, не находя в себе сил отказаться от близости с женщинами, которых презирают, и после произошедшей близости мелко мстят этим женщинам за собственную слабость.

Итак, на наш взгляд, Кавалеров воплощает в себе весь комплекс «подпольных» черт: в нем гордость и самоуничижение взаимосвязаны так же, как и у «подпольных людей», что объясняется с одной стороны тщеславием и оскорбленным самолюбием, а с другой – «подпольной» склонностью к «усиленному сознанию». Герой склонен к мечтательности, отвлеченному теоретизированию и «литературности» при абсолютной неспособности к какой-либо реальной деятельности. Кавалеров противопоставляет себя людям, считая себя выше окружающих обывателей, одновременно презирая их и желая быть ими признанным и любимым; отношения с обществом из-за чувствительности и самолюбия героя, а также нежелания последнего соблюдать неписанные законы коммуникации, складываются необыкновенно тяжело. Кавалеров выступает против «овеществления» человека, пытается разрушить «хрустальный дворец» – столовую «Четвертак». Повествование в романе ведется от лица Кавалерова и напоминает дневниковые записи парадоксалиста.

Список литературы

1. Белинков А.В. Сдача и гибель советского интеллигента. – Мадрид, 1976. – 273 с.
2. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1979.
3. Кузьмина В.Н. Между философией «подполья» и мироощущением «человека толпы»: (от повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» к роману Ю. Олеши «Зависть») // Сб. науч. тр. / С.-Петербург. гос. ин-т культуры. – СПб., 1997. – № 148. – С. 265–280.
4. Олеша Ю.К. Заговор чувств: Романы. Рассказы. Пьесы. Статьи. Воспоминания. Ни дня без строчки. – СПб., 1999. – 848 с.
5. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. – М.: Художественная литература, 1934. – 176 с.
6. Переписка Л.Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894 / с предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. – СПб.: Об-во Толстовского музея, 1914. – 478 с.
7. Полонский В.П. Преодоление зависти // Полонский В. П. На литературные темы. Избранные статьи. – М.: Сов. писатель, 1968. – С. 297–332.
8. Шеншин В.К. Традиции Ф. М. Достоевского и советский роман 1920-х годов: К. Федин, Ю. Олеша, Л. Леонов. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 160 с.

Двойничество персонажей как стратегия модернистской игры в повести В. Набокова «Соглядатай»

В статье анализируется игровая поэтика повести В. Набокова «Соглядатай». Автор создает образ-матрицу героя, который живет выдуманной жизнью и смотрит на своего двойника со стороны. Предметом игры для писателя становятся сакральные категории «жизни-смерти», которые превращаются в произведении в фарс. Набоков обесценивает реальность бытия и возвышает смерть, потусторонность. Герой повести Смуров стремится избавиться от жизни, чтобы сохраниться как копия самого себя, эстетический объект. В потусторонности он обретает настоящую свободу и бросает вызов реальности. Набоков оправдывает безумие своего героя, делая его формой творческого состояния.

The article is devoted to the analysis of the play's poetics of the novel "The Eye" by V. Nabokov. The author creates the image matrix of the main character who lives an imaginary life and viewed from the side on his Doppelganger. The object of the game for a writer are sacred categories of the "life-death" which turn into a farce in the work. Nabokov devalues the reality of being and exalts death and other-worldliness. The main character of the novel Smurov tends to get rid of the life to remain as a copy of himself and aesthetic object. He finds the real freedom in the other-worldliness and defies reality. Nabokov justifies the madness of his hero making him the form creative state.

Ключевые слова: модернизм, двойник, игровая поэтика, соглядатай, интертекстуальность, симулякр, Набоков.

Key words: modernism, Doppelganger, play's poetics, The Eye, intertextuality, simulacrum, Nabokov.

*«Вот смеху-то будет, когда меня увидят здесь, за зеркалом,
а достать не смогут... я почти уверена, что они меня не видят.
Я чувствую себя немножко невидимкой».*

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

В предисловии к английскому переводу повести «Соглядатай» («The Eye»), написанном в 1965 году, В. Набоков сообщает, что «оригинал был написан в 1930 году <...>, а в конце того же года он был напечатан в русском эмигрантском журнале «Современные записки», выходившем в Париже» [9]. По утверждению самого писателя, «тему «Соглядатай» составляет предпринятое героем расследование, которое ведет его через обставленный зеркалами ад и кончается тем, что два лица сливаются в одно» [9], что устраняло само понятие реальности в сознании героя и растворяло ее в гиперреальности потусторонности. Устроенная по правилам автора игра в «жизнь-смерть» вела к размыванию и десакрализации этих понятий до

уровня фарса, стирания имени человека и интерпретации его как собственной копии, наполненной эстетическим содержанием, не ведающей, согласно законам игры, ни вины, ни истины.

Отмечая новаторский характер произведения, Н. Берберова считала, что именно в «Соглядатае» В. Набоков созрел и «что-то в корне изменил в калибре произведений – они перестали уместиться под своими обложками. От «Соглядатая» – к «Отчаянию», и от «Отчаяния» к «Приглашению на казнь» – таков был путь Набокова <...>, молодость кончилась, и началась зрелость именно с «Соглядатая» [2].

Структурным способом осуществления игровой идеи для В. Набокова является интертекстуальная переработка самых разных литературных традиций, например, писатель обращается к кэрроловской идее алогизма зазеркалья как модели деконструкции действительности, где, в представлении Алисы, «все не с той стороны» [6, с. 212]. То, что не соответствует эмпирическим представлениям о действительности, и есть, по мнению В. Набокова, «неколебимо алогичный мир» искусства [11], аналог потустороннего бытия, не подчиняющийся никаким нормам, кроме законов творческого воображения: «Глупо искать закона, еще глупее его найти», – говорит автор, проповедуя индивидуалистический нигилизм [7, II, с. 310]. В. Набоков внедряет в свою творческую систему модернистские критерии иррационализма, опровергающие культ разума и «некую общую цель» творчества, но абсолютизирующие область бессознательного, дух абсурда, как считал В. Набоков, «материя мира... не является целостной данностью: это хаос...» [10], воспринимать который можно лишь в контексте эстетических категорий.

В повести «Соглядатай» В. Набоков создает эстетико-психологическую игровую ситуацию, где предметом лицедействия становятся оппозиционные категории «жизни–смерти» как характеристики экзистенциального мироощущения личности, которая чувствует себя освобожденной не только от оков материального бытия, но и преодолевает барьер разума на пути к безумию, что характеризует главного героя Смурова и его двойника как психопатологическую «шизоидную личность», понимаемую в эстетическом пространстве произведения как «подлинно свободный индивид», «деконструированный субъект» (Ж. Делез, Ф. Гваттари) [5, с. 111]. Метафизическим «прикрытием» для реализации его индивидуалистического потенциала послужило разыгранное автором состояние смерти Смурова, трактуемое им как обретение абсолютной свободы без всяких обязательств перед жизнью: «Я почувствовал вдруг невероятную свободу, – вот она-то и была знаком бессмысленности» [7, II, с. 306]. На действительность, как и на самого себя, Смуров смотрит со стороны, соглядатайствует, поэтому для него окружающий мир не более, чем игра воображения, «страшно, когда явь вдруг оказывалась сном, но гораздо страшнее, когда то, что принимал за легкий сон, легкий и безответственный, начинает вдруг остывать явью» [7, II, с. 342], – так Смуров стремится доказать под-

линность существования собственного двойника-соглядатая и созданного его фантазией потустороннего мира.

Не менее важным стал и фантастический элемент двойничества Ф.М. Достоевского из повести «Двойник» без учета ее социально-реалистического содержания. Ф.М. Достоевский оказал большое влияние на эволюцию набоковского творчества, несмотря на то, что сам писатель категорически отвергал это воздействие и, как известно, не признавал никаких параллелей с его произведениями. Но в то же время Сартр верно подметил влияние Ф. Достоевского на художественный метод В. Набокова как искаженное заимствование: «Он открыто пользуется приемами Достоевского, но при этом осмеивает их прямо по ходу повествования, превращая в набор обветшалых и неминуемых штампов: "Так ли все это было?"» [12, с. 129].

Герой повести «Соглядатай» гувернёр Смуров, оскорбленный мужем своей любовницы, совершает самоубийство – такова внешняя, формальная трактовка сюжета, интертекстуально соотнесенная с комической ситуацией рассказа Чехова «Роман с контрабасом», который присутствует в тексте как интертекстуальный знак, что придает сюжету характер фарсового положения: муж, жена, любовник (у Чехова жена музыканта Смычкова сбежала с фаготом Собакиным). В. Набоков переворачивает сюжет и в тривиальную историю любовного треугольника с криминальным уклоном вносит трансцендентальную идею достоверности двоемирия, пропущенную сквозь призму искусства, понимаемого автором как «божественная игра», чтобы соотнести в противоположность манере Ф. Достоевского уровень «равновесия между эстетическими достижениями и элементами уголовной хроники» [8]. Набоков создает нарочито неправдоподобную, фантастическую ситуацию, так как в действительности Смуров не в состоянии более сносить «унизительное стеснение» со стороны реального мира, не желающего вместить в свою канву представляемое им идеальное «Я» героя: «Пошлый, несчастный, дрожащий маленький человек в котелке стоял посреди комнаты, почему-то потирая руки. Таким я на мгновение увидел себя в зеркале» [7, II, с. 305]. После своего театрального самоубийства он волен в интерпретации реальности и может менять представления о самом себе: «После выстрела, выстрела, по моему мнению, смертельного, я с любопытством глядел на себя со стороны, и мучительное прошлое мое – до выстрела – было мне как-то чуждо» [7, II, с. 310].

Как и у Голядкина из «Двойника» Достоевского, у умершего гувернера появляется преследующий его двойник, оказавшийся Смуровым. Но если для Достоевского двойник человека – это его болезненное, ненормальное состояние, внутренний паразит, «несбыточный бред», «мгновенное расстройство воображения» [4, I, с. 189], то слившиеся в одно целое Смуров и гувернер («отражение со мною слилось») [7, II, с. 342] – это и есть продукт творческого противостояния здравому смыслу, в нем нет никакого социального или этического наполнения. Игровой эффект двойничества,

когда прототип не отвечает за свое зеркальное отражение, демонстрирует в произведениях В. Набокова явление раздвоения личности как саморефлексивную функцию эскапизма: «Я все помнил – имя, земную жизнь – со стеклянной ясностью, и меня необыкновенно утешало, что беспокоиться теперь не о чем», - утверждает герой повести [7, II, с. 307]. По замыслу В. Набокова, Смуров «существует лишь постольку, поскольку он отражается в сознании других людей» [9], то есть, сохраняет обезличенный статус «не-я», марионетки, превратившись в артистический тип, который «будет жить цепким паразитом» [7, II, с. 345] по воле его автора-создателя. Смуров делает экзистенциальный выбор в сторону ирреального зазеркалья, считая, что своей смертью уничтожил ненавистную ему реальность: «...вместе с человеком истребляется и весь мир» [7, II, с. 306], а факты жизни блокируются увлекательными играми в сочиненные истории. Оказавшись по ту сторону зеркала, он самостоятельно создаёт новый вариант реальности-перевертыша, наполняя её персонифицированными образами-двойниками своей памяти, несущими какое-то определённое представление о прообразе. В итоге «два лица сливаются в одно» [9], но при этом происходит утрата единства «я» как самостоятельной личности: «Я уже мог насчитать три варианта Смурова, а подлинник оставался неизвестным», словно реликтовый вид бабочки без первообраза: «Где тип, где подлинник, где первообраз?» [7, II, с. 322]. Автор создает ситуацию игры, предлагая читателю разгадать тип взаимоотношений автора и героев – двойников, где герой – повествователь – это и есть alter ego автора, который проникает в чужое сознание, «прячась под маской человека» [3], чтобы манипулировать всеми персонажами: «Я ношу маску, я всегда под маской...» [7, II, с. 340].

Среди образов – двойников Смуров пытается отыскать тот, который бы соответствовал его самооценке путём регулировки угла зрения со стороны зеркала: «Что скрывать: все те люди, которых я встретил, – не живые существа, а только случайные зеркала для Смурова <...>. Так, всё их бытие было для меня экраном» [7, II, с. 338]. Но найти свой идеальный образ оказывается непосильной задачей, он не может обрести единство «я», поскольку вариаций зеркальных отражений бесчисленное множество, его считают вором, «сексуальным левшой», «сумасшедшим женихом», «блестящим и жестоким воином», «советской ягодкой», Дон Жуаном, Казановой, «темной личностью», как высказалась по поводу этого героя З. Шаховская, «так неказистый двойник облагорожен. Да и то сказать, ни писателя, ни его персонажа как будто и нет. Образ их надо искать в “тысячах зеркал, которые их отображают”» [13, с. 47]. Находит герой его в образе Вани, которая называет его «хорошим, умным человеком... очень добрым... смешным и милым» [7, II, с. 341], но она отказывается стать его женой, что следует понимать как отказ в воссоединении прообраза с его идеальной интерпретацией. Настоящим несчастьем для Смурова может быть сохранение реальных факторов жизни, которые воспринимаются им как помеха его новому артистическому состоянию: «Я полагал, что посмерт-

ный разбег моей мысли скоро выдохнется, но по-видимому мое воображение при жизни было так мощно, так пружинисто, что теперь хватало его надолго» [7, II, с. 308]. Осознав опасность возврата к «тяжёлой и жаркой, полной знакомого страдания» жизни [7, II, с. 342], герой мчится отыскать в своей бывшей квартире подтверждений своего небытия, отыскав их, он успокаивается: «Мир сразу приобрёл опять успокоительную незначительность, я снова был силён, ничто не могло меня смутить, я готов был вызвать взмахом воображения самую страшную тень моей прошлой жизни» [7, II, с. 343]. Чтобы продлить себе жизнь, которая имеет вполне определённый конец, и стать бессмертным, нужно остаться в памяти окружающих, не замаравшись «грязью действительности», превратиться в эстетический объект, совпадающий с alter ego героя.

В. Набоков видит в двойственности Смурова творческую возможность обрести бессмертие. Это доступно лишь средствами искусства, что легализует уже самого автора, двойниками которого становятся сами произведения, как заметил Б. Бойд, «во всем, что он написал <...>, он превращался в других людей» [3]. Прообраз заменяется у В. Набокова тождественным двойником, копия сливается с оригиналом, при этом замена воспринимается как долгожданный результат творческого пути по разрушению своей личности, так как в нем нет психической целостности и устойчивости между «означающим и означаемым» [1, с. 415]. Таким образом, распад личности обусловлен всё тем же пресловутым несовпадением самооценки героя, зачастую именно идеального «Я», с оценкой его окружающими, не всегда, правда, воплощающей реальное «Я» персонажа. Поэтому исчезновение одного из образов-зеркал для героя-автора не существенно, так как они тождественны и в качественном, и в количественном плане: «Кашмарин унёс с собою ещё один образ Смурова. Не всё ли равно, какой? Ведь меня нет – есть только тысячи зеркал, которые меня отражают» [7, II, с. 344]. Для Смурова и его двойника обретение своей индивидуальной личности не обязательно, напротив, он стремится истребить себя сознательно, избавиться от своего живого «я» в обмен на своего же двойника, артистический объект, марионетку, неуязвимую для жестокого окружающего мира, от которого он, несмотря ни на что, не хочет отказываться: «Я счастлив тем, что могу глядеть на себя, ибо всякий человек занятен, - право же, занятен! Мир, как ни старайся, не может меня оскорбить, я не уязвим» [7, II, с. 345]. Абсолютизированная В. Набоковым волевая мысль, способная обратить другого в куклу и созерцать даже после смерти самого человека, в случае со Смуровым достигла своей цели: разорвала рудиментарные связи человека с действительностью, которой он противопоставил своего двойника-мертвеца. Набоковский герой обретает подлинное счастье в зазеркалье неподлинного мира, и, как кэрролловская Алиса, считает: «Вот смеху-то будет, когда меня увидят здесь, за зеркалом, а достать не смогут... я почти уверена, что они меня не видят. Я чувствую себя немножко невидимкой» [6, с. 215–216]. Так и Смуров, сохранившись как

игровой муляж человека, соглядатай – подделка самого себя, предпочитает быть подмененным на невидимку, «ветошку», он и «не рассудит, что человек не ветошка» (Ф. Достоевский) [4, I, с. 225], говоря, что «счастлив, как мне еще доказать, как мне крикнуть, что я счастлив, – так, чтобы вы все наконец поверили, жестокие, самодовольные...» [7, II, с. 345]. В набоковской онтологии персонаж не может быть выше автора и стать *Magister ludens*, поэтому подменяется на симулякр как игровую функцию без надежды стать личностью, так как «безопределенности, целостности и созревания личность не проявится» (К. Юнг) [14].

Следуя своему творческому замыслу, В. Набоков переводит смысл соглядатайства из реального в сферу подсознательного, что Достоевский назовет подпольным типом, вкладывая в это понятие негативное этическое содержание, искажающее духовный облик личности. Не случайно русский писатель назовет двойника Голядкина как его соглядатая «ужасом, стыдом, кошмаром» [4, I, с. 193]. Но у Набокова соглядатайство как фактор раздвоения личности дает возможность герою видеть себя и весь мир со стороны, ведь, как считал сам писатель, «мир лучше всего рассматривать, отступив в сторону или даже выйдя из него вон» [3]. Силой своего воображения набоковский герой обретает бессмертие, что позволяет ему выстроить защиту от подлинности жизни, быть «вненаходимым» и независимым от человеческого содержания. Таков итог набоковского манипулирования человеком, которого писатель помещает в безжизненный балаган игры, заставляя поверить в иллюзию жизни, чтобы невозможно было определить границу между бредом и реальностью.

Список литературы

1. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 413–423.
2. Берберова Н. Набоков и его «Лолита» // Владимир Набоков: pro et contra. – [Эл. ресурс]: http://www.telenir.net/literaturovedenie/vladimir_nabokov_pro_et_contra/p7.php
3. Бойд Б. Набоков. Русские годы. Биография. – СПб.: Симпозиум, 2010. – 720 с. – [Эл. ресурс]: http://royallib.ru/read/boyd_brayan/vladimir_nabokov_russkie_godi.html#0 (дата обращения: 25.02.2015).
4. Достоевский Ф.М. Двойник // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука, 1988. – Т. 1.
5. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интарда, 1996. – 256 с.
6. Кэрролл Л.Алиса в Зазеркалье. – СПб.: Азбука, 2013. – 416 с.
7. Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1990.
8. Набоков В. Федор Достоевский // Набоков В. Лекции о русской литературе. – [Эл. ресурс]: http://modernlib.ru/books/nabokov_vladimir_vladimirovich/fedor_dostoevskiy/read_1/
9. Набоков В. Предисловие к роману «Соглядатай». – [Эл. ресурс]: <http://test.e-libra.ru/read/251730-vladimir-nabokov-pro-et-contra.html>
10. Набоков В. О хороших читателях и хороших писателях. – [Эл. ресурс]: <http://www.pergam-club.ru/book/1390>

11. Набоков В.В. Искусство литературы и здравый смысл. – [Эл. ресурс]: http://koncheev.narod.ru/n_zdravysm.htm
12. Сартр Ж.-П. Владимир Набоков. «Отчаяние» // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве В. Набокова. Критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. Н.Г. Мельникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 688 с. – [Эл. ресурс]: <http://www.libros.am/book/read/id/241318/slug/klassik-bez-retushi-literaturnyj-mir-otvorchestve-vladimira-nabokova>
13. Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. – М.: Книга, 1991. – 319 с.
14. Юнг К. О становлении личности // Конфликты детской души. – М., 1995. – [Эл. ресурс]: <http://www.aquarun.ru/psih/soul/soul7.html>

Имя и творчество М.Ю. Лермонтова в поэтическом универсуме В. Строчкова

В статье рассматривается бытование имени и творчества М.Ю. Лермонтова в поэтическом творчестве современного поэта Владимира Строчкова на материале четырёх книг стихов автора: «Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 годов», «Наречия и обстоятельства. 1993–2004», «Буколики плюс», «Zeitgeist». Рассмотрение в данном контексте произведений В. Строчкова позволяет более качественно осмыслить характерную черту его поэтического творчества – диалогичность (интертекстуальность).

The paper presents existing of the M.Y. Lermontov's name and creation at the poetry of a modern poet Vladimir Stochkov on the material of the four books of his poems: «Verbs of imperfect (incomplete) tense (time). Selected poems of the 1981–1992 years», «Adverbs (dialects) and circumstances. 1993–2004», «Bucolics plus», «Zeitgeist». Analysis of the V. Stochkov's texts at such context promotes more qualitative reflection of the characteristic feature of the V. Stochkov's poetic creation – intertextuality.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, В. Строчков, текстовая аппликация, аллюзия, парафраз, бурлеск, травестиrowание, поэтический текст.

Key words: M.Y. Lermontov, V. Stochkov, text application, allusion, paraphrase, burlesque, travesty, the poetic text.

Диалогичность, реализующаяся через обращение к классической русской литературе, является характерной чертой поэтического творчества такого современного автора, как Владимир Строчков. Наряду с деконструкцией образа А.С. Пушкина и пушкинского наследия, реализующейся через цитаты, текстовые аппликации, многочисленные аллюзии, и реминисценциями из произведений С.А. Есенина, Ф.И. Тютчева, О.Э. Мандельштама, И.А. Бродского, важное место в творчестве В. Строчкова занимает обращение к имени и творчеству М.Ю. Лермонтова. В частности, в стихотворении «Вот экономика, она уж развалилась», содержащемся в его первой книге стихов «Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 годов» (1994), М.Ю. Лермонтов предстает как безусловный и хрестоматийный классик: «Афганистан вам – это не Вьетнам, / где, кстати, любят нас ничуть не меньше, / что ж до того, что странную любовью / так ничего плохого в этом нет, / тому порукой Классик наш великий – / классической любовью любят нас, / и так – повсюду!» [3, с. 131]. Звание классика М.Ю. Лермонтов получает заслуженно и вполне серьезно, правда, в ироническом контексте, в связи с неоднозначным вневременным отно-

шением русского человека к своей стране и проекцией данного отношения к России на другие народы: «Люблю отчизну я, но странною любовью!» [1, с. 100].

Причины для столь странной «классической» любви к своей Родине декларируются в стихотворении В. Строчкова «Вытекает по капле из крана хлорированная прана», включенном в более поздний сборник стихов «Zeitgeist» (2012) и построенном на аллюзиях к вольному лермонтовскому переводу «Из Гете» («Горные вершины спят во тьме ночной...»), а также на текстовых аппликациях, участвующих в создании образа спящей страны, постепенно теряющей свое могущество и превосходство. При этом автор не ироничен, а предельно серьезен и даже удручен. Он использует своеобразный эвфемизм – представляет реальность в виде сказки: «Это просто сказка, дети, / спит-храпит мёртвая царевна-лягушка, / под головой у нее хрустальная подушка, под подушкой стрела, под подушкой душно, / под подушкой спит вневедомственная охрана, / железнодорожный диспетчер, горные долины, / задыхаясь, спят во тьме ночной, / бесконечно длинной, / и в трубе кончается нефть, воровская прана» [4, с. 31].

Стихотворение В. Строчкова «Мэри вывела овечек...» («Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 годов») содержит аллюзии на два известных произведения М.Ю. Лермонтова: стихотворение «Выхожу один я на дорогу» и поэму «Демон». В эпиграфе в виде цитат (с указанием автора цитируемых фрагментов) содержатся следующие строки: «...без руля и без ветрил...», «...жалею ли о чём...» [3, с. 340]. Сами же названия произведений при этом опускаются, получая взамен индивидуально-авторскую жанровую характеристику «стишок». Подобная жанровая характеристика («английский стишок») сопровождает строку «У Мэри была овечка...» [3, с. 340], которая также содержится в эпиграфе вместе со строкой из детской песенки «В траве сидел кузнечик...» [3, с. 340]. Литота, реализующаяся в эпиграфе стихотворения в результате использования уменьшительно-ласкательного суффикса при определении жанра, в некотором роде задает тон восприятия стихотворения: представление достаточно глубокой философской проблематики в относительно простом, наивном контексте – диалоге кузнечика и девочки Мэри. Аллюзия на лермонтовскую поэму «Демон» используется для актуализации идеи свободы, в частности, свободы выбора лирического героя, необходимой для его самоопределения и пребывания в сфере желаемого: «И уже ты не кузнечик, / а судьбы своей кузнец. / Так на что же честь овечек, / коль неведом им конец? / Так зачем же чтить овечность, / ей отвсюду несть числа, / коль возможно сплыть во млечность / без ветрила и крыла» [3, с. 341].

Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» и анализируемое стихотворение В. Строчкова объединяет размышление о человеческом предназначении, о тщетности его стремлений и, как следствие, одиночестве человека в мире. В стихотворении М.Ю. Лермонтова

окружающий мир растворен в божественном, человеческое же сознание отделено от этого мира, лирический герой М.Ю. Лермонтова жаждет свободы и покоя, умиротворения: «Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, / И звезда с звездою говорит. / В небесах торжественно и чудно! / Спит земля в сияньи голубом... / Что же мне так больно и так трудно? / Жду ль чего? Жалею ли о чем? / Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть; / Я ищу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть!» [1, с. 141]. Лирическому герою В. Строчкова свойственны порыв к свободе, стремление к самоопределению, в результате, впрочем, также оказывающиеся бесплодными. Кроме того, в стихотворении В. Строчкова «Мэри вывела овечек...» возникает библейский образ заблудшей овцы: «- Посчитай овечек, Мэри, / медсестра, пастушка, чужь. / Замечаешь ли потерю? / - Да. / - Жалеешь ли? / - Чуть-чуть» [3, с. 343].

В стихотворении В. Строчкова «И вот один выходишь на дорогу», содержащемся в сборнике «Буколики плюс» (2010), тема жизненного пути человека продолжает развиваться в контексте лермонтовского стихотворения: «И вот один выходишь на дорогу, / путь не тернист, и, вроде, ночь глуха» [4, с. 9], а далее в контексте стихотворения Б. Пастернака «Гамлет»: «И как-то вдруг выходишь в чисто поле, / и в горле стих трепещет, то ли страх. / Оно огромно, ни конца, ни края, / трава по плечи, грохот кузнецов, / ты на краю, дурнотно обмирая, / и должен сделать шаг в конец концов, / как гладиатор на смертельном действе. / В волнах травы ни брода, ни пути, / ты тут один, всё тонет в колизействе. / Жизнь не прожить, но поле перейти» [5, с. 9]. Три текста (Строчкова, Пастернака и Лермонтова) объединяет образный ряд, в основе которого – экзистенциальный момент в жизни лирического героя, осознающего себя и свой путь перед вечностью, в пространстве ночи, когда вся Вселенная как будто замерла в ожидании человеческого жеста.

В книге «Наречия и обстоятельства. 1993–2004» (2006) находим стихотворение «Фиговый листок оторвался от ветки родимой...», построенное на основе известного текста М.Ю. Лермонтова «Листок», в данном случае выступающего в качестве опорного (прецедентного) текста для произведения В. Строчкова. Стихотворение В. Строчкова состоит из пяти катренов, первый из которых является парафрастическим. Обильное введение в текст жаргонной и грубо-просторечной лексики, на наш взгляд, обусловлено выбором формы, представляющейся автору адекватной для вербализации ряда актуальных компонентов смысла в современной автору ситуации. Между тем нарушение условия тематической уместности позволяет отнести рассматриваемое стихотворение В. Строчкова к бурлескной травестии, выполненной в технике низкого бурлеска (о «бурлескной тавестии см.: [2]: «Твой жребий смешон: от побега до скорой поимки, / да жидкий стишок по пути от кормушки к поилке. / Вернись-ка, сынок, воротись к своей клетке родимой / и клюй свой кусок – недостаточный, необходимый» [6, с. 270].

Стихотворение «Происхождение видов» из сборника стихов В. Строчкова «Буколики плюс» (2010) включает характерные поэтические образы М.Ю. Лермонтова – образ ангела и образ русалки. В эпиграфе к стихотворению В. Строчкова приведены цитаты из одноименных произведений классика – стихотворений «Ангел» и «Русалка». Ссылка на данные стихотворения в виде аллюзии и текстовой аппликации представлена и в самом тексте стихотворения В. Строчкова: «По небу полуночи ангел летел / и тихую песню он пел. / Русалка плыла над ночью волной, / озаряема бледной луной» [5, с. 28]. В данном случае заимствование образов подчеркивает существующую между текстами М.Ю. Лермонтова и текстом В. Строчкова связь: наличие мотива тоски, притяжения (в том числе любовного), возникающего между представителями различных, далеких друг от друга миров.

Сборник «Zeitgeist» (2012) содержит стихотворения, в которых в связи с именем и творчеством М.Ю. Лермонтова затрагивается тема поэта и поэзии, поэта и читателя, а также тема времени. Это стихотворение «На смерть поэта (футурсонет)» и стихотворение «К 70-летию молодого поэта Михаила Лермонтова». Указание на известный лермонтовский текст, написанный в связи со смертью А.С. Пушкина, содержится в названии стихотворения В. Строчкова «На смерть поэта (футурсонет)». На связь с футуристической традицией указывает и данное в названии определение своеобразной формы стихотворения – «футурсонет», и аллюзия на известный текст Алексея Кручёных «Дыр бул щил...», содержащаяся в конце стихотворения В. Строчкова: «Дырбулщыл» [4, с. 25]. Необычность формы усиливает несоответствие между должным для сонета и имеющимся в футурсонете В. Строчкова количеством четверостиший и трехстиший («футурсонет» состоит из четырех трехстиший и двух одностиший). Размышление о поэтическом даровании, о приговоре, который выносит читающая публика поэту, о хрупкости человеческого существования оказывается вневременным и звучит в стихотворении В. Строчкова «На смерть поэта» не в связи с конкретным поэтическим событием или судьбой. Перед нами обобщенный образ, созданный в результате актуализации двух традиций – классической (через аллюзию на лермонтовский текст, посвященный А. С. Пушкину) и модернистской (футуристической) (через аллюзию на футуристический текст А. Кручёных).

В тексте «К 70-летию молодого поэта Михаила Лермонтова» содержится мотив гнетущей старости, старости как наказания, смерти как благодати, жизни как неловкой шутки: «Кончается жить, начинается жуть, / где что, кроме немощей, сна и желудка? – / а прочее, если подумать чуть-чуть, / проехало, словно неловкая шутка» [4, с. 26], «И скучно, и тошно, и руку подать – / кому? Никого, почитай, не осталось. / И, может, не жуть, а как раз благодать, / что смертью кончается старость» [4, с. 26]. В унисон голосу лирического героя В. Строчкова звучат слова лирического героя М.Ю. Лермонтова в стихотворении «И скушно и грустно!»: «И скушно и

грустно! – и некому руку подать / В минуту душевной невзгоды.../ Желанья... что пользы напрасно и вечно желать? / А годы проходят – все лучшие годы!» [1, с. 60], «Что страсти? Ведь рано иль поздно их сладкий недуг / Исчезнет при слове рассудка, / И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг – / Такая пустая и глупая шутка!» [1, с. 60]. Во второй строфе стихотворения В. Строчкова строки М.Ю. Лермонтова о любви «Любить – но кого же? – на время не стоит труда, / А вечно любить невозможно...» [1, с. 60] переосмыслены как строки не из любовной, но философской лирики, заключающие в себе размышление о таких категориях, как любовь, вечность, время: «Вернуться обратно, тогда и туда, / навывлет пройдя контрабандой таможню? – / возможно, но время не стоит труда, / а вечность любить невозможно». Данное переосмысление происходит в том числе в результате приема паронимической аттракции – семантического сближения фонетически подобных слов, в данном случае слов, имеющих прочные этимологические связи в системе языка: «на время» – «но время», «вечно» – «вечность».

В результате исследования творчества В. Строчкова, проведенного на материале четырех книг стихов автора, не остается сомнений, что притяжение В. Строчкова к лермонтовскому «полюсу» классической русской поэзии велико. В чем же кроются причины данного тяготения? Можно предположить, что в особой, свойственной современному поэтическому сознанию потребности в диалоге, прежде всего в диалоге с теми, кто звучал и продолжает звучать в просторных «классах» русской литературы.

Список литературы

1. Лермонтов М.Ю. Стихотворения, 1836–1841 // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 5 т. – М.; Л.: Academia, 1935–1937. – Т. 2. Стихотворения, 1836–1841. – С. 1–148.
2. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 168 с.
3. Строчков В. Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981-1992 годов. – М.: Диас, 1994. – 416 с.
4. Строчков В. Zeitgeist. – Таганрог: НЮАНС, 2012. – 32 с.
5. Строчков В. Буколики плюс. – Таганрог: НЮАНС, 2010. – 32 с.
6. Строчков В. Наречия и обстоятельства. 1993–2004. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 496 с.

**Роман-идиллия А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»
как современная робинзоиана***

В статье анализируется роман-идиллия А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (2001) как современная робинзоиана. Выявляются его связи с просветительской пасторалью «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». Диалог с Д. Дефо рассматривается как один из важнейших элементов авторской поэтики.

A.P. Chudakov's novel-idyll 'Haze lies on old steps' (2001) is analyzed in the article. This work is being studied as a modern robinsonade. Its connection with 'The Life and Adventures of Robinson Crusoe' educational pastoral is revealed. Dialogue with D. Defoe is regarded as one of the most important elements of the author's poetics.

Ключевые слова: А.П. Чудаков, Д. Дефо, «Ложится мгла на старые ступени», «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», роман-идиллия, просветительская пастораль, робинзоиана, художественный образ.

Key words: A.P. Chudakov, D. Defoe, 'Haze lies on old steps', 'The Life and Adventures of Robinson Crusoe', novel-idyll, educational pastoral, robinsonade, artistic image.

Александр Павлович Чудаков (1938–2005) – известный филолог, литературовед. В его богатом литературном наследии «Ложится мгла на старые ступени» – единственное художественное произведение. Замысел романа возник у Чудакова еще в студенческие годы, однако к работе над ним он приступил лишь во второй половине 1990-х годов. Впервые данное произведение было опубликовано в 2000 году в журнале «Знамя» (№ 10–11). Отдельной книгой оно увидело свет в 2001 году. В 2011 году книга была удостоена премии «Русский Буккер» как лучший роман десятилетия.

П. Вайль вспоминал: «В последнюю нашу встречу с Александром Павловичем я сказал ему о своих восторгах. И, главное, о том, что "Ложится мгла на старые ступени" – это советский "Робинзон Крузо". Школа выживания. Выживания всякого – умственного, нравственного, физического, бытового. Сравнение ему понравилось...» [2]. Чудаков любил «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». Дефо был одним из его «вечных спутников». По словам И. Сурат, о своих читательских симпатиях он говорил и «на одной из презентаций романа», подчеркивая, что «формирующее впечатление произвел на него когда-то в ранней юности список

© Гордеева Е.М., 2015

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ № 14-14-59005 «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)» ПГГПУ.

жизненно необходимых вещей, спасенных Робинзоном Крузо с затонувшего корабля» [5, с. 219].

Исследователи называли роман-идиллию Чудакова «интеллигентской робинзонадой» (Д. Харитонов) [6], «советской робинзонадой» (П. Вайль). По мнению П. Вайля, «самым захватывающим в истории Робинзона Крузо» было то, как герой превращал спасенные им с затонувшего корабля предметы в «инструменты жизни»: «Казахстанские робинзоны погружались в хозяйственные бездны, подсознательно понимая, что это верный, а в их обстоятельствах – единственный путь к сохранению душевного здоровья» [2]. В чудаковской робинзонаде П. Вайля привлекало, прежде всего, то, «как хозяйственная автономия оборачивалась самостоянием личности». По мнению И. Булкиной, велик соблазн «сравнить "чебачинскую идиллию" с островом Робинзона»: «Самое увлекательное в приключениях Робинзона и в чебачинской идиллии – это описание производства вещей, предметное *наращение материи*. <...> Чудаков, вслед за Дефо, создает просветительскую утопию труда, и замкнутый цикл натурального хозяйства чебачинских поселенцев – своего рода островная автономия внутри разрушительной советской истории» [1, с. 201]. А. Степанов, говоря об умении героев изготавливать разного рода вещи и осуществлять «в условиях всеобщего "одичания" научный подход к сельскому хозяйству», замечал, что «в этом смысле роман оказывается ближе не к идиллии, а к технократической утопии поздних робинзонад, вроде "Таинственного острова" Жюль Верна, в которых разворачивается тезис "инженер может все"» [4, с. 408].

Итак, переключки романа-идиллии Чудакова с просветительской пасторалью отмечали многие исследователи. Их внимание привлекала по преимуществу тема жизнеобеспечения (производство вещей, «натуральное хозяйство XX века»). В данной статье с опорой на имеющиеся наблюдения и выводы рассматриваются образы чудаковских робинзонов, среди которых главным является дед – Леонид Львович Саввин. Как и герой Дефо, дед принадлежит к типу «естественного» человека. Автор неоднократно обращает внимание на его глубинную связь с природным миром, подчеркивает его восхищение «божественным таинством целесообразности Природы» [7, с. 63]. Деда-агронома приводило в восторг величие Природы, однако относился он к ней не только как «храму», она была для него и «мастерской». Его усилия были направлены на изучение ее законов, на постижение ее тайн.

Характеризуя деда как «естественного» человека, автор замечал, что «естественность» была едва ли не его культом. Он отдавал предпочтение «естественному», о чем бы ни шла речь: например, был уверен, что «вернется и лошадка!», потому что «разве сравнить с нею неживую машину?» [7, с. 370]. Он не видел проку «ни для себя, ни для хозяйства» в гимнастике как комплексе специальных физических упражнений, с его точки зрения, «лучше расколоть утром три-четыре чурки, побросать навоз» [7, с. 10]. Дед

показан в романе-идиллии как труженик, честно делающий свое дело, живущий «сообразно с природой», ощущающий себя ее частью, фактом личного существования подтверждающий справедливость представлений, согласно которым, счастье – в труде. Однако в исследуемом произведении Робинзоном выглядит не только он, и не всегда робинзонада у Чудакова оказывается «школой выживания».

Робинзон как культурный феномен – явление многогранное. С ним ассоциируется, например, представление об отшельнике. В романе-идиллии об отшельничестве как об одной из форм человеческого существования автор заводит речь не раз. Примечательно, что нередко его мысль приобретает комическую направленность. Так, характеризуя мироощущение взрослого Антона, он замечает: «Самым естественным и желаемым образом жизни для Антона представлялось забиться в нору, сидеть на даче неделями без телефона». Однако он «разрешал это себе нечасто», опасаясь сойти с ума, повторив судьбу знакомого литературоведа, «замуровавшего себя в четырех стенах, сообщавшегося с научным миром через жену <...> и в конце концов окончательно сбрендившего» [7, с. 379]. О том, что отшельничество – это, помимо всего прочего, медицинский случай, свидетельствует образ философа Григория Васютина, «инвалида по психической части». Григорий показан в откровенно сатирическом освещении. О его «трудах и днях» рассказывается так, что неизменно возникают ассоциации с Робинзоном, причем ассоциации, чаще всего сниженные, травестированные. Так, местом «обитания» – своего рода «островом» – стала для Григория его комнатка. Указание на то, что некогда она служила «ватерклозетом» (water – вода) – уборной с водопроводом, что оставшийся от ватерклозета умывальник позволял Григорию «свести к минимуму общение с контрреволюционерами», населявшими коммунальную квартиру, на ассоциативном уровне заставляет вспомнить о том, что преградой, отделявшей Робинзона от мира, была именно вода. Не водопроводная, конечно, но именно вода (большая вода) обеспечивала его отшельничеству надежность и долговременность. Используемый Григорием в качестве дивана / кровати продавленный пружинный матрас, «стоявший на четырех кирпичках», также отсылает к предметам обихода, сооруженным Робинзоном из имевшегося под руками материала. Герой Дефо живет на необитаемом острове, Григорий живет в Москве 1960-х годов как на необитаемом острове.

Основанием для сближения Григория с Робинзоном служат многочисленные подробности его духовной жизни. Несмотря на то, что вокруг него постоянно были люди, ему удавалось сохранять «автономию» и не только по отношению к тем, кто жил с ним под одной крышей в тесноте коммунальной квартиры. Так, считая себя революционером, он полагал, что стоит в оппозиции к советской власти и своими статьями о революции и коммунизме изнутри разрушает официальную советскую идеологию, по его собственному признанию, бьет «их» «собственным оружием и на их же

территории» [7, с. 350]. Антисоветчики воспринимали речи Григория как вполне «официальную фразеологию», молодой Антон находил, что «под привычной терминологической оболочкой у него – совсем другое и что недаром его нигде не печатают» [7, с. 349]. Ситуация «чужого среди своих» обрекала Григория на идеологическое отшельничество, его робинзо-нада носила протестный характер.

Целесообразно выяснить, почему же она показана как сумасшествие? Почему герой имеет инвалидность «по психической части»? Вернемся к сравнению Григория с Робинзоном, сосредоточив внимание на отличиях между ними. Григорий – антипод Робинзона. С героем Дефо он не совпадает в главном: для Робинзона-островитянина нет ничего, что было бы выше жизни, Григорий выше жизни ставит идею, Робинзон живет, чтобы жить, Григорий живет во имя торжества своей идеи. Все свои усилия Робинзон направляет на жизнеобеспечение, Григорий, казалось, именно о жизнеобеспечении заботится меньше всего, довольствуясь малым (например, основной едой философа был чай, хлеб и соевые конфеты «"Кавказские" – 1 руб. 40 коп. сто грамм»). И дело не только в том, что у Григория нищенская пенсия по инвалидности, и позволить себе большего он не может. В плане обустройства собственной жизни о большем он и не задумывается. Главный тезис Григория гласил: «"Прекрасное – это жизнь в ее революционном развитии", или – короче – "Прекрасное есть революция"» [7, с. 344]. Если в исходном тезисе слово «жизнь» еще имело место, пусть и с уточняющим определением («в ее революционном развитии»), то в окончательной формулировке оно вообще исчезало. В укороченном виде кредо философа приобретало новый смысл, который сводился к подмене жизни революцией. Отмеченная подмена показательна: она отчетливо выражает суть теоретических построений героя, исключая такие принципиальные категории, как жизнь, человек. С Григорием Антон сблизился в пору своего «увлечения Сен-Симоном, Фурье, ранними работами Маркса». В то время Антон являлся апологетом коллективного труда и на этом основании считал, что он есть «истинное дитя социализма» [7, с. 341]. Григорий увидел в Антоне своего единомышленника, ему понравились рассуждения молодого человека «о радостном коллективном труде». Они совпадали с его представлениями о том, что «люди коммунистической эры, в отличие от нас, людей предыстории, будут трудиться с наслаждением, с полной отдачей сил, не думая об оплате, как это предсказал Ленин в работе "Великий почин"» [7, с. 343]. В своем духовном развитии Григорий задержался на стадии утопического социализма. Антон же впоследствии потратил немало сил на то, чтобы освободиться и от собственных утопических представлений, и «от гипноза васютинской теории, где все было так логично, пригнано и красиво», но не было жизни. Ее место занимала мечта о грядущей мировой революции. Как видно, совпадения Григория с Робинзоном внешние. Автор устанавливает их для того, чтобы, «подключившись» к роману Дефо, выразить значимые для себя самого представления. Показывая, что

при весьма заметном внешнем сходстве по существу своему герои оказываются прямо противоположными друг другу, что Григорий принципиально расходится с героем Дефо в главном – в отношении к жизни, автор, таким образом, подчеркивал одну из основных мыслей своего романа-идиллии: идея революционного переустройства мира – следствие непонимания жизни, ее недооценки.

В плане рассматриваемых параллелей Григория с Робинзоном интерес представляет памятная Антону встреча с философом «во двореке старого здания университета на Моховой, куда философ иногда приходил посидеть, покурить, поглядеть на памятники Герцену и Огареву». Григорий сообщил Антону, «что ни с кем не выдается и очень занят проблемой: имеет ли революционер право на робинзонаду?» [7, с. 351].

Во-первых, здесь обращает на себя внимание прямая отсылка к роману Дефо, свидетельствующая о том, что герой отождествляет себя с Робинзоном сам, хотя и ставит это тождество под сомнение. Во-вторых, невозможно не принимать в расчет и тот очевидный факт, что о своем праве на робинзонаду герой Чудакова задумывается вблизи памятников Герцену и Огареву. Выпускники Московского университета, они снискали себе славу, в том числе, и своей революционной деятельностью, часть которой протекала вдали от родины – в Англии. В Лондоне ими издавался революционный журнал «Колокол», гремевший на всю Европу и сыгравший весьма заметную роль в развитии русского освободительного движения. В сознании философа комически сближаются находившийся вне цивилизации остров, на котором волею Провидения оказался Робинзон, и британские острова, считавшиеся оплотом европейской цивилизации. Лондонский период жизни и революционной деятельности Герцена и Огарева побуждает Григория задуматься над тем, можно ли считать Робинзонами, например, их, хотя и живших на острове, но имевших в своем распоряжении все блага цивилизации, не знавших нужды и находившихся в относительной безопасности. Очевидно, что за вопросом о праве революционера на робинзонаду стоят сомнения в нравственной безупречности призывов Руси «к топору», раздающихся из прекрасного далёка. Подобные сомнения, затрагивавшие острые этические проблемы, вопреки диагнозу героя безумными отнюдь не являются. Они восходят к авторскому неприятию революционного переустройства как такового.

Если вернуться к мысли о том, что робинзонада – это, прежде всего, одиночество, то в случае с Герценом и Огаревым о нем также вести речь трудно. И все-таки не случайно автор заставляет своего героя задуматься о праве революционера на робинзонаду неподалеку от памятников Герцену и Огареву. Словно в насмешку над их дружбой и совместной революционной деятельностью их скульптурные изображения стоят в университетском сквере порознь. Свое «право» на посмертную робинзонаду они получили буквально из рук скульптора Н. Андреева. Изготовленный Н. Андреевым памятник Герцену предполагалось установить перед зданием МГУ. Однако

для этого потребовалось снести недавно отреставрированную решетку. Вышестоящие инстанции согласия на снос не давали. Тогда скульптор решил сделать два памятника (Герцену и Огареву) и расположить их в боковых частях сквера, оставив спорную территорию свободной. Чудаков, несомненно, знал эту историю и обыграл ее, рассказывая о «былом» и «думах» современного революционера-философа, сомневавшегося в своем праве на одиночество.

Рассмотрим еще одну прямую отсылку к «Жизни и удивительным приключениям Робинзона Крузо» – к сравнению с Робинзоном бабки. «Начал было Антон и ходить босиком по снегу, чтобы натренироваться, если его будут гонять, как Зою Космодемьянскую, но бабка, увидев за сараем следы босых ног, пришла в ужас, как Робинзон, и, хотя Антон пытался отрицать принадлежность следов ему, нажаловалась родителям» [7, с. 213–214]. Напомним эпизод из романа Дефо, к которому отсылает упоминание чудаковской героини Робинзону: «К величайшему своему изумлению, вдруг увидел след голый человеческой ноги <...> Я был охвачен невероятным ужасом: через каждые два-три шага я оглядывался назад, пугался каждого куста» [3, с. 139]. Робинзон решил, что перед ним след дикаря, что остров, считавшийся им необитаемым, в действительности населен людоедами, соседство с которыми добром кончиться не может. Герой Дефо испугался, потому что не знал, кому принадлежит «след голый человеческой ноги». Увидев следы голых ног на снегу, бабка испугалась, потому что знала: следы принадлежали ее внуку. Страх Робинзона вызван опасениями за собственную жизнь. Бабка опасалась за жизнь внука. После того, как Робинзон столкнулся с таинственными следами, он заметно усилил свою безопасность, хотя и продолжал жить в страхе еще довольно длительное время. Бабка тоже приняла меры (нажаловалась родителям), и больше по этому поводу не беспокоилась.

При виде человеческих следов и Робинзону, и бабке было не до смеха. Не было иронии и у Дефо, когда он изображал один из драматичных моментов пребывания своего героя на острове. Комичным увидел сходство бабки с Робинзоном Антон. Увидевшая на снегу следы его голых ног и пришедшая от этого зрелища в ужас, она напомнила внуку его любимого героя, и эта параллель показалась ему забавной. Мальчик убежден, что бабкин испуг лишен каких бы то ни было оснований, вызван ее всегдашней склонностью к преувеличениям. В его сознании ее страх – не более чем недоразумение, курьез, и ничего, кроме смеха, вызвать не может. Однако автор придумал эту сцену отнюдь не для того, чтобы вместе с внуком посмеяться над его бабушкой, и не для того, конечно, чтобы показать, какое богатое у ребенка воображение. Робинзон и бабка действительно похожи друг на друга, и сходство это лишено какой бы то ни было комичности. И Робинзон, и бабка более всего дорожат жизнью, живут вопреки обстоятельствам, наперекор судьбе. Для них жизнь – абсолютная ценность, отсюда и страх потерять ее (и не важно в данном случае, что один боялся

потерять собственную жизнь, другая опасалась за жизнь своего внука). Мог ли автор вместо Робинзона упомянуть здесь какого-нибудь другого литературного героя? Разумеется, мог. Однако трудно найти другого такого персонажа, кто, как Робинзон, сделал бы выживание целью и смыслом своего существования, в ком жажда жизни была бы столь колоссальной и столь неистребимой. Антон сравнил с испугавшимся Робинзоном бабку, а мог бы сравнить с ним и самого себя. Чтобы понять почему, следует принять во внимание контекст, в котором возникает рассматриваемая отсылка.

Антон, как любой мальчишка, мечтал о подвиге, однако статьи о пионерах-героях читал «со смутным чувством: сомневался, что никого не выдаст», если его будут жестоко пытаться, например, так, как Зою Космодемьянскую. Антон боялся, и боязнь была столь велика и глубока, что породила «детские комплексы». Страхи героя, вызванные сомнениями в собственной храбрости, сродни тому испугу, что испытал Робинзон при виде человеческих следов. Ужас, пережитый бабкой, был мгновенным, в то время как Робинзон томился неведением несколько лет, что не могло не сказаться на его психике. Весьма протяженными во времени оказались и детские страхи Антона. Не случайно, кажется, говоря о них, автор не только подчеркивает мучительность переживаний своего героя, но и упоминает об американском психоаналитике, изучавшем его «детские комплексы». Сравнение бабки с Робинзоном бросало тень на самого Робинзона. Испуг, испытанный им при виде следов, может быть истолкован и как обыкновенная человеческая слабость. Хотя ему действительно было чего опасаться, все-таки он повел себя как человек не из храброго десятка – как бабка (баба). Герою явно недоставало мужественности. Не хватало ее и Антону. Причем (в случае со следами) оба испугались мучений, которые существовали, к счастью, только в их воображении. Следы босых ног, оставленные Антоном на снегу, – это попытка изжить страхи, усилиями воли преодолеть собственную слабость, это попытка «в домашних условиях» повторить подвиг увенчанных славой героев.

Рассмотрим еще один эпизод, содержащий прямую отсылку к роману Дефо. «Когда в бане замерзал водопровод, бабка мыла Антона дома в деревянном корыте, таком длинном, что он, мальчик рослый, вытягивался в нем во всю длину, и место еще оставалось. <...> Было оно из целикового дуба и походило на скотью напойную колоду у колодца, а еще больше – на ту лодку, которую выдолбил себе Робинзон и которую не мог сдвинуть с места – когда корыто надо было поставить на стол, где проходило мытье, бабка звала деда или Тамару» [7, с. 89]. Основанием для сближения корыта с лодкой Робинзона становится материал, из которого они сделаны (дерево), их внушительные размеры и вес (и лодку, и корыто можно было сдвинуть с места / поднять только с посторонней помощью; Робинзону помогал Пятница, бабке – дед и Тамара). У Робинзона его лодка вызывала восхищение, он называл ее «прекрасной пирогой», «произведением искусства».

Антон же никаких высоких чувств к своему банному «инвентарю» не питал, видя в нем то робинзонову лодку, то «скотью напойную колоду».

Сближаются хотя и похожие, но очень разные предметы. Комический эффект возникает в результате соединения несоединимого: высокого («прекрасная пирога») и низкого («скотья колода»). Однако, как известно, бывают «странные сближенья», и рассматриваемое – одно из них. Каждый из названных предметов помимо своего конкретного значения имеет символический смысл. С лодкой, которую выдолбил себе Робинзон, связаны его мечты о морском путешествии, о свободе. Однако «прекрасная пирога» оказалась для плавания совершенно непригодной и возлагаемых на нее Робинзоном надежд не оправдала. Пусть и прекрасная, но неподъемная, она остается «памятником» несбыточным чаяниям, неосуществленным желанием. Она – не судно, скорее – посудина, то же корыто, что и «скотья колода».

Вернувшийся с фронта Василий Илларионович, обозревая «натуральное хозяйство», созданное руками его родственников, и восклицая при этом: «Робинзон, живой Робинзон!» [7, с. 135], относит увиденную им робинзонаду к эпохе «позднего феодализма», наступившей в середине XX века. Если «пирога» – памятник несбывшимся мечтам, то длинное деревянное корыто, используемое в качестве ванны, является символом отмеченного регресса – поворота истории вспять.

Концептуально значимой в романе «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» была критика цивилизации. Чудаков, изображая советскую робинзонаду, вступает в полемику с Дефо. Он показывает: когда отступает цивилизация, приходит «варварство». Не случайно автор замечает, что Антона мыли в корыте, «когда в бане замерзал водопровод». Водопровод – одно из завоеваний цивилизации, стóит ему выйти из строя, как люди возвращаются едва ли не к пещерному, первобытному существованию.

Итак, с образом Робинзона соотносятся многие герои романа-идиллии, однако у каждого из них робинзонада была своей. Деда и бабушку сближает с героем Дефо, прежде всего, отношение к жизни как к безусловной ценности. «Хозяйственная автономия», созданная их усилиями, становится не только формой спасения от смерти, но и сохранения непреходящих духовных ценностей. Философ-революционер Григорий Васютин – Робинзон наоборот. Его «интеллектуальная» робинзонада, заключавшаяся в подмене жизни революционными выдумками, изображается как следствие инвалидности «по психической части». Способность ребенка видеть мир сквозь призму любимого литературного произведения, находить сходство между вымышленными героями и реальными людьми, обнаруживать в реальной действительности подобия тех вещей, о которых он узнал из любимой книги, используется автором как средство характеристики маленького героя, которого с Робинзоном сближают пока лишь человеческие слабости.

Сделанные нами наблюдения показывают, что Дефо являлся одним из «собеседников» Чудакова, что идеи и образы просветительской пасторали не утратили для него своей актуальности, они служили ему «ключами» к пониманию современности. Диалог с Дефо оказался одним из важнейших элементов авторской поэтики.

Список литературы

1. Булкина И. История внука века // Знамя. – 2012. – № 8. – С. 198–201.
2. Вайль П. Робинзон Чудаков // Российская газета: Федеральный выпуск. – 2008. – № 4578. – [Эл. ресурс]: <http://www.rg.ru/2008/02/01/vayl.html>
3. Дефо Д. Робинзон Крузо / пер. с англ. М. Шишмаревой. – М.: Лексика, 1992. – 286 с.
4. Степанов А. Идиллия vs. прогресс: заметки о прозе А. Чудакова // Тыняновский сборник. – М.: Водолей, 2009. – Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. – С. 400–411.
5. Сурат И. Слово и мир Александра Чудакова // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75. – С. 214–220.
6. Харитонов Д. «Букер» после бури // Новая газета. – 2011. – № 136. – [Эл. ресурс]: <http://www.novayagazeta.ru/arts/49833.html>
7. Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. – М.: Время, 2014. – 640 с.

**А.П. Чехов и русская драматургия конца XX века:
преемственность художественных концепций**

В статье рассматривается развитие тем и образов драматургии А.П. Чехова в драматургии «поствампиловской» волны – в творчестве Л. Петрушевской, Н. Коляды, Л. Разумовской и др.

The article considers the development of motives and themes in drama by A.P. Chekhov in comparison with the Russian drama of the 20th Century: L. Petrushevskaja, N. Koljada, L. Razumovskaja etc.

Ключевые слова: А.П. Чехов, русская драматургия конца XX века, мотив, тема.

Key words: A.P. Chekhov, Russian drama of the 20th Century, motives, themes.

Драматургия А. П. Чехова представляет собой цельную и самобытную систему, последовательно развивавшуюся от ранних драматургических опытов конца XIX века к зрелым пьесам рубежа столетий. Имя Чехова-драматурга связано с оригинальным построением драматической композиции, сценического характера и диалога, с отказом от одногеройности, созданием «драмы настроения» качественным изменением такого элемента поэтики, как конфликт. Его новаторская драматургическая система сформировалась как под влиянием предшествующей реалистической литературы, так и под влиянием современности. А отдельные компоненты чеховской драмы в свою очередь повлияли на творчество многих писателей XX века. В рамках данной статьи освещены компоненты «новой драмы» Чехова, оказавшиеся наиболее востребованными у писателей-поствампиловцев, авторов так называемой «новой волны» (Л. Петрушевская, А. Галин, С. Злотников, В. Арро, В. Славкин, Н. Коляда, Л. Разумовская и др.).

Новизна поствампиловской драматургии заключается не в современности проблематики (если речь идет не только о конкретных социально-бытовых приметах), а приемах драматического высказывания, в современности языка, в «оболочке». Вопросы во времени остаются одни и те же. Здесь обнаруживается первый мостик между чеховской драмой и драматургией «новой волны», являющий собой закономерность самого появления подобных пьес, поднимающих идентичные проблемы.

Поствампиловцы приходят в литературу в конце 1970-х и начале 1980-х годов. Наиболее острое звучание приобрела в этот период психологическая драма, наиболее традиционная для русской сцены, продолжающая линию Островского – Чехова – Горького. К этому времени недавние бурные литературные процессы, казалось бы, улеглись. Интересна мысль

М. Липовецкого о том, что драматургия выходит на первый план после потрясений и сдвигов, когда наблюдается своеобразный застой. «Это жанр реагирует на отверждение новой социальности <...> Драма, находящаяся на подъеме, в сущности, всегда сфокусирована на несбывшихся надеждах. Ее интересуют те, кто платит за социальный сдвиг» [3]. Своеобразная энергия манифестов, желание обнаружить и описать новые социальные типы, не имеющие места в мире нового порядка, ощущение переходности эпохи – все эти элементы просматриваются и в структуре пьес Чехова, и в пьесах 70–80-х годов XX века.

Главным связующим звеном в цепочке преемственности выступает категория героя (в отдельных случаях – система образов в целом). И речь идет не просто об интертекстуальной связи, о постмодернистской установке на игру с классикой, которая позволяет дать точку опоры для диалога с известными сюжетами по новым правилам (например, «Три сестры» Чехова и «Три девушки в голубом» Л. Петрушевской). Схожие исторические условия порождают схожих героев и аналогичную конфликтную ситуацию: человек в сфере быта, человек в эпоху застоя. Поствамиловская драматургия погрузилась в глубину быта, не избегая даже самых страшных подробностей, обнажая катастрофические социальные следствия «болезни бездуховности», предугаданные еще Вампиловым в 60-е годы.

Непрописанность конфликтных положений в чеховских пьесах (в чем критика неоднократно упрекала драматурга) на деле обернулась видоизменением конфликта классической драмы. Безусловно, он во многом продиктован временем (банкротство народнической идеологии 80-х годов XIX века в «Иванове» или предгрозовое время канунов рубежа веков в «Вишневом саде»). Однако герои исключены из общественной практики, и суд над ними переносится в область морального, не ограничиваясь рамками социально-исторического. «Новая драма» Чехова – это отсутствие интриги, выработка будничной, «негероической» концепции изображения жизни и человека. У драматурга от повседневных мелочей всегда был путь к внутренней драме героя, как отражению общего конфликта человека с общим строем жизни (трагическое противоречие между желаемым и действительным, между прошлым и настоящим, настоящим и будущим). С подобными установками и «новая волна» влилась в поток литературы, разрабатывающий в застойные 70 – 80-е годы XX века нравственную проблематику.

Жизнь в 80-е годы не требовала от человека решения глобальных вопросов, не ставила в исключительные ситуации, но при этом в будничной (бытовой) жизни росло неудовлетворение сложившимся положением вещей. В результате на другой исторической почве возник конфликт, сходный с чеховским, – противоречие между человеком и обыденным течением жизни, которое вынуждает героев направлять все усилия только на добывание средств к существованию. Каждый из авторов «новой волны» нашел свое выражение данного конфликта. В. Арро интересовали в первую оче-

редь социальные последствия подобных противоречий. Драматургию Л. Петрушевской отличает интерес к проблемам семьи: в ее пьесах на первом плане – разрушение института семьи, трагический разрыв между разными поколениями.

Выведение поствампировцами на сцену принципиально нового героя (в сравнении с максималистом и борцом с несправедливостью 50–60-х годов) квалифицировалось как «безгеройность», «обочина», «бытовщина» и т. д. Здесь отчетливо видна параллель с парадоксальностью чеховской поэтики, вырастающей из обыденной реальности, и его коллективным героем – русским интеллигентом рубежа веков. В обоих случаях – разделенных историческим шагом в сто лет – важную роль играет историческое самосознание. В пьесы ставятся не новые, но по-прежнему злободневные вопросы: «Что с нами происходит?», «Чем больна душа?». Психологическая драма «новой волны» продолжала настойчиво воссоздавать «историю болезни» общества.

В 70–80-е годы на смену традиционному «положительному» герою советской драматургии приходят вовсе не герои, а «серединные люди», «маргиналы», люди «средненравственные» (по определению критиков). В драматургии «новой волны» был создан групповой портрет «промежуточного» поколения, несущего в себе все черты «негероического героя». Это поколение «людей не очень добрых, но и не так чтоб очень злых, всё знающих про принципы, но далеко не все принципы соблюдающих, не безнадёжных дураков, но и не подлинно умных, читающих, но не начитанных... <...> ни во что не верящих, но суеверных; мечтающих, чтобы общего стало не меньше, а своего побольше...» [4]. Именно таковы герои пьес А. Галина («Восточная трибуна», «Стена»), С. Злотникова («Сцены у фонтана» и «Пришёл мужчина к женщине»), Л. Петрушевской («Уроки музыки»), В. Славкина («Взрослая дочь молодого человека», «Серсо»), А. Казанцева («Старый дом»). Я. Явчуновский пишет следующее: «Подобные персонажи невозможно подвергнуть насильственной рубрикации, четко закрепив за ними исчерпывающее их смысл терминологическое обозначение. Это и не «лишние люди», и не «новые люди». Иные из них не выдерживают бремени почетного звания положительного героя, как другие не вмещаются в рамки отрицательных» [8]. Речь здесь идет о так называемом повседневном героизме: преодоление лжи, предательства, выживание в тягостном монотонном течении жизни – истинно чеховская ситуация.

Однако в промежутке между Ивановым и Войницким, оказавшимися в силу социальных обстоятельств «изгнанниками» из своего времени, и героями «новой волны» в русской драматургии появляется Зилов. А.В. Вампилов показал драматизм внутреннего конфликта целого поколения романтиков, «детей оттепели», которые вынуждены доживать в «чужое время». «Виноватых нет, но всем друг от друга больно и никто никому ничем помочь не в состоянии» [7]. Б.Н. Любимов: «Зиловы прочно укоренились в жизни: их родственники летают во сне и наяву, проносятся в осеннем ма-

рафоне – современные Пер Гюнты, катящиеся по кривой, мимо семьи, работы, друзей...» [4]. Поствампиловцы продолжали исследовать тип разочарованного мечтателя, который не сумел воплотить в жизнь собственные идеалы. «Надорвался» ли герой из-за трагического несоответствия взваленной на себя ноши и собственными возможностями или причина краха кроется за пределами социально-исторического осмысления? Как и в случае с чеховской пьесой перед нами только описание болезни («синдром Зилова»), а не ее анализ.

Обычно герой и чеховских пьес и «новой волны» – это 35–40-летний человек, довольно инфантильный в моральном и гражданском смысле, часто удрученный материальным недостатком и неустроенностью быта человека. Для героя «новой волны» духовная опустошенность – хроническая болезнь, к которой привык и он сам, и все окружающие его люди. Он оказывается на сцене в момент подведения некоторых жизненных итогов. Молодость не забыта, а старость близка. Персонажи осознают, что жизнь невероятно коротка и прожита она не так, но переделывать ее, кажется, уже поздно. Каким хотел быть? Каким стал? Почему «не состоялся»? Подобными вопросами задаются Иванов, Сорин и даже молодые чеховские герои – Заречная, Треплев, сестры Прозоровы; эти же вопросы мучают музыканта Вадима Коняева и его бывших одноклассниц («Восточная трибуна» А. Галина), редактора литературного журнала Нелли («Колея» В. Арро), героев пьес «Спешите делать добро» М. Рощина и «Пришёл мужчина к женщине» С. Злотникова. И, как правило, оказывается, что «планка» юношеских надежд была установлена ими слишком высоко.

Врач Шабельников и его жена Алина («Смотрите, кто пришёл» В. Арро) вынуждены признать, что у них «непрочные позиции» в жизни, что они «ничего из себя не представляют», не умеют «сделать счастливыми» ни себя, ни близких, что легко уступают своё место людям с деловой хваткой. Рефлексирует по этому поводу Нелли, героиня пьесы Арро «Колея». Уже в начале драмы, описывая квартиру героини, автор замечает: «чувствуется, что здесь в прежние годы возвращали новый бытовой стиль, простой и раскованный, но, не возрадив, бросили на середине...». Чеховский мотив несостоятельности, несостыковки мечты с действительностью – главный в пьесе.

В самых значительных пьесах поствампиловцев часто обращение к корням в поисках смысла жизни, возникает тема прошлого, ушедшего безвозвратно и выступающего в контрасте с днем сегодняшним. Так, актуальным в драматургии поствампиловцев становится мотив времени, бывший в чеховском мировосприятии одним из значимых, так как само понятие «время» у драматурга – емкое, соотносимое со всей человеческой жизнью, ее целью и смыслом. Образ скрипача Коняева («Восточная трибуна» А. Галина) ностальгическое чувство по той поре, когда он мечтал стать композитором и прославить в музыке «улицу своей юности». Уже двадцать лет мучается оттого, что «не может поставить своё прошлое на пол-

ку», Бэмс («Взрослая дочь молодого человека» В. Славкина). Бывший «первый стилиста, король джаза» с болью и обидой вспоминает о том, как они, «поколение Политехнического», в своё время не были поняты ни институтским начальством, ни комсомольскими вожаками и как неадекватно дорого обошлись им невинные увлечения. «А тогда нам вжарили и за кока-колу, и за джаз, и за узкие брюки. Потому что тогда-то было точно известно – если нам это нравится, значит, мы плесень! Гниль! Не наши. Двадцать лет!.. Жизнь!..» (Славкин В. «Памятник неизвестному стилисту»).

Внутренний разлад героев доходит «самоказни», «самоедства» (Иванов А. Чехова, Бэмс В. Славкина, Нелли В. Арро). «И куда всё ушло? <...> Во мне сидит ненасытная жаба тщеславия. <...> И именно поэтому отсюда уходят, уходят все, сначала муж, потом дети...». Комплекс вины перед собой и близкими на свою «несостоятельность» – лучшее, что есть в этих героях. Вызывает сочувствие и их желание что-то исправить, наверстать упущенное. Однако почти во всех случаях метания от одиночества, непонимания, утраченных иллюзий вследствие обстоятельств, не зависящих от героев, приводят их к иллюзиям новым, к играм в дом, в семью и т. д. У некоторых героев в структуре пьес наблюдаются антиподы: врач Львов взывает к совести Иванова; официант Дима и Саяпин «учат жить» Виктора Зилова («Утиная охота»), «мелкий коммерсант» Олег Потехин – Вадима Коняева и его одноклассник («Восточная трибуна» А. Галина) и др. И в драматургии Чехова, и в драматургии «новой волны» эти «антиподы» так же неоднозначны: не ангелы и не злодеи, но практичные люди, предпочитающие действия пассивному самоанализу.

Поствампировская драматургия исследует душевный разлад героев (что показательно, чаще – интеллигентов) как следствие нравственной атмосферы застойного времени, в котором были все условия для двойной морали, когда духовный потенциал человека стал обесцениваться, а талант и образованность не всегда оказывались востребованными. Но почему так легко отступают эти люди перед цинизмом, хамством, здоровой логикой? На этот вопрос пытались ответить еще исследователи чеховской драматургии. Откровенное признание в непонимании своей жизни и самих себя говорит о бессилии персонажей. Как таковое оно не несет никакой враждебности, но все-таки губительно для героев-«недотеп», так как граничит с малодушием. Страх перед грубостью и пошлостью парализует их души. «Они ограничиваются самым незначительным и внешним, стыдятся своего благородства, стараются изобразить себя в самом неприглядном виде; все, лишь бы не показаться героями» [6]. Отсюда и постоянные контрасты: возвышенные тирады-манифесты и тут же – иронизирование героев над собой и своими переживаниями. Становится ясно, что существенно изменившееся в чеховскую эпоху само понимание героического – явление непреходящее и характерно не для одной только эпохи рубежа XIX–XX веков: на смену героизму одиночек пришло всеобщее недовольство неустроенно-

стью жизни, на смену реальным столкновениям протагонистов – противоречия в «индивидуально-интимной психике» (Скафтымов А. П.).

Разговор о герое современной драматургии (и литературы в целом) сложен, многоаспектен и не позволяет прийти к окончательным выводам во многом из-за самого понятия героя. В русском языке слово «герой» чрезвычайно семантически нагружено. Как понятие он включает в себя английские «hero», «character» и «protagonist». Отсюда – постоянное расширение круга вопросов, связанных с изучением категории героя. Отправная же точка должна быть всегда одинакова: герой (в любом из своих значений) возникает из общественной потребности в нем. На современном этапе сложность заключается в «размытости» героя, в его келейности. Если в классический период для него всегда существовало поле деятельности (включая и нравственные коллизии), то сегодня герой боится быть героем (своеобразное стыдливых и благородных «недотеп» Чехова). Если *герой* будет, что на какую войну и в какое поле его отправлять? В современной драматургии разворачивается спор о герое, поиск героя времени, кровно связанного с требованиями современной жизни.

Оригинальный жанр чеховских пьес заключается в балансировании на грани драмы и комедии, хотя в ряду разнообразных толкований чеховских жанровых подзаголовков наиболее часто употребляется понятие трагикомедии. Известно, что менее всего Чехов склонен был видеть в своих пьесах драмы и тем более трагедии. В них запечатлен исторический момент: происходит смена укладов, смена времен, и процесс этот он не трагичен, а естественен. Наблюдения над жанровой природой пьес драматургов-поствампировцев показывают, что и в данной сфере можно провести немало параллелей (в частности, в отношении драматургии Л. Петрушевской). В малых пьесах Петрушевской и прочих драматургов «новой волны» важен второй план, подтекст, который может резко контрастировать с планом изображения, поэтому в жанровом отношении они близки чеховским «большим» пьесам, «комедиям» с отнюдь не смешными сюжетами и финалами. Пьесы Петрушевской, как и чеховские, синтетичны в отношении жанра: в них гротеск и сатира сосуществуют со своеобразным лиризмом, комическое в двух шагах от трагического.

Еще одним звеном преемственности между чеховской драмой и пьесами «новой волны» является категория хронотопа. Время и пространство в искусстве выступают в качестве важнейших параметров внутреннего мира произведения. Внутренний мир драматического произведения не исключение. Особенно большой объясняющей силой хронотоп обладает по отношению к чеховской драме. Пространственно-временная организация пьес А.П. Чехова обусловлена желанием писателя запечатлеть жизнь в ее повседневном течении, а также желанием показать устремленность героев за рамки собственного биографического времени и тяготящего их места пребывания. Монотонное течение времени, череда ничем не примечательных событий уносит все надежды героев. В пьесах А.П. Чехова герои по-

стоянно сталкиваются со свойством времени приносить человеку потери. Значимую роль играет и пространственная категория. Пространство в чеховских пьесах – это не только непосредственный ареал бытования героев, но и внесценические просторы (что обуславливает эпичность чеховской драматургии), воплощающиеся в речи самих действующих лиц.

Как отмечает О.Ю. Багдасарян, в драматургии социально-бытовой, в производственных пьесах (предшествующих драматургии «новой волны») «художественное пространство и время выполняли функцию скорее прагматическую — демонстрировали условия, в которых человек живет, работает, формируется. <...> В советской литературе тенденция создания атмосферы через образы пространства и времени возрождается благодаря лирической мелодраме – в пьесах Арбузова, Розова, Володина, и находит свое логическое продолжение в пьесах их учеников, многие из которых – драматурги-поствампилловцы» [1]. То, что хронотопические образы играют для поствампилловцев важную роль, становится очевидным уже благодаря заглавиям пьес, которые ориентированы на конкретные образы времени и пространства: «Пять романсов в старом доме», «Старый дом», «Сад», «Сад без земли», «Пять углов», «Восточная трибуна», «Колея», «Сцены у фонтана», «Уходил старик от старухи», «Взрослая дочь молодого человека» и другие.

В структуре пьес Чехова главную смысловую функцию несут хронотопы имения (усадьбы) и сада. Многие драматурги-поствампилловцы, продолжая традиции Чехова, обращаются к аналогичной паре хронотопов – дома и сада. Дворянская усадьба перестает быть местом обитания интеллигентов XIX века, но не теряет свой статус символа и провозвестника будущей гармонии. Хотя сад как символ соборности, о которой пророчествовала русская литература, перестает существовать: его вырубают в последней чеховской пьесе. Второго такого же сада уже не будет.

Место действия в пьесах «новой волны» всегда несет на себе отпечаток быта, «дом» в них – это и дача, и гостиница, и квартира, и ресторан, и стадион. Почти всегда это пространство – тесное, запущенное, характеризующееся отсутствием уюта, бытовой неустроенностью: ремонт в квартире в пьесе В. Арро «Пять романсов в старом доме»; в «Восточной трибуне» А. Галина стадион, на котором прошли лучшие годы юности героев, разрушен; ресторан «Урал», в котором герои празднуют свадьбу, смешит окружающих старой вывеской с отпавшей буквой «л» («Тамада» А. Галина).

И.Н. Сухих выделяет в пьесах Чехова сюжет «внешний» и «внутренний». Данное замечание применимо и к драмам поствампилловцев. Так, встреча – одно из самых частых сюжетобразующих событий в пьесах поствампилловцев – событие сюжета внешнего, и происходит оно в том самом «неустроенном» бытовом пространстве. Однако, провоцируя воспоминание героев о прошлом, подведение жизненных итогов, обуславливая лирический сюжет драмы, эта встреча становится событием и «внутреннего» сюжета. «Внутреннее действие развивается неявно, подспудно, обнаружи-

вает себя в паузах, неожиданных поворотах темы, лирических монологах героев. Конкретные детали, обстоятельства жизни героев, выясняющиеся по ходу действия, точнее обозначают те изменения, которые произошли с персонажами, мотивы их сегодняшних настроений» [1]. Приезд в заброшенный дом на выходные («Серсо» В. Славкина) вызывает целый фейерверк признаний героев и настоящую игру воображения. Встреча является завязкой действия, соединяет на время разобщенных героев «Вишневого сада» Чехова и бывших одноклассников в «Восточной трибуне» А. Галина. И это первое – и главное – событие первых актов пьес отводит событийную сторону действия на второй план. Скафтымов указывал на то, что Чехов-драматург не ищет грандиозных событий для своих героев, его более всего интересует их «чувство жизни», ее «эмоциональное содержание». В какой-то степени это высказывание справедливо по отношению к драме «новой волны». Таким образом, в действии пьес современных авторов, как и пьес А.П. Чехова, можно выделить два потока: один связан с поступками персонажей, другой – с движением, эволюцией, происходящей в их внутреннем мире. «Внутренний» сюжет пьес обнаруживает себя через их поступки, а также через особенности реплик персонажей. Обычно у В. Арро, Л. Разумовской, В. Славкина и Л. Петрушевской диалог действующих лиц обнаруживает типологическое сходство с чеховским. Герои поддерживают основную тему разговора, но отвечают скорее на собственные мысли, чем на реплики собеседников. Поэтому создается впечатление, что герои «не слышат» друг друга.

Важная параллель между чеховской поэтикой и поэтикой поствампировцев – мотив продажи имения/дома. У Чехова эта тема так или иначе затрагивается в каждой пьесе; в драмах «новой волны» продажа дома – еще один аспект отчуждения персонажей друг от друга и от собственного места пребывания. Петушок, герой пьесы «Серсо» В. Славкина, с надеждой на преодоление разобщенности собирает своих знакомых и привозит в старый заколоченный Дом, который достался ему по наследству. Душевный порыв, воплощенный материально, оказывается искаженным: в течение вечера появляются сразу несколько потенциальных хозяев. Утопичность затеи Петушка, призрачность созданного героями мира подчёркивается заключительной репликой Валюши: «Мне показалось... я подумала... что именно сейчас мы вместе могли бы жить в этом доме». Точно так же в «Колее» В. Арро героиня наивно полагает, что достаточно купить круглый стол, «чтобы касаться локтями», повесить над ним старинный абажур, похожий на «купол, венчающий здание», починить давно испорченные часы – и воцарится атмосфера Дома, подобного дому Турбиных. Пьеса «Смотрите, кто пришел!» В. Арро и вовсе начинается продажей дачи, а заканчивается смертью одного из героев. Также четко прослеживается у драматургов-поствампировцев тема «другой жизни». Эта тема проходит определенные этапы от идеализированного представления о «другой жизни» до полного отрицания (В. Славкин «Взрослая дочь молодого человека», А. Галин

«Группа», Н. Коляда «Полонез Огинского»). Однако воображаемое пространство и время для героев всегда имеет позитивный эмоциональный заряд, «они существуют в пьесах в пространстве представления — вводится через речь героев (на уровне предметно-логическом и интонационном), через мотивы музыки, игры, через звучащую музыку, танцы, через культурные архетипы Дома и Сада, интермедии, вставные эпизоды» [1].

Продолжая традиции А. П. Чехова, драматурги «новой волны» так же расширяют сценическое пространство. Но если чеховское пространство — его расширяющаяся Вселенная (Б. Зингерман) — вбирает в себя и усадьбу, и сад, и окружающую природу («Вся Россия наш сад»), то в театре поствампировцев этой гармонии уже нет. Появляется «сад без земли» у Л. Разумовской; не сад, а участки садового кооператива у В. Арро и т. д. Расширение пространства происходит только благодаря введению большого числа действующих лиц, населяющих внесценическое пространство. Л. Петрушевская для расширения хронотопа напрямую использует аллюзии на чеховские пьесы, прибавляя к собственному пространству пьесы еще и пространство произведения А.П. Чехова.

Пространство пьес «новой волны» населяют представители трех поколений: не только среднего, но старшего и младшего. С каждым из них соответственно связаны темы настоящего, прошлого и будущего. Таким образом, «в их пьесах [драматургов «новой волны». — *Е.П.*] множество внесценических персонажей, чувствуется присутствие Истории и ее влияние на день сегодняшний. Таким образом, сценическое пространство расширяется до пределов всеобъемлющей картины жизни» [5] (В. Славкин «Взрослая дочь молодого человека», С. Злотников «Уходил старик от старухи», А. Галин «Восточная трибуна» и др.). Пьесы А.П. Чехова совершили своеобразную революцию в литературе и театре. Найденные им оригинальные элементы поэтики до сих пор питают мировую драматургию. Чехов увидел драму людей, отчаянно сопротивляющихся натиску своего времени. Драматурги-поствампировцы, обращающиеся к типологически сходному конфликту, не находят разрешения противоречий между человеком и миром. Но возможность выхода из жизненного тупика присутствует в их пьесах в качестве авторского идеала, что также свидетельствует об ориентации драматургов на творчество А.П. Чехова. Чеховская традиция, видоизменяясь в творчестве каждого нового поколения драматургов, позволяет отразить противоречия современной действительности, является важным фактором развития русской литературы.

Список литературы

1. Багдасарян О. Ю. Поствампировская драматургия: поэтика атмосферы: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006. — 24 с.
2. Зингерман Б. И. Театр Чехова и его мировое значение / отв. ред. А. А. Аникст. — М.: Наука, 1988. — 521 с.

3. Липовецкий М. Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 73. – С. 244. – 278 с.
4. Любимов Б. Переходный возраст // Современная драматургия. – 1983. – № 4. – С. 217–227.
5. Мищенко Т. А. Традиции А.П. Чехова в современной русской драматургии: дис. ...канд. филол. наук. – Астрахань, 2009. – 23 с.
6. Мочульский К.В. Театр Чехова // А.П. Чехов: pro et contra: Личность и творчество А.П. Чехова в русской мысли XX века: Антология / сост., предисл., общ. ред. Сухих И.Н. – СПб.: РХГА, 2010. – Т. 2.
7. Скафтымов А. П. Драмы Чехова // Волга. – 2000. – № 2–3.
8. Явчуновский Я. И. Драма вчера и сегодня: Жанровая динамика. Конфликты и характеры. – Саратов, 1980. – 254 с.

Проблема брака в творчестве Франка Ведекинда

В статье рассматривается проблема брака в творчестве немецкого драматурга Франка Ведекинда. Для анализа использованы сочинения писателя разных лет, а также биографические источники. Представленный материал позволяет раскрыть особенности философской и эстетической концепций Ведекинда, лежащих в основе его рассуждений о гендерных конstellациях.

In this article we research the conception of marriage and gender relationships in the dramatic and prose works of German playwright Frank Wedekind. His writings, memoirs of his friends and his wife, opinions of his biographies rebuild the system of Wedekind's original ideas about life philosophy and human society.

Ключевые слова: Ф. Ведекинд, немецкая драматургия, Тилли Нойес, сексуальность, патриархатный брак, проституция, эмансипация, евгеника.

Key words: F. Wedekind, German dramatic, Tilly Newes, sexuality, patriarchate marriage, prostitution, emancipation, eugenic.

Проблема семейных отношений и брака была едва ли не самой востребованной в литературе XIX века. Особенный всплеск интереса к ней приходится на 80–90-е годы – время перемен, ознаменовавших конец старого тысячелетия, когда модели человеческих взаимоотношений, сформированные законами патриархатного общества, рушились под натиском движения за равноправие полов и женскую эмансипацию, сексуального просвещения и идей свободной любви. Литературное воплощение эти темы нашли в творчестве Л. Толстого, Т. Манна, А. Стриндберга, Г. Ибсена и др. В данной статье мы бы хотели подробно остановиться на произведениях немецкого писателя Франка Ведекинда (1864–1928) и его оригинальной трактовке «механизма брака» [5, II, с. 223].

«Нам известно, каков механизм газового мотора и самолета. Но мы ничего не знаем о механизме брака. Этот механизм не описан ни в одной книге мира, зато ежегодно публикуются сотни книг, в которых об этом рассказываются фантастические небылицы, в которых человечество предается своей старой страсти – морочить себе голову по поводу важнейших вопросов. Тысячи образованных людей полагают, что их брак держится на том, что они женаты. Подлинные основания для сожительства совершенно не принимаются в расчет», – писал Ведекинд в эссе 1910 года „Über Erotik“ («Об эротике») [5, II, с. 223]. Писатель был женат один раз. В 1906 году он женился на успешной актрисе Матильде (Тилли) Ньюз, которая была вдвое младше писателя и покорила его уверенностью в собственных силах и

естественностью (качеством, которого он добивался от всех исполнительниц роли Лулу). Позднее Ведекинд утверждал, что Тилли женила его на себе, сам же он, привыкший к легким непродолжительным романам с дамами из богемной среды, никогда не помышлял о браке. Друзья предсказывали писателю, что его союз не продержится более десяти лет. Действительно, брак, первые годы которого были вполне счастливыми, вскоре дал трещину. «То короткое время, пока мы не были женаты, прошло как во сне, и мне казалось тогда, что я действительно любила Франка. Возможно, из этого действительно могла бы получиться любовь, если бы он верно понимал, в чем ее суть. Однако, с одной стороны, он меня обожевлял, с другой стороны, запугивал. Я была так молода и незрела, как воск в его руках. Но вместо доверия и общности интересов речь все больше шла об одностороннем уважении. Это выглядело почти так, как будто бы он боялся подпустить кого-то слишком близко к себе. При этом ему не хватало любви», – писала Тилли Нойес [4, с. 53]. Черты характера Тилли, которые некогда так привлекали писателя, вскоре стали поводом для постоянной ревности и упреков с его стороны. Тилли должна была доказывать мужу свою к нему привязанность и полностью посвящать ему свою жизнь. При этом Ведекинд и после вступления в брак не изменил привычек своей бурной молодости. В своем дневнике Тилли жалуется на постоянное чувство одиночества и с горечью заявляет, что в браке с Ведекиндом потеряла право свободно распоряжаться своей жизнью: «У него есть ПРАВО требовать, чтобы женщина была только в его распоряжении, у него есть ПРАВО расторгнуть ее договор, если он ему не подходит <...>. Таким образом, становишься пленницей, хотя и пленницей по доброй воле. Мы не «равноправны». Брак – это такой же неравный договор, как и театральные договоры» [4, с. 53]. Отношения супругов оставались гармоничными только в совместной работе в театре. Тилли сыграла почти всех героинь пьес Ведекинда. Но ни работа, ни рождение двух дочерей не спасло пару от развода, который произошел незадолго до смерти писателя. Впоследствии Тилли напишет в мемуарах, что Ведекинд воспринимал их брак как герой его пьесы писатель Альва: «он занимался этим только теоретически, а в действительности это не играло для него большой роли». Она также признается, что отношения с Ведекиндом были сложными из-за его неспособности показать свои истинные чувства и эмоции. Он прятал их за маской «неутомимого воспитателя и учителя», поскольку боялся, что она воспользуется его слабостью и «обведет его вокруг носа». Об этой черте характера писателя упоминал также его друг и биограф Артур Кучер. «Ему даже нравилось выкидывать всякую чертовщину», – отмечал он [1, с. 231]. Благодаря этому Ведекинд получал необходимую для него свободу творчества, «бесстыдно выставлял на обозрение на сцене» [4, с. 83] все то, что, по видимому, опасался демонстрировать своим близким в стенах своего дома. Анатолий Регнир цитирует в своей биографии отрывок из дневника Тилли Нойес: «Полагаю, Франку доставляло извращенное удовольствие показы-

вать меня людям во всевозможных "голых нарядах", а в личной жизни держать на все большем расстоянии». Регнир называет постановки пьес Ведекинда с участием Тилли Нойес «экзгибиционизмом». Кроме того, напрямую Ведекинд переносил сцены из личной жизни в свои пьесы. В пьесе «Цензура» (1908-1909) он изображает историю своих отношений с Тилли [4, с. 61].

О своем отношении к браку Ведекинд рассуждает во многих драматических произведениях. Так, главный герой пьесы «Смерть и дьявол» („Tod und Teufel (Totentanz)“, 1905) владелец борделя Касти Пиани излагает свою позицию по отношению к браку: «Всю жизнь я любил тигриц. В окружении сук я всегда был как чурбан. Меня утешает только то, что брак, который вы так вдохновенно превозносите и для которого выращивают сук, является культурным учреждением. Культурные учреждения возникают затем, чтобы их преодолели. Человечество преодолет брак так же, как оно преодолело рабство» [5, II, с. 307]. Браку он противопоставляет проституцию. По словам Касти Пиани, женщине проституция дает возможность быть по достоинству оцененной мужчиной и в соответствии со стоимостью занять свое место в обществе, не унижая себя лицемерным поведением «во имя морали брака» [5, II, с. 307]. Деньги, вырученные за любовь, позволят материально обеспечить внебрачных детей даже лучше, чем тех, кто рожден в законном браке. Кроме того, проституция даст, наконец, женщине, свободу, то есть позволит ей, не «дожидаясь любви», «соблазнить, кого она хочет и когда она хочет» [5, II, с. 307], иными словами, следовать своей природе. В противном случае «взрослая женщина» никогда не узнает, «что означает быть женщиной» [5, II, с. 307]. Мужчины же смогут насладиться общением с девушками легкого поведения («Freudenmädchen» – в буквальном переводе с немецкого «девушка, дарящая радость»), избежав при этом чувства стыда и страха подвергнуться осуждению общества. Преимущество же брака Касти Пиани видит только в экономической выгоде. Содержать и кормить несколько женщин тяжелее, чем одну. «Это и есть основа брака», - заявляет он [5, II, с. 309].

Модель «несчастливого брака» Ведекинд представляет в мистерии «Франциска» („Franziska“, 1911). Молодая девушка Франциска предпочитает браку и семейному счастью «страховку, в случае рождения ребенка» [5, II, с. 646]. Когда Вейт Кунц, «руководитель звезд» („Sternenlenker“), предлагает Франциске прожить год жизнью мужчины в обмен на ее согласие стать его любовницей и «рабой» [5, II, с. 654], она с готовностью соглашается. Переодевшись мужчиной, Франциска или Франц делает блестящую карьеру певца и вступает в брак с Софи. А затем заводит интрижку с актрисой из своего театра. С точки зрения буржуазной морали ее брак не вызывает никаких подозрений. В глазах общества Франц – успешный певец и супруг очаровательной Софи. Супружеская измена воспринимается и Софи, и обществом как норма, как часть жизни мужчины. Более того, именно измена подтверждает гендерную принадлежность Франца. «Из-за

твоей измены она увидит в тебе мужчину», - говорит Франциске Вейт Кунц. После «призрачной измены» между супругами происходит объяснение. Выслушивая упреки Софи, Франц объясняет, что «между изменой и изменой мораль видит огромную разницу. Мы, мужчины, не выставляем свою природную сущность на продажу. Мы только покупатели. Нам хватает природы в качестве наслаждения. Уже оплата доставляет нам удовольствие. У вас, девушек, природа – это то, что определяет вашу жизнь. То, что для вас является природой, для нас это – целый мир, который довлеет над нами как кара» [5, II, с. 668]. Софи обижена невниманием мужа, но в целом воспринимает измену и объяснения Франца как должное. Мысль о разводе даже не приходит ей в голову. Она выполнила свое предназначение – вышла замуж («Каждая девушка хочет выйти замуж! В 25 лет мы уже отцветаем!») [5, II, с. 674-675]). Намеки мужа на то, что и она могла бы свободно любить и завести любовника, возмущают ее. Следуя воспитанию, вступив в брак, она обязуется соблюдать приличия: «Любовь и верность превозносятся в качестве святых добродетелей женщины. Я чувствую себя не ниже, я чувствую себя много выше других женщин» [5, II, с. 679]. «Вершина ослепления!» – комментирует ее слова Вейт Кунц [5, II, с. 679]. Единственная просьба, с которой Софи обращается к мужу, – это то, на что она рассчитывала, вступая с ним в брак, то есть рождение ребенка. Она готова даже на усыновление. Однако Франц наотрез отказывается выполнить ее просьбу, вспоминая о том, как «его родители жили, вечно споря друг с другом» [8, с. 670]. По словам Ведекинда, брак Франца и Софи – это «настолько несчастливый брак, каким он не может быть в действительности, в известной степени карикатурное изображение несчастливого брака» [5, I, с. 812]. Это брак, созданный по модели традиционного буржуазного брака, все составляющие которого доведены до абсурда. Однако мысль автора очевидна: брак не имеет ничего общего с любовью или привязанностью. Брак – это условность, с помощью которой общество держит под контролем нравственность и мораль своих граждан. Это иллюзия для женщины и мужчины, которые вступают в брак, каждый преследуя свои цели (успеть выйти замуж, получить социальный статус или удовлетворить собственное тщеславие). Как говорит герой пьесы «Замок Веттерштайн» („Schloss Wetterstein“, 1912): «Брак – это помимо рождения и смерти самое неумолимое, чему подвержены мы, смертные» [5, II, с. 565]. Для героини пьесы брак – это способ продолжить любовные отношения с Кунцем, не вызывая ни у кого подозрения, и вести тот образ жизни, к которому стремилась. Брак Франциски – это, безусловно, издевка над двойной моралью, лицемерием и нравственными основами буржуазного общества.

В пьесе «Карл Хетманн» („Karl Hetmann, Zwergriese“, 1904) Ведекинд противопоставляет браку свободную любовь. Главный герой Карл Хетманн, секретарь международного союза по культивированию породистых людей (нем. „Sekretär des Internationalen Vereins zur Züchtung von Rassenmenschen“), призывает людей, обладающих исключительными внешними

данными, «бросающейся в глаза» красотой, вступить в союз, в котором «любовь – это право всех на всех», «все женщины покорны мужчинам, а мужчины женщинам» [5, II, с. 237]. Он заявляет, что целью деятельности союза является создание новой морали, подчиняющейся «закону красоты» [5, II, с. 234]. Члены союза, физически красивые люди, жертвуют своими принципами «общепринятой морали» и созданием семьи и вступают в интимные отношения друг с другом, производя на свет себе подобных и способствуя тем самым «развитию красоты» [5, II, с. 238] в мире. Эта миссия – величайшее бремя, которое ложится на плечи членов союза и роднит их с богами. Идеи Хетманна находят горячую поддержку. Герои пьесы вступают в союз и пропагандируют его деятельность и ради экономической выгоды, и ради собственных убеждений.

О создании новой морали и «нового общественного порядка, основанного на свободной любви» [6, с. 886] Ведекинд размышляет также в одном из своих ранних прозаических произведений сочинении «Эдем» („Eden“, 1890/92). В своей критической статье Хартмут Винкон справедливо отметил, что чтение «Эдема» вызывает удивление и «переносит нас в совершенно другой мир» [7, с. 2]. Автор сочинения рисует перед нами картину нового общества, членами которого могут стать мужчины и женщины в возрасте 20-50 лет. Все жители «Эдема» распределены по нескольким закрытым учреждениям: «родильный дом», «учреждение для маленьких детей», «учебно-воспитательное учреждение для мальчиков», «учебно-воспитательное учреждение для девочек» и «храм». Беременные женщины разрешаются от бремени в родильном доме. Новорожденные перемешиваются между матерями, чтобы оборвать родственные связи и предотвратить установление семейных отношений. До 10 лет дети воспитываются в «учреждении для маленьких детей», а затем переводятся в «учебно-воспитательное учреждение» для мальчиков или для девочек. Особенное внимание уделяется их физическому развитию. Гимнастика, плавание, катание на лошади, подвижные игры входят в программу обучения как девочек, так и мальчиков. Л.Д. Троицкий отмечал, что Ведекинд «боготворит красивое человеческое тело, вернее женское тело, благородную посадку головы, плавность и законченность движений» [2, с. 338–339]. Красивые мальчики отмечаются клеймом. Красивые девочки попадают в храм и остаются невинными до 20 лет. Остальные девочки, достигшие возраста половой зрелости, лишаются невинности на весеннем празднике с партнером, которого они сами могут выбрать. Мальчики, достигшие половой зрелости, могут быть переведены в храм на 8 дней и пройти обучение у женщин 20-30 лет. Затем получившие первый опыт общения с женщинами помещаются во временное учреждение, где они дожидаются следующего праздника весны. Жертву для праздника весны, важнейшего события в жизни сообщества, выбирают среди самых красивых мальчиков. Ведекинд описывает весьма изощренный обряд посвящения жертвы, в котором приносятся кровавые жертвы и происходят публичные половые акты. Кроме кровавого праздника весны есть еще осенний праздник и связанные с ним

ритуалы, построенные на длительных сексуальных контактах, дефлорации, смене партнеров и бичевании. Сцены, описанные Ведекиндом в «Эдеме», безусловно, напоминают по своей жестокости и предельной откровенности романы де Сада. Однако, в отличие от героев де Сада, жители «Эдема» проводят свои ритуалы публично. Как отмечает Винкон, Ведекинд «сознательно обращается к семиотике порнографии» [7, с. 8]. Так же, как де Сад и либертины, он с помощью насилия и порнографии пытается освободиться от представлений «общепринятой морали» и религии и создать модель нового человека. Опираясь на свои знания медицинской и научной литературы, писатель формирует, по сути, новый вид человека – примитивного сексуального существа, «конструкцию государственно управляемой общественной телесной машины» [7, с. 9]. Человеческое тело, сексуальность стоят вне законов морали и нравственности. «Эдем» – этой рай, в котором сексуальность получает абсолютную легитимность. Поскольку жители «Эдема», пережившие ритуалы, получают возможность покинуть сообщество, новый мир Ведекинда – это переход между сознанием буржуазного общества и закрытым для обывателей миром сексуальности.

Отметим, что особенным статусом в «Эдеме» обладают жрицы, самые красивые женщины сообщества, хотя они и контролируются мужчинами (врачи, надсмотрщики). Настоящая женщина (нем. „Weib“) в представлении Ведекинда – это источник сексуальности. Женщина соблазняет мужчину. Мужчина, плененный ее красотой, позволяет себя соблазнить. По утверждению современного биографа Ведекинда Анатоля Регнира, писателя преследовала всю жизнь навязчивая идея о том, что женщина «не должна ничего испытывать при половом акте, а мужчина ничего не может сделать при отсутствии возбуждения, поэтому мужское подчиняется женскому» [4, с. 61]. Поэтому сексуальность у Ведекинда – это источник власти, а женская красота – это цель ее достижения.

Альтернативой браку могла бы стать поддержка движения за равноправие женщин. Ведекинд, безусловно, интересовался работами феминисток и читал некоторые из них. Об этом есть упоминания в его дневниках. Если учитывать записи в дневнике его жены Тилли Нойес и иронические высказывания героев (мужчин) по поводу женской эмансипации, то позиция писателя по этому вопросу была весьма противоречива: «Элементы личности никогда не давали утихнуть в нем борьбе противоречивых тенденций» [1, с. 226]. «О женском вопросе, о переходе в собственность и владении человеком» автор размышляет в пьесе «Франциска». Вейт Кунц предлагает Франциске сделку в обмен на ее «рабство». Он полагает, что после истечения срока договора его любовница добровольно отдаст свою жизнь ему в руки. Однако Франциска предает его. Знания, которые она приобрела, позволяют ей стать свободной личностью, для которой неприемлемы условия добровольного рабства женщины. Она открыто смеется над самоуверенностью любовника. Позднее Вейт Кунц задается вопросом, надо ли было содействовать «развитию» Франциски и каким должно быть это «развитие», где проходит граница, за пределами которой женщина превращается из контролируемого партнера в угрозу для мужчины. Пове-

дение, смелость суждений и высказываний героини, за которые в былые времена «женщину сожгли бы на костре» [5, II, с. 720], пугают мужчин. Кстати, эмансипированная Франциска отвергает любую помощь и становится матерью-одиночкой, добровольно отказываясь от брака с Вейтом Кунцем и другим потенциальным отцом. В пьесе «Карл Хетманн» один из героев с иронией отзывается о женском движении: «Женскому движению, без сомнения, принадлежит будущее. В качестве деловой основы для нашего предприятия она, к сожалению, не имеет ценности по причине уродства ее поборниц. Как только красивые женщины примкнут к женскому движению, оно станет для нас золотой жилой!» [5, II, с. 225]. В пьесе «Смерть и дьявол» служанка главной героини Лизочка, начитавшись феминистской литературы, уходит в бордель. Ее хозяйка Эльфрида, девственница и «член международного союза по борьбе с продажей девушек в дома терпимости», после знакомства и беседы с владельцем борделя Касти Пиани умоляет его лишить ее девственности и продать клиентам. Сам Касти Пиани называет женскую эмансипацию «пустой болтовней», «естественную потребность» женщины он видит в материнстве [5, II, с. 304]. Однако пока в обществе царят законы нравственности и предрассудки, внебрачные дети считаются еще большим позором, чем внебрачные связи. Фанни из пьесы «Карл Хетманн» не считает себя феминисткой, но выступает с «оригинальными идеями о реформе воспитания» [5, II, с. 223]. Она готовится вступить в брак. Фанни обладает всеми качествами для успешного замужества, однако, когда она признается жениху, что уже не девственница, помолвка расторгается. Реакция жениха на ее честное признание (письмо, в котором говорится о добрачной любовной связи) оскорбляет ее до глубины души. «Так *поэтому* я теперь ничто?! Это было – *главным* во мне?! – Можно ли помыслить более *позорное* оскорбление для живого существа? – чем *поэтому*, чтобы быть любимой из-за наличия этого *преимущества*? – Как будто бы ты скотина! Как будто бы ты зверь!» [5, II, с. 230]. Позже Фанни вступает в «международный союз по культивированию породистых людей» и становится самой яростной сторонницей Хетманна, предлагая себя ему в жены. Ее подруга феминистка Берта («уродливая девушка») мечтает занять место Фанни, отчаянно ей завидует, но сознает, что ее участь – «бороться за естественные права красивых женщин» [5, II, с. 225].

Важно также отметить, что в сложной системе взаимоотношений, построенной Ведекиндом, в браке или свободной любви ключевым моментом является воспитание или «дрессура» партнера. Физическая выносливость, гибкость учит героев владеть своим телом и является высшим проявлением красоты и сексуальности. Поэтому соблазнительница Лулу берет верх над любым мужчиной. Поэтому Касти Пиани отвергает Эльфриду, эмансипе и девственницу, не имеющую представления об искусстве, которым владеет любая девушка легкого поведения: «Вы ничего не смыслите в поцелуях, фройляйн! Вы ведете себя как слон в посудной лавке. Ваши руки причиняют мне боль! Это не оттого, что вы ничему не учились. Это оттого, что вы пришли из закрепощенной любовной жизни буржуазного об-

щества! В вашем теле нет породы!» [5, II, с. 310]. Процесс воспитания Ведекинд подробно описывает в сочинении «Эдем» и в новелле «Мине-Гага, или О физическом воспитании девочек» (1903). В них инструментом воспитания является кнут или плетка. Чтобы добиться от учениц лучшего результата, учительница нередко прибегает к плетке. Главная героиня новеллы так описывает свое обучения прыжкам на канате: «Мы становились перед канатом, приподнявшись на носки. Стоило кому-нибудь сделать хотя бы маленький шаг, как ему тот час же доставалось по ногам. Когда Гертруда кого-нибудь ударяла, она при этом всегда улыбалась. Бывало, она сама хлестнет себя кнутом по вытянутым ногам» [3, с. 18]. В драме «Любовный напиток» (1899) Ведекинд сравнивает воспитание мальчиков с дрессировкой лошадей. Героиня «Мине-Гага» сравнивает свою воспитательницу с вымуштрованной лошастью: «Тут же со мной произошло кое-что странное. Я смотрела в глаза лошади и чувствовала, что передо мной человеческое существо. Первой моей мыслью была Гертруда. <...> Этот огонь в глазах, эта манера качать головой, это все вызвало передо мной образ Гертруды» [3, с. 43]. Лулу («Дух земли», «Ящик Пандоры») была «воспитана», «выдрессирована» Шеном с помощью плетки [7]. В пьесе «Цензура» („Die Zensur“ 1907/1908) Каидья вспоминает, как ее возлюбленный разучивал с нею песни при помощи кнута.

Итак, герои Ведекинда решительно отвергают идею брака. Буржуазный брак со всеми условностями, лицемерием и предрассудками противоречит представлениям о свободе и радости, которыми должна быть наполнена человеческая жизнь. Отношения, построенные на основе нравственных и моральных законов буржуазного патриархатного общества, извращающих общечеловеческие категории добра и зла, правды и лжи, любви и ненависти, теряют свою ценность. В качестве альтернативы традиционному браку Ведекинд предлагает создание нового общества, новых моделей человеческих взаимоотношений, построенных на культе красоты и преодолении «феодализма любви» [5, II, с. 265].

Список литературы

1. Голичер А. Жизнь современника. – М., Л.: Гос. изд-во, 1929.
2. Троицкий Л.Д. Франк Ведекинд // Троицкий Л.Д. Литература и революция. – М.: Политиздат, 1991.
3. Энгель Е. Мине-Гага, или О физическом воспитании молодых девушек: Из лит. наследства Елены Энгель / изд. Франком Ведекиндом; пер. с нем. П.Б. под ред. Э. Бескина. – М.: Чайка, 1908.
4. Regnier, A. Die auf deinem höchsten Dach. Tilly Wedekind und ihre Töchter. Eine Familienbiographie. – München: Albert Knaus Verlag, 2003.
5. Wedekind, F. Werke in 2 Bänden. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH, 1996.
6. Wedekind, F. Werke Kritik. Studienausgabe. In 8 Bd. – Darmstadt: Häusser Media Vrlg., 1996. – Bd.3.II.
7. Weidl, E. Franziska. Anmerkungen / Wedekind F. Werke in 2 Bänden. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH, 1996. Bd. II.

**Интермедиальность и метод импровизации комедии дель арте
в постмодернизме (на материале романа Умберто Эко
«Остров накануне»)**

В статье рассматривается взаимосвязь интермедиального аспекта постмодернизма с театральной системой XVI – XVII столетий. На примере романа Умберто Эко «Остров накануне» в рамках постмодернистской языковой игры подчеркивается влияние элементов метода импровизации комедии дель арте на мотивные структуры и принципы композиционного построения постмодернистского текста.

In the article examines the relationship of intermedia aspect of postmodernism and theater system of XVI–XVII centuries. Based on the novel by Umberto Eco «The Island of the Day Before» the effect of the elements of the improvisation method of commedia dell' arte on motivic structures and principles of composite construction of postmodern text is emphasized.

Ключевые слова: интермедиальность, компьютерный квест, интертекстуальная мультиструктура, симулякр, мультисенсор, комедия дель арте, метод импровизации, У. Эко.

Key words: intermedia, computer guest, intertextual multistrukture, simulacrum, multi-sensor, commedia dell'arte, method of improvisation, U. Eco.

Интермедиальный аспект постмодернистского письма, неизменно сопутствующий «новой плюралистической эстетической парадигме» [3, с. 151] современного постмодернистского дискурса, часто воспринимается в этом дискурсе как синтез элементов различных искусств, литературных стилей и эпох, выраженный языковыми средствами. Исследуя возможности интермедиальности, настоящая статья подчеркивает возможности постмодернистской парадигмы как благодатной почвы для возрождения элементов искусства комедии дель арте.

Элементы метода импровизации комедии дель арте в постмодернистских текстах визуализируют ту связь времен, ту новую природу возникновения «одновременности неодновременного» («Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen») [11, с. 4], о которой рассуждает крупнейший теоретик постмодернизма Вольфганг Вельш в своем труде «Наш постмодернистский модерн» («Unsere postmoderne Moderne», 1987). Расцвет итальянской комедии дель арте (итал. «commedia dell'arte»), охватывающий период с середины XVI до середины XVII столетия, привносит в театральную жизнь Италии искусство импровизационной игры, способное – подобно любой области художественного, драматического или литературного творчества – к определённому эволюционному развитию: от индивидуального актерского мастерства до создания организованного и действующего по определен-

ной системе театра масок. В XVIII столетии на смену импровизационному театру приходит более жизнеспособное искусство писаного текста – искусство драматургии. Если старинные итальянские образы и маски, оживая в европейских шедеврах Мольера, Карло Гольдони, Карло Гоцци, Леопольда фон Захер-Мазоха, Артура Шницлера, Джеймса Джойса и Георга Гейма, живы и по сей день в бесчисленных театральных, кинематографических и литературных аллюзиях, то суть комедии дель арте – театральная импровизация – претерпевает в культурно-историческом контексте значительные изменения, поскольку вместе с исчезновением великих итальянских импровизаторов XVI–XVII веков исчезает и их аутентичное искусство.

Синтез всех искусств в спектаклях комедии дель арте, отраженный в труде Андреа Перуччи «Об искусстве представления» (1699), может послужить отправной точкой, объединяющей маньеристскую переходную эпоху позднего итальянского Ренессанса (чинквеченто, XVI век) и раннего барокко (XVII век) с интермедийальным постмодернистским контекстом. По мысли Перуччи, актер эпохи комедии дель арте – «...гибкий и послушный инструмент сцены...» – самый важный элемент театального искусства, воздействие которого «...тем сильнее, чем более полно осуществлен в нем синтез всех искусств: пластических, музыки, танцев, слова...» [1, с. 191].

Представление о психофизическом состоянии импровизирующего актера может быть еще одним связующим звеном между эпохой Ренессанса и постмодернистским интермедийальным кодом. Согласно кодексу приемов театального мастерства того времени, синтез всех искусств заключался в самой актерской игре. Импровизации актеров вызывали эмоциональную реакцию публики, воздействуя на её чувства и настроения. Обладая уникальными эстетическими принципами, в основе которых лежали догматы Горация и Аристотеля, искусство импровизационного театра провозглашало и культивировало то «беззаботное эпикурейство» [1, с. 185], которое впоследствии определяет главную особенность комедии дель арте, её уникальность и преимущество над другими театральными системами. Радость и удовольствие от спектакля предопределили сущность самого итальянского актера того времени, обладавшего уникальным качеством – «радостной душой» (*l'anima allegra*) [1, с. 191]. Именно *l'anima allegra* импровизирующего актера, способного к произвольной игре с различными семиотическими элементами в знаковой системе коммуникации со зрителем, наиболее соответствует самому понятию интермедийальности, которому предшествуют идеи М. Бахтина, Ю. Лотмана, Б. Успенского.

Придавая театру масок оттенок аристократизма, синтез всех искусств воздействовал не только на актерское мастерство, но и предопределил появление элементов формализма в спектакле – черта, присущая комедии дель арте с середины XVII до середины XVIII века. В свою очередь, формальный метод оказывает значительное влияние на метод интермедийального анализа в постмодернизме [5]. Древний театр масок предшествует

постмодернистской идее «маскировки» чувств и эмоций. Принцип маски – также и важнейшая составляющая самовыражения автора-постмодерниста, скрывающегося за рассуждениями и действиями романских фигур. В своей знаменитой работе «Заметки на полях имени Розы» (1998) итальянский ученый-философ, историк-медиевист, специалист по семиотике и писатель Умберто Эко рассуждает о важности маски для автора постмодернистского произведения, стремящегося «...чувствовать себя всё лучше защищенным...» [7, с. 443].

Третий роман Умберто Эко после «Имени Розы» (1980) и «Маятника Фуко» (1988) – «L'isola del giorno prima» (1994) (в русском переводе 1995 года «Остров накануне») – не случайно назван исследователями «новомодным компьютерным квестом» [2, с. 4]. Действительно, интертекстуальная структура романа состоит не только из бесчисленных аллюзий на исторический приключенческий роман в стиле Стивенсона или Вальтера Скотта, но и напоминает современную интерактивную историю – приключенческую игру с главным героем, который управляется игроком. Роль игрока в данном случае исполняется автором – творцом произведения.

Постмодернистский интертекстуальный калейдоскоп содержит бесчисленные скрытые цитаты, создающие коллажи из элементов легко узнаваемых литературных произведений различных эпох и стилей. Среди прочего явно прослеживается лейтмотив робинзонады. В общем ряду литературных тем и мотивов многочисленные робинзонады занимают важное место. Особо выделяются произведения Петрониуса Арбитра «Сатирикон», Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» (1719), Вольтера «Кандид» (1759). Полярные возможности жизнеутверждения (*Lebensbejahung*) и отрицания жизни определяют радиус действия данного мотивного ряда [10]. В романе У. Эко «Остров накануне» автор-рассказчик случайно обнаруживает записки молодого человека по имени Роберт де ла Грив, жившего в Италии семнадцатого столетия. Записки повествуют о динамичной робинзонаде героя, после многочисленных перипетий оказывающегося на странном корабле под названием «Дафна». Последнее обстоятельство находится в тесной связи с определенными особенностями комедии дель арте. Именно динамичность действия считалась одной из важнейших составляющих древнего театра импровизации. «Живой организм спектакля» [1, с. 174] включал в себя и особые предметы реквизита, среди которых названы живые животные и даже корабль [1, с. 182]. Импровизационная функция автора-постмодерниста, играющего капокомико состоит в том, чтобы вовремя по ходу действия предлагать читателю свой оценочный, чаще всего иронический комментарий по поводу поведения главного героя. Комментирующая ирония является важнейшим инструментом для описания моноимпровизации, которую разыгрывает единственная фигура на корабле – Роберт де ла Грив. Герой «...будто на театральном спектакле...» [7, с. 23] рассуждает о своей робинзонаде.

Постмодернистская языковая игра развивает лейтмотив корабля, акцентируя его символику и связанные с ней бесчисленные интертекстуальные цепочки. Например, подробнейшее перечисление деталей корабля в записках Роберта наводит автора-рассказчика на мысль, что «Дафна» – один из торговых флиботов или «голландских «флейт»» [6, с. 25]. В свою очередь, сравнение с голландской флейтой, сразу ставящее «Дафну» в ряд символов, эксплуатирующих мотив знаменитого «летучего голландца», предлагает читателю разгадку тайны безлюдности корабля, которая неожиданно открывается герою, читающему бортовой журнал: на корабле «...поразбойничал мор...» [6, с. 27].

Символика флейты в мировой культурной традиции [9, S. 58] многогранна и противоречива. Так, например, флейта Пана воплощает всеобъемлющую гармонию в природе, являя в то же время, в качестве атрибута сатира, свою комическую сущность, а в индуизме данный символ имеет выраженное сакральное значение: флейта Кришны воплощает «...глас вечности, звучащий для тех, кто живет во времени...» [9, с. 58]. Вся многогранность мотива флейты, усиливающая музыкальную составляющую интермедиального текста, помогает раскрытию образа Роберта де ла Грива. Пребывание героя на флиботе в понятийном ряду комедии дель арте может означать игру актера на флейте, создание уникальной музыкальной композиции своей жизни, «...символического выражения божественного» [8, с. 58] в рамках театрального действия.

Игроком, создающим собственный неповторимый универсум, является в данном контексте и автор-творец произведения, играющий с героем-маской, и читатель текста, отождествляющий себя с героем романа как с персонажем компьютерного квеста. Даже постмодернистское кодирование зиждется, прежде всего, на живой импровизационной сущности комедии дель арте: *l'anima allegra* – играющего импровизатора.

Корабль – один из атрибутов реквизита в спектаклях комедии дель арте – превращается в постмодернистском контексте в симулякр: «...подобие райского сада» [6, с. 57]. Интермедиальность, ярко проявляющаяся в описании провиантской на Дафне, пробуждает невербальное восприятие текста, создавая особый мультисенсорный эффект, достигнутый определенными языковыми средствами. Корабль словно пропитан особым ароматом, что уподобляет его манере романа Патрика Зюскинда «Парфюмер» (1985), а живописные экзотические фрукты на «Дафне» подобны видениям ада на полотнах Иеронима Босха, настолько детально выделана их почти голографическая поверхность: «...Эти фрукты ...не портились от лежания, снаружи страшили шипами и чешуями, однако их острый аромат выдавал сокровенную сочность, сахаристые тайные гуморы...» [6, с. 56]. Так создается в романе мультисенсор – объемное, многомерное пространство корабля-флейты, апеллирующее к чувственному восприятию читателя. Пребывание Роберта де ла Грива в провиантской дополняется комментарием автора-рассказчика, иронизирующего над героем и определяющего его за-

писки как пародию на прециозный литературный стиль: «Были и шероховатые плоды... Роберт попробовал на язык, но, по-видимому, не на тот язык, которым осязают вкус, а на тот, коим слагают песнопения, поскольку пишет: это кладезь мёда, манна... сокровищница изумрудов, изузоренная рубиновой зернию. Осмыслив это описание, рискну заявить, что Роберт дегустировал фигу...» [6, с. 57].

Мотив корабля связан в том числе и с темой католицизма, занимающей не последнее место в творчестве Эко. Пародийные аллюзии писателя на католические догматы во многом созвучны парадоксальной риторике Джеймса Джойса в его знаменитом романе «Улисс» (1922). В своем труде «Le poétique di Joyce» (1965) (в русском переводе «Поэтики Джойса», 2003) Эко отмечает, что двойственному католицизму Джойса присущи «...как чистый вкус к созвучиям, так и открытая пародийная тенденция...» [8, с. 35]. Подобно импровизирующему карнавальному персонажу Джойса Маллигану в романе «Улисс», богохульствующему и, одновременно, восклищающему «...introbo ad altare Dei...» (лат.: «подойду к алтарю Божию») [8, с. 31], Роберт де ла Грив в «Острове накануне» сравнивает «Дафну» с «готическим собором» [6, с. 61], а экзотических птиц в клетках, которыми изобилует корабль, называет «птицами-прелатами» [6, с. 60].

Характерный для постмодернистской литературы открытый финал предлагает читателю самостоятельно закончить роман, воображив, что герой благополучно достиг берега или погиб в волнах, – прием, который использует, в частности, Милорад Павич в романах «Пейзаж, нарисованный чаем» (1988) и «Хазарский словарь» (1984).

Двойное кодирование маски автора-рассказчика и автора – творца произведения визуализируется в образе Каспара ван дер Дросселя «...из Иисусова Братства, профессора математики прежде всего во Франкони, а затем в коллегии иезуитов в Риме, вдобавок астронома и куратора различных дисциплин...» [6, с. 278]. Дроссель символизирует маску болонского доктора из комедии дель арте, который «...еще с XVI века, со времен комедии дель арте является излюбленным объектом насмешек...» [4, с. 8]. Возможно, именно так реализуется в романе самоирония автора – творца текста: сам Умберто Эко – профессор Болонского университета и почетный доктор нескольких европейских университетов. Являясь неотъемлемой частью спектакля, болонский доктор воплощает истинную суть комедии дель арте, в которой актеры играли «...не по заученному авторскому тексту, а по сценарию, который они наполняли своей импровизацией» [1, с. 15]. Так, современный постмодернистский роман-символ с его многофункциональной знаковой структурой предлагает и самому автору – творцу произведения бесконечные возможности путем интертекстуальной игры создать «...чудо, какое всегда переживает писатель, воссоздавая свою душу ребенка...» [1, с. 239].

Сценарий, выбранный Эко, вероятно, восходит к тому трагикомическому жанру, который, возникая в Италии во 2-ой половине XVI века, про-

тивопоставляется жанру чисто комедийному. Это – трагикомический сценарий *орегга reggia*, который определяется исследователями как «гибридный» [1, с. 169], поскольку синтезирует трагическую канву и игру буффонных персонажей, возвращая действие к установкам так называемого «ученого театра». Действительно, за барочной маской в стиле ученых размышлений XVII столетия скрывается полифония образов, порождающая все новые интертекстуальные аллюзии. Ученый чудак Дроссель, немец, которого Роберт обнаруживает на «Дафне», – в том числе и явная ссылка на знаменитого Дроссельмейера из сказки «Щелкунчик и мышинный король» (1816) Э.Т.А. Гофмана. В свою очередь, образ Дросселя связан с романами «Посторонний» (1942) Альбера Камю и «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо: на корме «Дафны» новый Робинзон-Роберт находит «... отчетливый след – отпечаток подошвы...» невидимого и устрашающего «Постороннего» [6, с. 234].

Интермедиальность, связь времен и многослойное кодирование образов приводит сценарий романа к фабуляции – за условно-вымышленным начинает проступать условно-реальное. Вглядываясь в «текущую трансформацию пейзажа» острова, Роберт отмечает, как «... под натиском света тучи подались, и насели на сушу, и оплыли по склонам, как горки взбитых сливок...» [6, с. 83]. Пейзаж острова тает, внезапно превращаясь в картину, становится вневременным, синтезируя мультисенсорный компьютерный квест с декорациями древнего театра. Демонстрируется театральное искусство маскировки, видимое обнаруживает символическую, знаковую сущность.

Но в любом постмодернистском тексте маскирование истинного – обычный прием. По словам господина Салетта, одного из персонажей романа, «... маскирование – не мошенство. Это уловка, позволяющая не показывать вещи, каковы они на деле» [6, с. 138]. Метод импровизации в манере комедии дель арте находит точное выражение также и в сентенциях француза Жана де Сен-Бонне, передающего непосредственную связь времен в романе словами: «... Во всем остальном будем импровизировать, как положено в комедии дель арте...» [6, с. 52].

Таким образом, постмодернистский литературный текст с его поливалентной синтетической структурой является благодатной почвой для создания «симулякра» комедии дель арте. Не имея возможности буквально воссоздать импровизационную игру средневековых масок, литературный постмодернизм может апеллировать к сути метода импровизации – воссозданию чувства *l'anima allegra* – радостной души творящего актера. Мультисенсорное восприятие текста достигается с помощью приема языковой игры, близкого методу импровизации.

В отношении интермедиального аспекта постмодернистской литературы, то есть, собственно, взаимосвязи и взаимовлияния различных видов искусства в системе языковой игры, древний синтез всех искусств комедии дель арте получает современное новое прочтение.

Список литературы

1. Дживелегов А.К. Итальянская народная комедия. *Commedia dell'arte*. – М.: Изд-во Академии наук, 1962. – 285 с.
2. Костюкович Елена. От переводчика // Эко Умберто. *Остров накануне*. – М.: Астрель: Corpus, 2012. – 576 с.
3. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
4. Панюшкин Валерий. Интервью с Умберто Эко // *Коммерсант(ъ)*. – № 090. – 22.05.1998. – полоса 008.
5. Чуканцева В.О. Интермедиаальный анализ в системе других подходов и исследований литературно-художественных текстов: Преимущества и недостатки. – [Эл. ресурс]: <http://refdb.ru/look/2547298>.
6. Эко Умберто. *Остров накануне* / пер. с итал. Е. Костюкович. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 576 с.
7. Эко Умберто. Заметки на полях имени Розы // Эко У. *Имя Розы*. – СПб.: Симпозиум, 1998. – С. 596–645.
8. Эко Умберто. *Поэтики Джойса* / пер. с итальянского А. Ковалю. – СПб.: Symposium, 2003. – 496 с.
9. Cooper, J.C. *Illustriertes Lexikon der Traditionellen Symbole*. – Leipzig: Drei Lilien Verlag, 1986. – 240 S.
10. Daemrich, Horst S.: *Themen und Motive in der Literatur: ein Handbuch*. – 2, ueberarb. und erw. Aufl. – Tuebingen; Basel: Francke, 1995. – 410 S.
11. Welsch, Wolfgang. *Unsere postmoderne Moderne*. – Weinheim: VCH Acta humaniora. – 1987. – 346 S.

Современные сопоставительные исследования: новые векторы развития

В статье представлен обзор современных сопоставительных исследований за последние пять лет на материале научного журнала «Политическая лингвистика». Выявлен ряд наиболее активно развивающихся направлений сопоставительной лингвистики. Описываются конкретные результаты, полученные исследователями, работающими в рамках выделенных направлений.

This article presents an overview of contemporary comparative studies appeared during the last five years and published in the scientific journal "Political Linguistics". The study reveals a number of the most rapidly developing fields of comparative linguistics. It also describes the results obtained by researchers working in the mentioned fields.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, политическая лингвистика, лингвокультурология, дискурсивные исследования, медиалингвистика, прецедентность.

Key words: comparative linguistics, political linguistics, cultural linguistics, discourse studies, media linguistics, precedentiality.

Сопоставительная лингвистика – интенсивно развивающееся с 50-х годов XX века направление современной науки о языке. Ее «рождение» связывают с публикацией в 1957 году книги Роберта Ладо «Лингвистика сквозь призму культур» [64], вслед за которой появились работы Г. Никкеля [65], Ди Пьетро [63], В.Г. Гака [20], В.Д. Аракина [3], В.Н. Ярцевой [62] и многих других исследователей, внесших заметный вклад в развитие сопоставительной лингвистики. С тех пор она уверенно обосновалась среди других наук, сформулировала свои задачи, разработала методiku и доказала свою полезность. Как подчеркивает З.Д. Попова, исследование языковых единиц в сопоставительном аспекте – одна из актуальных задач современной лингвистики [48, с. 98]. Появление новых теорий и, соответственно, новых сопоставительных исследований, обращение к различным подходам и методикам – все это требует анализа современного состояния данного научного направления, закономерностей его развития и взаимодействия с другими научными школами, а также перспектив дальнейших исследований.

В центре внимания предлагаемой статьи – систематизация трудов по сопоставительной лингвистике, появившихся в последние пять лет и опубликованных в одном из ведущих научных журналов – «Политическая

лингвистика», который с особым вниманием относится к сопоставительным исследованиям. Эти работы стали репрезентантом новых направлений, новых исследовательских стратегий в изучении языковых/речевых фактов в сопоставительном аспекте.

«Политическая лингвистика» не только предоставляет трибуну ведущим специалистам по данному направлению, но и включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов. Журнал не ограничивается только теми исследованиями, которые выполнены в русле данного направления, но и предлагает широкие возможности для публикации ученым, исследующим публицистические, рекламные, разговорные и художественные тексты, и чьи результаты могут быть так или иначе полезны для политической лингвистики. Журнал также содержит раздел, предназначенный для обсуждения проблем юридической лингвистики и раздел, в котором публикуются впервые переведенные на русский язык статьи, имеющие значимость для теории и истории науки. Издание ориентировано на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах [17, с. 45].

Важное место в общей картине исследований, опубликованных в данном научном журнале, как уже было сказано, занимают работы, выполненные в русле сопоставительной лингвистики. Их можно подразделить на четыре основных группы: сопоставительные исследования политического дискурса; сопоставительные лингвокультурологические исследования; сопоставительные медиалингвистические исследования; сопоставительные исследования оригинальных и переводных текстов.

1. Сопоставительные исследования политического дискурса. В рамках первой группы исследований четко выделяются следующие векторы развития сопоставительной лингвистики: сопоставительная политическая метафорология, сопоставительные социально-дискурсивные исследования и сопоставительные исследования прецедентности в политическом дискурсе.

В своей статье «Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа» Э.В. Будаев выделяет и анализирует несколько основных ракурсов сопоставления политической метафоры: лингвокультурологический, социально-дискурсивный, диахронический и мультимодальный [6]. Представленный автором исчерпывающий обзор дает представление как о развитии сопоставительной политической метафорологии в России и за рубежом, так и о применяемых в данном направлении методиках.

К лингвокультурологическому направлению изучения политических метафор можно отнести исследование П.В. Кропотухиной, опубликованное в № 2 (36) «Политической лингвистики». Проведенный автором анализ свидетельствует о том, что в русском политическом дискурсе метафорическая модель «Демократия — это растение» большей частью применяется для акцентирования проблем развития демократии в собственной стране, а

в британском – в странах с авторитарными режимами, в которых демократическая система носит зачаточный или незрелый характер [31, с. 146].

Сопоставительное исследование метафорической конструкции со значением оценки на базе семантики противостояния («холодная война») в публикациях российских и американских СМИ было проведено Д.А. Васильевым. Автор доказывает, что при использовании «метафоры холодной войны» исчезает семантика активной субъектности, поскольку за погоду человек не отвечает – это природное явление [10]. Другим аспектом изучения сопоставительной политической метафоры являются исследования метафорического осмысления тех или явлений в институциональном политическом дискурсе, примером которых может служить статья Е.К. Моховой о метафорическом представлении ислама в дискурсе Б. Обамы и Н. Саркози [38].

К политическим социально-дискурсивным исследованиям, опубликованным на страницах журнала, можно отнести, прежде всего, сопоставление элементов идиолектов различных политиков (статьи А.П. Седых о языковых личностях политиков В.В. Путина и А. Меркель [50; 51]), а также исследования идеологом политкорректности на примере английского и русского языков [34] и идеологемы «порядок» в российском и американском политическом дискурсе [11]).

Гендерный аспект реализации речевых стратегий в российских и американских политических блогах – тема статьи Л.Р. Диасамидзе, в которой автор сопоставляет средства, используемые для формирования мнения читателей блогов и воздействия на них, а также выявляет сходства и различия в применении речевых стратегий мужчин и женщин, представляющих две лингвокультуры, для записей в блогах [24].

Дальнейшие исследования политической метафоры отражены в работах «Сопоставительная политическая метафорология» [7], «Очерки по политической метафорологии» [60] и во многих других работах. В обзоре «Теория и практика сопоставительной политической метафорологии» [45] авторы дают оценку развития теории политической метафоры, и, что ценно, освещают достижения Уральской школы политической метафорологии, основанной проф. А.П. Чудиновым, автором многочисленных монографий, учебников и научных статей по политической метафорологии и дискурсологии [7; 9; 57; 58; 59] и его учеников [13; 15; 16; 18; 19; 40; 52; 60; 61 и др.]

Активно развивается сопоставительное направление исследований прецедентности. Ярким примером может служить работа С.В. Ивановой и З.З. Чанышевой, в которой авторы рассматривают явление прецедентности в политической коммуникации на базе взаимодействия двух лингвокультур сквозь призму дихотомии «свой»/«чужой». Особое внимание уделено семантическим преобразованиям ксенотекстов, которые служат повышению воздействующего и манипулятивного потенциала политического дискурса СМИ [27]. О воздействующем эффекте пишет и В.В. Сидорова, об-

ратившаяся к анализу литературных прецедентных феноменов в медийном американском и российском политическом дискурсе [53]. К исследованиям прецедентности в политическом дискурсе относятся работа Е.Н. Ореховой, посвященная трансформациям прецедентных феноменов [42], а также статья Дарвиша Рихаба эль-Хусейна Ибрагима Ваиль Фахима «Прецедентные имена со сферой-источником "Политика" в российской и египетской прессе» [22].

Оригинальным исследованием прецедентных феноменов является статья М.В. Плотниковой, направленная на анализ прецедентных имен со сферой-источником «Политика» в поэзии французского автора XV века Франсуа Вийона. В качестве материала избирается «Баллада проклятий врагам Франции», построенная на использовании прецедентных имен. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на то, что произведение носит явно выраженный агрессивный характер и приурочено к окончанию войны, Ф. Вийон не использует милитарных метафорических моделей, а прибегает к зооморфной, фитоморфной, физиологической, морбиальной и артефактной метафоре [46, с. 256].

Интересны и исследования военно-политического дискурса, в частности изучение манипулятивных технологий, применяемых политическими деятелями и военно-политическими организациями в русских, английских и немецких СМИ для оправдания мероприятий насильственного характера [4]. Военный дискурс насыщен различными образами, но один из ведущих – это образ жертвы, по-разному представленный и вербализуемый в каждом конкретном национальном дискурсе. Исследование Е.М. Меркуловой позволило автору выявить общий для российского и американского военного дискурсов семантический компонент «невиновность». Расхождения сосредоточены в компоненте «активность/пассивность». В американском дискурсе при описании военного конфликта изображается защитник, несущий ответственность за все на своих плечах, и слабая, пассивная жертва. В российском дискурсе защитник не несет ответственность за весь мир. Как только конфликт исчерпан, защитник отходит, а жертва сама принимает решения [37, с. 143].

Кризис – ключевое слово текущего момента. Среди публикаций, посвященных отражению мирового финансового кризиса в языках, можно отметить работы И.О. Наумовой, исследовавшей историю этого политического концепта и его отражение в русском и английском языках [39] и монографию Л. Цоной [56], посвященную анализу особенностей формирования массмедийного образа слова кризис в болгарском и русском языке. В рецензии на эту монографию М.Б. Ворошилова подчеркивает, что данное исследование «позволяет не только пролить свет на особенности восприятия и репрезентации мирового кризиса, но и оценить национальную специфику, увидеть развитие политической ситуации и степень ее влияния на общественное сознание» [14].

2. Сопоставительная лингвокультурология. Проблемы сопоставительной лингвистики отражены в огромном количестве публикаций, выполненных в русле сопоставительной лингвокультурологии, медиалингвистики и других направлений. Следует отметить, что работы по сопоставительной лингвокультурологии охватывают более широкий круг сопоставляемых языковых пар и самые разнообразные объекты и аспекты их рассмотрения: от сопоставительного дискурсивного исследования механизмов конструирования исторической памяти в российской и латвийской прессе [26], стратегий аллюзии на канон русской классики в творчестве болгарских авторов последних лет [21], сопоставительного когнитивного исследования метафор социума и музыканта в русской и американской поэзии XX века [30] до русских и итальянских инструкционно-запретительных надписей [47] и категории народности и идентичности в русской и польской мысли [23]. Й. Сипко в статье, посвященной исследованию отражения событий в Крыму в русско-словацких лингвокультурных ассоциациях, сосредотачивает внимание на аргументации, основанной на ассоциативных связях с целым рядом исторических, политических, культурных и других реалий [54]. В.Г. Пелех и В.Д. Черняк обращаются к изучению языковых средств изображения современной политической ситуации в двух содержательно связанных фильмах – польском «Дне психа» и русском «Дне учителя» для анализа способов вербализации действительности в двух родственных языках [43].

3. Сопоставительная медиалингвистика – новый вектор развития современной лингвистики, изучающее функционирование языка в медиасфере, представленной печатными, аудиовизуальными и сетевыми медиа, в сопоставительном аспекте. В этой группе работ выделяются исследования, посвященные изучению речевого воздействия в печатных СМИ. В частности, И.О. Окунева описывает приемы речевого воздействия, используемые в прессе четырех государств: России, Великобритании, США и Канады для усиления воздействия на читателя, создания новых ассоциативных связей и перенесения субъективных оценок из одной когнитивной сферы в другую [41]. Реализации воздействующей функции заголовков посвящены работы Е.Б. Плаксиной [44] и Е.Б. Каган [28; 29]. Определяя парцелляцию как явление коммуникативно-стилистического уровня, Ю.В. Богоявленская вписывает свое исследование ее функций в сильные позиции медиатекста в рамки сопоставительной медиастилистики. Автор подчеркивает, что «умелое использование приема парцелляции в сильных позициях текста позволяет автору добиться однозначного восприятия, выстроить и довести до сознания читателя материал в том ключе, в котором он был задуман, оказывает целенаправленное воздействие на читательскую аудиторию» [5, с. 131].

Среди работ, посвященных изучению медиажанров, можно выделить статью Лу Тинтин, чье исследование строится на анализе специфики диалогической структуры интервью в политическом и культурном контексте

России и Китая [33], а также работу М.Г. Мартыненко, в центре которой – сравнительный анализ телевизионных новостных выпусков в английской, французской и русской версии телеканала Euronews [36]. Интересны и продуктивны сопоставительные исследования рекламного дискурса. В частности, С.Л. Кушнерук представляет глубокий анализ дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы с точки зрения их фреймово-слотовой организации. Автор отмечает, что устройство дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы имеет много общих черт, проистекающих из общности сущности, целей, задач и функций, характеризующих данную сферу приложения дискурсивной практики [32, с. 234].

Сопоставляя дискурсивные стратегии английской и русской классифицированной рекламы конного бизнеса, С.О. Макеева выявляет культуроспецифические особенности репрезентации типового адресата данного вида рекламы и специфику семантической реализации концепта ЛОШАДЬ [35]. Важное значение для последующих сопоставительных исследований имеет замечание, сделанное Ю.А. Антоновой и Н.Б. Руженцевой в статье, посвященной проблеме описания межнационального дискурса. Авторы обращают внимание исследователей на то, что нельзя смешивать межнациональный дискурс и параллельные дискурсы. Описание той или иной разновидности межнационального дискурса должно проводиться в едином ключе; при текстопорождении участвуют две национальные стороны, например, китайский автор – российский адресат (или наоборот). При анализе параллельных дискурсов исследование осуществляется в параллельно-сопоставительном ключе (российский политический дискурс – китайский политический дискурс; российский педагогический дискурс – китайский педагогический дискурс и др.) [2, с. 10–11].

4. Сопоставительные исследования оригинальных и переводных текстов. Во всех описанных выше работах применялись методики параллельного, последовательного или контрастивного сопоставления. Не менее эффективной и продуктивной методикой является методика сопоставления оригинальных и переводных (параллельных) текстов, которая считается одной из наиболее экономных и надежных методик сопоставления. Ее применение можно наблюдать в работах, посвященных проблемам перевода как политических, так и других видов текстов. В статье, посвященной межъязыковым псевдоэквивалентам во французских политических текстах и их переводах, автор исследует явление псевдоэквивалентности, определяет факторы, влияющие на ее установление, и, опираясь на достаточно репрезентативный материал, выявляет лексемы, способные образовывать псевдоэквивалентные пары [55]. В статье «Интерпретируя С. Беккета: проблемы перевода классики абсурда» Е.Г. Доценко обсуждает переводы билингвального писателя Сэмюэла Беккет и подвергает сомнению практику буквальных или чрезмерно вольных языковых или театральных интерпретаций [25]. Среди других работ, посвященных проблемам перевода, можно

также отметить глубокие и интересные статьи Т.А. Волковой о дискурсивно-коммуникативной модели перевода дипломатических текстов [12], И.П. Рябковой о роли перевода в области межкультурной политической коммуникации [49] и М.Л. Алексеевой о переводческих пояснениях [1].

В настоящем обзоре мы постарались представить основные направления сопоставительной лингвистики, получившие освещение на страницах «Политической лингвистики». Как видно из обзора, нам удалось рассмотреть более или менее подробно только некоторые из них, поскольку мы ограничены рамками журнальной статьи. Однако даже такое достаточно краткое знакомство показывает, что сопоставительная лингвистика успешно развивается в различных направлениях, и все новые и новые авторы продолжают ее традиции на качественно новом уровне. Хочется пожелать журналу долголетия и новых интересных, глубоких и творческих работ.

Список литературы

1. Алексеева М.Л. Переводческие пояснения во времени и культуре // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1(39). – С. 162–168.
2. Антонова Ю.А., Руженцева Н.Б. Межнациональный дискурс: к проблеме описания (российско-китайские дискурсивные практики) // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3(41). – С. 9–15.
3. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1979. – 256 с.
4. Бачурин В.Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4(50). – С. 99–104.
5. Богоявленская Ю. В. Парцелляция в сильных позициях медиатекста // Политическая лингвистика. – 2013. – № 1(43). – С. 128–132.
6. Будаев Э.В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1 (31). – С. 9–23.
7. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. – Н. Тагил, 2011. – 330 с.
8. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М.: Флинта, 2008. – 247 с.
9. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. – Екатеринбург, 2006. – 215 с.
10. Васильев Д.А. Метафорика холодной войны в публикациях российских и американских СМИ 2012 г. // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4(42). – С. 90–93.
11. Вдовиченко Л.В. Идеологемы «Порядок» и «Order»: специфика употребления в российском и американском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3(37). – С. 71–75.
12. Волкова Т.А. Методика анализа дискурса в моделировании перевода дипломатических текстов // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3(37). – С. 17–24.
13. Ворошилова М.Б. У разбитого корыта: культурный прецедентный текст в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1(35). – С. 126–129.
14. Ворошилова М.Б. Кризис – ключевое слово текущего периода: история изучения // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3(41). – С. 200–203.
15. Ворошилова М.Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4(42). – С. 94–99.

16. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменяемости // *Политическая лингвистика*. – 2013. – № 4(46). – С. 177–183.
17. Ворошилова М.Б. «Политическая лингвистика»: веги развития // *Педагогическое образование в России*. – 2014. – № 1(47). – С. 45–48.
18. Ворошилова М.Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // *Политическая лингвистика*. – 2014. – № 3(49). – С. 242–245.
19. Ворошилова М.Б., Злоказов К.В., Карапетян А.А. Отрывок про скинхеда: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы // *Политическая лингвистика*. – 2013. – № 1(43). – С. 181–190.
20. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1976. – 286 с.
21. Горчева М. У Одесской лестницы: русский канон в цитатной стратегии популярной болгарской литературы // *Политическая лингвистика*. – 2014. – № 1(47). – С. 221–228.
22. Дарвиш Рихаб эль-Хусейни Ибрагим Ваиль Фахим. Прецедентные имена со сферой-источником «Политика» в российской и египетской прессе // *Политическая лингвистика*. – 2014. – № 1(47). – С. 144–148.
23. Де Лазари А. Категории народности и идентичности в русской и польской мысли (эскиз) // *Политическая лингвистика*. – 2011. – № 2(36). – С. 38–42.
24. Диасамидзе Л.Р. Гендерный аспект реализации речевых стратегий в российских и американских политических блогах // *Политическая лингвистика*. – 2010. – № 1(31). – С. 95–99.
25. Доценко Е.Г. Интерпретируя С. Беккета: проблемы перевода классики «абсурда» // *Политическая лингвистика*. – 2012. – № 1(39). – С. 185–189.
26. Друговейко К.О. Санкт-Петербург Дискурсивные механизмы конструирования исторической памяти (на материале текстов российской и латвийской прессы) // *Политическая лингвистика*. – 2014. – № 3(49). – С. 115–123.
27. Иванова С.В., Чанышева З.З. Национально-культурные прецеденты в политической коммуникации // *Политическая лингвистика*. – 2014. – № 4(50). – С. 39–47.
28. Каган Е.Б. Метафоры из сферы-источника «Мир неживой природы» в заголовках российских, американских и британских СМИ // *Политическая лингвистика*. – 2010. – № 1(32). – С. 172–175.
29. Каган Е.Б. Развертывание метафоры двойной актуализации в российских и британских СМИ // *Политическая лингвистика*. – 2011. – № 3(37). – С. 210–212.
30. Камышева О.С. Социум и музыкант: грани соприкосновения в русской и американской метафорических картинах мира XX века // *Политическая лингвистика*. – 2014. – № 1(47). – С. 236–239.
31. Кропотухина П.В. Метафорическая модель «Демократия — это растение» в политических дискурсах России и Великобритании // *Политическая лингвистика*. – 2011. – № 2(36). – С. 141–145.
32. Кушнерук С.Л. Макроструктуры дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы // *Политическая лингвистика*. – 2011. – № 3(37). – С. 226–235.
33. Лу Тинтин. Сопоставительное исследование политического и культурного контекста русскоязычного и китайскоязычного политического интервью // *Политическая лингвистика*. – 2014. – № 4(50). – С. 148–152.
34. Майба В. В. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков) // *Политическая лингвистика*. – 2012. – № 2(40). – С. 102–108.
35. Макеева С. О. Дискурсивные стратегии классифицированной рекламы конного бизнеса (на материале английского и русского языков) // *Политическая лингвистика*. – 2011. – № 3(37). – С. 223–228.

36. Мартыненко М.Г. Сравнительный анализ телевизионных новостных выпусков (русская, английская, французская версии телеканала «Euronews») // Политическая лингвистика. – 2013. – № 2(44). – С. 155–158.
37. Меркулова Е.М. Средства вербализации жертвы в российском и американском военных дискурсах // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4(42). – С. 139–144.
38. Мохова Е.К. Метафорическое осмысление ислама в дискурсе Барака Обамы и Николя Саркози // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3(37). – С. 241–244.
39. Наумова И.О. Мировой финансовый кризис и его отражение в лексике и фразеологии русского и английского языков // Политическая лингвистика. – 2012. – (41). – С. 49–57.
40. Нахимова Е.А. Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3(45). – С. 48–56.
41. Окунева И.О. Приемы речевого воздействия в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3(37). – С. 104–116.
42. Орехова Е.Н. Трансформации прецедентных феноменов в политических текстах российских и американских СМИ // Политическая лингвистика. – 2010. – № 4(34). – С. 146–149.
43. Пелех П., Черняк В.Д. Интерпретация современной действительности в польском фильме и российском ремейке // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1(47). – С. 240–243.
44. Плаксина Е. Б. Языковые средства реализации воздействующей функции заголовков (на материале российской и французской прессы) // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3(37). – С. 117–120.
45. Плотникова Г.Н., Доценко Е.Г. Теория и практика сопоставительной политической метафорологии // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1(39). – С. 36–42.
46. Плотникова М. В. Прецедентные имена со сферой-источником «политика» в «Балладе проклятий врагам Франции» Ф. Вийона // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2(40). – С. 257–262.
47. Покровская Е.А., Кудинова Е.В. Инструкционно-запретительные надписи как инструмент идеологического воздействия (на материале русского и итальянского языков) // Политическая лингвистика. – 2011. – № 2(36). – С. 43–48.
48. Попова З.Д. Об актуальных направлениях развития современного сопоставительного языкознания // Актуальные вопросы развития науки. Сб.ст. междунар. научно-практ. конференции. – Уфа. – 2014. – Ч. 4. – С. 98–100.
49. Рябкова И.П. Межкультурная коммуникация в сфере политики и вопросы перевода // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3(37). – С. 143–146.
50. Седых А.П. Идеологические элементы фразеологии политического руководителя (на материале дискурса В. В. Путина и А. Меркель) // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1(39). – С. 57–67.
51. Седых А.П. Эмоционально-экспрессивные компоненты фразеологического дискурса В. В. Путина и А. Меркель // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2(40). – С. 39–45.
52. Серегина И.А., Чудинов А.П. Метафорические слоганы в дискурсе референдума о статусе Крыма // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2(48). – С. 89–94.
53. Сидорова В.В. Прецедентный мир Дж. Р.Р. Толкина в политическом дискурсе американских и российских СМИ // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3(41). – С. 170–177.
54. Сипко Й. События в Крыму в начале 2014 г. в русско-словацких лингвокультурных ассоциациях // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3(49). – С. 69–78.

55. Томилова А.И. Межъязыковые псевдоэквиваленты в политической лексике // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4(38). – С. 271–276.
56. Цонева Л. Думата криза в медийния дискурс (българско-руски паралели). – Велко Търново: ИВИС, 2012. – 215 с.
57. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
58. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта, 2012. – 256 с.
59. Чудинов А.П. Очерки по политической метафорологии. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.
60. Шустрова Е.В. Языковая игра в американской политической карикатуре на Барака Обаму // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4 (42). – С. 52–64.
61. Шустрова Е.В. Поступок Эдварда Сноудена и его метафорические последствия в американской графике // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1(47). – С. 114–127.
62. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. – 112 с.
63. Di Pietro R. Language structures in contrast. – Rowley, Mass. 1971. – 230 p.
64. Lado B. Linguistics across cultures. Syntactic structures. (Applied linguistics for language teachers). – Ann Arbor, 1957. – 141 p.
65. Nickel G. Contrastive linguistics and foreign language teaching // Papers in contrastive linguistics, ed. by Gerhard Nickel. – Cambridge, 1971. – P. 1–16.

Дистрибутив в сфере глагольной множественности

В статье исследуется понятие категории количества. Категория количества представляется в языке в двух подкатегориях: категории именной множественности и категории глагольной множественности. Рассматривается один из основных семантических типов глагольной множественности – дистрибутивная множественность.

The article deals with the category of quantity which is present in language with two subcategories – noun and verb plurality. In the article examines the basic semantic types of verb plurality – distributive plurality.

Ключевые слова: категория количества, количественный аспект, глагольная множественность, дистрибутив, дистрибутивная множественность.

Key words: verb category, quantitative aspect, verb plurality, distributive, distributive plurality.

Одним из сложнейших вопросов в области исследования глагольной семантики и функциональных свойств глаголов является систематизация средств актуализации категории количества. Нам представляется важной разработкой теории системной множественности функциональных свойств глаголов итеративной семантики, с помощью которой можно было бы делать обобщения, прогнозировать, объяснять, ставить вопросы, выявлять связи с важнейшими научными теориями и принципами, интегрировать полученные знания, разрабатывать критерии истинности построений, то есть представить язык как системную целостность (см., напр.: 18, с. 24). А конкретнее – представить язык как системную целостность в количественном аспекте. Его значения характеризуют ситуацию с точки зрения ее повторяемости [9, с. 295], поэтому внутри этой зоны выделяются такие семантические противопоставления, как итератив, мультипликатив и разного рода дистрибутивы [9, с. 295]. Итеративность рассматривается как семантическая константа, которая передает политемпоральную неоднократность ситуаций с наличием тождественного набора актантов. Повторяющиеся ситуации актуализируются в разные периоды времени и в каждой из ситуаций заняты одни и те же участники [5, с. 38]. Мультипликативность – семантическая константа, которая передает монотемпоральную неоднократность ситуаций с наличием тождественного набора актантов. Дистрибутивность определяется как семантическая константа, которая обозначает монотемпоральную неоднократность ситуаций с наличием не полностью тождественного набора актантов [5, с. 40–41].

Категория количества представляется в языке в двух подкатегориях: категории именной множественности и категории глагольной множественности [4, с. 106]. Глагольная множественность представляет собой гораздо более сложное в содержательном плане явление и обладает чрезвычайно богатым и разнообразным арсеналом средств выражения, поэтому теоретический аппарат ее описания требует детального анализа [8, с. 189].

В ряде работ глагольная множественность понимается как значение видовой категории (в частности, для описания глагольной множественности многие исследователи используют термин «количественные аспектуальные значения» [12]. В исследованиях последних десятилетий, однако, было показано, что данные категории довольно часто выражаются независимо друг от друга, и предложено рассматривать их отдельно друг от друга [10; 14; 16]. Понятие единичности или множественности применительно к глаголу трактуется как выражение единичности или множественности самих действий. Действие, количественно равное единице, то есть совершаемое один раз, является однократным. Действие, которое количественно больше единицы, то есть состоящее из n -числа однородных актов или имеющее место как n -кратно повторяющееся, должно квалифицироваться как многократное. Каждое из этих значений соотносится не только с глагольной лексемой, но и с ситуацией, выражаемой в предложении, поскольку реально характеризуется не просто действие (= предикат), а предикат вместе с его семантическими актантами, то есть абстрактная сигнификативная ситуация, называемая глаголом и выражаемая в предложении [14, с. 5, 18].

Один из основных семантических типов глагольной множественности – дистрибутивная множественность. Рассмотрим особенности ее плана выражения с точки зрения функционально-семантического подхода, который предполагает комплексное рассмотрение разноуровневых языковых средств, объединённых семантически, позволяет увидеть полевою структуру языка, осознать строгость языковой системы, осмыслить причины оперирования средствами разных уровней при передаче смысла [6].

Сущность данной подкатегории, находящейся на стыке двух категорий – аспектуальности и количественности, – определяет «выражение расчленённости выполнения действия разными участниками ситуации или подчеркнутость полного охвата всех участников ситуации действием» [3, с. 240]. Исходя из определения, специфику понятия «дистрибутивная множественность» составляют две присущие ей семантические особенности.

Первая из них, как отмечает Е.М. Самсонова, заключается в том, что микроситуации, входящие в дистрибутивное множество, также совокупно составляют одну макроситуацию. Вторая особенность – в каждой из повторяющихся ситуаций в качестве одного из участников выступает отличный от предыдущего актанта или сирконстанта (то есть каждая элементарная ситуация повторяется с разным набором участников: «одним и тем же актантами»).

том/ сирконстантом каждой... ситуации является один из единичных представителей... совокупного актанта/ сирконстанта» [11, с. 87].

Дистрибутивная множественность, как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике, традиционно рассматривалась в связи с аспектуальным анализом глаголов в функционально-семантическом и типологическом аспектах [2; 7; 15; 19] и др. Глаголы, которые передают ситуации дистрибутивного действия, называются дистрибутивными или дистрибутивами [14 с. 34]. Дистрибутивы обозначают «такой тип (неполного) повторения ситуации, при котором происходит последовательный “перебор” единичных представителей определенного актанта: ср. контексты типа *Все поразъехались кто-куда; Листья пооборвало ветром; Он перепробовал все кушанья* и т.п.» [9, с. 295].

В русском языке дистрибутивным значением обладает специальный класс переходных и непереходных глаголов совершенного и несовершенного вида с приставками *пере-* (*переломать, перевешать, перекусать; переболеть, перебивать, перебраниться, переругаться*) и *по-* (*побросать, повыгонять; померзнуть, повскакать, повянуть, полопаться, попрятаться*) [12], которые обозначают «действие, представленное как совокупность ряда актов, распространяющихся на ряд объектов или исходящих от ряда субъектов» [1, с. 20]. Кроме них в русском языке дистрибутивное значение могут передавать также некоторые дериваты от переходных глаголов с приставками *на-* (*накрахмалить, закупить, налепить*) и *раз-/ рас-* с общим значением ‘дать’, ‘взять’ (*разорвать, разграбить, раскрасить, расхватать; раздарить, раздать, распродать*), а также непереходные глаголы движения с приставкой *раз-/ рас-* и постфиксом *-ся/-сь* (*разбежаться, разойтись, расходиться, расползтись, разъехаться*) и с приставкой *о-/об-* (*объездить, объехать, облетать, обходить*) [12].

Таким образом, дистрибутив рассматривается как один из основных типов глагольной множественности, является частью функционально-семантического поля итеративности и характеризует количественный аспект ситуации последовательного “перебора” единичных представителей определенного актанта. План выражения дистрибутивных значений глагола требует дальнейшего исследования, анализа и сравнения на материале различных языков.

Список литературы

1. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Пособие для студентов и учителей / под ред. проф. Ю.С. Маслова. – Л.: Просвещение, 1967. – 190 с.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 134 с.
3. Долинина И.Б. Количественность в сфере предикатов // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / под ред. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С. 219–245.
4. Гайломазова Е.С. Прагматическое содержание основных типов грамматической квантификации (именная дистрибутивность) // Экономические и государственные исследования регионов. – 2012. – № 1. – С. 106–112.

5. Комиссарова Е.С. Итеративные адвербиальные единицы в функционально-семантическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2014. – 192 с.
6. Крылова М.Н. Функционально-семантический анализ как основа системного исследования языковых единиц. Функционально-семантическая категория сравнения // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 9. – [Эл. ресурс]: <http://human.snauka.ru/2013/09/3736> (дата обращения: 27.03.2015).
7. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 263 с.
8. Моисеенко Л.Н. Содержательные основы категории множественности (на материале современного немецкого языка) // Вестн. Омского ун-та. – 2011. – № 1. – С. 189–194.
9. Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. – М.: URSS, 2000. – 384 с.
10. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: РГГУ, 2011. – 672 с.
11. Самсонова Е.М. Специфика репрезентации дистрибутивной множественности в якутском языке // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2014. – № 2 (9). – С. 85–93.
12. Сердобольская Н.В. Глагольная множественность и аспект в бесермянском диалекте удмуртского языка: множественность показателей множественности. – [Эл. ресурс]: http://iling.spb.ru/pdf/alp/alp_VIII_2/serdobolskaya.pdf (дата обращения: 03.06.2015).
13. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – 347 с.
14. Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. – Л.: Наука, 1989. – С. 5–53.
15. Шелякин М.А. Дистрибутивно-суммарный способ действия русского глагола // Ученые записки Тартуского ун-та. – 1980. – Вып. 524. – С. 42–53.
16. Шлуинский А.Б. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // Вопросы языкознания. – 2006. – № 1. – С. 46–75.
17. Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход: моногр. Перм. гос. ун-т, Прикам. соц. ин-т. – Пермь, 2010. – 248 с.
18. Шустова С.В. Потенциал каузативных глаголов в динамико-функциональном аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. – Пермь: Прикам. соц. ин-т, 2011. – 421 с.
19. Dressler, W. Studien zur verbalen Pluralität, Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik im Lateinischen und Hethitischen. – Wien: Kommissionsverl. der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1968. – 253 S.

Номинативная вариативность англоязычных полицейских социолектизмов

В статье представлены результаты социолексикографического анализа номинативной вариантности англоязычных полицейских социолектизмов на фоне их геолектно-обусловленного узуса в составе ареала, региона, диалекта, локалекта, говора. Полученные данные позволили ранжировать выявленные 43 геолектно-национальных соционминативных варианта полицейского субъязыка (17 в Великобритании и 26 в США) по рейтингу их соционминативной продуктивности.

The article presents the results of the sociolexicographic analysis of English police sociolectisms' nomination differences brought about by geographical factors within British and American substandard police usage. 43 alternatives are observed and discriminated – 17 in Great Britain and 26 in the USA.

Ключевые слова: Великобритания, США, геолект, полицейский, социолект, социолексикографический анализ, субстандарт, субъязык.

Key words: Great Britain, USA, geolect, police, sociolect, sociolexicographic, sublanguage, substandard.

Английский полицейский социолект – это одна из форм существования национального английского языка, обслуживающая социум полицейских. Она обладает особым соотношением социолингвистических норм, общими с литературным стандартом фонетическими, морфологическими и синтаксическими свойствами, но специфической субстандартной лексической системой [ср. определения социолекта в работах Ю.А. Дубовского, Т.Б. Заграевской, В.П. Коровушкина, Г.В. Рябичкиной, Ю.Ю. Локтевой; см. 4; 5; 7–12]. Последняя представляет интерес в различных аспектах [см.: 2; 3]. В данной статье наше внимание обращено на соционминативную мобильность англоязычных полицейских социолектизмов и их геолектную вариантность, охватывающую пять видовых сущностей: ареал, региолект, диалект, локалект и говор, которые обслуживают в государстве географически различные административно-территориальные единицы.

Материал исследования – 4315 единиц английского полицейского субъязыка, извлеченных методом сплошной выборки. Материал относится, преимущественно, к британскому (БА – 1838 ед.) и американскому (АА – 2357 ед.) национальным вариантам английского языка, в основном, конца XVII – начала XXI века (для БА) и XIX – начала XXI века (для АА), хотя исследовались и более ранние примеры. Полицейские социолектизмы других вариантов английского языка – Канады, Австралии, Новой Зеландии,

Индии, ЮАР и др. (всего 120 ед.) также, где необходимо, принимались во внимание.

Прежде всего, отметим переходы полицейских социолектизмов (ПС) из одного национального варианта английского языка в другой. Согласно пометам в словарях Партриджа [25–26] и Уэнтворта-Флекснера [29], можно выявить следующие тенденции:

а) переход британских ПС в американские, напр.: SLOP*n*. A policeman. *since c 1915. More common in Eng. than in U.S.* [29];

б) американских ПС в британские, напр.: CONTRACT, *n*. A professional killer's engagement to kill: *adopted, ca. 1960, by British police, ex US* [25];

в) американских ПС в канадские, напр.: MONKEY ON (ONE'S) BACK. the drug habit: *Can. c: adopted, ca. 1945, ex US; police s.* [25];

г) американских ПС в австралийские, напр.: CASE, *v*. *Aus. police: adopted, ca. 1918, ex US; THE BULLS, the police: Aus., adopted ca. 1944 ex US* [25].

Итак, субстандартный лексикон полицейского субъязыка британского английского (БА) стал источником межареальной соционимативной мобильности социолектизмов в мегасоциальной коммуникативной системе (СКС) английского языка только в одном направлении: «БА→АА». В отличие от него, субстандартный лексикон полицейского американского субъязыка (АА) выступил в качестве источника межареальной мобильности полицейских социолектизмов уже в 3 направлениях: (1) «АА → БА», (2) «АА → (канадский) КА» и (3) «АА → (австралийский) АВА». Это может, в известной мере, свидетельствовать о более высоком субстандартно-соционимативном потенциале социолектного лексикона полицейского субъязыка АА по отношению к БА, хотя исторически первый создавался через несколько столетий после второго. Остальные пять ареальных полицейских социолектных лексиконов из семи основных национальных вариантов в мега-СКС английского языка абсолютно пассивны как источники межареальной соционимативной мобильности социолектизмов. Вероятно, социум и субкультура полицейских США и, следовательно, субъязык и социолект американских полицейских обладают если не определенным доминированием, то реально большей известностью, благодаря СМИ и кино, в англоязычном мегасоциуме, а отсюда – и в мегасистеме полицейского субъязыка и, далее, в мега-СКС английского языка как мирового.

Рассмотрим теперь соционимативную вариантность субстандартных лексиконов полицейских субъязыков БА и АА в ареально-геолектном аспекте.

1. *Ареально-региолектные субстандартно-социолектные лексиконы в макросистеме полицейского субъязыка БА*: 1) вест-индийский полицейский лексикон: DOG DRIVER. *Policeman (West Indian): in 1970s*; 2) северо-ирландский полицейский лексикон: TOUT, *n*. An informer, to the police:

N. Ireland: 1970s; 3) южно-уэльсский полицейский лексикон: TWAT, used to acknowledge by *South Wales* police UK, 2001; 4) северный полицейский лексикон: BULKY, n. A police constable: *Northern* s.: С.19-20; 5) северо-восточный полицейский лексикон: помета «N.E. [= Northeast] England»: Stolen goods: policemen's (*N.E. England*): since 1950; 6) северо-мидлендский полицейский лексикон: PATCH. A police area: *Northern and Midland* policemen's: since ca. 1920 [25–26].

2. *Ареально-диалектные* субстандартно-социолектные лексиконы в системе полицейского субъязыка *БА*: 1) полицейский лексикон *беркширского диалекта*: COSHER, n. A policeman: *Berkshire* s.: 1905; 2) полицейский лексикон *йоркширского диалекта*: FAIR DUES. Justice: coll., *ex Yorkshire dial.* (1865); 3) полицейский лексикон *камберлендского диалекта*: COP, n. An arrest: 1870: low (*In Cumberland dial.* it = a prison); 4) полицейский лексикон диалекта на *о. Уайт*: ISLAND, THE. Camp Hill, the prison on the *Isle of Wight*: police coll.: С.20; 5) полицейский лексикон *уорикширского диалекта*: BUTTIE. A policeman's assistant: dial.: ca. 1850, *ex Warwickshire* BUTTY, a labourer [25–26].

3. *Ареально-локальные* субстандартно-социолектные лексиконы в макросистеме полицейского субъязыка *БА*: 1) полицейский лексикон *социолокалекта Гибралтара*: ROCK-SCORPION. A *Gibraltar* policeman: С. 20; 2) полицейский лексикон *социолокалекта Глазго*: SNATCHERS. Handcuffs: *Glasgow* policemen's: since 1890; 3) полицейский лексикон *социолокалекта Ливерпуля*: JUDY SCUFFER. A policewoman: *Liverpool* s.: later С. 20; 4) полицейский лексикон *социолокалекта Лондона*: EDIE. A cheap prostitute: *Londoners'*, *police*: 1945; 5) полицейский лексикон *социолокалекта Эдинбурга*: YOWLIE. A policeman – *Edinburgh* s.: С. 19–20; 6) полицейский лексикон *социолокалекта Ист-Энда*: BANG TO RIGHTS. A justified charge: *London's East End*, *police*: since 1930 [25–26].

4. *Ареально-региолектные* субстандартно-социолектные лексиконы в макросистеме английского полицейского субъязыка *АА*: 1) *северо-западный* полицейский лексикон: ONE-TIME на police officer US, 2001 • While kids in Northwest refer to police as “one-time”. – Washington Post, p. A1, 20th August 2001; 2) *северо-восточный* полицейский лексикон: BO-DEEN noun a police officer US, 2001 • While kids in Northwest refer to police as “one-time,” *Northeast* teenagers call them “bo-deen”. – Washington Post, p. A1, 20th August 2001; 3) *южный* полицейский лексикон: HEADACHE STICK noun a police nightstick US, 1919 • Jim Garrison and John Ed Cothran admire a stick (called a “headache stick” by *Southern* police). – San Francisco Chronicle, p. M1, 6th April 2003; на американо-мексиканской границе: UZZFAY noun a police officer US, 1955 • American Speech, p. 88, May 1955: “Narcotic argot along the *Mexican border*”; 4) *юго-западный* полицейский лексикон: COY-OTE n. Police. *S.W.* a labor contractor who brings illegal immigrants into the

U.S. from Mexico. 1929 *Gill Und. Slang*: COYOTE – Labor agents. 1987 *Time* (July 13) 21: He promised to pay \$400 to a "coyote" (the term for smugglers sneaking Mexicans into the U.S.) [20]; HOT RINGER *noun* a burglar alarm that advises police that an armed robbery is in progress *US*, 2001 • He had accepted a call on a "hot ringer" in *Southwest*. A Hoover Street jewelry store was being robbed. – *Stephen J. Cannell*, *The Tin Collectors*, p. 110, 2001; 5) юго-восточный полицейский лексикон: PO-PO *noun* the police *US*, 1990 • While kids in Northwest refer to police as "one-time," and in *Southeast* they're "popos"; 6) западный полицейский лексикон: ELBOW *n*. A policeman. 1916: "In the West, Central Office men are known as 'elbows,' from a habit they have of elbowing into crowds" *Lit. Digest*, Aug. 19; 7); восточный полицейский лексикон: FUZZ *n*. A policeman. 1931: policeman, *East Coastuse*. D.W. Maurer [19; 29].

5. *Ареально-диалектные субстандартно-социолектные лексиконы в макросистеме английского полицейского субъязыка AA*: 1) лексикон в диалекте штата Калифорния: RELEASE *n* in the ... language of massage parlors, *ejaculation US*, A 2002 Incident Report from the Sausalito (California) Police Department describes the activities at a local massage parlor: "Every massage ends with ... 'release' (orgasm)"; 2) лексикон в диалекте штата Коннектикут: CLAP *verb* to kill someone *US*, 2002 • "Clap" is street slang for murder, police said. – *Connecticut Post*, p. 1, 8th April 2002; 3) лексикон в диалекте штата Миссури: BEAVER *n* a police officer *US*, 1961 • the *Missouri* state police had captured the right man, these local beavers knocked me around. – *Clancy Sigal*, *Going Away*, p. 138, 1961; 4) лексикон в диалекте штата Нью-Джерси: BUMBLEE *noun* in Passaic, *New Jersey*, a police officer *US*, 2000 • "I know the bumblees are out tonight." "Bumblees" is slang for the community police officers, whose uniform includes yellow shirts. – *Record* (Bergen County, *New Jersey*), p. L3, 15th September 2000; 5) лексикон в диалекте штата Техас: CHERRY FARM *n*. Pris. 1969 *Current Slang I & II* 19: Cherry farm, *n*. A prison for first offenders, – *Policemen, Texas*; 6) лексикон в диалекте штата Флорида: LICK *verb* to shoot and kill *US*, 1994 • Two women told police that he had "licked" the brother. – *Palm Beach (Florida) Post*, p. 1B, 15th September 1994 [19; 22].

6. *Ареально-локалектные субстандартно-социолектные лексиконы в макросистеме полицейского субъязыка AA*: 1) полицейский лексикон социолокалекта Атланты: FLEET *n*. Police, a gang of thieves. 1923 *Atlanta Constitution* (Feb. 1) 12: A whole fleet of flatties [is] waiting to pull the joint; 2) социолокалекта Балтимора: DROP PIECE *noun* a gun that is not registered, and thus placed by the police in the vicinity of someone whom they have shot to justify the shooting *US*, 1991 • In *Baltimore*, the drop piece became standard issue in the police districts. – *David Simon*, *Homicide*, p. 112, 1991; 3) социолокалекта Вашингтона: YAP *noun* inconsequential talk *US*, 1907 • ...despite the

annual yaps for more assistance, the *Washington* police force is undermanned. — Jack Lait & Lee Mortimer, *Washington Confidential*, p. 226, 1951; 4) *социолокалекта Лос-Анжелеса*: помета «LAPD [=Los Angeles Police Department]»: HEADHUNTER *n.* Police an investigative officer belonging to an internal affairs division. 1978 *New West* (June 5) SC 24: Complaints of false arrest and serious brutality are investigated by the "headhunters" of the LAPD's internal-affairs division; 5) *социолокалекта Майями*: GO UNDER *v.* Police, to go undercover. 1986 *Miami Vice* (NBC-TV): I still looked young enough to go under; 6) *социолокалекта Нового Орлеана*: BLUE FLU *n.* an organized protest action by police officers in which individuals claim that influenza prevents them from reporting to work. 1976 WINS news broadcast (Sept. 6): Yesterday about a hundred [*police*] officers [in *New Orleans*] were home with what is being called the "blue flu."; 7) *социолокалекта Нью-Йорка*: помета «N.Y.P.D. [= New York Police Department]»: MOUSE *n.* N.Y.P.D. a New York City Police Department trainee; 8) *социолокалекта Нью-Порта*: BEACH RAT *n.* a person who spends a great deal of time at the beach US, 1990 • "I'll certainly point out that a pensioned fifteen-year veteran of the *Newport Beach* police Department is not just some ordinary unemployed beach rat," Chip added. — Joseph Wambaugh, *The Golden Orange*, p. 10, 1990; 9) *социолокалекта Сан-Диего*: BUY-AND-BUST noun a police operation in which an undercover officer buys an illegal drug and then arrests the seller US, 1987 • Officers of the *San Diego* Police Department were working an undercover "buy-bust" operation. — Bob Sipchen, *Baby Insane and the Buddha*, p. 346, 1993; 10) *социолокалекта Сан-Франциско*: HOG *n.* a police officer. 1972 Smith & Gay *Don't Try It* 203: Honda Hogs. Division of *San Francisco* Tactical Squad that rides little Honda motorcycles; 11) *социолокалекта Филадельфии*: BLACK FRIDAY *n.* the day after Thanksgiving US, 1975 • *Philadelphia* police call it "Black Friday" — that day between Thanksgiving and the Army-Navy game. — *New York Times*, p.21, 29th November 1975; 12) *социолокалекта Форт-Лодердейла*: EUPHORIA noun 4-methylaminorex US, 2005 • *Fort Lauderdale* Police officers seized an operational laboratory used to make 4-methylaminorex (*euphoria*). — *Microgram Bulletin* (DEA), p. 31, February 2005; 13) *социолокалекта Чикаго*: JACKET *n.* Police, a criminal record. 1951 *Algren Chicago* 102: We'll pick you up...n fit you for a jacket [19; 22].

Из 4315 полицейских социолектизмов 286 ед. (6,63% от общего числа выборки) проявили геолектно-национальную соционимативную активность в субстандартной лексико-фразеологической системе полицейского субъязыка, распределившись в СКС английского языка Великобритании и США по его 43 видам: в БА – 17 и в АА 26 (см. таблицу 1).

Вместе с тем эти цифры не вполне адекватно отражают реальную соционимативную дифференциацию субстандартных лексических систем полицейских субъязыков как в БА, так и в АА. Здесь еще необходимо

учесть недостаточную ареально-геолектную социолексикографическую разработанность как самих толковых словарей англоязычного субстандарта, так и самого материала. Однако, с известными оговорками, эти данные позволяют судить о том, что подобная дифференциация все же прослеживается. Более того, эти данные позволяют ранжировать все выявленные 43 геолектно-национальные соционимативные разновидности социолектной лексической системы полицейского субъязыка в СКС английского языка Великобритании и США в регрессивном порядке по рейтингу их соционимативной продуктивности.

Эта последовательность геолектно-национальной соционимативной активности следующая: 1) полицейский социолокалект Нью-Йорка (60 ед. – 1,4% от 4315), 2) полицейский социолокалект Чикаго (27 – 0,63%), 3) полицейский социолокалект Лос-Анжелеса (26 – 0,6%), 4) полицейский социолокалект Лондона (17 – 0,39%) и полицейский социолект в диалекте штата Калифорния (17 – 0,39%), 5) полицейский социолокалект Вашингтона (16 – 0,37%), 6) полицейский социолокалект Филадельфии (13 – 0,3%), 7) полицейские социолокалекты Глазго, Ливерпуля и Сан-Франциско и полицейский социолект в диалекте штата Флорида (по 7 ед. – 0,16%), 8) полицейские социолекты в вест-индийском региолекте БА, в диалекте штата Техас, полицейские социолокалекты Майями и Нового Орлеана (по 5 – 0,12%), 9) полицейский социолокалект Эдинбурга (4 – 0,09%), 10) полицейские социолекты в северном региолекте БА и в диалекте штата Коннектикут (3 – 0,07%), 11) полицейские социолекты в северо-ирландском, южно-уэльском, северо-восточном и северо-мидлендском региолектах, в беркширском, йоркширском, камберлендском и уорикширском диалектах и в диалекте на о. Уайт, в полицейские социолокалекты Гибралтара и Ист-Энда – все БА, полицейские социолекты в северо-западном, северо-восточном, южном, юго-западном, юго-восточном, западном и восточном региолектах, в диалектах штатов Миссури и Нью-Джерси, полицейские социолокалекты Атланты Балтимора, Нью-Порта, Сан-Диего и Форт-Лодердейла – все АА (по 2 – 0,05%).

Таким образом, можно сделать следующий вывод: геолектная соционимативная дифференциация субстандартной лексической системы полицейского субъязыка реализовалась в ее 43 геолектно-национальных разновидностях, из которых 17 – БА и 26 – АА. Из 17 ареально-геолектных соционимативных видов социолектных лексиконов субъязыка БА ареально-региолектные составляют 6, ареально-диалектные – 5 и ареально-локалектные – 6. Из 26 лексиконов АА ареально-региолектные – 7, ареально-диалектные – 6, ареально-локалектные – 13. Это свидетельствует о большей региолектной, диалектной и локалектной соционимативной активности субстандартного лексикона полицейского субъязыка АА, чем субъязыка БА.

Таблица 1

*Количественные характеристики геолектно-национальной
соционимативной продуктивности субстандартной
лексико-фразеологической системы полицейского субъязыка
в СКС английского языка Великобритании и США*

АРЕАЛ	Количественные характеристики соционимативной продуктивности социолектной лексической системы полицейского субъязыка		Количество социолектизмов по виду субъязыка	В % к общему числу выборки (к 4315)	Рейтинг по социо- нимативной про- дуктивности
	Геолектно-национальные разновидности полицейского субъязыка				
Социолектная лексическая система поли- цейского субъязыка БА	Ареально- региональные	1) вест-индийский	5	0,12%	8
		2) североирландский	2	0,05%	11
		3) южно-уэльсский	2	0,05%	11
		4) северный	3	0,07%	10
		5) северо-восточный	2	0,05%	11
		6) северо-мидлендский	2	0,05%	11
	Ареально- диалектные	1) беркширского диалекта	2	0,05%	11
		2) йоркширского диалекта	2	0,05%	11
		3) камберлендского диалекта	2	0,05%	11
		4) диалекта на о. Уайт	2	0,05%	11
		5) уорикширского диалекта	2	0,05%	11
	Ареально- локальные	1) социолокалект Гибралтара	2	0,05%	11
		2) социолокалект Глазго	7	0,16%	7
		3) социолокалект Ливерпуля	7	0,16%	7
		4) социолокалект Лондона	17	0,39%	4
		5) социолокалект Эдинбурга	4	0,09%	9
		6) социолокалект Ист-Энда	2	0,05%	11
	Социолектная лексическая система полицейского субъязыка АА	Ареально- региональные	1) северо-западный	2	0,05%
2) северо-восточный			2	0,05%	11
3) южный			2	0,05%	11
4) юго-западный			2	0,05%	11
5) юго-восточный			2	0,05%	11
6) западный			2	0,05%	11
7) восточный			2	0,05%	11
Ареально- диалектные		1) диалекта штата Калифорния	17	0,39%	4
		2) диалекта штата Коннектикут	3	0,07%	10
		3) диалекта штата Миссури	2	0,05%	11
		4) диалекта штата Нью-Джерси	2	0,05%	11
		5) диалекта штата Техас	5	0,12%	8
		6) диалекта штата Флорида	7	0,16%	7
Ареально-локальные		1) социолокалект Атланты	2	0,05%	11
		2) социолокалект Балтимора	2	0,05%	11
		3) социолокалект Вашингтона	16	0,37%	5
		4) социолокалект Лос-Анжелеса	26	0,6%	3
		5) социолокалект Майями	5	0,12%	8
		6) социолокалект Нового Орлеана	5	0,12%	8
		7) социолокалект Нью-Йорка	60	1,4%	1
	8) социолокалект Нью-Йорка	2	0,05%	11	
	9) социолокалект Сан-Диего	2	0,05%	11	
	10) социолокалект Сан-Франциско	9	0,21%	7	
	11) социолокалект Филадельфии	13	0,3%	6	
	12) социолокалект Форт-Лодердейла	2	0,05%	11	
	13) социолокалект Чикаго	27	0,63%	2	
Суммарные данные			286	6,63%	

Список литературы

1. Геворгян Н.С. Проявление деривационной системы английского языка в полицейских социолектизмах // Вестн. Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2013. – № 4. – С. 65–69.
2. Геворгян Н.С. Соционимативные связи англоязычных профессионально-корпоративных субъязыков // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2014. – № 3. – С. 71–77.
3. Дубовский Ю.А., Геворгян Н.С. Пионерские термины в англоязычном правовом обиходе и их субстандартные синонимы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2014. – № 3. – С. 56–61.
4. Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б. Этнолексиконы в афроанглийском этноязыке // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2013. – № 1. – С. 157–163.
5. Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б. Афроамериканский этноязык в субстандартной лексикографии США: «Американизмы» Дж. Фармера // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2013. – № 2. – С. 42–49.
6. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: Вводный курс / пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
7. Заграевская Т.Б. Национально-ареальная характеристика афроэтносоциолектизм в англоязычной просторечной лексикографии конца XIX века // Изв. Самарского научного центра РАН. – Самара: Самарский научный центр РАН, 2012. – № 2(6). – Т. 14. – С. 1518–1526.
8. Заграевская Т.Б. Лексикографические портреты англоязычных афроэтносоциолектизм на рубеже XX–XXI веков (на материале словаря Дж.С. Фармера и У.Е. Хэнли «Slanganditsanalogues») // Вестн. Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – № 4. – С. 70–77.
9. Заграевская Т.Б. Лексикографические средства раскрытия структурных особенностей социолектной номинации в англоязычном афроэтноязыке // Вестн. Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2012. – № 4. – Т. 1. – С. 113–119.
10. Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестник Череповецкого государственного университета. Научный журнал. – 2011. – № 1 (28). – С. 60–64.
11. Коровушкин В.П. Билингвизм и диглоссия как проявления социально-языковой ситуации // Вестн. Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 2 (38). – Т. 2. – С. 97–102.
12. Локтева Ю.Ю. Социолектизмы английской маргинальной субкультуры деклассированных элементов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2013. – № 4. – С. 56.
13. Метельская Е.В., Рябичкина Г.В. Основные направления в исследовании уголовного жаргона (на материале зоонимов английского и русского языков) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2014. – № 2. – С. 45–49.
14. Рябичкина Г.В. Английская субстандартная лексикография (середина XVI – середина XIX в.). Монография. – Астрахань: Астраханский университет, 2009. – 274 с.
15. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: МГУ, 2008. – 352 с.
16. Чиршева Г.Н. Введение в онтобилингвологию: монография. – Череповец: ЧГУ, 2000. – 196 с.

17. Чиршева Г.Н. Двухязычная коммуникация. – Череповец: ЧГУ, 2004. – 190 с.
18. Ayo, J. The Oxford Dictionary of Slang. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – V. – 474 p.
19. Dalzell, T. The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English / ed. by Tom Dalzell. – New York: Taylor & Francis e-Library, 2009. – X. – 1104 p.
20. Johnson, E. Lexical change and variation in the southeastern United States, 1930–1990. – Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, 1996. – XVI. – 318 p.
21. Kipfer, B. N., Chapman, R. L. Dictionary of American Slang / by Barbara Ann Kipfer, Editor and Robert L. Chapman, Founding Editor. – New York: Harper Collins Publishers Inc., 2007 / EPub Edition © AUGUST, 2010. – 1115 p.
22. Lighter, J. E. Random House historical dictionary of American slang. – New York: Random House, 1994. – Vol. 1. A-G. – LXIV. – 1006 p.
23. Lighter, J. E. Random House historical dictionary of American slang. – New York: Random House, 1997. – Vol. 2. H-O. – XXVIII. – 736 p.
24. Mey, J. L. Concise Encyclopedia of Pragmatics. Second Edition. – London; Oxford; New York: Elsevier Ltd., 2009. – XVII. – 1164 p.
25. Partridge, E. A dictionary of slang and unconventional English: Colloquialisms and catch phrases, fossilised jokes and puns, general nicknames, vulgarisms and such Americanisms as have been naturalised / Edited by Paul Beale. 8th ed. – New York: Macmillan Publishing Co., 1984. – XXIX. – 1400 p.
26. Partridge, E. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English / Tom Dalzell (Senior Editor) and Terry Victor (Editor). – Routledge, 2008. – XVIII. – 721 p.
27. Spears, R. A. NTC's Thematic Dictionary of American Slangs. – Chicago: NTC' Publishing Group, 1998. – 542 p.
28. Thorne, T. Dictionary of contemporary slang. Third Edition. – London: A & C Black Publishers Ltd., 2007. – XVIII. – 494 p.
29. Wentworth, H., Flexner, B.S. Dictionary of American Slang / second Supplemented Edition. – New York: Thomas Y. Crowell Publishers, 1975. – 766 p.
30. Wolfram, W.N., Schilling-Estes, N. American English. Dialect and variation. – Oxford: Blackwell, 2004. – XVII. – 398 p.
31. Yule, G. The study of language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – X. – 273 p.

**Омонимия англоязычных технических терминов
(на основе терминопля трубопроводного транспорта)**

В статье рассматривается терминологическая омонимия англоязычных терминов трубопроводного транспорта, основанная на результате семантического распада одного слова. Целью статьи является выявление и анализ омонимии в терминосистеме англоязычного словаря специальности. В статье дается лексический анализ исследуемого терминопля трубопроводного транспорта.

The article deals with a terminological homonymy of English pipeline transport terms, based on the result of a wordsemantics collapse. The purpose of the article is the identification and analysis of homonyms in the English language special terminological vocabulary. The article gives a lexical analysis of the pipeline terminology.

Ключевые слова: омонимия, семантика, однозначность, полисемия, терминология, трубопроводный транспорт.

Key words: homonymy, semantics, uniqueness, polysemy, terminology, pipeline transport.

Традиционное понятие омонимии играет важную роль во многих научных контекстах по терминологии, логической семантике и семиотике и является естественной генерализацией соответствующего лингвистического понятия. Омонимия представляет собой графическое и (или) фонетическое совпадение слов (знаков, знаковосочетаний и словосочетаний), имеющих различный смысл и (или) значение.

Омонимия является конечным случаем выражения полисемии (многозначности) – явлением, характерным в равной мере и общелитературному языку, и терминологическим системам. Есть основания полагать, что омонимия порождена случайными причинами, связанными с характером словообразования в языке. Между терминосистемами и общим языком происходит непрерывный «взаимообмен» лексическими единицами: слова общелитературного языка теряют некоторые свои свойства и превращаются в термины и, наоборот, термины становятся единицами общего языка. Процессы терминологизации и детерминологизации являются источником образования омонимов в различных терминологических системах. Терминологическая омонимия отличается от аналогичного явления в лексике общелитературного языка. В языке науки омонимия встречается довольно часто, и является она результатом семантического изменения слова, когда «полисемия настолько расходится, что становится омонимией» [5, с. 88], при этом происходит модификация значений полисемичного слова, его двусторонней языковой аргументированности, непрерывности внутренних

форм, вследствие чего изменяются деривационные ряды, сочетаемостный потенциал слова и т.п. Омонимия, образующаяся в результате совпадения различных по возникновению, но тождественных по значению слов, имеющая место в общелитературном языке, нетипична для терминополья специальности.

Терминологическая омонимия кардинально отличается от подобного явления в общелитературном языке по следующим основаниям: «Во-первых, терминология использует только одну разновидность омонимии, а именно ту, которая является результатом семантического развития слова, его многозначности. <...> Во-вторых, омонимия по отношению к терминологии может быть охарактеризована только как межсистемное явление: либо эти термины разных терминосистем, либо эти термины лексико-семантического способа образования, ставшие омонимами по отношению к породившим их словам общелитературного языка» [4, с. 72; 9, с. 53].

В научной и лингвистической литературе суть омонимии понимается неоднозначно. Позиция по оценке терминологической омонимии разными исследователями чаще всего отрицательная, поскольку это явление «является нарушением «закона знака» [2, с. 109]. Так, Л.А. Булаховский называет омонимию болезнью языка; Л.А. Новиков полагает, что отношения слов, идентичных по форме и не связанных по значению, нерегулярные и исключительные; в понимании А.А. Реформатского, «омонимы во всех случаях – это досадное неразличение того, что должно различаться» [6, с. 94].

Нередко невозможность положительного отношения к омонимии обусловлена и тем, что между явлениями омонимии и полисемии затруднительно провести чёткую границу: первая есть предельный случай второй. Омонимы зачастую находятся в очевидном родстве. Явная общность этимологии омонимов заставляет квалифицировать такие случаи как полисемию. Иначе говоря, омонимия (кроме тех случаев, когда она обусловлена чисто случайными совпадениями словоформ) есть «латентная» полисемия.

Таким образом, омонимия и полисемия представляют собой неотъемлемый атрибут естественного языка, обогащая выразительными средствами общелитературный язык. Многие исследователи полагают, что в научных контекстах омонимия недопустима, а в некоторых даже опасна. Поэтому для научно-специальных потребностей преимущественно используют профессионализмы – особенным образом выбранные фрагменты общеразговорного (общелитературного) языка, менее гибкие, чем язык в целом, но в лучшей мере адаптированные для нужд «обслуживаемой» области. Омонимия самоликвидируется в них с помощью надлежащим образом развитой техники определений.

В.В. Виноградов, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина и некоторые другие исследователи дают определение омонимии как звукового и грамматического совпадения языковых единиц, которые семантически не связаны друг с другом. Слова-омонимы, по мнению этих авторов, характеризуются,

прежде всего, тем, что они сопоставляются с тем или иным явлением действительности независимо друг от друга, поэтому между ними не существует никакой ассоциативной понятийно-смысловой связи, свойственной различным семантике многозначных слов. При реализации лексического значения омонимов их смешение исключено [3, с. 14].

Представляя собой результат семантического раскола одного слова, термины-омонимы утрачивают неизменность внутренних форм, являя собой лексические единицы с разным смыслом, принадлежащие разным терминологическим полям. Внутрисистемная несамостоятельность термина, его соотнесенность с терминопolem является одним из главных критериев разграничения омонимов: омонимы допустимы лишь в тех случаях, когда они относятся к различным областям [7, с. 72], проблема полисемии и омонимии за пределами отраслевой терминологии теряет всякий смысл, поскольку одинаково звучащие термины в одной отрасли практически не встречаются [8, с. 229]. Базируясь на вербально-семасиологическом уровне языковой личности, омонимы не влияют на процесс коммуникации специалистов. Жизнедеятельность омонимов в одной терминологической системе – весьма редкое явление.

В терминологии трубопроводного транспорта функционируют лексические единицы, имеющие омонимы в следующих разделах языка.

1. В общелитературном языке, что объясняется метафорическими процессами:

elevator – элеватор – 1) *вертикальный или наклонный транспортёр с механическим оборудованием для приема, перемещения, очистки, сушки, отгрузки больших количеств зерна (общеупотр.); 2) захватное устройство для подвешивания бурильной трубы при спуско-подъемных работах (труб. трансп.);*

candle – свеча – 1) *палочка из жирового вещества с фитилем внутри, служащая источником освещения (общеупотр.); 2) керамический фильтр в трубопроводной установке (труб. трансп.);*

anchor – якорь – 1) *приспособление для удержания на месте судов, плавучих маяков и т.п. в виде металлического стержня с лапами, которые зацепляются за грунт (общеупотр.); 2) оборудование для закрепления подъемных труб с целью предотвращения перемещения скважинного механизма под воздействием нагрузки (труб. трансп.);*

die – сухарь – 1) *засушенный кусок хлеба, а также кондитерское изделие, печенье в виде такого ломтика (общеупотр.); 2) название некоторых вспомогательных промежуточных деталей в механизмах и узлах трубопроводного оборудования (труб. трансп.);*

horizon – горизонт – 1) *кажущаяся линия соприкосновения неба и земли (общеупотр.); 2) плоскость горизонтального движения трубы на каком-либо уровне (труб. трансп.);*

footprint – подошва – 1) *нижняя часть стопы; низ обуви под ступней* (общеупотр.); 2) *план размещения (зона действия) трубопроводного оборудования* (труб. трансп.);

formation – свита – 1) *лица, сопровождающие важную высокопоставленную особу* (общеупотр.); 2) *пласт месторождения при буровых работах* (труб. трансп.) [1; 11].

Такие слова общеупотребительного языка, став термином, сохраняют только «фонетическую оболочку», значение же слова совершенно иное; в основе семантической деривации лежит семантический перенос наименования на базе формально-логических связей: сходства, смежности, партициптивности.

2. В других терминосистемах; терминологические единицы такого рода, ранее являвшиеся полисемичными, в процессе функционирования лишившиеся мотивированности единства:

tine – зубец – 1) *культиваторная лапа (с.-х.); 2) вилочный захват трубоукладчика* (труб. трансп.);

cavern – каверна – 1) *полость, возникающая в органе тела при разрушении и омертвлении тканей, вызванных болезнью* (медиц.); 2) *подземное хранилище жидких углеводородов* (труб. трансп.);

mat – мат – 1) *гимнастический мат* (спорт.); 2) *донная подушка* (труб. трансп.);

core – керн – 1) *стальная ось, используемая в мобильных частях механизмов электроприборов* (приборостроен.); 2) *образец породы в виде столбика, извлекаемый из скважины, трубы* (труб. трансп.);

shell – гильза – 1) *пустотелая насадная деталь* (воен.); 2) *заготовка для прокатки труб* (труб. трансп.);

tyre – покрывка – 1) *чехол из толстой резины, надеваемый на камеру велосипеда, мотоцикла, автомобиля* (автомоб.); 2) *бандаж для труб при валке* (труб. трансп.);

column – колонна – 1) *часть архитектурного сооружения в виде высокого столба, служащего опорой фронтонов, внутренних частей здания* (архит.); 2) *штанг* (труб. трансп.) [1; 12].

3. В других терминологических системах, при этом семантика одинаково звучащих терминов различна:

blade – нож – 1) *ковш, отвал* (строит.); 2) *направляющий нож для центрирования кромок полосовой заготовки в последних формовочных клетях при непрерывной сварке прямошовных труб* (труб. трансп.);

clinker – клинкер – 1) *шлюпка с наборной обшивкой* (спорт.); 2) *шлакообразование в трубе* (труб. трансп.);

gland – сальник – 1) *жировая складка брюшины у млекопитающих животных и человека* (анотом.); 2) *деталь, герметически закрывающая зазор между подвижной и неподвижной элементами деталей трубопроводного оборудования* (труб. трансп.);

conductor – кондуктор – 1) *сопровождающий железнодорожный поезд для наблюдения за правильностью и безопасностью его следования и за сохранностью грузов, проводник* (транс.); 2) *первая колонна обсадных труб; направляющая труба при бурении* (труб. трансп.);

web – перемычка – 1) *перепонка у утки, летучей мыши и т.п.* (зоол.); 2) *щека кривошипа / коленчатого вала* (труб. трансп.);

plug – шток – 1) *крупная масса горной породы или полезного ископаемого неправильной цилиндрической формы* (геолог.); 2) *выталкиватель для выпрессовки труб* (труб. трансп.);

valve – клапан – 1) *старинное военное ружьё с винтовыми нарезами в стволе* (воен.); 2) *короткий отрезок трубы с наружной резьбой, служащий для соединения труб между собой или для присоединения их к резервуарам, сосудам* (труб. трансп.) [1; 12].

Омонимия в терминопле трубопроводного транспорта является результатом семантического формирования знака, дробления значений полисемичного слова, потери переходных частей целого; в пределах терминологического массива она может квалифицироваться как промежуточный феномен: термины лексико-семантического способа образования (межсистемная омонимия), термины – лексические единицы различных терминосистем (межнаучная омонимия).

В определенных сферах научно-профессиональной деятельности человека омонимия – явление малоупотребительное. Как правило, омонимы – это действительность разных терминологических полей, в формате конкретного терминопле подобные термины однозначны, а потому не затрудняют процесс коммуникации вследствие достаточно высокой профессиональной компетенции специалистов.

Список литературы

1. Англо-русский словарь терминов трубопроводного транспорта / сост. Н. В. Горохова. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2012. – 240 с.
2. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 296 с.
3. Виноградов В. В. Об омонимии и смежных с ней явлениях // Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 1–16.
4. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
5. Реформатский А. А. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.
6. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М.: Аспект пресс, 1996. – 536 с.
7. Слюсарева Н. А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка // Вопросы языкознания. – 1979. – Т. 4. – С. 69–76.
8. Татаринцов В. А. Теория терминоведения. – Т. 1. – М.: Московский лицей, 1996. – 311 с.
9. Шурыгин Н. А. Лексикологическая терминология как система. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. – 167 с.
10. <http://slovarozhegova.ru>
11. <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?l1=2&l2=1&s=%EA%E5%F0%ED>

Атрибутивные конструкции как средство характеристики антропонима в текстах немецких СМИ

В статье рассматриваются атрибутивные конструкции как средство передачи разнообразной характеристики антропонимов писателей. Рассматриваемая группа антропонимов и функционально-стилевая система текстов, в которых они используются, обуславливают разнообразие грамматических форм и значений атрибутивных характеристик.

This article deals with attributive constructions as a means of the characteristics of a special anthroponym group – writers. This type of anthroponyms and the functional style of the texts where they are used influence the diversity of the grammatical forms and meanings of the attributive characteristics.

Ключевые слова: атрибут, атрибутивные конструкции, номинация, антропонимы, функциональный стиль, имя прилагательное, оценка.

Key words: attribute, attributive constructions, naming, anthroponyms, functional style, adjective, valuation.

Данная статья посвящена рассмотрению атрибутивных конструкций, служащих для передачи самых разнообразных характеристик такой группы антропонимов, как обозначения писателей в текстах немецких СМИ. Цель статьи заключается в том, чтобы показать, что разнообразие грамматических форм и значений атрибутивных характеристик во многом обуславливается как значением рассматриваемой группы антропонимов, так и принадлежностью текстов, в которых они используются, к определенной функционально-стилевой системе. Последнее предопределяет отбор определенных видов информации, соответствующих выполнению основных функций данных типов текста.

Термин «атрибут» используется в лингвистике достаточно неоднозначно. Так, под атрибутом понимается член предложения со значением качественного или количественного признака объекта или иного признака, присоединение которого к определенному компоненту, который может быть выражен различными частями речи, не зависит от валентных потребностей последних. Грамматическая наука традиционно трактует атрибуты на основании их подчинительной связи с именами существительными. Многие вопросы, связанные с атрибутами, до сих пор остаются актуальными и спорными для германистики [8, с. 13]. В данной статье под термином атрибут понимается словоформа с признаковым значением, посредством которой реализуются атрибутивные отношения между наименованием субстанции и ее признаком. Таким образом, признак мыслится в

единстве со своим носителем [4, с. 348–349]. С помощью атрибута можно сообщить практически о любом свойстве объекта, потому что категория атрибутивности включает в себя множество реляционных отношений (различных свойств, признаков, характеристик) реальной действительности. При антропонимических номинациях атрибутивные конструкции тоже способны передавать довольно широкий спектр семантических отношений [6, с. 5–6].

Материалом статьи послужили более тысячи атрибутивных номинаций из текстов немецких СМИ. Анализ атрибутов, сопровождающих номинации писателя в немецких СМИ, позволил выделить следующие шесть типов конструкций как с согласованными, так и с несогласованными атрибутами.

1. Выраженный прилагательным атрибут с именем нарицательным (Attr. Adj. (+ Attr. Adj.) + GattungN).

2. Выраженный причастием первым или вторым атрибут с именем нарицательным (Attr. Part.I/II (+ Attr. Adj.) + GattungN).

3. Выраженный порядковым числительным атрибут с именем нарицательным или собственным (Attr. Zahlwort + GattungN).

4. Атрибут при имени собственном или нарицательном, выраженный существительным в генетиве (EigenN/GattungN + Gen.Attr. / Gen.Attr. + EigenN/GattungN).

5. Атрибут при имени собственном или нарицательном, выраженный приложением (распространенным или нераспространенным (EigenN/GattungN + Attr. Apposition (erweitert)).

6. Атрибут при имени собственном или нарицательном, выраженный придаточным определительным предложением (EigenN/GattungN + Attributsatz).

Остановимся подробнее на выделенных структурных типах определений.

1. Attr. Adj. (+ Attr. Adj.) + GattungN

«*"Nicht zuletzt sollte die Ehrung auch ein Akt der Wiedergutmachung für das sein, was dem großen deutsch-jüdischen Dichter in der Vergangenheit - und noch weit in die Gegenwart hinein – angetan wurde"*, lässt der Verein verlautbaren» [12]. В данном примере речь идет о Генрихе Гейне, памятник которому решили поставить в Вальхалле, немецком зале славы. Атрибут *groß*, входящий в состав данной номинации, является клишированным, но не теряет, тем не менее, своей субъективной оценочности и характеризует значение творчества Гейне. Второй атрибут *deutsch-jüdisch* указывает на национальность поэта.

В целом стоит отметить, что в рассмотренных примерах преобладают атрибуты, выраженные именами прилагательными, потому что категориальное значение создает предпосылки для их широкого использования при обозначении различных свойств и признаков, присущих объектам [7, с. 7–9]. Примерно половина проанализированных примеров (около пятисот)

представляют собой данную конструкцию. Прилагательные, входящие в данную группу, могут характеризовать писателя с разных сторон, однако чаще всего они передают информацию о национальности и происхождении писателя или о его профессиональных качествах – *deutsch, britisch, lateinamerikanisch, erfolgreich, grandios, berühmt, verdienstvoll* и т.д. Характерно, что такой, хотя уже в некоторой степени ограниченный, семантический спектр прилагательных (что обусловлено данной группой антропонимов) присутствует только при нарицательных существительных и невозможен при именах собственных (за исключением прецедентного использования; см. об этом ниже).

2. Attr. Part.I/II (+ Attr. Adj.) + Gattungsn

Конструкции с использованием причастия второго встречаются существенно чаще, чем с причастием первым. Всего было выделено примерно 200 подобных примеров, из них только около 30 включают причастие первое. Данная конструкция позволяет сообщить о каких-либо действиях писателей, что напрямую связано со значением данной грамматической формы. Причастия часто имеют при себе зависимые члены и образуют так называемые распространенные определения. В целом использование причастий дает автору возможность параллельно к основной предикативной линии указать на еще какое-либо событие из жизни писателя: «*Er zählt zu den meistgelesenen und meistübersetzten portugiesischen Schriftstellern, 1998 gewann er den Nobelpreis für Literatur: Jetzt ist José Saramago im Alter von 87 Jahren verstorben*» [9]. Данный пример взят из статьи, посвященной португальскому писателю Жозе Сарамаго. Причастия вторые *meistgelesen u meistübersetzt*, входящие в состав номинации, характеризуют писателя по его популярности. При этом здесь использован прием метонимии: используя номинацию *Schriftsteller*, автор статьи имеет в виду не самого автора, а его произведения.

3. Attr. Zahlwort + Gattungsn

В данной конструкции встречаются только порядковые числительные *erster* и *zweiter*. В проанализированных примерах эти числительные используются для того, чтобы подчеркнуть, что тот или иной писатель является первым в какой-либо области: «*1998 wurde der bekennende Atheist als erster Portugiese und unter öffentlichem Protest des Vatikans mit dem Nobelpreis für Literatur ausgezeichnet*» [9]. В данном примере речь вновь идет о писателе Жозе Сарамаго, который был первым португальцем, получившим Нобелевскую премию по литературе. В подобных конструкциях вместо нарицательных могут использоваться имена собственные. В этом случае сочетания порядковых числительных и имен собственных ведут к так называемому прецедентному использованию имени и при этом, в отличие от первого случая, может быть использовано только числительное *zweiter*: „*Kehlmann geriert sich gerne als Präzeptor, seine Urteile kommen stets aus dem tief gestaffelten Raum der Geistesgeschichte. Als Enzyklopäde und Ein Mann-Kindlerlexikon, ja als zweiter Borges beugt er sich über jeden Fall*“ [10]. Дан-

ный пример взят из статьи, посвященной произведению Даниеля Кельмана, в котором тот анализирует творчество других писателей. Кельмана с иронией называют «вторым Борхесом», что позволяет читателю понять, что данное имя используется здесь в особом смысле.

Такой прием прагматически очень эффективен, он позволяет читателю провести определенные аналогии и благодаря этому немецкие писатели и их творчество соотносятся со своего рода прототипами из других стран или эпох. В современных СМИ метафорическое употребление имени собственного получило очень широкое распространение. В такой функции широко известные имена собственные используются как особые культурные знаки, символы определенных качеств [5, с. 7–9]. Данные номинации всегда отличаются оценочностью и экспрессивностью [1, с. 179]. Интересен также тот факт, что в качестве прецедентных имен при сравнении немецких писателей с кем-то из «коллег» используются только одушевленные существительные и, как правило, имена писателей другой национальной принадлежности, и, что при этом в них сохраняется и даже подчеркивается их конкретная национальная адресация [2, с. 21].

Что касается несогласованных атрибутов, использующихся для характеристики антропонимов, то здесь были выделены следующие три модели.

4. **EigenN/GattungsN + Gen.Attr. / Gen.Attr. + EigenN/GattungsN**

Такие конструкции используются в проанализированных примерах для каких-либо уточнений, даже «сужений» значения определяемого слова: «*Die Jury lobte ihren "tiefen moralischen Ernst": Christa Wolf ist **eine der bedeutendsten Stimmen der deutschen Gegenwartsliteratur: Jetzt erhält die Schriftstellerin als erste den neuen, mit 25.000 Euro dotierten Thomas-Mann-Preis***» [10]. Приведенный пример заимствован из статьи, посвященной Кристе Вольф, где она характеризуется как одна из самых значительных писательниц современной немецкой литературы. При создании данной номинации был использован прием метонимии, слово *Stimme* употреблено в переносном значении. Генитивный атрибут в постпозиции уточняет «географическую и временную сферу деятельности» Вольф, то есть что значение и известность Кристы Вольф ограничивается в основном пределами Германии и нашим временем.

5. **EigenN/GattungsN + Attr. Apposition (erweitert)**

С помощью приложений писатель может быть охарактеризован с различных сторон, однако в рассмотренных примерах эта характеристика оказывается чаще всего связанной с его профессиональной деятельностью: «*Ich glaube Daniel Kehlmann, denn er bewundert auch **Max Goldt, den besten Prosa-Autor meiner Generation***» [11]. Автор приводившейся уже выше статьи пишет, что он доверяет суждениям писателя Даниэля Кельмана о писателе Максе Гольдте, так как он сам тоже восхищается его творчеством, потому что, с его точки зрения, тот является лучшим прозаиком поколения, к которому относится автор. Приложение характеризует Гольдта с точки

зрения его профессиональной деятельности, прилагательное *der beste* отражает субъективную оценку автора.

6. **EigenN/GattungsN + Attributsatz**

Характеристика писателя может быть также выражена с помощью придаточных определительных предложений. Именно предложенческие структуры способны передавать самую разнообразную информацию о писателе: «*"Bis dass der Tod" ist ein Ausschnitt eines noch unveröffentlichten Romans des Autors, der für seine Arbeiten in den vergangenen Jahren bereits mehrere Literatur- und Förderpreise erhalten hat*» [13]. В данном примере речь идет о Йенсе Петерсене, награжденном премией Ингеборг Бахманн. В придаточном предложении содержится информация о том, что этот автор ранее уже получил несколько литературных премий. Придаточные предложения, как и распространенные определения, способны создавать предикативные структуры, позволяющие передавать самые разные виды информации о характеризуемом лице. Как правило, в тексте они служат для передачи дополнительных сведений, не имеющих непосредственного отношения к главной теме сообщения.

Конструкции с использованием приложений (50 примеров) и придаточных определительных предложений (около 180 примеров) являются довольно частотными. Они позволяют сообщить об описываемых лицах то, что не может быть передано другими видами атрибутов. Благодаря им признак может быть введен в текст как отдельное коммуникативное звено. Данные формы актуализируют признак и образуют дополнительные возможности для расширения их контекстной сопряженности [3, с. 16].

Итак, проведенный анализ показал, что номинации писателей в немецких средствах массовой информации в большинстве случаев сопровождаются атрибутами самых разных структурных и семантических типов.

Согласованные атрибуты, выраженные прилагательными, причастиями, числительными, местоимениями, могут характеризовать писателя по самым разным параметрам: как по его профессиональным и личным качествам, так и по его внешности, действиям, возрасту, происхождению и т.д. В большинстве случаев этот тип атрибутов передает различные оценочные значения, что позволяет автору выразить свое личное отношение к данному писателю, сравнить его с другими. В последнем случае для сравнения часто используются прецедентные имена. Но с помощью атрибутов, что во многом зависит от семантики самого атрибута, могут сообщаться и некоторые дополнительные сведения о действиях или состояниях описываемого лица.

Несогласованные атрибуты, выраженные предложными группами, генитивными атрибутами и приложениями, тоже позволяют охарактеризовать писателя по его самым разнообразным качествам, часто с точки зрения его положения и статуса в литературном мире. Эти номинации тоже может отличать известная субъективность, потому что они отражают либо общепринятое в данном социуме мнение, либо личное мнение самого ав-

тора статьи. Было отмечено также, что во многих случаях согласованные и несогласованные атрибуты часто аккумулируются в тексте в каком-то определенном месте. Подобная насыщенность определенных текстовых позиций атрибутами встречается обычно в тех случаях, когда речь идет о выражении субъективно-оценочных значений.

Придаточные определительные предложения используются обычно с целью сообщения дополнительных сведений о писателе, например, при описании его действий. Последние используются для сообщения о признаках, которые неспособны передать другие формы атрибутов.

Таким образом, проанализированные атрибутивные характеристики номинаций писателей позволяют реализовать обе присущие газетно-публицистического стилю функции: как информативную (автор стремится передать как можно больше информации о писателе), так и воздействующую (использование субъективно-оценочных номинаций повышает интерес к писателю и оказывает влияние на отношение к нему).

Список литературы

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 2009. – 289 с.
2. Григорьева Л. Н. Феномен прецедентности в тексте и его роль в переводе // *Немецкая филология в Санкт-петербургском государственном университете*. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – Вып. IV. Текст и текстовые единицы. – С. 20–31.
3. Деренкова Н.С. Имена личные и нарицательные антропонимы в системе языка и в речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1984. – 22 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990. – 682 с.
5. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
6. Проскура Я.В. Атрибутивные конструкции в немецком языке: когнитивный и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2006. – 22 с.
7. Харитончик З.А. Прилагательное: значение, словообразование, функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1986. – 47 с.
8. Эйхбаум Г.Н. Текстовые функции атрибутов // *Вопросы функциональной грамматики языка* / отв. ред. Г.Н. Эйхбаум. – Л., 1986. – С. 11–22.
9. *Der moralische Angreifer* // SUEDEUTSCHE.DE: интернет-изд. 2010. 18 июня. – [Эл. ресурс]: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/jose-saramago-ist-tot-der-moralische-angreifer-1.961795> (дата обращения: 01.06.2014).
10. *Enfant flexible* // SUEDEUTSCHE.DE: интернет-изд. 2010. 31 июля. – [Эл. ресурс]: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/daniel-kehlmann-lob-enfant-flexible-1.982128-2> (дата обращения: 01.06.2014).
11. *Großer Menschen Toilettenpapier* // SUEDEUTSCHE.DE: интернет-изд. 2010. 22 июля. – [Эл. ресурс]: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/helmut-krausser-substanz-grosser-menschen-toilettenpapier-1.977865-2> (дата обращения: 01.06.2014).
12. *Ruhmeshalle wider Willen: Heinrich Heine muss in die Wallhalla* // SPIEGEL.DE: интернет-изд. 2010. 14 фев. – [Эл. ресурс]: <http://www.spiegel.de/kultur/literatur/ruhmeshalle-wider-willen-heinrich-heine-muss-in-die-walhalla-a-706546.html> (дата обращения: 01.06.2014).
13. *Von Liebe und Tod* // SUEDEUTSCHE.DE: интернет-изд. 2010. 17 мая. – [Эл. ресурс]: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/bachmann-preis-fuer-jens-petersen-von-liebe-und-tod-1.91691> (дата обращения: 01.06.2014).

Некоторые лексикологические аспекты «риторического цикла» сочинений Цицерона

В статье рассматривается ряд лексикологических аспектов текстуального наследия представителя античной лингвофилософии и риторики Марка Туллия Цицерона. Особое внимание уделяется, в частности, проблеме разграничения в работах Цицерона «нарицательных» и «новообразованных» слов (неологизмов). Сделанные автором статьи выводы могут представлять потенциальный интерес для дальнейших исследований в области античного языкознания.

This article discusses about some lexicological aspects of bright representative of ancient linguistics and rhetoric Marcus Tullius Cicero. Particular attention is paid the problem of differentiation in the works of Cicero "common nouns" and "newly formed" words (neologisms). Conclusions made by the author may be of potential interest for further research in the field of ancient linguistics.

Ключевые слова: Цицерон, язык, речь, neologisms, античное языкознание, оратор.

Key words: Cicero, language, speech, neologisms, ancient linguistics, orator.

В чрезвычайно обширном литературном наследии римского мыслителя и теоретика ораторского искусства Марка Туллия Цицерона особый интерес представляет ряд рассуждений лексикологического характера, представленных, в частности, в трактатах так называемого «риторического цикла» (Cic. De Oratore: «Оратор», «Брут», «Об ораторе») [см: 13, с. 267–286]. Следует оговориться, что, как и в случае с большей частью лингвистических воззрений Цицерона, данная проблематика интересует данного античного автора не в качестве абстрактной философской проблемы, а применительно к актуальной потребности дать в руки будущего ритора соответствующий «инструмент» воздействия на сознание аудитории, что находит свое отражение как в формальной, так и в содержательной (используемые примеры и образцы) сторонах изложения материала.

Говоря о лексических единицах языка, Цицерон достаточно четко разграничивает так называемые «отдельные» слова (*singula verba*) и словосочетания (*coniunctus*) [9]. В предельно упрощенном виде предложенная им классификация включает в себя два типа «слов»: «простые» (нарицательные – *inusitatum*) слова и «украшения». Последние, в свою очередь, подразделяются на «переносные» слова и «новообразованные» слова (неологизмы): «*ergo utimur verbis aut eis, quae propria sunt et certa quasi vocabula rerum, praene una nata cum rebus ipsis; aut eis, quae transferuntur et quasi alieno in loco conlocantur; aut eis, quae novamus et facimus ipsi*» [9]. Чуть далее Цицерон также вводит третий тип словесных «украшений» – «малоупотребля-

тельные слова» (*inusitatum*) – лексемы, выходящие из активного речевого обихода: «*Tria sunt igitur in verbo simplici, quae orator adferat ad inlustrandam atque exornandam orationem: aut inusitatum verbum aut novatum aut translatum*» [9]. Слова, употребляемые «в прямом значении», в представлении Цицерона представляют собой «точные наименования понятий», исторически возникшие одновременно, или почти одновременно с самими понятиями. Эта, чрезвычайно краткая и несколько обрывочная дефиниция, предложенная Цицероном, в целом вполне соотносится с современными лингвистическими представлениями о «нарицательных словах», то есть словах, «которые служат для прямого выражения понятий» [5, с. 95], концептуальное значение которых и есть понятие.

Будучи прагматиком, Цицерон мало интересуется указанной категорией слов «в прямом значении», не развивая свои представления в этой области более подробно и предпочитая ограничиться лишь общими рекомендациями относительно использования нарицательных слов в публичном выступлении. В частности, он отмечает, что слова «в прямом значении», несмотря на их общую распространенность, должны использоваться оратором с определенной осторожностью. Грамотный «подбор слов» – качество, в конечном счете составляющее «почву и основание красноречия», своеобразные базовые требования, предъявляемые к начинающему ритору. Решающую роль в данном случае играет умение последнего отказаться от чрезмерного злоупотребления «затасканных» и «приевшихся» слов, отдавая предпочтение «отборным» и ярким». Едва ли не единственным критерием оценки мастерства ратора в искусстве грамотного «отбора» слов Цицерон считает субъективное «слуховое впечатление» со стороны аудитории: каждый человек, независимо от его культуры или образования, обладает своеобразным «природным чутьем», позволяющим оценить мастерство владения выступающего своим словарным арсеналом. А потому владение «отбором слов» – лишь первый шаг на пути ратора-неофита, своеобразное базовое требование, лишь по достижении которого можно переходить к следующей ступени обучения ораторскому искусству – умению грамотно использовать в публичном выступлении т.н. «украшения».

Следующая категория слов в классификации Цицерона – неологизмы, или «новообразованные слова». Римский мыслитель определяет данную категорию слов следующим образом: «*Novantur autem verba, quae ab eo, qui dicit, ipso gignuntur ac fiunt, vel coniungendis verbis*» (под говорящим в данном контексте, конечно же, подразумевается ритор) [9]. Цицерон выделяет два способа образования неологизмов. Первый из них – с помощью «соединения двух слов», в качестве примеров приводя ряд сложносоставных слов. Второй способ возникновения неологизмов – введение в речевой обиход совершенно нового слова, созданного воображением самого автора (условно обозначим их как «авторские неологизмы»). Единственное требование, предъявляемое Цицероном к последнему, – стараться соотносить создаваемый неологизм с «требованиями языка и слуха». Вероятно, в дан-

ном случае подразумевается фонетическая благозвучность. М.Л. Гаспаров отмечает, что все «неологизмы», представленные Цицероном в трактате *De Oratore*, позаимствованы им из различных трагедий драматурга Энния [2, с. 416]. Действительно, для Цицерона вполне характерно активное заимствование слов из древнегреческого языка [см.: 6, с. 72–105]. Вспоминая свое становление как оратора в молодые годы, он, в частности, пишет: «Я стал перелагать с греческого речи самых лучших ораторов. Из чтения их я выносил ту пользу, что, передавая по-латыни прочитанное по-гречески, я должен был не только брать самые лучшие из общеупотребительных слов, но также по образцу подлинника *чеканить кое-какие новые для нас слова*, лишь бы они были к месту» (курсив наш. – Д.Ф.) [8]. В другом месте, обращаясь к тематике использования юмора в риторике, римский мыслитель замечает, что нашел в одном из греческих трактатов «немало забавных и шуточных греческих словечек», которые, вероятно, впоследствии использовал в своих публичных выступлениях.

Отметим, что далеко не все неологизмы, введенные в активный речевой обиход Цицероном, и впоследствии во многом благодаря ему прочно закрепившиеся в латинском языке, являются смысловой либо семантической «калькой» с древнегреческих аналогов. Одним из наиболее известных нововведений Цицерона в лексику классического латинского языка является, в частности, лексема «*humanitas*» (человечность) [см. напр.: 10; 11; 12]. Большинство современных исследователей вынуждены согласиться, что данное понятие не имеет близких смысловых аналогов в сочинениях греческих авторов и представляет собой языковое новаторство Цицерона (производное от лат. *homo* – «человек»). Концепт «*humanitas*», активно использованный Цицероном в тексте трактата «Об обязанностях», является, вероятно, наиболее значимым достижением Цицерона в языковом конструировании [см.: 1, с. 111–125]. Впоследствии усилиями мыслителей эпохи Возрождения концепт «гуманизм» стал основополагающим для всей этической философии Нового времени [4, с. 63–78].

Ярким примером социально-политических неологизмов Цицерона является известное противопоставление понятий «*optimates*» и «*populares*», которому посвящена, в частности, значительная часть речи Цицерона *Pro Sestio*. Не имея возможности рассмотреть данный вопрос более подробно, позволим себе, однако, обратить внимание на ряд аргументов в пользу гипотезы, что данные понятия были использованы Цицероном в политическом лексиконе впервые, то есть являются, в терминологии римского мыслителя, так называемыми «новосозданными» словами. В частности следует отметить, что лексему «*optimates*» из числа политических деятелей эпохи республики использует только Цицерон – в других источниках рассматриваемой эпохи данное понятие не встречается [3, с. 66]. В этой связи, по мнению А.Б. Егорова, «возникает заманчивая идея, что термин был создан самим Цицероном» [3, с. 69]. В целом, разделяя эту точку зрения, отметим, что окончательно подтвердить или опровергнуть ее не представляется воз-

возможным ввиду ограниченного количества первоисточников, находящихся в распоряжении современной науки.

Завершая сюжет, отметим, что несмотря на изрядную активность на уровне языкового конструирования, сам Цицерон в своих риторических трактатах предостерегает будущего оратора от излишнего злоупотребления сочинением и использованием неологизмов. Рядовой ритор, по его мнению, должен быть «не слишком смел в сочинении слов», используя «новообразованные слова» лишь время от времени. Причины подобной осторожности Цицерон в своем сочинении, к сожалению, не раскрывает, предпочитая воздержаться от более подробной аргументации по данному вопросу.

Список литературы

1. Быстрова С.П. Истоки философии культуры: Цицерон. – СПб., 2010. – 133 с.
2. Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972. – С. 4–75.
3. Егоров А.Б. Политические партии в Риме в период гражданских войн II-I вв. до н.э.: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1977.
4. Звиревич В.Т. Цицерон – философ, историк философии. – Свердловск, 1988. – 205 с.
5. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М., 1987. – 272 с.
6. Нахов И.М. Цицерон и греческая культура // Цицерон. 2000 лет со дня смерти. Сб. статей. – М., 1959. – С. 72–104.
7. Утченко С.Л. Социальное и политическое значение термина "optimates" у Цицерона // Древний мир: сборник статей в честь академика В.В. Струве. – М., 1962. – С. 627–635.
8. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / пер. с лат. Ф.А. Петовского, И.П. Стрельниковой, М.Л. Гаспарова; под ред. М.Л. Гаспарова. – М.: Ладомир, 1994. – 475 с. – [Эл. ресурс]: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/ciceron/trakt_orat.php
9. Cicero, M. Tulli. De Oratore ad Quintum Fratrem Liber Primus. – [Эл. ресурс]: <http://www.thelatinlibrary.com/cicero/oratore1.shtml#1>
10. Hayes, G. Cicero's Humanism Today // TCJ. – 1939. – Vol. 34. – №. 5. – P. 283–290.
11. Hunt, H.A. The humanism of Cicero. – Melbourne, 1954.
12. Meador, P.A. Rhetoric and Humanism in Cicero // Philosophy & Rhetoric. – 1970. – № 3. – P. 1–12.
13. Fantham, E. The Roman World of Cicero's De Oratore. – Oxford, 2004. – 328 p.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

УДК 81'42

Знаешева И.В.

К проблеме анализа дискурса как исследовательской методики

В статье рассматривается проблема восприятия анализа дискурса как метода исследования в современной лингвистике, исследуется история вопроса и некоторые элементы структуры дискурса, без учета которых невозможно проведение полноценного исследования.

The article deals with discourse analysis as a research practice in nowadays scholarship (particularly, in linguistics) *via-à-vis* the historical background and some elements of discourse structure indispensable in a properly organized research.

Ключевые слова: анализ дискурса, идеология, психоанализ, интердискурс, интердисциплинарность, субъект дискурса, другой.

Key words: discourse analysis, ideology, psychoanalysis, interdiscourse, interdisciplinarity, speaking subject, Other.

Неоднозначность понятий «дискурс» и «анализ дискурса» создает определенные трудности для исследователя, работающего в терминологическом поле, задаваемом этими понятиями. Число работ, посвященных теории и практике анализа дискурса, способно повергнуть в уныние любого, кто впервые ставит перед собой задачу, связанную с анализом текста в рамках данной методики. Это отчасти компрометирует сам термин в глазах многих исследователей. Так, например, Р.М. Фрумкина в своей рецензии на «Книгу о родине» И. Сандомирской относит дискурс к «квазитерминологическим образованиям», «ложным друзьям исследователя», аналогичным ложным друзьям переводчика [15, с. 139]. Некоторые причины такого отношения представляются вполне очевидными. К упомянутой уже неоднозначности термина можно добавить выдвигание интердисциплинарности в качестве одной из черт, определяющих анализ дискурса как исследовательскую методику, что создает трудности последовательного выбора и обоснования подхода к интерпретации результатов, сложность для восприятия текстов представителей французской школы анализа дискурса (далее – АД) с их неизбежными экскурсами в политику и философию и непрозрачными метафорами¹. В этом же ряду – необходимость обращения к разного рода экстралингвистическим аспектам, включая необходимость соотнесе-

---

© Знаешева И.В., 2015

¹ Остроумную критику ряда математических метафор у Ж. Лакана и Ю. Кристевой можно найти в книге Ж. Брикмана и А. Сокала «Интеллектуальные уловки» [12].

ния с вопросами идеологии, что вряд ли могло встретить сочувствие в России в начале 1990-х годов, когда идеи французской школы анализа дискурса стали известны широкому кругу читателей. Фоном всего этого служит несколько настороженное, если не сказать враждебное, отношение к постструктурализму среди значительной части научного сообщества. Все это тема отдельного исследования в сфере социологии науки. Отдельный сюжет – сопоставление школы анализа дискурса и функциональной стилистики. Пример такого сопоставления можно найти у М.Н. Кожинной [3, с. 189–201]; в этой работе не учитывается однако одно весьма существенное обстоятельство: функциональная стилистика возводит себя к Гумбольдту, а анализ дискурса мыслится как переосмысление идей Соссюра.

Все сказанное не дает оснований отрицать, что анализ дискурса оказывается продуктивной и все более распространенной методикой при исследовании текстов политического характера, находящей применение не только в лингвистике, но и в других социальных науках. В самом деле, едва ли возможно истолковать, например, изменения в значении слова «декрет» после революции, не прибегая к объяснению, связанному с конструированием смысла путем изменения коннотаций и оставляя в стороне идеологию. Любопытно сравнить определения этого слова в словарях разных лет: Декрет – указ верховной власти отдельному присутственному месту или целому народу [8, с. 152]; Декрет – указ, постановление власти, название законов Французской Революции, Парижской Коммуны и Советской власти [16, с. 178]; Декрет – закон, постановление власти, указ. Впервые закон получил название декрета в эпоху великой французской революции [13, с. 183]; Декрет, декрета, муж. (франц. *décret*) (офиц.). Постановление центральной власти, имеющее силу закона. *Декрет Совнаркома* [14, стб. 677].

Обращает на себя внимание, что первое определение толкует *декрет* как ‘указ’, что соответствует традиции употребления этого термина в юридической науке. Указ – это именно законодательный акт, принятый главой государства (в тех странах, где принято разделение властей, существуют соответствующие терминологические пары: *law – decree; loi – décret* и т.п.). В последующих определениях, созданных в советскую эпоху, когда разделение властей было отвергнуто как буржуазный пережиток, через запятую следуют *постановление, указ* и *закон* (причем в различном порядке). Несомненно, значимым оказывается и сопоставление, даже можно сказать, установление преемственности, советской власти и Парижской Коммуны, которая представлялась образцом диктатуры пролетариата. Более позднее толкование в словаре Ушакова уже не нуждается в посреднической отсылке к Парижской Коммуне и напрямую дает пример *Декрет Совнаркома*.

Другим примером может служить попытка отказаться от слова «наказание» в новой редакции Уголовного кодекса 1926 года. Так, В. Деннике в статье «Новый Уголовный кодекс РСФСР» пишет, что «новый кодекс отказывается от термина «наказание» как связанного с представлением о

«возмездии», «каре» и заменяет его терминами «судебно-исправительные меры», наряду с которыми устанавливаются меры «медицинские» для душевнобольных преступников и меры «медико-психологические», применяемые в отношении малолетних и отчасти несовершеннолетних» [2, с. 14]. В качестве обобщающего предлагался термин «меры социальной защиты» (включая известное выражение «высшая мера социальной защиты»). Можно с уверенностью говорить, что это законотворческое нововведение непосредственно связано с идеей К. Маркса о том, что наказание – это не кара для преступника, а защита общества [7, с. 531]. Та же мысль повторяется в работах ведущих советских правоведов этого периода. Например, М.Ю. Козловский писал: «Единственной целью налагаемой кары должна быть, в соответствии с нашими взглядами на причины преступности, самозащита или охрана условий общежития от посягательства» [4, с. 27].

Следует помнить, что слово «наказание» непосредственно связано с понятием вины, одним из ключевых понятий уголовного права (например, в словаре В.И. Даля «наказание» имеет два значения: ‘приказ’, ‘наказ’ и ‘взыскание вины’. Очевидно, к началу XX века первое значение было полностью утрачено). «Вина» как понятие имеет сложную историю в советском праве. Так, в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года (Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919) понятие вины отсутствовало, так же, как и в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 и УК РСФСР 1922, хотя правоприменительная практика этого периода исходила из того, что наличие вины является необходимым условием уголовной ответственности. Вполне вероятно, что намерение отказаться от слова «наказание» перекликается с указанными сложностями с понятием «вина».

Обратимся к анализу дискурса с позиций истории языкознания. Одной из характерных черт лингвистики второй половины XX века является постепенный переход от вопроса «как устроен язык?» к вопросу «как он работает?» С определенного момента сам переход к такому, с точки зрения обыденного сознания, естественному вопросу становится предметом рефлексии в науке. Подобное изменение предмета познания повлекло за собой, с одной стороны, пересмотр некоторых онтологических оснований науки о языке, а с другой, – настоятельную необходимость считаться с экстралингвистическими факторами и искать пути приемлемого сближения с другими дисциплинами социального цикла – психологией, социологией, психоанализом, семиотикой, философией, литературоведением и т.д. В этой связи, термин «дискурс», не принадлежавший изначально к ряду лингвистических, восходящий к лат. *discursus* (бегание туда сюда, движение; в поздней латыни: рассуждение, беседа) и находящийся в сложных и постоянно обсуждаемых (но поддающихся осмыслению) отношениях с терминами «речь», «текст», «язык», оказался весьма востребованным. Считается, что первым этот термин употребил в 1950 году Эмиль Бенве-

нист (1902–1976), понимавший под дискурсом экспликацию позиции говорящего в высказывании. Однако в 1943 году бельгийский лингвист Эрик Бюиссанс (1910–2000) в работе *Les langages et le discours* выступил с критикой сосюрковского термина *parole*, считая, что он объединяет две различные вещи, и предложил выделить в отдельную категорию *parole concrète*, то есть комбинации, реализуя которые говорящий использует код языка [18, с. 30]. Именно эта «конкретная речь» (*parole concrète*) и была обозначена термином «дискурс», став третьим членом привычной оппозиции *langue – parole: langue – discours – parole*.

Термин «анализ дискурса» был впервые употреблен Зеллигом Харрисом (1909–1992) в статье *Discourse Analysis* в журнале *Language* в 1952 году. Для Харриса дискурс являлся ступенью в иерархии дистрибутивного анализа, единицей, выходящей за пределы предложения. В настоящее время термином «анализ дискурса» обозначается совокупность различных подходов. Можно назвать некоторые из них (см. [6]): критический анализ дискурса (Ван Дейк, Лабов, Фейрклаф), бирмингемская школа дискурс-анализа (Култхард, Синклер), грамматика дискурса (Лонгакер, Гивон), конверсационный анализ (Сакс, Щеглов) и др. Постулируется близость АД с такими областями, как прагматика, социолингвистика, лингвистика текста, грамматика текста. Сюда же можно отнести функциональную стилистику и риторику. Так, например, Барбара Джонстон говорит о том, что всякий, кто имеет дело со стилистикой и риторикой, занимается также и анализом дискурса, даже если и не отдает себе в этом отчета [18]. Под АД понимают весьма различные вещи, что отражено и в толковании данного термина различными источниками, ср.: три значения в ЛЭС [6, с. 136], восемь во вступительной статье к сборнику «Квадратура смысла», представляющему российскому читателю работы французских исследователей анализа дискурса [11]. В этом многообразии выделяется, тем не менее, несколько магистральных направлений. Так, Дебора Шифрин отмечает: ... термин «дискурс (и «анализ дискурса») имеет различные значения для исследователей, работающих в разных областях. Для многих, главным образом лингвистов, «дискурс» в целом определяется как нечто «выходящее за пределы предложения». Для других (например, Fasold R. *Sociolinguistics of Language*. – London, 1990), изучение дискурса – это изучение языка в употреблении. Оба эти определения фокусируют внимание на отдельных примерах или массовых случаях употребления языка. Но представители критического направления и исследователи, вдохновленные ими, могут говорить, к примеру, о «дискурсе власти» и «дискурсе расизма», и термин «дискурс» не только обретает множественное число, но, более того, отправляет нас к широкому кругу взаимосвязанных лингвистических и нелингвистических социальных практик и идеологических предположений, которые и составляют власть или расизм [20, с. 1].

В одной из недавних книг, посвященных данной проблеме, Лаура Альба-Хуес обсуждает точку зрения Маргарет Уезерел: «1. Модель, кото-

рая рассматривает язык как систему и, таким образом, задачей исследователя становится поиск *паттернов, устойчивых комбинаций*. 2. Модель, строящаяся большей степени на употреблении языка. Язык рассматривается как деятельность, а не как продукт, таким образом, внимание исследователей сосредоточена на интеракциях. 3. Модель, которая ориентирована на языковые паттерны, связанные с определенной темой или видом деятельности (например, юридический дискурс или психотерапевтический дискурс и т.п.). 4. Модель, которая рассматривает паттерны в более широких контекстах, таких, как «общество» или «культура». В этом случае язык рассматривается как часть более широких процессов и видов деятельности, и, соответственно, интерес выходит за пределы языка (к примеру, изучение расизма через анализ дискурса)» [17, с. 15–16]. Как отмечается далее, существует столько разновидностей анализа дискурса, сколько исследователей, занимающихся этой проблематикой. Такая позиция отражает реальное положение дел: едва ли не каждая книга или статья, посвященная АД, начинается с его определения в рамках данного исследования, и чаще всего это будет расширение или трансформация уже существующей методики. С другой стороны, даже в условиях плюрализма современной науки подобное размывание границ понятия создает трудную для исследователя ситуацию и, в свою очередь, порождает необходимость четко определять значение данного термина применительно к задачам каждой конкретной работы. Однако сколь бы различны ни были взгляды на дискурс и сколь бы ни были различными используемые процедуры, можно все-таки выделить несколько общих и неизменных черт, присущих АД в целом: понимание языка как деятельности: язык не нейтрален, он не просто отражает наши взгляды на мир, социальную принадлежность, но и играет активную роль в их формировании; текст не есть простое средство передачи информации, текст сам по себе есть событие; социальная обусловленность и культурная закреплённость; принципиальная направленность на саму процедуру анализа, эксплицитное описание этой процедуры.

Следует также отметить, что подобное выделение общих черт является в известной степени упрощением, приемлемым, разве что, в учебных целях. В частности, относительно первого выделенного здесь пункта, нужно заметить, что за ним скрываются разногласия по поводу того, полностью ли язык конструирует социальный мир или сам отчасти конструируется этим миром, является ли человек «рабом языка» или «одновременно рабом и хозяином», и т.п. Важно также понимать, что каждый подход к анализу дискурса – это своего рода замкнутая система философских и методологических установок.

Основным предметом АД являются тексты (в широком смысле, включая как текст, так и контекст). Так, П. Серио, говоря о необходимости эксплицитно очертить границы анализа дискурса (применительно к французской школе), называет черты, которыми должен обладать текст, являющийся предметом анализа дискурса. Это тексты в институциональных

рамках, «которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания, а также наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» [11, с. 27].

Для анализа дискурса имеет большое значение изучение цитации, любых форм проявления и повторяемости чужой речи, исследование аргументационных стратегий, независимо от того, носят ли они явный или неявный характер. Любой анализ предполагает выдвижение предварительных гипотез, которые могут быть подтверждены или опровергнуты в ходе анализа. Исследователь имеет дело с различного рода знаниями – лингвистического, социального, исторического характера. И только в ситуации, когда эти знания о тексте корректируют и дополняют друг друга, мы можем говорить о том, что процедура анализа удалась.

Возникновение анализа дискурса во Франции в 60-е годы было во многом откликом на распространившуюся практику контент-анализа, методики, позволяющей строить абстрактную модель содержания текста, исходя из выявленных количественных закономерностей, которая не могла быть признана удовлетворительной по ряду причин. Среди них то, что контент-анализ предполагал работу с единичным текстом и то, что текст воспринимался в первую очередь как средство передачи информации. Анализ же дискурса в момент своего зарождения стремился к созданию теории, позволяющей вскрыть стоящие за текстом, точнее, за корпусом, «архивом» текстов, проявления идеологии.

Основоположниками французской школы анализа дискурса можно назвать Мишеля Пешё (1938–1983), Луи Альтюссера (1918–1990), Мишеля Фуко (1926–1984) и Жака Лакана (1901–1981). «Три кита», на которых базируется АД в их понимании, – это лингвистика (в первую очередь, семантика), исторический материализм (с чрезвычайно важным понятием идеологии как ложного сознания) и психоанализ (Фрейда и, позднее, Лакана с его понятиями субъекта и «другого»).

Анализ дискурса имел выраженную критическую направленность по отношению к основам обеих наук, на стыке которых он осуществлял свою деятельность: лингвистики и науки об общественных формациях. Последняя подвергается критике за то, что рассматривает язык и лингвистику лишь как орудие для обеспечения научности своих результатов, полагая при этом смысл текстов полностью прозрачным [9; 10]. Лингвистика же подвергается критике за то, что, будучи не способной дать исчерпывающее объяснение явлениям, с которыми имеет дело, ссылается на психологизм, социологизм и субъективизм. Критике подвергается и некоторая двойственность лингвистического подхода: с одной стороны, изучается обобщенный говорящий субъект, производящий речь в соответствии с правилами грамматики, а с другой стороны, немалая часть явлений, которым лингвистика не в состоянии дать объяснение, относится к области психологического. Анализ дискурса иногда называют антигуманистическим направлением, поскольку одним из важнейших его принципов является

принцип разделения говорящего и субъекта дискурса. Иными словами, разделения *Я* и функции порождения текста, осуществляемой путем присвоения уже существующих в языке форм выражения того или иного смысла. Говорящий при этом изымается из анализа. Этот принцип является ответом анализа дискурса на указанную двойственность лингвистического подхода. Субъект дискурса – это, по сути, элемент структуры дискурса.

Как отмечалось выше, идеология является важнейшей частью АД. Во французской традиции в слово «идеология» вкладывается несколько иное значение по сравнению с привычным нам пониманием идеологии как господствующего политического мировоззрения. В момент своего появления в XVIII веке идеология мыслилась ее создателем Дестютом де Траси (1754–1836) как наука об идеях, теория теорий, общая рациональная теория человеческого разума, объединяющая все науки. В рамках же АД принято марксистское понимание идеологии: идеология как ложное сознание, способ бессознательного самообмана, некий невидимый занавес между человеком и миром, влияющий на его отношение к миру. Субъект дискурса – это всегда субъект идеологии. Субъект идеологии пользуется языком-заготовкой, преконструктом, который задан конкретной ситуацией. При этом субъект дискурса часто не сознает, что воспроизводит слова *другого*. Он словно бы *забывает* об этом. В любом дискурсе всегда можно обнаружить следы других дискурсов (интердискурс), причем эти другие дискурсы находятся в иерархических отношениях. Именно с идеологией связан другой важный принцип анализа дискурса: принцип непрозрачности текста. Для носителей другой идеологии дискурс непрозрачен, ибо он может быть понят лишь в рамках той идеологии, которая его определяет.

В практике анализа дискурса отношения между значением и сферой социального являются принципиально отличными от отношений социального и любой другой областью лингвистики. Связь между языком и «значениями» текста и социально-историческими условиями создания этого текста ни в коей мере не является вторичной, они входят составной частью в сами значения [1, с. 143]. Текст обладает значением только в соответствии с условиями его производства, а также и с условиями его толкования [11, с. 36].

Очевидно, что при всех названных сложностях использование методики анализа дискурса, в каком бы изводе он ни брался, может быть чрезвычайно перспективным. Известны интереснейшие работы П. Серио, М. Пешё, Т. Ван Дейка, Г. Гусейнова и др. Вместе с тем исследователь, работающий в рамках этой методики, должен четко представлять себе все теоретические сложности, с которыми он столкнется, начиная с момента выбора трактовки термина и обоснования формирования корпуса текстов и заканчивая интерпретацией результатов.

Список литературы

1. Арош К., Анри П., Пешё М. Семантика и переворот, произведенный Соссюром: язык, речевая деятельность, дискурс // Квадратура смысла / под ред. П. Серио. – М., 1999. – С. 137–157.
2. Денике В. Новый Уголовный кодекс РСФСР // Революционная законность. – 1926. – № 3–4. – С. 14–16.
3. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. – М., 2008. – 464 с.
4. Козловский М. Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. – 1918. – No 1. – С. 18–27.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990. – 693 с.
6. Макаров М. Основы теории дискурса. – М., 2003. – 280 с.
7. Маркс К. Смертная казнь. Памфлет г-на Кобдена. Мероприятия английского банка // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – М., 1955. – Т. 8.
8. Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – СПб., 1900. – 362 с.
9. Пешё М. Прописные истины // Квадратура смысла / под ред. П. Серио. – М., 1999. – С. 225 – 291.
10. Пульчинелли Орланди Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса // Квадратура смысла / под ред. П. Серио. – М., 1999. – С. 197–224.
11. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла / под ред. П. Серио. – М., 1999. – С. 12–53.
12. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии пост-модерна. – М., 2002. – 248 с.
13. Стучка П.И. и др. Настольный энциклопедический словарь-справочник. – М., 1929.
14. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М., 1935. – Т. 1.
15. Фрумкина Р. М. Люблю отчизну я, но странною любовью... (Идеологический дискурс как объект научного исследования) // Новый мир. – 2002. – № 3. – С. 139–145.
16. Эльцин Б.М. Популярный политический словарь. – М., 1922. – 348 с.
17. Alba-Juez, L. Perspectives on Discourse Analysis: Theory and Practice. – Newcastle, UK, 2009. – 401 p.
18. Buysens, E. Les langages et le discours: Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. – Bruxelles, 1943. – 99 p.
19. Jonstone, B. Discourse analysis. Blackwell Publishing, UK, 2002. – 311 p.
20. Schiffrin, D., Tannen, D. et al. The handbook of discourse analysis. Blackwell Handbooks in Linguistics, 2004. – 851 p.

Корпоративная медиакритика на страницах профессионального издания

Медиакритика в настоящее время представляется важной частью функционирования массмедиа. Изучение бытования корпоративного/профессионального рода медиакритики производится на материале издания «Журналист», органа профессионального сообщества российских журналистов. В процессе исследования проведен контент-анализ материалов журнала за 2013 год, сделан ряд выводов относительно функционирования журнала. Указывается, что авторов материалов больше привлекают процессы технологии производства, чем творческие проблемы журналистов.

Mediacritic currently appears to be an important part of the functioning of mass media. To study the existence of corporate/professional kind of mediacritic selected magazine "Journalist", the body of a professional community of Russian journalists. The study included a content analysis of magazine for 2013, and a number of conclusions regarding the functioning of the magazine were made. Indicates that the authors of the papers are more attracted to the processes of production technology, than to the creative problems of journalists.

Ключевые слова: медиа, критика, журнал «Журналист», контент-анализ, творчество.

Key words: media, criticism, the magazine "Journalist", content analysis, creativity.

Медиакритику, по предложению А. Короченского [3], возможно поделить на три группы: академическая, профессиональная, массовая. К первой относятся исследователи массовых коммуникаций, а ее аудиторию составляют научные круги и те представители профессионального медиасообщества, что сознают место СМИ в современном социуме. Третья адресована широкой публике, а субъектами ее, как правило, выступают журналисты-медиакритики. Место этих двух разделов достаточно точно определено. Проблемной до сих пор остается вторая группа. Далее мы предлагаем заменить термин «профессиональная» на «корпоративная», чтобы избежать повторений и ненужных коннотаций.

Аудитория корпоративной критики определяется как «сообщества журналистов и других создателей медийного содержания...» [3, с. 44]. Под другими понимаются режиссеры, операторы, дизайнеры и т.д. Далее же предполагается, что адресанты критических публикаций рекрутируются также из профессионального цеха. При таком определении из корпуса корпоративных медиакритиков элиминируются представители научных кругов. Подобное сужение базы авторов представляется не слишком логичным. Разумнее будет определять корпоративную медиакритику по объектам критики и по используемому инструментарию.

Попробуем проанализировать, какие же темы выбирают представители корпоративной медиакритики и какие средства они применяют в своей работе. В качестве примера выбран журнал «Журналист», который по общему признанию представляет собой ведущий орган профессионального сообщества, а потому резонно предположить, что публикации на его полосах и представляют собой образцы критики, адресованной медиамейкерам. Для эмпирической базы выбраны 12 номеров журнала за 2013-й год. Годовой объем журнальных материалов должен дать читателю полное представление о важнейших принципах работы редакции. Следующий же год, 2014-й, стал для издания юбилейным, а потому корпус опубликованных текстов может оказаться нерепрезентативным.

Прежде всего, обратим внимание на внутреннюю структуру журнала. В 2013 году базовых разделов журнала было пять. Это «СМИ и общество», «Издательский бизнес», «Новые медиа», «Телерадиоэфир», «Профессия». В таблице 1 приводится распределение публикаций по этим разделам в двенадцати выпусках журнала. Для исследования отбирались тексты объемом не менее полосы.

Таблица 1

*Распределение публикаций
по разделам журнала «Журналист» за 2013 год*

Название раздела	№1	№2	№3	№4	№5	№6	№7	№8	№9	№10	№11	№12
СМИ и общество	5	5	5	4	6	5	6	8	9	7	8	7
Издательский бизнес	5	5	7	7	9	4	6	6	6	6	6	5
Новые медиа	6	7	4	6	5	7	5	6	5	6	7	6
Телерадиоэфир	5	4	6	5	5	5	6	4	5	5	5	4
Профессия	5	4	5	6	3	6	3	3	3	4	3	3
Всего	26	25	27	28	28	27	26	27	28	28	29	25

Общее количество текстов в основных разделах каждого номера осциллирует вокруг среднего значения 27. Распределение по разделам также не дает основания для заключений о предпочтениях редакции, хотя заметная тенденция к возрастанию объема раздела «СМИ и общество». Это позволяет предположить, что функционирование СМИ как социального института беспокоит профессиональное сообщество все больше и больше. Однако на пространстве в один год подобную тенденцию проверить трудно.

В разделе «Издательский бизнес» помещены тексты, посвященные печатной прессе. Об этом сообщает определение «издательский», а вот «бизнес» явно показывает на ту сторону бытования прессы, которая в первую очередь занимает коллектив журнала. Эту гипотезу мы надеемся подтвердить в процессе исследования. «Новые медиа» поворачивают читателя к цифровым СМИ. Более того – к тем, что существуют в Интернете. Хотя термин «новые медиа» предполагает еще и интерактивность издания, но проблемы взаимодействия с аудиторией тоже пока не слишком занимают авторов журнала. Раздел «Телерадиоэфир» посвящен телевидению и радио, тем СМИ, что существуют в режиме офлайн, то есть в традицион-

ном виде. Последний же раздел «Профессия» представляется достаточно эклектичным, поскольку там публикуются материалы, которые касаются всех сторон бытования сегодняшних СМИ.

Однако нас интересуют не столько медийные платформы, сколько темы, которые выбирают авторы издания. Анализируя задачи медиакритики, А. Короченский предлагает семь ее функций: информационно-коммуникативную, познавательную, регулятивную, коррекционную, социально-организаторскую, просветительскую, коммерческо-промоцийную. Но эта типология представляет интерес для академической метамедиакритики. С прагматической точки зрения более продуктивным представляется исследование тем медиакритики, то есть определенных сторон бытования СМИ. Тем более, что и сам А. Короченский определяет деятельность СМИ как «сложный сплав творчества, коммерческого расчета и технологического детерминизма» [3, с. 33].

Предварительная оценка состава корпуса текстов «Журналиста» позволяет выделить четыре большие тематические группы: СМИ как социальный институт; взаимоотношения СМИ и аудитории; анализ медийного производства; анализ медийного содержания. Представляется, что подобное деление достаточно полно соответствует определению медиакритики, которая «как область журналистики является творческо-познавательной деятельностью, в ходе которой осуществляется критическое познание социально значимых, актуальных творческих, профессионально-этических, правовых, экономических и технологических аспектов информационного производства в средствах массовой информации с акцентом на творческую сторону создания медийного содержания...» [3, с. 35]. Тексты, которые не подходят под эти интегрированные группы, мы не рассматриваем, тем более, что их менее двух десятков. Тема «СМИ и аудитория» тоже представлена малым количеством текстов, но она слишком важна, чтобы оставить ее за рамками анализа.

Таблица 2

*Распределение по темам медиакритики публикаций
журнала «Журналист» за 2013 год*

Темы медиакритики	№1	№2	№3	№4	№5	№6	№7	№8	№9	№10	№11	№12	Всего
СМИ, как социальный институт	8	8	7	9	10	7	9	13	9	10	10	10	110
СМИ и аудитория	-	-	-	1	-	1	-	1	2	-	-	-	5
Анализ медийного производства	7	11	16	11	12	12	15	10	12	16	15	13	150
Анализ медийного содержания	4	5	4	6	6	6	3	3	5	3	3	2	50

Мы видим, что на первое место по частоте публикаций выходят тексты, посвященные функционированию СМИ как бизнесу. Подсчет иллюстрирует утверждение, высказанное одним из авторов журнала: «Медиа – это давно уже не некая духовная и сакральная сфера. Это бизнес, причем крупный транснациональный бизнес. Бизнес, где, как известно, интерес получения прибыли неизбежно ставится превыше всего...» [1, № 7, с. 65]. Основное место здесь занимают две медийные платформы: цифровые/сетевые медиа и региональные печатные СМИ. О цифровых медиа, в основном, разговор ведут в разделе «Новые медиа», но также появляются публикации в разделе «Издательский бизнес», когда речь заходит об оцифровке офлайн изданий. Есть тексты, посвященные и будущему цифрового телевидения. К сожалению, большинство авторов журнала занимают сугубо производственные проблемы отрасли: технология производства и продвижения сайтов вкупе с меркантильными результатами деятельности.

Публикации, посвященные региональной прессе, с одной стороны, достаточно информативны, с другой, – плохо структурированы. Многие тексты подписаны главными редакторами конкретных региональных изданий, но стилистика их несколько однообразна, что позволяет предположить ограниченное количество авторов. Зачастую подобные работы оставляют впечатление интервью-монолога. Этот оксюморон относится к оформлению уже взятого интервью, когда вопросы корреспондента убираются, а ответы респондента представляются в виде сплошной авторской речи.

Вообще, интервью может сделаться одним из жанров медиакритики, но для этого ему надлежит быть «креативным», если воспользоваться типологией, предложенной М. Лукиной [4, с. 19]. Однако в таком случае корреспондент должен владеть материалом настолько, чтобы вести диалог на профессиональном уровне. Авторы же «Журналиста» слишком часто отщипываются так называемыми «общими» вопросами. «Расскажите о самом журнале, на какую возрастную категорию он рассчитан, какие материалы можно в нем найти?» – спрашивает один из репортеров [1, № 11, с. 72]. Подобный подход сразу показывает и аудитории, и самому респонденту, что журналист не готов к работе. Публика просто перевернет страницы в поисках качественных текстов, а опытный ньюсмейкер может и отказать от продолжения диалога.

Вообще, представляется, что лучший способ оформления «креативного» интервью в печати – интервью «косвенное», когда журналист организует сведения, полученные от респондента, в виде аналитической статьи. Информация, добытая в ходе диалога, оказывается стержнем работы, к которому добавляются дополнительные сведения и рассуждения самого автора. В конце текста цитируется высказывание респондента, подтверждающее основные выводы. Такие материалы часто встречаются в деловой прессе, и они вызывают интерес и доверие аудитории. Однако, из таблицы 2 можно заключить, что отношения СМИ и аудитории находятся практи-

чески вне поля внимания «Журналиста». 5 публикаций из 300 – едва ли полтора процента. Причем даже в этих работах аудитория медийных проектов оказывается всего лишь потребителем контента СМИ. В основном, авторы заняты опять-таки вопросами продвижения бизнес-проектов. «Как вовлечь аудиторию» озаглавлен отчет о форуме цифровых медиа [1, № 6, с. 36]. Но оказывается, что в качестве аудитории «новые» менеджеры видят одних только «геймеров». «Первое впечатление от форума Digital Media Europe, прошедшего с 15 по 14 апреля 2013 года в Лондоне, – крайне малое количество представителей «традиционной» новостной индустрии в программе мероприятия...» [1, № 6, с. 36]. А в следующем номере, рассказывая о газетном форуме, автор приводит данные и вовсе удручающие: оказывается, что среди всех просмотров сайтов в Интернете поиски новостей составляют всего лишь 1% [1, № 7, с. 42]. Редакторы одного из массовых российских изданий, обсуждая свои проекты перехода в онлайн существование, употребляют весьма показательный термин: «монетизировать аудиторию» [6, с. 35]. Другой респондент еще более категоричен в своих утверждениях: «Контент – это ловушка. Ведь он является всего одним из инструментов по привлечению аудитории» [1, № 7, с. 42]. Эти высказывания хорошо коррелируют с таким определением метода работы современных СМИ, как «торговля аудиторией». Циничный термин получил хождение сначала в среде профессионалов СМИ, но постепенно уже проникает и в академическую среду. Да и в самом профессиональном журнале в первом же номере анализируемого года приводится показательный диалог корреспондента с владельцем одного из «новых медиа»:

«В. Насколько вообще то, что вы делаете, имеет отношение к журналистике?»

О. Вообще, никакого. Это бизнес!...» [1, № 1, с. 38]

При таком подходе раздел журнала, посвященный проблемам бытования СМИ в социуме, вообще может оказаться бессмысленным. Рассуждения о месте журналиста в сегодняшнем мире, о медиа как социальном институте повисают в воздухе, поскольку остается непроясненным – для кого же готовятся медиатексты?! Если они выполняют лишь роль приманки для потребителей рекламных роликов, то какой смысл выстраивать параметры журналистского этоса? Владельцы и продюсеры вполне способны оценить эффективность конкретного материала как изменение продаж рекламируемых товаров и услуг. Но такой подход к качеству СМИ окажется чересчур пессимистичным. Мы видим, что тема «СМИ, как социальный институт» занимает существенное место среди публикаций журнала, а значит проблема «журналистика и общество» вполне способна уравновесить чисто меркантильный подход к функционированию СМИ. Однако для этого нужно больше внимания уделять творческой стороне создания медиатекстов, разбору технологии их изготовления, как это и заявлено в определении медиакритики, цитированном выше.

«Никакого отношения к журналистике многие из тех, кто сегодня оккупировал радио- и телеэфир, не имеют. Где их репортажи? Где интервью? Где хотя бы обычные журналистские заметки, созданные на основе ими самими полученной информации...», – возмущается автор журнала, рассуждая о неэтичном поведении некоторых ведущих радиоэфира [1, № 1, с. 63]. Нам тоже представляется, что профессиональный/корпоративный разговор о состоянии сегодняшних медиа необходимо должен включать подробнейший разбор структур печатных и эфирных текстов.

Но внимание авторов журнала к качеству медиатекстов не так велико, как можно было предположить поначалу. Всего 50 публикаций, то есть чуть больше 15%. Здесь обязательная в каждом номере колонка контент-анализа А. Вартанова, также 12 текстов А. Левина, рецензирующего работы блоггеров. Несколько текстов о радиожурналистике, которые, к сожалению, принадлежат разным авторам, в то время, как современный радиоэфир заслуживает внимания колумнистов. Также практически в каждом номере есть материалы с анализом печатной прессы, но со стороны визуальной.

С них и начнем. Работы профессионального дизайнера Е. Третьяк представляются образцом для профессиональной медиакритики. Они одновременно информативны и увлекательны. Обсуждение верстки современных газет покажется делом чересчур монотонно-кропотливым, неброским в сравнении с разбором степени оппозиционности передовых материалов того или иного издания. Но именно с дизайна и начинается знакомство аудитории с изданием. Формат, шрифт, расположение заголовков и иллюстративного материала на каждой из полос – подобные параметры верстки во многом определяют внимание аудитории. И дотошное их обсуждение на языке профессиональном, далеко не всегда доступном непосвященным, – необходимая часть корпоративного журнала, посвященного проблемам отрасли.

А вот работы телевизионного обозревателя А. Вартанова в сравнении с материалами Е. Третьяк представляются более публицистичными. Он занимается оценкой больших программ: «Воскресное время», «Посткриптус», «Наблюдатель», «Железные леди», но интересуется автора прежде всего идеология, а не технология производства медиатекстов. «Поведать об уже сказанном так нестандартно и глубоко, чтобы в нем открылся новый, более глубокий смысл, пока что нашим ведущим не под силу...» [4, № 4, с. 51]. Однако, как надлежит работать ведущим, из материалов Вартанова мы заключить не в состоянии. Разговор остается на уровне благих пожеланий. «Многие сюжеты в последнее время делаются будто наспех, в них нет уже былой цельности и завершенности...» [1, № 3, с. 48]. А, между прочим, внимательный зритель начал замечать, что в информационных сюжетах нынешнего телевидения при монтаже забывают убрать вопросы корреспондентов в синхронах. Они звучат за кадром и «не вытянуты» по звуку. Здесь-то и проявляется работа наспех, именно на подобные профес-

сиональные недочеты и следует указывать корпоративной медиакритике. Также Вартанов совершенно резонно упрекает современных авторов сюжетов в неумении создать драматургию повествования, но при этом умалчивает, какими методами журналист сможет драматизировать нарратив. Возможно, что академические методы исследования медиатекстов здесь оказываются бессильными, а «корпоративный» инструментарий еще только предстоит разработать. Хотя, рассуждая о драматургии, можно вспомнить о «модульном сценарии», предложенном в свое время И. Кемарской и С. Муратовым [2, с. 87]. Большая часть современных телевизионных программ построена по модульному типу, имеет жесткую «формульную» структуру. Критику следует понять «формулу» данной передачи и вскрыть ее достоинства и недостатки.

К сожалению, авторы «Журналиста» сами иногда допускают ошибки, за которые преподаватели сурово наказывают даже студентов. Так, совершенно непонятно, почему «репортажами» именуют программы, совсем с этим жанром не связанные. «Актуальный разговор в прямом эфире всегда был и остается одной из наиболее востребованных форм ведения репортажа...» [1, № 8, с. 59]. Или: «Почти все ленты, которые демонстрируются на «24 Док», – это честные и пронзительные репортажи про сегодня, про нашу жизнь...» [1, № 9, с. 54]. Если интервью в прямом эфире еще можно представить *частью* журналистского репортажа, то утверждение о том, каким образом репортажем оказывается документальный фильм, надо бы обосновать фундаментально.

Безусловно, интересно, что ряд публикаций «Журналиста» отводится радиожурналистике. Но они занимают очень узкую нишу: всего лишь 18 (телевидение, соответственно, 37) материалов, причем часть их, к сожалению, напоминают не слишком структурированный мастер-класс. Из тех, о которых сокрушенно вспоминают преподаватели и студенты: пригласили человека, говорил, говорил, а *записать-то и нечего*. Однако работы радиобозревателя А. Брагинского выделяются и представляют собой достаточно точную медиакритику. В частности, он обращает внимание на программирование передач одной из радиостанций, что, несомненно, крайне важно в современных условиях жесткой конкуренции на радио. «Важный аспект успешного бизнеса на радио заключается в правильном программировании эфира», – замечает и другой автор [1, № 9, с. 57]. И все-таки мы видим, что акцент делается не на структуре контента, а на характере бизнеса. Учитывая, что большая часть современных радиостанций относится к музыкальным форматам, подобный подход представляется естественным, но уводит в сторону от журналистики как таковой. «В мире цифровых стандартов слушатель радио становится «новой нефтью», то есть крайне прибыльным «товаром»...» [1, № 4, с. 60].

А, между прочим, рассуждая о программировании радиостанций, можно было бы использовать некоторые формальные стороны радиобизнеса. Например, разобрать, каков же основной принцип программирова-

ния: «сетка» или «программное колесо». И далее определить формат радиостанции, посчитать степень заполнения эфира разговорными программами, провести типологическое исследование ведущих эфира. Думается, что подобный подход к медиакритике должен стать необходимым для «корпоративной» ее части.

Обзоры блогов, сделанные А. Левиным, читать любопытно. Но утверждаешься в мысли, что сегодня «народная» журналистика никак не дотягивает до профессиональной. Примеры, которые приводит автор, напоминают нам более о необходимости учитывать парцитарный характер современной медиакультуры, когда аудитория становится не только актором медиaprостранства, но и требует позицию, равнозначную с «назначенным» ведущим эфира. А. Сидоров пробует робко провести курс-анализ сетевых комментариев, но тут же и останавливается, замечая, что «почти все они настолько же лаконичные, насколько и эмоциональные...» [1, № 5, с. 52]. Да, «новые медиа» не готовы еще вытеснить традиционные. Собственно, по закону В. Рипля «старые» медиа не уходят с рынка, а только ищут удобную для них нишу. Эту проблему достаточно точно формулирует независимый медиаэксперт В. Шафранский: «Признавая неминуемое угасание массовой информации в ее классическом виде, никто из аналитиков не отрицает очевидного факта: профессиональная авторская журналистика возвращается...» [1, № 7, с. 46].

Но в таком случае тем более корпоративная медиакритика становится насущно необходимой. В качестве примера приведем публикацию Д. Косырева, одного из обозревателей «РИА новости», журналиста-международника с большим стажем. Автор анализирует результаты конкурса аналитических статей по международным проблемам и замечает, что материалы, пришедшие из СМИ, «выглядели бледно, числом и качеством...» [1, № 4, с. 70]. Далее Косырев рассказывает о сложном пути, который должен был в прошлом пройти выпускник МГИМО, чтобы получить возможность рассуждать на публике о проблемах межгосударственных отношений. Он не призывает к возвращению идеологического контроля за журналистикой, но утверждает, что в те нелегкие времена невежество каралось презрением профессиональной среды. Резонно предположить, что корпоративная медиакритика и должна сделаться неким общественным советом журналистики, не инквизицией, а неформальным лидером профессионального сообщества. Однако большинству корпоративных медиакритиков свойственен феноменологический подход. Они предпочитают описывать тексты, оценивать их, но не анализировать. В таком случае остается неясной аудитория критического послания. Пока оценка основывается на бинарной оппозиции: «хорошо – плохо», она вряд ли может быть принята профессиональным сообществом. Нужно выработать шкалу для градации оценки, инструмент для описания медиатекста и не стесняться обращать внимание на фундаментальные жанры – информационные.

При этом публикации самого журнала должны служить образцом медиатекстов. К сожалению, в текстах «Журналиста» иногда попадаются стилистические небрежности, которые принижают пафос любого сообщения. Взять хотя бы слоган на первой полосе обложки: «И истина делает нас свободными». Редакция не замечает, что ошибка двух гласных в начале фразы приводит на ум не слишком приличные коннотации. Некоторые тексты попросту не отредактированы. Приведем несколько примеров: «Было непонятно, какую аудиторию преследовало это издание...» [1, № 1, с. 44], «Александр Иванович заострил внимание на вопросе мотивации сотрудников редакции...» [1, № 5, с. 27], «...проявила полное отсутствие небрежения к журналистам и журналистике...» [1, № 9, с. 65]. Такие погрешности неприличны на полосах издания, претендующего на роль лидера медийного сообщества.

На основании изученного материала можно сделать следующие выводы.

1. Материалы журнала «Журналист» стремятся охватить все стороны существования медийного сообщества.

2. На первое место среди тем выходят проблемы меркантильные, способы производства медийной продукции, творческая же сторона производства медиатекстов занимает редакцию издания в значительно меньшей степени.

3. Аудитория СМИ для большинства респондентов оказывается лишь прибыльным товаром, который владельцы изданий и каналов продают рекламодателям.

4. Анализ структуры медиатекстов в материалах журнала несколько деформирован: превалирует оценочная часть суждений.

Исходя из этого следует согласиться с формулировкой А. Короченского: «Российская критика средств массовой информации, рассматриваемая как явление журналистики, как область творческой критико-журналистской деятельности, по сей день находится в стадии самоопределения и становления...» [3, с. 3].

Список литературы

1. Журналист. – 2013. – № 1–11.
2. Кемарская И. Телевизионный редактор; учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 191 с.
3. Короченский А.П. "Пятая власть"? Медиакритика в теории и практике журналистики. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2003. – 280 с.
4. Лукина М. Технология интервью: учеб. пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 192 с.

Импликативная форма смыслового представления в сфере массовой коммуникации

В статье рассматривается проблема не прямых форм построения дискурса в сфере массовой коммуникации. На примере рекламы как типичной разновидности речевой деятельности в области общественных связей и отношений анализируются основные причины, обуславливающие импликативное представление ключевых смыслов и посланий; обосновываются истинные мотивы и стимулы применения косвенных технологий кодирования информации в дискурсах, нацеленных на убеждение.

The article considers the issue of indirect forms of discourse within the area of mass communication; based on the example of advertising as a typical variation of speech practices in the sphere of public relations, the author analyses the chief reasons for implicative forms of presenting key meanings and messages; grounds are given to reveal the true motives and stimuli for applying indirect information codes in persuasive discourses.

Ключевые слова: массовая коммуникация, реклама, убеждение, нестандартное речевое поведение, имплицитный план дискурса, неконвенциональные импликатуры, интерпретации значений.

Key words: mass communication, advertising, persuasion, nonstandard speech practices, discourse implications, unconventional implicatures, meaning interpretations.

Массовая коммуникация, институционально существующая на протяжении уже более пяти веков, и сегодня продолжает оставаться привлекательной для научных изысканий в силу того, что она максимально ярко и точно отражает характер современного социума, специфику его мировоззренческих, когнитивных и речевых тенденций.

Как свидетельствует Ч. Райт, одной из типических характеристик массовой коммуникации является её направленность на неограниченно широкую аудиторию [7]. Стремление включить в состав своих адресатов как можно большее количество представителей целевого социума вынуждает массовую коммуникацию мириться с ситуацией, когда предсказать заранее конечного получателя информации невозможно. В таких условиях составителю коммуникативного послания приходится ориентироваться на широкие недифференцированные коллективы граждан, в которых по той или иной причине заинтересован коммуникатор.

Эта специфика адресного аспекта массовой коммуникации мотивирует ее к использованию неординарных, зачастую сложных и неожиданных технологий организации дискурса. К нестандартным тактикам массовую коммуникацию также подвигает и специфическая целевая установка, которую в основной своей массе разделяют все дискурсы в этой сфере, – убеж-

дение адресата в истинности и достоверности постулируемых взглядов, оценок, выводов [2].

Широко распространенная в массовой коммуникации непрямая форма представления информации позволяет убеждать широкие аудитории в нередко сомнительных истинах, таким образом умело избегая цензуры, завуалированные формы которой, как утверждает Р. Харрис, существуют во всех странах мира [3, с. 17]. При этом под цензурой понимаются не только традиционные философские, правовые и идеологические регламентации, обязательные для исполнения в каждом обществе, но также возможные реакции со стороны прямых и опосредованных участников коммуникации. Как говорит Р. Харрис, «с экономической точки зрения, самый тяжкий грех, который может совершить телевизионщик, – дать в эфир нечто, способное заставить зрителя выключить телевизор» [3, с. 17].

Совокупность этих факторов обуславливает тенденцию массовой коммуникации к использованию косвенных дискурсивных тактик, способных «завуалировать» ключевые послышки, целенаправленно «уводить» их на имплицитный уровень, откуда они могут быть извлечены адресатом лишь в виде его собственных субъективных интерпретаций. Несмотря на очевидные преимущества экспликации, характеризующейся простотой, логичностью и понятностью, современная массовая коммуникация все чаще прибегает к импликации, действующей в обход аналитических механизмов сознания и потому более пригодной для передачи посланий, содержащих спорную, а зачастую и ложную информацию, транслируемую в целях реализации коммуникативных, когнитивных и экономических задач адресанта.

Преимущество имплицитных форм выражения в сфере массовой коммуникации может объясняться еще и тем, что импликация значительно повышает речевую экспрессию, придает сказанному больше эстетизма, броскости и лучше запоминается. Наиболее эффективным выразителем такой импликации, как известно, являются стилистические приемы, представленные во всех сферах массовой коммуникации в большом разнообразии форм и вариаций.

Анализ рекламного дискурса, являющегося одной из самых типичных разновидностей современной массовой коммуникации, показывает, что все прагматически обусловленные пропозиции в нём представлены имплицитно [2]. Объясняется это как стремлением скрыть от целевого адресата истинные реалии относительно рекламируемого продукта, так и желанием адресанта значительно повысить экспрессию дискурса, тем самым, достигая максимально высокого коммуникативного эффекта в целом.

Целевая установка рекламы на убеждение адресата в необходимости, по сути, совершать действия нередко в ущерб себе, следовать рекламным пропозициям, как правило, далеким от истины, фактически предопределяет применение рекламой косвенной тактики кодирования всей прагматически ориентированной информации. Как свидетельствует британский лингвист М. Гейс, «в целом, потребители оказываются более уязвимыми, когда

испытывают воздействие путем не прямых заявлений, нежели через утверждения, сделанные напрямую, независимо от того, правомерен или нет используемый способ непрямого высказывания» [6, с. 56].

Косвенная тактика организации дискурса позволяет рекламодателю безбоязненно вводить «нужные» прагматические установки, представляя их на эксплицитном уровне как «искреннее» радение о здоровье потребителя, его физической красоте, благосостоянии, домашнем уюте, семейном счастье и карьерной успешности. Облеченные в форму импликаций, рекламные утверждения, фактически искажающие действительность, а иногда и прямо противоречащие ей, превращаются в эффективные перлокации. Одновременно посредством не прямой коммуникации автор «насыщает» дискурс множеством стилистических приёмов и иных форм экспрессии, превращающих довольно банальные рекламные пропозиции в броские и незаурядные речевые конструкции и визуальные образы с мощной убеждающей энергетикой.

Таким образом, наравне со многими другими формами дискурса в сфере массовой коммуникации, реклама следует тактике непрямого имплицитного представления прагматически ориентированных посланий и смыслов в силу основных трех факторов: направленности на массовую аудиторию, неоднозначности постулируемой ею информации и функциональной ориентированности на убеждение.

Главный принцип прочтения высказываний, представленных в косвенном виде, как известно, заключается в том, что читателю следует понимать не то, что формально сказано, но то, что подразумевается под сказанным. Иными словами, не прямая коммуникация использует такие дискурсивные модели, смысловое содержание которых должно выводиться по правилам имплицатур. Имплицативная форма представления информации позволяет рекламисту-коммуникатору «упрятивать» ключевые рекламные послания на уровень интерпретаций, делая их тем самым фактически продуктом индивидуального ментального творчества читателя. Так в рекламе, с одной стороны, обеспечивается цензурная безопасность, ибо, что не сказано напрямую, не может быть оспорено, с другой, достигается высокая степень коммуникативной эффективности в силу того, что интерпретатор лично участвует в процессе декодирования рекламных посланий.

Имплицативная форма организации смыслового пространства в основном предполагает создание в дискурсе двух видов имплицатур: конвенциональных и неконвенциональных, которые при этом могут быть представлены как вербальными, так и невербальными средствами.

Наиболее легкие в создании, как известно, имплицатуры конвенциональные, так как они основываются на прямом, логическом, «бесхитростном» [1] значении слов или высказываний. В силу их доступности и простоты эти имплицатуры также именуется «эксплицитными» [5].

Неконвенциональные имплицатуры имеют более сложный механизм создания, поскольку напрямую не связаны с теми дискурсивными элемен-

тами, которые их актуализируют. Эти импликатуры возникают на базе субъективных прочтений интерпретатора и представляют собой его индивидуальные умозаключения, основанные на собственном жизненном опыте, разного рода убеждениях, знаниях о мире, о данной коммуникативной ситуации и общих правилах общения. Иными словами, автор произведения, смысловое наполнение которого предполагает выведение неконвенциональных импликатур, не несет за них ответственности, ибо они возникают исключительно в сознании интерпретатора. Очевидно, что такая форма организации смыслового поля представляет большую привлекательность для дискурсов, которым есть что скрывать либо исказить в общении с адресатами.

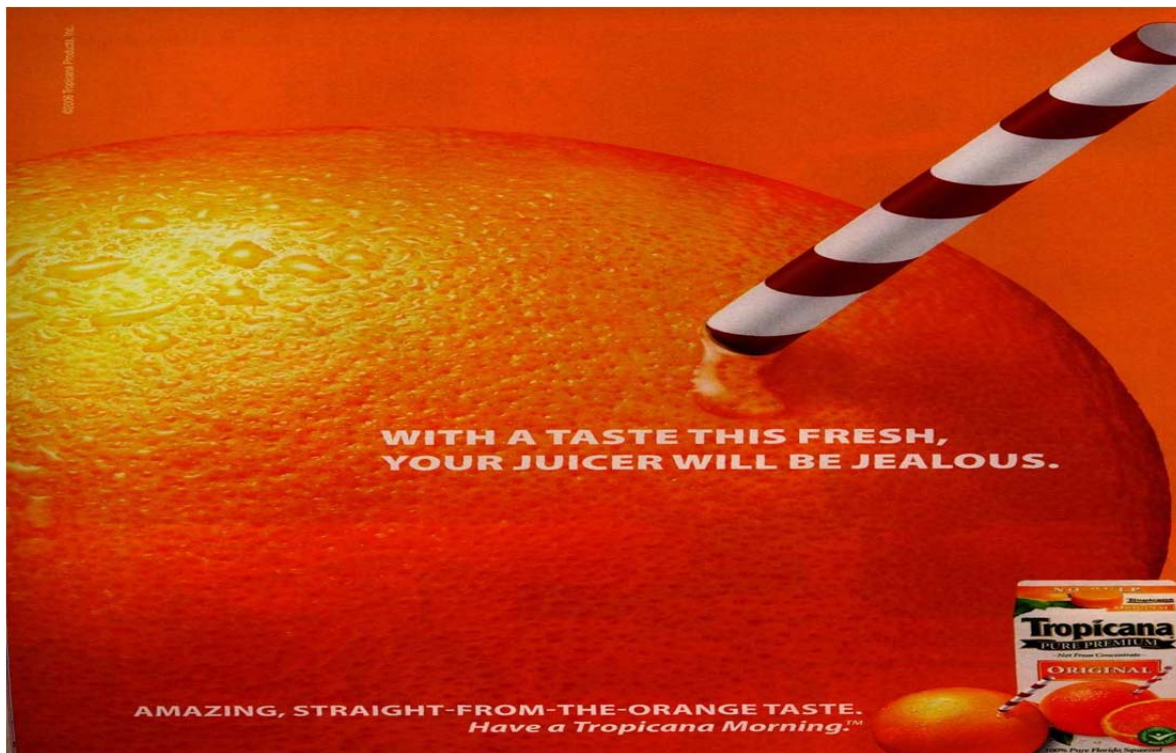
Не случайно среди импликатур, наиболее массово выявляемых в рекламе, преобладают неконвенциональные.

То, как порождаются неконвенциональные импликатуры и какой коммуникативный эффект можно прогнозировать в случае их прочтения адресатом, хорошо видно на примере англоязычной рекламы консервированного супа марки *Progresso*: “*This soup’s got fewer net carbs than the crackers floating on top*” (В этом супе меньше углеводов, чем в крекерах, плавающих на его поверхности).

Главной неконвенциональной импликатурой, легко определяемой в этом тексте, является прочтение: «в супе *Progresso* мало углеводов». Стереотипность мышления большинства читателей будет способствовать той логике в интерпретации сказанного, что, если чего-то меньше, значит, его мало. Таким образом, если, как утверждает реклама, в супе *Progresso* углеводов меньше, чем в крекерах, значит, их в целом мало. Объективная реальность, однако, такова, что крекеры являются продуктом с высоким содержанием углеводов, и тот факт, что в супе *Progresso* их меньше, никак не означает, что в общей массе их мало. Шаблонность человеческого мышления также способствует и тому, что интерпретатор, скорее всего, не задумается над тем, насколько именно меньше углеводов в супе *Progresso*, чем в крекерах. Фактически же речь может идти об очень незначительной разнице, которая мало что меняет в общих характеристиках полезности рекламируемого продукта. Так, осведомленность автора рекламы о стереотипах человеческого сознания позволяет ему умело имплицировать посыл о низкой калорийности супа *Progresso*, который, очевидно, будет прочитан интерпретатором на базе сказанного путем неконвенциональной импликатуры «в супе *Progresso* мало углеводов».

Эксплуатация рекламистами стереотипных реакций, мнений и убеждений среднестатистического потребителя также хорошо прослеживается в рассмотрении имплицитного плана содержания еще одной англоязычной рекламы – апельсинового сока *Tropicana*.

“*With a taste this fresh, your juicer will be jealous*” (С таким свежим вкусом, что ваша соковыжималка умрет от зависти).

Это утверждение, очевидно, может породить несколько импликатур. «Сок *Tropicana* отличается лучшим вкусом, чем свежесжатый сок». «Такого вкуса, каким обладает сок *Tropicana*, в домашних условиях получить невозможно». «Главное в соке *Tropicana* – это его свежий вкус».

Все эти скрытые послания, очевидно, грешат против истины. Прежде всего, вкус пакетированного сока, как правило, достигается за счет пищевых добавок и большого процента сахара, поэтому сравнивать его с натуральным свежесжатым соком некорректно. Во-вторых, главная ценность соков – в витаминах и клетчатке, которых в консервированном соке по определению не может быть больше, чем в натуральном. В-третьих, основной ценностью соков, как известно, является польза здоровью, но не вкус. По этой причине делать акцент на вкусе сока *Tropicana* как на ключевом показателе качества продукта вовсе неверно и, следовательно, заявляемый свежий вкус сока в принципе не может служить аргументом в пользу такой категории товара.

Эти истины, однако, явно не согласуются с задачей рекламодателя продвинуть товар на рынке и убедить потенциального покупателя в необходимости его покупки. По этой причине правда о товаре не имеет шансов быть включенной в рекламный дискурс. С другой стороны, та «правильная» информация, которая выгодна рекламодателю, также не может быть заявлена эксплицитно, ибо она не выдержит цензуры и попросту вступит в противоречие с действительностью. Очевидно, что единственным способом программирования «нужных» эффективных, привлекательных, убедительных рекламных прочтений являются импликатуры. В случае рекламы

сока *Tropicana* такие импликатуры будут основаны на распространенных заблуждениях о том, что главное в продукте – его вкус, что вкусное – значит, хорошее, что консервированное способно заменить натуральное и что рекламодатель искренне и по-настоящему заботится о пользе покупателя.

Визуальный план дискурса не менее информативен и имплицитен, чем вербальный. Более того, эти два аспекта, как правило, выступают в тесном тандеме, и в рекламе всегда генерируют единые мощные коммуникативные послания [2]. Как имплицитно следует из иллюстративного плана рекламы сока *Tropicana*, представленный товар идентичен натуральному апельсину (в силу их визуального соположения), очень свеж (что подтверждают капли влаги на его поверхности) и готов к употреблению, о чем говорит присутствие в апельсине «соломинки» с вытекающей каплей сока. Все эти «напрашивающиеся» неконвенциональные импликатуры исходят из знания психологии человека, который, как правило, склонен доверять тому, что видит своими глазами и легко подвержен визуальным соблазнам, при этом редко анализируя увиденное с позиций здравого смысла. Выведению читателем вышеназванных «правильных» невербальных импликаций будет способствовать его жизненный опыт, в котором присутствует удовольствие от съеденного сочного и спелого апельсина, а также знание о том, что натуральные соки принято пить через «соломинку».

Как следует из анализа приведенных примеров, неконвенциональные импликатуры лишь опосредованно связаны с конвенциональным значением языкового либо визуального материала в рекламе и фактически порождаются в сознании индивидуального интерпретатора, основывающегося в своих умозаключениях на стереотипных либо субъективных знаниях о мире. Такая форма прочтения рекламы полностью отвечает стоящим перед ней коммуникативным и коммерческим задачам.

Предпочтение, отдаваемое в рекламе имплицитной форме выражения, преследует и еще одну цель. Смысловая размытость импликаций, их неконкретность, двусмысленность, как уже отмечалось выше, провоцируют читателя к персональному активному участию в выявлении скрытых посылок и их расшифровывании. Как свидетельствуют проведенные исследования, такой интерпретативный способ извлечения информации сам по себе может выступать в качестве мощного фактора стимуляции убеждающего воздействия на читателя. «Такое декодирование вызывает эффект удовольствия, схожего с тем, какое бывает после успешной разгадки кроссворда или понимания непростого литературного произведения» [4, р. 107]. Это происходит в силу того, что непосредственное участие в декодировании рекламы, самостоятельное прочтение ее конечного послания силами собственного сознания, интуиции, догадки эмоционально сближают интерпретатора с рекламным произведением и, следовательно, с самим рекламируемым товаром. Результатом такого сближения, как правило, становится возникновение желания приобрести и сам предмет рекламы.

Выводы об имплицативной форме представления ключевых посланий, сделанные относительно рекламы, очевидно, могут быть применены и к другим дискурсам в сфере массовой коммуникации, действующей сегодня преимущественно в интересах адресанта. Необходимость скрывать свои истинные намерения, боязнь быть не воспринятой, не оцененной, не достигшей поставленных целей или цензурированной, с одной стороны, и потребность нравиться, запоминаться, влиять, побуждать к действиям, с другой, практически повсеместно вынуждают массовую коммуникацию к применению косвенных форм подачи информации через создание большого многообразия языковых и неязыковых имплицатур.

Список литературы

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – М., 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Почтарь Е. И. Прагмастилистическая организация рекламы как дискурса убеждения (на материале американской печатной рекламы): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 222 с.
3. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – СПб.: Прайм-Еврознак: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 445 с.
4. Bernstein, D. Creative Advertising. – London: Longman, 1974. – 245 p.
5. Vivanco, V. Implicatures and Explicatures in English and Spanish Commercial Messages: Pragmatic Level versus Semantic Level: GEMA Online Journal of Language Studies, 2006. – Vol. 6. – No. 2. – P. 9–17.
6. Geis, Michael L. The Language of Television Advertising. – New York: Academic Press, 1982. – 258 p.
7. Wright, C. R. (1986). Mass communication: A socio-logical perspective (3rd ed.). – New York: Random House. Wright, J. C., Kunkel, D., Pinon, M., & Huston, A. C. (1989) // How children reacted to televised coverage of the space shuttle disaster. Journal of Communication. – 39(2). – P. 27–45.

Мнемонические тексты дневников и мемуаров: временная удаленность как типологический критерий

В статье рассматривается проблема дифференциации мнемонических текстов мемуаров и дневников. В качестве основания для сравнительно-сопоставительного анализа типологических характеристик избирается временной параметр коммуникативной ситуации, в условиях которой порождается текст.

The article deals with the issue of distinction between two text types: memoirs and diaries. The stated text types are differentiated by means of the comparative analysis based on the time parameter of the communicative situation.

Ключевые слова: мнемоническое повествование, коммуникативная ситуация, временная дистанция, мемуары, дневник.

Key words: mnemonic narrative, mnemonic text, communicative situation, time parameter, memoirs, diary.

Интерес современного общества к внутреннему миру личности, а лингвистической науки – к исследованию соотношения языка и человеческого интеллекта, к выявлению особенностей реализации ментальных процессов в языке и изучению психических аспектов речевой деятельности находит отражение в научных описаниях мнемонического повествования и мнемонического текста. Мнемоническое повествование объединяет разнородные тексты (дневники, письма, мемуары, автобиографии, путевые заметки, литературные портреты, исповеди), созданные на основе когнитивной деятельности воспоминания, онтологической основой которого является память [16; 19; 17].

Память представляет собой способность к воспроизведению прошлого опыта. Это «едва ли не основная часть нашего сознания и разума, заключающаяся в возможности извлекать по мере необходимости хранящиеся в ней воспоминания об услышанном и увиденном, прочувствованном и осмысленном, познанном за все время жизни человека и т.п.» [7, с. 114]. Осуществляя связь между прошлыми состояниями психики, настоящим и процессами подготовки будущих состояний, память сообщает связность и устойчивость жизненному опыту человека, обеспечивает непрерывность его существования и является одной из предпосылок формирования индивидуальности и личности [12, с. 458].

В мнемоническом тексте запечатлеваются и воспроизводятся по истечении определенного времени те события и реальности прошлого, которые сохраняются в памяти автора. Акт мнемонической коммуникации – это со-

знательный напряженный мыслительный процесс по отбору информации, которая преобразуется в текст творческим усилием вспоминающей личности, совмещающей в себе автора, рассказчика и протагониста [9, с. 20]. Воспоминание выбирает из потенциалов памяти разные, тематически фрагментарные, непоследовательные и несвязанные факты и создаёт из них картину действительности, какой её видит субъект [10, с. 7]. По мнению Л.Я. Гинзбург, в текстах мнемонического повествования «свобода выражения» сочетается с «несвободой вымысла, ограниченного действительно бывшим» [3, с. 118]. Специфика коммуникативной ситуации детерминирует закономерности речевого поведения субъекта мнемонического повествования, осуществляющего «особый акт коммуникации, несвойственный чисто документальной или художественной литературе» [10, с. 13–14].

Предметом рассмотрения в настоящей статье выступают различные типы текста мнемонического повествования – тексты мемуаров и тексты дневников, которые сравниваются с целью установления между ними типологических различий. Адекватное изучение текста, как известно, требует упорядочивания и унификации разнообразия типов текста, однако, решение проблем текстовой типологизации всегда расценивалось как сложное. До сих пор не существует общепринятой терминологии в теории текста, среди исследователей нет согласия по поводу критериев типологизации, что во многом объясняется многоаспектной природой текста [2, с. 6]. Более того, по справедливому замечанию М.М. Бахтина, «авторы классификаций часто нарушают основное логическое требование классификации – единство основания» [1, с. 164]. В настоящей статье основанием для сравнения и разграничения отдельных типов мнемонических текстов служит коммуникативная ситуация, в условиях которой порождается текст и, в частности, её временной параметр.

В тексте усматривают специфический акт коммуникации вне зависимости от того, кому из коммуникантов – автору или читателю отдаётся приоритет в формировании смысловой текстовой целостности [13, с. 15–16], при этом внешние, коммуникативные факторы признаются определяющими для речевой организации текста. «И порождение текста, и его функционирование», – подчеркивает Н.С. Валгина, – «прагматически ориентированы, т.е. текст создается при возникновении определенной целеустановки и функционирует в определенных коммуникативных условиях. *Коммуникативные условия, или конкретные речевые ситуации, поддаются типологизации*, таким образом, и тексты, ориентированные на определенные коммуникативные условия, также должны обладать *типологическими признаками*» [2, с. 4] (Курсив мой. – Е. Ч.).

Ситуация речевого общения представляет собой сложную структуру, состоящую из множества взаимосвязанных параметров; естественную среду, в которой реализуется любой диалог; внешние условия, в которых происходит взаимодействие партнеров по коммуникации, в результате чего

при использовании языковых средств и рождается тот или иной текст [6, с. 406]. Поскольку мнемонический текст основывается на когнитивной деятельности воспоминания, важную роль в определении его текстотипологических характеристик играет временной параметр коммуникативной ситуации, обусловленный онтологической сущностью воспоминания. Временная дистанция между моментом создания текста и описываемым в нём событием признаётся релевантным признаком в разграничении жанров мнемонического повествования [9, с. 14].

Временная дистанция между моментом создания сравниваемых текстотипов и событиями, которые воспроизводит в них вспоминающее «я», различна. Если в мемуарном повествовании удаленность во времени позволяет автору переосмыслить события, сформировать их постепенную оценку и создать завершённую картину прошлого, то дневниковые записи фиксируют наблюдения автора, связанные с его настоящим, и обычно содержат оценку ближайшей ретроспективы.

Мемуары (франц. *mémoires* – воспоминания) представляют собой повествование от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был [8, с. 216]. Прагматическая установка автора мемуаров состоит в том, чтобы переосмыслить и переоценить эти события. Отбор событий диктуется их значимостью для вспоминающей личности, при этом в силу временной дистанции эта личность не может быть идентична личности автора в момент переживания событий.

Дневниковые записи являются мгновенной реакцией на происходящее. Они написаны в момент настоящего времени автора, запечатлевают актуальные и дискретные по времени и смыслу факты, события и психические состояния, иными словами, фиксируют только что случившееся и прочувствованное. «Автору дневника не обязательно вспоминать, но достаточно видеть и зафиксировать увиденное» [4, с. 137]. Он стремится к тому, чтобы привести точную информацию о текущих событиях, связанных с его личной жизнью, и дать им оценку, которая представляет собой непосредственную реакцию на события.

Сошлемся на иллюстративные примеры.

Б. Франклин пишет в своих мемуарах: "From the poverty and obscurity in which I was born, and in which I passed my earliest years, I have raised myself to a state of affluence and some degree of celebrity in the world" [18, p. 14]. В процитированном предложении наблюдается сопоставление двух временных планов: прошлого ("in which I was born", "in which I passed my earliest years") и настоящего ("I have raised myself to a state of <...>"), в котором автор создаёт текст. Благодаря такому сопоставлению формируется панорама жизни автора от его рождения и до глубокой старости.

В следующем фрагменте из того же текста автор вспоминает о своём детстве: "<...> and upon other occasions I was generally the leader among the boys, and sometimes led them into scrapes, of which I will mention an instance, as it shows an early projecting public spirit, though not then justly conducted"

[18, p. 23]. Сочетание оценки прошлого ("I was generally the leader") с замечанием, которое соотносится с более зрелым возрастом автора и поэтому носит проспективный характер ("it shows an *early projecting* public spirit"), а также «возвращение» к исходному пункту ("not *then* justly conducted"), сопровождаемое критической оценкой ("not justly"), доказывают временную удаленность текста от описываемых в нем событий.

В дневниковых записях временной параметр коммуникативной ситуации указывает на непосредственную связь события с перцептивным опытом или на то, что это событие произошло в недавнем прошлом и связано с настоящим. Так, в дневнике Дж. Вашингтона находим запись о его наблюдениях за состоянием некоторых зданий во время пребывания в Спрингфилде. Наблюдения связаны с непосредственным, преимущественно зрительным и тактильным, перцептивным опытом автора: "The Barracks (also public property) are going fast to destruction, and in little time will be no more, without repairs. The Elaboratory, wch. seems to be a good building, is in tolerable good repair, and the Powder Magazine, which is of Brick, seems to be in excellent order, and the Powder in it very dry" [21, p. 26]. На тот же характер временной дистанции между моментом создания текста и описываемым в нём событием указывают глаголы в форме настоящего индифинитного времени *are, seems, is*.

Пример описания ближайшего прошлого обнаруживаем в дневнике С. Доусон, где автор повествует о своей реакции на сообщение об оружейном залпе «утром вчерашнего дня» и на последующее сообщение о повторном залпе. Дневниковая запись не делается после получения первого сообщения, поскольку автор готовился в это время к вынужденному бегству ("at the thought of another stampede"), – она делается несколько позже, на следующий день. Реакция на сообщения представлена в отрывке цепочкой глаголов в форме прошедшего индифинитного времени: *heard – beat; was wakened – didn't take*. Описание динамичной смены событий *heard, was wakened* отражает реальную ситуацию ближайшего прошлого и моментальную реакцию на неё – учащённое сердцебиение ("my heart beat"), готовность спастись бегством, выскочив из постели ("get out of bed"), лишь наспех набросив на себя одежду ("slip on a few articles"): "Yesterday morning, just as I stepped out of bed I heard the report of four cannon fired in rapid succession, and everybody asked everybody else, "Did you hear that?" so significantly, that I must say my heart beat very rapidly for a few moments, at the thought of another stampede. At half-past six this morning I was wakened by another report, followed by seven others, and heard again the question, "Did you hear that?" on a higher key than yesterday. – It did not take me many minutes to get out of bed, and to slip on a few articles, I confess" [14, p. 86–87].

В мемуарах мнение автора о прошлом формируется постепенно: от совершения событий до создания воспоминаний о них. Это позволяет отделиться от сиюминутных эмоций, пересмотреть и скорректировать оценку былого, соотнести ее с дальнейшим ходом исторического развития.

Утверждения, обнародованные мемуаристом, обычно итоговые. Они выведены всей его предшествующей жизнью [11, с. 20]. Мемуарист воспроизводит конкретные впечатления об объектах восприятия, при этом на его изначально субъективную позицию «накладывает отпечаток эволюция мировоззренческих взглядов, произошедшая с момента реально свершившихся событий до времени создания мемуаров» [5, с. 36].

Примером постепенного формирования авторской точки зрения служит фрагмент из мемуаров Б. Франклина: "We sometimes disputed, and very fond we were of argument, and very desirous of confuting one another, which disputatious turn, by-the-way, is apt to become a very bad habit, making people often extremely disagreeable in company <...>. Persons of good sense, I have since observed, seldom fall into it, except lawyers, university men, and, generally, men of all sorts who have been bred at Edinburgh" [18, p. 28]. Эволюцию взглядов автора подтверждают видовременная форма глагола *have observed* в предложении "<...>. I have since observed <...>" и переключение с форм прошедшего индефинитного на формы настоящего индефинитного времени, выражающие вневременные общефилософские суждения (*disputed, were fond, <were> very desirous*) vs. "disputatious turn <...> is apt to become a very bad habit"; "Persons of good sense <...> seldom fall into it").

Примером «итогового, выверенного всей предшествующей жизнью» суждения является описание характера отца в мемуарах М. Диккенс: "In the course of years there came changes in our home, inevitable changes. But no changes could ever alter my father's home-loving nature" [15, p. 23]. Наблюдения автора позволяют подчеркнуть важную характеристику – любовь отца к дому и семье ("home-loving nature"), которую он сохранял годами ("In the course of years"), несмотря на неизбежные изменения ("inevitable changes") в жизни.

Как видим, мемуары демонстрируют возможность восприятия мира «в сопряжении настоящего и прошлого». Выводы и суждения в дневнике, напротив, делаются под впечатлением недавно бывшего, несут на себе отпечаток пережитого, достаточно эмоциональны и нередко имеют предварительный характер. Впоследствии они могут быть опровергнуты либо ходом событий, либо изменившимся авторским мнением [11, с. 23, 20].

Так, в дневнике С. Доусон четырёхдневное путешествие длиной более ста миль в другой город после продолжительной болезни вызывает у автора всплеск эмоций при виде самого тривиального пейзажа: "To see green trees and wild flowers once more, after such an illness, is a pleasure that only those long deprived of such beauties by a similar misfortune can fully appreciate" [14, p. 349]. В заметке от 8 апреля 1863 года представлена эмоциональная оценка смены обстановки: "What a delightful sensation is motion, after five months' inaction!" [14, p. 347]. По приезде в город, однако, характер оценки, фиксируемой в дневнике, меняется: в записи от 12 апреля радостные впечатления автора от путешествия описываются уже как наполовину забытые нелепые пустяки: "<...> and things that seemed so extremely

amusing, and afforded me so much pleasure during these four days, now seem to be absurd trifles half forgotten" [14, p. 350].

Проведенный анализ позволил установить, что важным типологическим критерием разграничения мнемонических текстов мемуаров и дневников является временной параметр коммуникативной ситуации, в условиях которой порождается мнемонический текст. Так, в мемуарах временная дистанция даёт возможность автору переосмыслить события, представить выверенную всей предшествующей жизнью оценку и целостный взгляд на прошлое. Незначительная по сравнению с мемуарами временная дистанция в дневниках не предполагает такого переосмысления: автор подробно фиксирует события, связанные с его непосредственным перцептивным опытом и обычно предлагает их спонтанную эмоциональную оценку, которая в дальнейшем может быть опровергнута.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собр. соч. в 7 томах. – М., 1997. – Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – 731 с.
2. Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003. – 278 с.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – М.: Intrada, 1999. – 415 с.
4. Кознова Н.Н. Дневники, письма, мемуары: к вопросу о взаимодействии жанров // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2009. – № 1. – С. 137–143.
5. Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – М., 2011. – 45 с.
6. Костюшкина Г.М. Семантика и прагматика высказывания. – Иркутск: ИГЛУ, 2005. – 525 с.
7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1997. – 245 с.
8. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
9. Нюбина Л.М. Воспоминание и текст: моногр. – Смоленск: СГПУ, 2000. – 161 с.
10. Нюбина Л.М. Поэтика и прагматика мнемонического повествования (На материале немецкой литературы воспоминаний XX века): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. – Смоленск, 2000. – 36 с.
11. Симонова Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: учеб. пособие. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 119 с.
12. Философский энциклопедический словарь / подгот. А.Л. Грекулова и др.; редкол: С.С. Аверинцев и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
13. Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. – СПб., 2013. – 216 с.
14. Dawson, Sarah Morgan. A Confederate Girl's Diary. – Warrington, Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 1913. – [Эл. ресурс]: <http://www.archive.org/details/confederategirls00daws> (дата обращения: 12.12.2014).
15. Dickens, Mamie. My Father As I Recall Him. – Westminster, Roxburghe Press, 1902. – [Эл. ресурс]: <http://www.archive.org/details/myfatherasireca00dick> (дата обращения: 12.12.2014).
16. Fitzgerald, J.M., Lawrence, R. Autobiographical memory across the life span. Journal of Gerontology. – 1984. – 39. – P. 692–699.

17. Foster, J. K. *Memory. A Very Short Introduction*. Oxford University Press, 2009. – 144 p.
18. Franklin, Benjamin. *Memoirs of Benjamin Franklin; Written by Himself*. – New York, Harper&Brothers Publishers, 1839. – Vol. 1. – [Эл. ресурс]: <http://www.gutenberg.org/files/36338/36338-h/36338-h.htm> (дата обращения: 12.12.2014).
19. Rubin, D.C. *Remembering our past: Studies in autobiographical memory*. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1996. – 460 p.
20. Schwab, S. *Autobiographik und Lebenserfahrung. Versuch einer Typologie deutschsprachiger autobiographischer Schriften zwischen 1965–1975*. Epistemata. Wuerzburger wissenschaftliche Schriften. Reihe Literaturwissenschaft. – Koenigshausen: Neumann, 1981. – Bd. IV. – 269 S.
21. Washington, George. *Diary of Washington: From the first day of October, 1789, to the tenth day of March, 1790*. – New York, 1858. – [Эл. ресурс]: <http://www.archive.org/details/diaryofwashingto00wash> (дата обращения: 12.12.2014).

Метакоммуникативные индексы в дискурсе интернет-комментариев

В статье рассматриваются единицы метакоммуникации, маркирующие отношение пользователей к языковой стороне общения, к дискурсивным стратегиям собеседников, социальным чертам личности адресата. Данный аспект коммуникации находит выражение в таких языковых средствах, как сравнения и метафоры-эталоны, перформативы, а также развернутые квалификативы.

The article touches upon the metacommunicative items, which mark user's attitude towards the style of communication, the discursive strategies of interlocutors and the social aspects of their personalities. The examined feature of communication is provided by comparisons, metaphors-models, performative and qualificative phrases.

Ключевые слова: метакоммуникация, интернет, комментарий, дискурс, метафора, квалификатив, перформатив.

Key words: metacommunication, internet, comment, discourse, metaphor, qualificative, performative.

Интернет на сегодняшний день представляет собой универсальную среду социальных обменов. В Интернете информация, товары и услуги находят потребителя, потребители группируются в социальные кластеры, а коммуникация становится одним из важнейших способов привязки потребителя к интернет-ресурсу. Проблематизация событий становится исходным пунктом построения дискурса интернет-комментариев. Однако, выстраиваясь, общение неизбежно проблематизирует самоё себя, коммуникация попеременно переходит в метакоммуникацию, особым образом структурируя языковые средства и дискурсивные стратегии. Посвящая данному вопросу отдельное внимание и обобщая опыт зарубежных авторов, отечественный теоретик дискурса М.Л. Макаров указывает на многообразие метакоммуникативных высказываний, которые затрагивают «языковую ткань дискурса, его стратегическую динамику, структуру обменов и трансакций, фаз интеракции, меню коммуникативных ролей, представление тем, взаимодействие с контекстом, регуляцию межличностных и социальных аспектов взаимодействия, нормы общения, процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации» [2, с. 198].

М. Стаббс предлагает рассматривать в качестве основных восемь типов метакоммуникативных речевых актов: привлечение или поддержание внимания, его демонстрация; контроль «количества

сказанного»; проверка или подтверждение понимания; подведение итогов или обобщение; определение или перефразирование; редактирование; коррекция; уточнение темы [2, с. 198].

Некоторые исследователи именуют метакоммуникативные акты, связанные с рефлексией таких аспектов речевой коммуникации, как контакт и канал, фатической метакоммуникацией (Почепцов Г.Г., Чхетиани Т.Д. и др.) [2, с. 198]. При этом, как нам представляется, фатическая сторона общения служит, главным образом, для поддержания речевого контакта, но не для рефлексии самой коммуникации.

Профессор Н.И. Формановская освещает фатическое общение в рамках оппозиции «информативное – фатическое». Она подчеркивает тот факт, что данный вид коммуникации нацелен на установление контакта, его поддержание, социальную и формально-этикетную регуляцию, кроме того, собеседники совершают некое взаимное поощрение к продолжению общения, утоляя «сенсорный голод» [7, с. 19].

Таким образом, очевидно, что если метакоммуникация и фатическая коммуникация образуют пересекающиеся понятийные множества, то доля такого пересечения весьма незначительна, так как метакоммуникация принципиально информативна, в отличие от фатического общения.

Будем называть метакоммуникативные ходы или акты метакоммуникативными индексами, поскольку они представляют собой дополнительные указатели, направляющие и корректирующие общение.

Обратимся в первую очередь к метакоммуникативным индексам, связанным с языковой стороной коммуникации, с вниманием к выбору самих знаков, передающих сообщение, с ошибками в их употреблении. Большинство пользователей игнорирует орфографические и пунктуационные неточности, проскальзывающие в постах собеседников. Это связано, прежде всего, с новой онтологией коммуникации, в которой опосредующим механизмом становится набор текста. Любой пользователь понимает, что во время скоростного набора текста при полной уверенности в том, что нажал верную клавишу, он может допустить опечатку. Это техническое посредничество становится дополнительным параметром уравнивания пользователей по степени владения нормами языка, многие ошибки могут быть списаны на сбой новой моторики общения. Тем не менее, бывают случаи, когда пользователи не только находят важным упомянуть об ошибке, но и привязывают данное упоминание к собственной коммуникативной стратегии.

Цитируемые нами посты из форумов электронных СМИ сохраняют оригинальные особенности орфографии, пунктуации и другие аутентичные характеристики.

Приведем такую трехзвенную цепочку комментариев: *tru_blog*: носители "Союз" явный пример, того, что надежнее технику ни кто не строит... - *invariab*: "никто" пишется вместе... - *justfedja*: не сбивайте человеку патриотический подъём...[5]. Третья реплика предстает

результатом интерпретации двух предыдущих и встраивает их в собственный коммуникативный сценарий. Таким образом, если второй комментарий затрагивает лишь языковую сторону первого, то третий привязывает данный аспект к смысловой доминанте реплики и мотивационному уровню языковой личности пользователя.

Кстати, если "в целом, интервью понравилось", значит в начале фразы тебе нужно было указать, что НЕ понравилось, иначе на балл ниже, стилистическая ошибка:) [4, с. 81].

Пример, который в целом представляет собой метакомментарий. Пользователь не поленился проанализировать логическую составляющую речи собеседника и с полным убеждением назвал её «стилистической ошибкой». Знак смайла показывает ироничное отношение автора и к собственному замечанию, в том числе [4, с. 81].

«Вы в качестве аргумента кроме слова "бред" ничего привести не можете, очень печально...». Пользователь говорит о скудости аргументации, указывая на злоупотребление лексемой «бред» [4, с. 81].

Мена коммуникативных ролей в устном дискурсе с непосредственным контактом участников определяется распределением базовых статусов говорящего, адресата, наблюдателя. Именно в таком виде общения данный компонент приобретает особую динамику и одновременно аналитическую значимость. Действительно, асинхронный характер данного вида общения (при всей скорости размещения поста) вкупе с необязательностью такого важного маркера, как знак актуального онлайн-присутствия пользователя лишают мена коммуникативных ролей и динамизма, и влияния. Характер стыковки реплик теряет свою значимость, так как тексты не могут синхронно пересекать друг друга, как, например, в обмене мгновенными сообщениями. Способ технического опосредования коммуникации становится неотъемлемой частью её онтологии.

Текст электронных СМИ, по сути, следует считать иницирующей репликой, изначальным коммуникативным ходом, который содержит множество скрытых и явных «раздражителей», направленных на вызов потенциальной реакции. Любой размещаемый в форуме комментарий по поводу самого информационного материала становится ответной репликой первого уровня. Это подтверждается тем фактом, что в последнее время на форумах электронных СМИ посты первого уровня выделяются крупно, а затем каждый из них может открыть отдельную ветку обсуждения, диалога или полилога. Упомянутая ветка при этом часто скрывается и может быть доступна через нажатие гипертекста вроде «Показать все комментарии».

Уже в рамках обсуждения второго уровня мена коммуникативных ролей происходит интенсивнее, при этом выявляется огромный потенциал коммуникативной роли наблюдателя, из массива посетителей сайта любой реципиент потенциально может стать адресантом и адресатом.

Особое отступление в общении на форумах может быть посвящено социальному аспекту личности коммуниканта – псевдониму или нику

пользователя. Эта часть самопредставления интернет-личности также подвергается интерпретации, и вполне закономерно, учитывая, что выбор сетевого имени часто указывает на доминанты самоопределения личности, мотивы её коммуникативных действий. Приведем пример:

globochnik_o

"Глобочник" это фора для тех, кому написать нечего, но хочется превосходство над оппонентом продемонстрировать. Когда аргументов нет можно придаться к нуку.

Praktichnyjj

Сто раз уже это обсуждали. Ты сам мне дал эту фору, и я не вижу причин, почему бы мне ей не пользоваться против оппонента [1].

Первый пользователь отмечает несостоятельность стратегии критики ника, считает её признаком риторической слабости оппонента. Пользователь с ником ***Praktichnyjj***, однако, не совсем оправдывает свой псевдоним, отвечая фразой «сто раз это обсуждали» и подтверждая наличие подобной стратегии. Неудивительно, что эта ветка обсуждения заканчивается так:

globochnik_o: *Понятно, то есть сказать нечего [1].*

Бывают случаи, когда пользователи настойчиво стараются выяснить подлинные социальные характеристики оппонента, проблематизация высказанной идеи становится проблематизацией личности. В следующем примере пользователь ставит под сомнение компетентность оппонента, указывая на место его проживания. При этом дискурс пользователя идёт вразрез с установившимися официально реалиями. Ставя под сомнение заявленный пол собеседника, адресант указывает на некие черты «мужского стиля», атакует каскадом вопросов и коверкает имя адресата:

Валентин Дружкин в ответ пользователю Татьяна Чебисова

00:05 28.11.2014

Если вы живете не в России, то как можете судить, есть в России отечественный производитель или нет? Или Феодосия в профиле - это мультка интернет-профессионала?

Татьян Чебисов, зачем вы себя выдаете за женщину из Феодосии? "Россиянка, дочь офицера"? Вы пишете явно в мужском стиле [3].

Татьяна Чебисова в ответ пользователю Валентин Дружкин

00:44 28.11.2014 | -1

Валентин Дружкин, в 98 мой муж (считайте мы) устроился по нескольким фирмам больше чем на 600 тыс. \$, фирмы должники умерли рассказывать про светлое будущее и ясное прошлое – не по адресу. живем там где хотим. на побережье в том числе... [3].

Ответ оказывается не менее интересен. Пользователь не отрицает факт своего проживания «на побережье», мягко обходя формулировку статуса данного региона. Вопрос о поле также корректно разрешается. В свою очередь, пользователь, ссылаясь на личный биографический опыт, отмечает несостоятельность коммуникативных действий оппонента: «рассказывать про светлое будущее и ясное прошлое – не по адресу».

По нашим наблюдениям, основная часть метакоммуникативных индексов связана со сферой, в которой пересекаются замечания по поводу коммуникативных стратегий и тактик, внимание к мотивам собеседника, искренность дискурса, его соответствие наличной ситуации, тематическая релевантность и фокусировка:

Иосиф Неизвестный в ответ пользователю иван иванов

22:46 27.11.2014

иван иванов, Вы верите в то, что утверждаете или глаголите за сребренники? [3].

Как кажется, данная реплика служит метакоммуникативным индексом, задающим возможную развилку будущего обсуждения. Пользователь не только выясняет степень искренности дискурса, он демонстрирует свою настоятельную потребность в уточнении данного дискурсного параметра, без которого дальнейшей выбор тактики невозможен. Однако, маловероятно, и форум это показывает, что оппонент способен совершить нечто вроде «иллокутивного самоубийства» и признаться в неискренности дискурса. Это означает, что вопрос остался без ответа и главное, что демонстрирует данная реплика – это особенности мотивов самого спрашивающего, развилочный пункт его коммуникативной стратегии и невозможность данный пункт обойти. Демонстрация этого пункта закрывает коммуникативный обмен в диалоге обозначенных пользователей.

Валентин Дружкин

23:04 27.11.2014

Как обычно, журналисты любят в заголовках нагнетать ситуацию. Обрушение - слишком громко сказано [3].

Данный пост свидетельствует в пользу отмеченного нами факта: сама статья воспринимается в качестве иницилирующей реплики общения. Пользователь приписывает институту СМИ традиционную, на его взгляд, особенность стратегии дискурса – преувеличение, гиперболизацию важности события.

Иосиф Неизвестный в ответ пользователю Валентин Дружкин

23:51 27.11.2014 | 2

Валентин Дружкин, думаю не плохо было бы Вам перевернуть свою заезженную на многочисленных форумах пластинку или заменить "клик" [3].

На этот раз автор вышеупомянутого метакоммуникативного индекса о гиперболизации становится адресатом комментария, в котором критике подвергается повторяемость и однообразие. В данном случае повторяемость объявляется автоматической, неоправданной, что дискредитирует коммуникативное действие. Интересно, что оно определяется через метафору «заезженной пластинки» и «клика», то есть нажатия кнопкой мыши по одной и той же кнопке. Дискурс пользователя обращается к метафорам и докомпьютерной, и компьютерной эры.

Валентин Дружкин в ответ пользователю Иосиф Неизвестный
23:57 27.11.2014

Иосиф Неизвестный, В отличие от вас, я пишу за себя и пишу факты и цифры, которые можно проверить, А вы действительно, как затертую методичку цитируете: "Усе пропало!" [3].

Парируя коммуникативный выпад оппонента, участник форума с ником «Валентин Дружкин» также обращается к метафоре-эталону повторяемости – «затертая методичка». При этом раскрывается смысловая доминанта пользовательского дискурса – «Усё пропало!». Просторечный облик местоимения *всё* служит цели ответной дискредитации коммуникативных действий оппонента.

иван иванов в ответ пользователю Иосиф Неизвестный
00:34 28.11.2014 | 2

Иосиф Неизвестный, Я говорю только то, в чем уверен. Лишь экстремальные условия мобилизуют все ресурсы организма. Государства это те же организмы. А у России есть достаточно ресурсов, которые пока совсем или очень слабо используются [3].

Ещё один пользователь вынужден отражать метакоммуникативное замечание участника форума с ником «Иосиф Неизвестный». Автор реплики начинает с перформативного высказывания, манифестирующего подтверждение искренности дискурса и уверенности коммуниканта в собственной правоте. Этот пользователь также не поддерживает пессимистическую смысловую доминанту дискурса оппонента и противопоставляет ей собственную компактную систему доказательств, основанную на базовой метафоре страна=организм: экстремальные условия мобилизуют ресурсы организма, страна – организм, в стране много неиспользованных ресурсов.

Олег Киров в ответ пользователю Сергей Линьков
01:07 28.11.2014 | -1

Сергей Линьков, Что-то про население как-то никто не вспоминает. Интересно сколько будут стоить импортные товары (бытовая техника, одежда, продукты, автомобили) при курсе в 100 рублей за доллар? Про такую мелочь как поездки на отдых за границу вообще молчу! [3].

Процитированный пост содержит метакоммуникативные индексы, нацеленные на тематическую фокусировку. Пользователь считает, что ущерб, причиняемый населению, недостаточно освещен в комментариях. Кроме того, он пользуется парадоксальной в своей перформативности устойчивой моделью русского национального дискурса *про ... вообще молчу*, которая, с одной стороны, служит упоминанием темы, с другой, подчеркивает само собой разумеющееся вхождение её в данное проблемное поле, о котором даже не следует говорить.

Михаил Михаил
04:12 28.11.2014

Уже писали про капут сланцевой америки, пользу для российской экономики, импортозамещение и прочие мантры?)) [3].

Иронический метакоммуникативный комментарий, использующий получивший широкое распространение термин индийской культуры – мантра. Под этим словом автор поста понимает фразы, повторяемые с целью самоубеждения, некоего «заклинания», которое должно воплотить желаемое в действительное. Перевод некоторых пропозиций в разряд ирреальных, наделение данных фраз статусом мантр – ещё один вид дискредитации коммуникативной стратегии оппонентов.

Полковник Васин в ответ пользователю Alexander Fibonachik

11:59 28.11.2014

Alexander Fibonachik, стесняюсь спросить, а вырос уровень жизни каких россиян? [3].

Образец ещё одного иронического метакоммуникативного индекса «стесняюсь спросить». Коммуникант использует упоминание о психологическом затруднении в озвучивании высказывания для намека на неоправданное расширение адресатом денотативного пространства. Эффект иронии, если не сарказма, рождает именно совмещение манифестации «псевдозатруднения» в совершении коммуникативного акта с настоящей потребностью донести последующую мысль до оппонента.

skukhov в ответ пользователю иван иванов

12:36 28.11.2014

иван иванов, Ничего у россии нет иначе бы давно бы так стало еще с ссср. Так что не уподобляйся Пушкину в сочинительстве фантазий и сказок. А впрочем можешь сочинять, потому как более ничего и не остается вам делать [3].

Перед нами метакоммуникативный индекс, направленный на дискредитацию позиции оппонента. Коммуникативные действия адресата приравниваются к «сочинительству фантазий и сказок», прецедентность имени Пушкина использована без особого пиетета. При этом пользователь выходит и на уровень собственно социального действия, указывая, что данные дискурсивные манипуляции являются единственно возможными для данной социальной группы.

иван иванов в ответ пользователю skukhov

14:56 28.11.2014 | 1

skukhov, Ну вот истерики начались. Видно от отсутствия аргументов. Да не переживайте так, от того, что мы не переживаем [3].

В ответ размещается пост, также представляющий собой звено метакоммуникации. Пользователь с ником «иван иванов», в свою очередь, квалифицирует коммуникативные действия оппонента как «истерии», и объясняет такой их характер «отсутствием аргументов». Завершает комментарий апеллятив с призывом прекратить волнение, выливающееся в неуместные коммуникативные действия.

Подводя итоги, необходимо отметить принципиальную важность метакоммуникативных индексов в совершенно новом и динамично

развивающемся коммуникативном пространстве – интернет-форуме. Отечественная психолингвистика определяла речевую деятельность как составную часть иных видов социальной активности человека. На сегодняшний день технолого-институциональные преобразования в обществе привели к тому, что коммуникация стала самодостаточным видом деятельности, при этом, безусловно, коррелирующим с иными видами социальных обменов. В этой связи метакоммуникативные индексы приобретают беспрецедентную значимость, затрагивая, в первую очередь, такие сферы, как основательность/уместность коммуникативного акта; личная компетентность коммуниканта как носителя определенных социальных признаков, когнитивно-операциональных моделей, мотивационных доминант, оценок и т.д.; достоверность информации и правомерность дискурсивных стратегий и установок в её подаче со стороны электронных СМИ. В последнем случае текст статьи выступает иницирующей репликой общения на форумах обсуждения.

Среди языковых средств, воплощающих вышеупомянутые метакоммуникативные индексы в приведенных нами репликах, следует отметить следующие:

1) развернутые метафоры и сравнения, отражающие тематику коммуникации и коммуникативной компетентности оппонента, вербализации событий как таковой, например, *перевернуть свою заезженную пластинку; заменить "клик"; как затертую методичку цитируете; мантры; не уподобляйся Пушкину в сочинительстве фантазий и сказок;*

2) соотносимые с предыдущим пунктом различные виды оценок и самооценок (фраз-квалификативов) совершаемых коммуникативных актов, подаваемые как утверждения/констатации, императивы или запросы: *не сбивайте человеку патриотический подъём (своим коммуникативным действием); когда аргументов нет, можно придаться к нуку; журналисты любят в заголовках нагнетать ситуацию; обрушение – слишком громко сказано; что-то про население как-то никто не вспоминает; а впрочем можешь сочинять, потому как более ничего и не остается вам делать; ну вот, истерики начались; да не переживайте так, от того, что мы не переживаем;*

3) различные виды перформативов коммуниканта относительно собственного коммуникативного действия, или медитативы, по терминологии В.И. Тюпы [6]: *в отличие от вас, я пишу за себя и пишу факты и цифры, которые можно проверить; я говорю только то, в чем уверен; в том числе такие парадоксальные, как про такую мелочь как...вообще молчу!; стесняюсь спросить.*

Не вызывает сомнений факт, что повышающаяся значимость в интернет-коммуникации метакоммуникативных индексов, вскрывающих особенности новой онтологии коммуникации и интеграции в неё русского языка и национального дискурса, требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Иванов М. Акты – упрямая вещь // сайт Издательский дом «Коммерсант» /комментарии, 2013. – [Эл. ресурс]: <http://www.kommersant.ru/doc/2094423> (дата обращения: 27.03.2013).
2. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
3. ОПЕК сохранила квоты, обрушив цены на нефть и курс рубля» // сайт РИА Новости /комментарии, 2014. – [Эл. ресурс]: <http://www.ria.ru/economy/20141127/1035511336.html#comments#ixzz3KMXY10N4> (дата обращения: 04.02.2015).
4. Романтовский А.В. Социальная манифестация личности в дискурсе интернет-комментариев // Русский язык за рубежом. – 2013. – № 5. – С. 78–86.
5. Сафронов И. «Протон» распался на элементарные частицы // сайт Издательский дом «Коммерсант» / комментарии. – [Эл. ресурс]: <http://www.kommersant.ru/Doc/2225000> (дата обращения: 24.04.2014).
6. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. – М.: Intrada, 2013. – 211 с.
7. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Рус. яз., 2002. – 216 с.

Реализация агональности в современном англоязычном деловом дискурсе

В статье рассматривается агональность в рамках современного англоязычного делового дискурса. Агональность является одной из ключевых характеристик данного типа институционального дискурса. В статье изучается положительная (соперничество) и отрицательная (агрессия) стороны агональности и способы их реализации.

The article deals with investigation of agonism within the context of modern English business discourse. Agonism is one of the basic characteristic of the given type of institutional discourse. Positive (competition) and negative (aggression) sides of agonism and the ways of its representation are described in the article.

Ключевые слова: агональность, институциональный дискурс, деловой дискурс, реализация, соперничество, конфликт, агрессия.

Key words: agonism, institutional discourse, business discourse, realization, competition, conflict, aggression.

В основе концепции институционального дискурса лежит положение о том, что дискурс – это властный ресурс, представляющий собой систему способов означивания, интерпретаций, оценок, позиционирования и идентификации общественных субъектов, отношений и объектов реальности, которые закрепляются и легитимируются социальными институтами [8]. Теоретической базой концепции институционального дискурса выступают, главным образом, работы М. Фуко и П. Бурдьё. В своих исследованиях М. Фуко трактует институциональный дискурс как поле дискурсивных практик, которые властно навязывают обществу определенную когнитивную и оценочную базу, устанавливают режимы коммуникативного взаимодействия и структурируют порядок мышления, разум и чувства, обозначивают объекты посредством дифференциации нормы от ненормы. Исследователь изучает различные социальные институты как сферы давления и дискурсивного контроля за соблюдением установленного порядка словоупотребления и порядка вещей [11]. В свою очередь у П. Бурдьё дискурс понимается как габитус, генерирующий социальные практики и регулирующий оценочные восприятия. Ученый подчеркивает положение о том, что дискурс – это символический капитал, функционирующий в социальном пространстве [2]. В работах исследователя отчетливо прослеживается мысль о социальных институтах, выступающих источниками формирования определенной картины мира и навязывающих ее участникам определенного социума. Социальные институты производят и транслируют дискурсы в

форме идей, понятий, категорий, принципов, образов, которые, в свою очередь, задают рамки, фокусные центры человеческого видения и осмысления реальности. П. Бурдье особо останавливается на том, что любой социальный агент обладает некими принципами восприятия и осмысления, которые сами частично являются продуктом инкорпорации социальных структур. Более того, дискурс, по мнению автора, применяет легитимное символическое насилие в отношении способов категоризации представлений о мире и конструирования реальности [9, с. 121].

Исходя из работ М. Фуко и П. Бурдье, можно заключить, что любой социальный институт формирует дискурсивное пространство, в рамках которого ведется борьба за навязывание определенного способа мировидения и миропонимания.

По единодушному мнению исследователей дискурса, его конститутивные признаки включают участников, организацию, условия и способы общения, иными словами, людей, играющих статусно-ролевые и ситуационно-коммуникативные роли, среду общения и коммуникативную сферу, цели, мотивы, стратегии, режим, канал, тональность, стиль и жанр общения, и, наконец, знаковое тело общения [5, с. 15]. Институциональность фиксирует ролевые характеристики говорящего и слушающего в типичные хронотопы, трафаретные жанры, речевые клише и стратегические коммуникативные действия. Следовательно, институциональное общение представляется коммуникацией в своеобразных рамках, достаточно жестко регламентированных социальным институтом. Именно стандартизированность общения является принципиальным отличием институционального дискурса от персонального [1, с. 66]. Не вызывает сомнения, что в типе институционального дискурса раскрывается его специфика. Более того, каждый тип общественного института обозначен своим особым именем в коллективном языковом сознании и обобщен в ключевом концепте этого института (политический дискурс – власть, педагогический – обучение, религиозный – вера, деловой – бизнес и т.д.). Институциональный дискурс – это устойчивая система статусно-ролевых отношений, сложившаяся в коммуникативном пространстве жизнедеятельности определенного социального института, в рамках которой осуществляются властные функции символического принуждения в форме нормативного предписания и легитимации определенных способов мировидения, векторов ценностных ориентаций и моделей поведения [8].

В настоящее время одним из наиболее стремительно развивающихся институциональных дискурсов является деловой, что объясняется тем фактом, что деловой дискурс проникает во все коммуникативные сферы жизнедеятельности человека. Он динамично развивается и приобретает большую значимость в социуме, так как растет количество его участников, а механизмы его употребления недостаточно изучены. Деловой дискурс представляется сложным многоаспектным институциональным образованием, под которым понимается целенаправленная статусно-ролевая рече-

вая деятельность людей, общей характерной чертой которых являются деловые отношения, основывающиеся на нормах и правилах общения, принятых в деловом сообществе. Этот дискурс объективно выделяется в системе институциональных дискурсов на основании признаков, типичных именно для него: специфические стратегии делового дискурса, общая картина мира, ценности, цели общения, участники, характеристики деловых текстов [15, с. 52]. Данный дискурс основывается на образцах вербального поведения, сложившихся в бизнес-обществе применительно к сферам профессиональной коммуникации, которых в бизнесе может быть выделено достаточно много [8, с. 416]. Не вызывает сомнений, что деловой дискурс является социально-лингвистическим феноменом. От ситуации общения и требований современного мира бизнеса зависят его существование и развитие, важнейшие коммуникативные механизмы и набор средств выражения. Социальный институт, чьим целям служит данный тип дискурса, а именно современное деловое сообщество, определяет использование языка, внедряет необходимые представления и знания в личность каждого участника делового мира. Именно бизнес как социальная институция диктует тактики и стратегии взаимодействия членов сообщества с другими участниками коммуникации [15, с. 50].

Как зарубежными, так и российскими исследователями подчеркивается, что любой институциональный дискурс репрезентируется определенной жанровой системой, и деловой дискурс не является исключением. В деловом дискурсе традиционно выделяют такие жанры, как деловая беседа, деловые совещания, деловые переговоры. При этом каждый из жанров делового дискурса имеет свою конкретную коммуникативную задачу и цель. Однако, несмотря на существование различных целей, все-таки в этом разнообразии существует определенная близость, объясняемая, прежде всего, задачами и целями общения определенного профессионального круга участников – деловых людей. При этом цели и задачи нередко переплетаются в процессе делового общения, тем самым дополняя друг друга.

Ввиду того, что деловой дискурс отличается строгой лаконичностью, точностью, конкретностью, объективностью, ограниченностью образности и выразительности, то и отбор языковых средств для него определяется такими же критериями. Несоблюдение общепринятых в деловом сообществе правил и норм ведет к агональности, которую, как показывает наше исследование, можно проследить на всех языковых уровнях делового дискурса.

Термин «агональность» восходит к греческому *agon* (состязание, сражение, борьба). В процессе исторического развития понятие «агональность» трансформировалось в следующую этимологическую цепочку: гнать, погонять → направлять движение → собирать в толпу → собранная толпа зрителей → зрелище, соревнование-игра → соревнование-борьба.

Согласно Й. Хейзингу, понятие «агональное» («агон») означает состязание, игру. В своих исследованиях ученый подчеркивает, что агон устраняет все тягости, связанные с жизнью, мыслями и поступками, охватывая

такую важную область древних обществ, как игровое состязание и поединок [13, с. 80]. Изначально, агональное начало античного общества представляло собой честное соперничество, творческую состязательность в различных сферах жизни – спортивной, общественно-политической, художественной, философской, основанное на свободе мнений, критике и полемике, наличии авторитетных судей и справедливых правил. В процессе изменения античного сообщества и эволюции способов коммуникации на первый план жизни греческого социума вышла конкуренция, «борьба без правил» ради победы или победа в споре и борьбе любой ценой [6]. Спор, по мнению С.Я. Левита, это своеобразный агон, который переводит творческую состязательность в такую сферу, где традиционные представления о правде, справедливости, логических правилах, нравственных принципах сменяются критериями убедительности неистинного, несправедливого, морально безнравственного [6]. Основываясь на этом утверждении, можно заключить, что агональность представляет собой такой вид коммуникации, в котором неизменно присутствуют противоборствующие стороны, добивающиеся при помощи различных стратегий и тактик превосходства или же лидерства в той или иной сфере. Здесь подчеркнем, что агональность в коммуникации представляет собой как внутреннюю способность человека, так и внешнее воздействие среды и социальных условий для выражения состязательного характера отношений.

В настоящее время можно говорить о том, что агональность исследуется различными науками. Результаты анализа теоретических исследований и практических концепций свидетельствуют о том, что агональность рассматривается и исследуется отечественными и зарубежными учеными в рамках двух основных подходов: с одной стороны, это – конфликт, агрессия, а с другой стороны, – состязательность, конкурентная борьба. Таким образом, полагаем, что агональность в деловом дискурсе можно рассматривать как положительный вектор, нацеленный на соперничество сторон, так и отрицательный, который приводит к конфликту.

Безусловно, что основной задачей современного делового сообщества, реализуемой посредством делового дискурса, является борьба за лидирующие позиции на экономическом рынке и увеличение прибыли, в результате чего соперничество является самой сутью деловых взаимоотношений [10, с. 367]. Если понимать бизнес как борьбу за завоевание и удержание власти на рынке, то здесь, безусловно, нельзя не говорить об определенном типе агонального мышления и сфере бытования конкретных соревновательных речевых моделей, пронизанных положительной агональностью [14, с. 24].

The BMW Group – one of Germany’s largest industrial companies – is one of the most successful car and motorcycle manufacturers in the world (BMW холдинг – одна из крупнейших промышленных компаний Германии – является одним из самых успешных производителей автомобилей и мотоциклов в мире) (BMW Group. Annual Report 2011).

Так, в данном примере компания, описывая свое нынешнее положение, заявляет о себе как о лидирующей промышленной компании в данной сфере. Автор отчета использует прилагательные в превосходной степени, сравнения (*the largest company; the most successful*), завоевывая внимание потребителя и демонстрируя тем самым те конкурентные преимущества, а именно, размеры компании, характеристики машин, которые ее отличают. Используя данный прием, автор ставит перед собой вполне конкретные цели: привлечение потребителя и увеличение прибыли, акцентирование конкурентоспособности организации.

Не вызывает сомнения, что важнейшие ценности делового дискурса аккумулированы в таких понятиях, как «предприятие», «продукт», «рынок сбыта», «финансы», «бизнес» и др. и именно этим фактом объясняется их частотный выбор для достижения своих целей адресантом. Неотъемлемой частью коммуникации в бизнесе является характеристика продукции или услуг с самых лучших сторон, что, по мнению специалистов, повышает конкурентный потенциал компании: *The vehicles it manufactures set the highest standards in terms of aesthetics, dynamics, technology and quality, borne out by the company's leading position in engineering and innovation.* (Транспортные средства, которые мы производим, устанавливают самые высокие стандарты с точки зрения эстетики, динамики, технологии и качества, подтвержденного ведущим положением компании в разработке и новшестве) (BMW Group. Annual Report 2011).

Как видим в вышеприведенном примере, автор отчета стремится подчеркнуть свои конкурентные преимущества с точки зрения качества продукции, для чего описывает достижения и заслуги компании (*set the highest standards in terms of aesthetics, dynamics, technology and quality*), а также демонстрирует постоянное развитие компании и расширение ассортимента (*leading position in engineering and innovation*), что и является подтверждением того факта, что данная компания «лучшая» в своей отрасли.

Соперничество в своем прямом значении происходит обычно в случае непосредственного соревнования компаний. Именно соотнесение своей деятельности с деятельностью конкурентов, анализ результатов достижений конкурентов, сопоставление достигнутых ими результатов со своими достаточно часто является сутью коммуникативного речевого взаимодействия представителей бизнеса: *The BMW Group owns three of the strongest premium brands in the automobile industry.* (BMW холдинг владеет тремя из самых сильных премиум-брендов в автомобильной промышленности). *The BMW Group finished the financial year 2011 with sales volume, results and profitability at record levels and consolidated its position as market leader in the premium car segment.* (BMW холдинг закончил 2011 финансовый год с объемом продаж, результатами и доходностью на рекордных уровнях и укрепил ее позицию лидера рынка в премиальном автомобильном сегменте) (BMW Group. Annual Report 2011).

Автор приведенного отчета настаивает, что при сравнительном анализе деятельности различных компаний в данной сфере были выявлены явные достижения и успехи отчетной компании, подтверждающие качество и уровень бренда (*owns three of the strongest premium brands in the automobile industry*). Более того, проанализировав уровень продаж и прибыли от продаж (*results and profitability at record levels*), автор отчета заявляет о том, что данная компания занимает весьма весомую позицию на мировом рынке (*position as market leader*). Целью автора данного отчета является утверждение своего бесспорного лидерства по отношению к другим компаниям, работающим в этой же сфере, сравнение помогает ему убедительно аргументировать данный факт.

Каждая организация стремится повысить уровень конкурентоспособности не только по отношению к другим организациям, но и в демонстрации собственных достижений в определенной временной перспективе, что проявляется в сопоставительном анализе результатов предыдущих лет, а также непосредственном подведении итогов: *The Group's net profit attributable to members of the Company was \$591.8 million, compared with \$497.3 million in 2010, representing a 19.0% increase from last financial year* (Чистая прибыль Группы, относящаяся к членам Компании, составляла \$591.8 миллиона, по сравнению с \$497.3 миллионами в 2010, представляя увеличение на 19.0% с прошлого финансового года) (Coca-Cola Amatil Limited Annual Report 2011).

*This will give us **greate freedom** from market and currency fluctuations, **promoting our long-term success and enhancing our competitiveness.*** (Это даст нам большую свободу от рынка и колебаний курса валют, способствуя нашему долгосрочному успеху и увеличивая нашу конкурентоспособность) (BMW Group. Annual Report 2011).

Целью адресанта является демонстрация прочного положения компании на мировом рынке (*give us greater freedom from market and currency fluctuations*), а также заявление о своей конкурентоспособности и инновационном потенциале (*promoting our long-term success and enhancing our competitiveness*). Сопоставление результатов достижений компании за последние несколько лет показывают тенденцию к постоянному развитию, увеличению числа потребителей, и соответственно, увеличению показателей доходов (*profit attributable to members of the Company was \$591.8 million, compared with \$497.3 million in 2010*), а процентные показатели данного процесса (*representing a 19.0% increase*) подтверждают потребителям стабильность данного предприятия.

Безусловно, бизнес – это не только соперничество в чистом виде, но и умение договариваться с различными людьми, при этом переговорный процесс имеет существенные отличия. Прежде всего, он представляет собой непосредственное общение, которое предполагает конкретного собеседника (или собеседников), позволяющее непосредственно воздействовать на него (или на них) [4]. Переговорный процесс является наиважней-

шей составляющей деловой коммуникации, это один из ключевых аспектов конкурентоспособности компаний. С другой стороны, это часть сложной системы взаимоотношений с другими организациями и важнейший инструмент урегулирования разногласий, причем не только между компаниями, но и внутри них [3].

Однако в ходе переговоров, безусловно, возникают конфликтные ситуации, обусловленные тем, что стороны всячески отстаивают свои позиции, пытаясь заставить оппонента пойти на уступки [12]. Иными словами, деловой дискурс представляет собой поле для реализации конфликта, который, пронизан отрицательной агональностью. Приведем пример: *Hello Alexandra. I'm Edgar, we talked a few days ago by phone, and you told me to contact you in case Anastasia wasn't available. See, I'm VERY concerned about my invitation card. Nobody's answering my e-mails and I don't have any news about the process. I should've had it a week or two ago and I'm starting to be a little bit impatient. I just want to be informed about the process; I think I deserve it because I already paid for the course. I'm about to have a heart attack because of all this paperwork.* (Привет, Александра. Меня зовут Эдгар, мы разговаривали по телефону несколько дней назад, и вы дали свой контакт на случай, если Анастасия будет недоступна. Как вы знаете, я ОЧЕНЬ озабочен вопросом получения приглашения. Никто не отвечает на мои сообщения, и я не имею ни малейшего представления о том, как идут дела. Я должен был получить приглашение еще неделю или даже две назад, и поэтому я начинаю немного нервничать. Я хочу получать информацию о процессе оформления приглашения; мне кажется, что я заслуживаю этого, так как я уже оплатил стоимость программы. Я на грани нервного срыва из-за всей этой бумажной волокиты.)

В данном примере явно проявляется нетерпение со стороны собеседника из-за долгого ожидания необходимых ему документов (*I'm starting to be a little bit impatient*), выражения им недовольства процессом ведения переговоров (*I'm VERY concerned about my invitation card...*), кроме этого автор текста акцентирует внимание на факте оплаты программы, подчеркивая, что адресант должен оказать услуги в соответствии с существующими договоренностями, в противном случае может возникнуть конфликт из-за несоблюдения условий договора и некомпетентного проведения переговоров.

Как уже отмечалось, основными характеристиками делового дискурса являются информативность, адресность, диалогичность, структурная оформленность и стандартизованность; соответственно, навязывание и несоблюдение данных норм может привести к агрессивной агональности в процессе профессионального речемыслительного взаимодействия.

Суммируя все вышесказанное, можно отметить, что любой институциональный дискурс, являясь источником формирования мировоззрения, норм поведения и процесса коммуникации в рамках своего социального института, навязывает и диктует определенную агональность как механизм своего функционирования и развития. Деловой дискурс не является ис-

ключением из правил. Представляя собой актуальную модель современной профессиональной коммуникации, деловой дискурс характеризуется использованием как положительной, так и отрицательной агональности во всех сферах делового общения.

Список литературы

1. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1990. – 88 с.
2. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика (сборник статей) // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – СПб., 1999. – С. 125–166.
3. Ведение переговоров и разрешение конфликтов: пер. с английского. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 226 с.
4. Дридзе Т.М. Интерпретационные характеристики и интерпретация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов). Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / Дридзе Т.М., Леонтьев А.А. – М.: Наука, 1976. – 263 с.
5. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
6. Левит С.Я. Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. – СПб.: Университетская книга, 1998.
7. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10–11-х кл. общеобразоват. учреждений. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
8. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург: Институт философии и права УРО, РАН-Институт МО, 2008. – 282 с.
9. Социоанализ Пьера Бурдые // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М., 2001. – 228 с.
10. Тодоров Ц. Понятие литературы / пер. Г.К. Косикова // Семиотика / ред. Ю.С. Степанов. – М., 1983. – С. 376–391.
11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994; Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., 1996; Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. – СПб., 2005 и др.
12. Унт И. Искусство ведения переговоров. – М.: Баланс-клуб, 2004. – 152 с.
13. Хейзинга Й. Homo Ludens // Статьи по истории культуры. – М., 1997. – 384 с.
14. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2006. – 384 с.
15. Ширяева Т.А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2008. – 540 с.

Словообразовательные модели академического дискурса в жанре научной фантастики

В статье рассматривается проблема продуктивного словообразования на пересечении языка науки и художественной литературы, в частности, создание в научно-фантастических произведениях окказионализмов по словообразовательным моделям, характерным для языка академической прозы. В ходе изучения словообразовательных процессов были исследованы неологизмы и окказионализмы из художественных произведений Ф. К. Дика и О. Хаксли, определена их коммуникативная функция и связь с естественными науками, изучены механизмы взаимодействия продуктивного словообразования и научного типа дискурса.

The article deals with the problem of dynamic word-formation in academic and literary discourse, in particular, unique neologisms and occasionalisms that were intentionally created by science fiction authors to resemble scientific and technical terms. Lexemes and word-combinations from the works of P. K. Dick and A. Huxley were analysed, as well as their communicative function and their connection with scientific disciplines and the relationship between dynamic word-formation and academic discourse.

Ключевые слова: научный английский язык, словообразование, научная фантастика, сложные слова, суффиксация, окказионализмы, словообразовательные модели, псевдо-термины.

Key words: academic English, word-formation, science fiction, compound nouns, suffixation, occasionalisms, word-formation patterns, pseudo-terms.

Расширение научных знаний, с одной стороны, и нарастающая популярность научно-фантастического жанра, с другой, делают исследования области пересечения языка науки и художественной литературы особенно актуальными. Как в сфере беллетристики, так и в сфере академической прозы активно используется *продуктивное словообразование*, однако с его помощью в разных жанрах происходит реализация разных функций: в научном (академическом) дискурсе активное образование неологизмов в первую очередь служит для описания новых понятий, в то время как в художественной прозе оно способствует созданию правдоподобного вымысла.

Изучение динамического аспекта словообразования обусловлено историческим развитием морфологических процессов. Продуктивность отдельных аффиксов и словообразовательных моделей, возможность и вероятность их использования, а также взаимоотношение словообразовательных процессов связаны с типами дискурса, в рамках которых они функционируют. При этом «в центре рассмотрения находятся функции "нового" производного слова: понятийно-формирующая в регистре научного сообщения и стилистическая – в языке художественной литературы» [3, с. 271].

Аналитическая структура английского языка позволяет широко использовать подобные образования, а также потенциальную возможность создавать новые слова на основе продуктивных моделей.

Наблюдая за тем, как одни и те же модели реализуются с различной целью, исследователь может не только сделать выводы о самих неологизмах и их структуре, но и выявить значение словообразования для того или другого функционального стиля речи, в частности, установить, как именно литературный жанр научной фантастики повлиял на развитие научной терминологии, и определить структурные сходства и различия между «собственно терминами» научного дискурса и «псевдотерминологией» языка научной фантастики.

Научная фантастика как жанр связана с описанием ситуаций, невозможных в известной реальности, но гипотетически вероятных, являющихся следствием тех или иных открытий в науке и технике. Важно помнить, что целью авторов-фантастов часто является построение «иллюзии достоверности» [4]. Существует несколько основных способов создания и поддержания иллюзии достоверности в научно-фантастическом произведении. Необходимый автору эффект может быть достигнут и при помощи особого использования языковых средств. Одним из таких собственно лингвистических приемов является использование определенных словообразовательных моделей, типичных для языка научной (академической) прозы и создание «псевдотерминов» по их образцу. «Псевдотерминология» в научно-фантастической литературе зачастую используется в одном ряду с реальными научными терминами, однако «собственно терминология» при этом подвергается «образно-эстетической трансформации» [2, с. 288].

Иллюзия правдоподобия крайне важна для научной фантастики. Введение элементов «фантастического» или «необычного» в этом жанре осуществляется особым образом: «...рациональная фантастика стремится максимально «спрятать» вымысел, психологически оправдать фантастические события как «потенциально возможные», убедить читателя, что участвующие в них персонажи — обыкновенные люди, «как и мы все»» [4, с. 198]. Условность в научно-фантастическом произведении связана с посылкой *рационального характера*, «где необыкновенное создается с помощью неизвестных пока законов природы или же силами науки и техники» [4, с. 61]. Именно эта особенность повествовательной установки отличает научную, рациональную фантастику от жанра волшебной фантастики, или 'fantasy', где условность строится на основе посылки мистического, сверхъестественного и таинственного характера. Отсюда следует и необходимость связывать вымышленный художественный мир научной фантастики с миром объективной реальности.

Таким образом, художественная реальность жанра научной фантастики, как и ее отображение в языке, оказывается тесно связанной с точными науками. Прогресс науки и техники становится определяющим условием развития сюжета фантастического произведения. Писатель, желающий со-

здать достоверную художественную реальность в рамках этого жанра, не должен вступать в противоречие с достижениями современной научной мысли, например, игнорируя известные законы физики: научная фантастика «и по сей день сохраняет промежуточную или, точнее сказать, двойственную природу, ибо наряду с научным мышлением включает отдельное от него художественное... Условность в научной фантастике не должна быть ниже уровня научного мышления» [1, с. 447].

В академической прозе создается необходимая языковая среда для образования неологизмов: «Ни в одном стиле литературного языка нет столь благоприятных условий для возникновения неологизмов, как в научной прозе. Новые понятия, которые появляются в результате исследований, настоятельно требуют новых слов для их обозначения <...>. Стиль научной прозы всегда останется неисчерпаемым источником возникновения новых слов, словосочетаний и новых оттенков значений уже существующих слов» [2, с. 352]. При этом научная фантастика является вторичной сферой функционирования терминов: в этом жанре, как и в научно-популярном стиле, «термины используются наряду с нетерминологической лексикой только для вкрапления, "инкрустации"» [5, с. 82].

Хотя научно-техническая терминология является в какой-то степени «прототипом» для созданных в жанре научной фантастики неологизмов и окказионализмов, их отличает иная коммуникативная задача. «Псевдотермины» создаются и функционируют в рамках жанра, связанного, в первую очередь, с функцией воздействия, а не с функцией сообщения. Их задача – имитация определенного сообщения, создание эффекта правдоподобия, в то время как собственно научную лексику характеризует другая основная установка – адекватно донести до читателя описываемое явление в многообразии его признаков. Следуя тем же словообразовательным моделям, что и неологизмы, возникающие в рамках научного дискурса, «псевдотермины», тем не менее, реализуют собственную коммуникативную интенцию. Логико-концептуальное моделирование дискурса в жанре научной фантастики преследует цель оказания эмоционального воздействия на читателя путем создания производных окказионализмов, обозначающих реалии фантастического мира.

Отношения между реальными терминами и фантастическими неологизмами нельзя назвать односторонними. Нередки случаи, когда псевдотермины из фантастических произведений (например, *robotics* (роботехника), *positronic* (позитронный), *psychohistory* (психоистория), впервые использованные Айзеком Азимовым в фантастических произведениях), становились неотъемлемой частью языка науки. Это можно объяснить двусторонней коммуникацией между художественной литературой и научной мыслью. Новая научная идея может быть вдохновлена фантастической литературой. Слово, известное по фантастическим произведениям, способно перейти в научный дискурс и терминологизироваться. Так, *роботехника* как прикладная наука начала развиваться во второй половине XX века, хо-

тя основные концепции и идеи, заложенные позднее в ее основу, появились в художественной литературе гораздо раньше. Само слово «**robot**» (от чеш. *‘robota’* – ‘подневольный труд’ или *‘rob’* – ‘раб’), попавшее в английский язык благодаря пьесе чешского писателя Карела Чапека «Р. У. Р» («Россумские Универсальные Роботы»), прочно вошло как в универсальный лексикон научной фантастики, так и в словарь технических терминов. Переход лексемы *robot* из научно-фантастической парадигмы в область научных исследований привел к терминологизации авторского неологизма и переосмыслению его функций. Позднее эта лексема стала основой для образования таких важных терминов, как *robotic* (суффиксация), *bot*, *robotaut* (неоклассический гибрид, образованный с усечением первой основы), *aerobot*, *roboethics* (неоклассические сложные слова). Примечательно, что эти лексические единицы получили распространение в рамках собственно научных исследований.

В регистре научного изложения выделяются словообразовательные модели, которые можно назвать характерными для академической прозы. К примеру, одной из них является модель, определяемая как “neo-classical compounds” – сложные слова, образованные посредством соединения двух или нескольких основ древнегреческого или латинского происхождения. К их подвиду относят «неоклассические гибриды» – сложные слова, которые сочетают в себе основы древнегреческого или латинского происхождения и основы неклассического происхождения (как правило, древнеанглийского).

Следует отметить важную роль, которую играют в формировании научной лексики такие словообразовательные процессы, как обратное словообразование (регрессивная деривация), конверсия (изменение частеречной принадлежности слова), контаминация (слияние двух основ при образовании сложного слова), апокопа и образование аббревиатур.

Одной из словообразовательных моделей, наиболее часто встречающихся в научном дискурсе, являются сложные слова номинативного типа (*‘Noun + Noun compounds’*). Научные термины, образованные с помощью этой модели, составляют большую часть современных англоязычных терминологических словарей. В различных научных областях роль терминов играют такие сложные слова, как *brain death* (медицина), *language laboratory* (лингвистика), *aversion therapy* (психология) [7, p. 204].

Многие сложные слова, встречающиеся в научных текстах, были образованы путем сложения собственных и нарицательных имен, например, *Duchenne dystrophy* (медицинский термин), *Eaton agent* (биологический термин), *Lie algebra*, *Markov chain* (термины из области математики). Часто значение таких терминов восходит к именам ученых, открывших или описавших данное явление. Неудивительно, что эта модель также широко применяется в научно-фантастической литературе; в мире научной фантастики термины могут восходить к именам как реально существующих ученых, так и персонажей, созданных авторской фантазией. Например, “*Penfield mood organ*” – “модулятор настроения Пенфилда”, становится пер-

вым «псевдотермином», встречающимся в тексте романа Филипа Киндреда Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (1966). Это сложное слово, обозначающее устройство для управления настроением, образовано с помощью соединения фамилии вымышленного ученого и сложного по своей структуре авторского окказионализма mood organ: “A merry little surge of electricity piped by automatic alarm from the mood organ beside his bed awakened Rick Deckard” [8, p. 1] (Модулятор настроения, стоявший возле кровати, легко зажужжал и включил автосигнализатор, который разбудил Рика Декарда слабым, приятным электроимпульсом). Автор использует классический прием создания «иллюзии достоверности», описывая вымышленный прибор как повседневный объект. «Модулятор настроения», управляющий чувствами и мыслями героев, появляется уже в первом предложении романа, а его функции разъясняются автором лишь в контексте описываемой сцены спора главного героя и его жены, сознательно вызывавшей у себя состояние депрессии с помощью этого устройства. По своему внутреннему строению термин Penfield mood organ является эндоцентрическим сложным словом, где mood organ играет роль составной «стержневой основы», а Penfield – «основы-модификатора».

Еще один пример использования этой словообразовательной модели – термины *Voight Empathy Test* и *Voight-Kampff Empathy Test*: “But then the Voigt Empathy Test had been devised by the Pavlov Institute working in the Soviet Union” [8, p. 23]. “Тест Войта на эмпатию”, а также его усовершенствованный вариант, “тест Войт-Кампфа”, фигурируют в романе Дика как психологические тесты для определения, является ли тестируемый человеком или «андроидом» (“But new scales of achievement, for example the Voight-Kampff Empathy Test, has emerged as criteria by which to judge” [8, p. 23]). Эмпатия и сопереживание становятся центральными мотивами повествования. Символично, что научно-исследовательский институт, разработавший первый вариант теста в романе, является реальным российским образовательным учреждением, названным в честь академика И.П. Павлова.

В целях представления как можно более полной художественной реальности авторы-фантасты могут описывать развитие не только научного процесса, но и научной методологии. Кампфф, внесценический персонаж романа, представляемый как ученый, усовершенствовавший метод Войта, оказывается автором ряда научных публикаций: “The consensus of police opinion is known to you in Lurie Kampff’s article, written eight years ago. Role-taking blockage in the Undeteriorated Schizophrenic” [8, p. 36].

В создании эпонимов активно используется модель суффиксации, образующая производные слова путём деривации. Эту модель мы можем наблюдать в различных терминах академического дискурса: pasteurize (пастеризовать) – образовано в 1881 году от имени Луи Пастера (Louis Pasteur) присоединением суффикса -ize, Darwinism – образовано в 1864 году от имени Чарльза Дарвина при помощи суффикса -ism – и прочие эпонимы, образованные с помощью суффиксации. Эта модель широко рас-

пространена и в научно-фантастической литературе, в частности, мы можем наблюдать образованные при помощи суффиксации псевдотермины в романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» (1932). В этом произведении сначала вводится номинативная модель “*Bokanovsky’s Process*”. Имя ученого и изобретенный им «метод Бокановского» являются важной частью художественной реальности романа, связанной с идеей биотехнологической революции. Примечательно, что в целях гротеска Хаксли усложняет структуру сложного эпонима и создает две лексемы с помощью суффиксации: причастие *bokanovskified* («подвергнутый бокановскизации») и существительное *bokanovskification*. Суффикс *-fy* и его вариант *-ify* являются относительно продуктивными; такие глаголы, как *detoxify*, *gentrify* и *webify*, возникли сравнительно недавно. Суффиксальный элемент латинского происхождения *-fication* также распространен среди научных и технических терминов; с помощью него были сформированы такие лексемы, как *ossification* (1690), *reification* (1846) и *desertification* (1973). Хаксли сознательно использует данные словообразовательные модели, описывая вымышленные биохимические процессы: несмотря на то, что читателю незнакомо имя Бокановского, он может провести аналогию с известными ему эпонимами.

При образовании новых авторских псевдоэпонимов могут использоваться реальные фамилии или даже готовые термины. К примеру, в романе Хаксли мы встречаемся с такой лексемой, как *neo-Pavlovian*: «“*In the end,*” *said Mustapha Mond, “the Controllers realized that force was no good. The slower but infinitely surer methods of ectogenesis, neo-Pavlovian conditioning and hypnopædia”*» [9, p. 36]. Прилагательное *pavlovian* было образовано еще в 1931 году от фамилии И.П. Павлова при помощи суффиксации. На русский язык термин часто переводится не только как «павловский», но и как «Павлова» или «по Павлову», и чаще всего подразумевает «имеющий отношение к эмпирической и теоретической работе российского физиолога Ивана Петровича Павлова». Модифицируя известный в науке термин, Хаксли связывает между собой мир антиутопии с рационально-фантастической посылкой и мир современной науки с её достижениями. Таким образом, в художественной условности романа биотехнологическая революция основывалась на реальных научных предпосылках. Хаксли не вступает в противоречие с современными ему представлениями о психологии и физиологии, что обеспечивает эффект правдоподобия при фантастичности описываемых событий. Моделирование мира произведения происходит на основе определенных факторов реальности, отобранных писателем (как правило, происходит отбор важнейших научных и социокультурных тенденций).

Морфема *neo-*, о статусе которой можно спорить (подобные элементы воспринимаются и как корни, и как префиксы, что затрудняет морфологический анализ), является элементом греческого происхождения (от греческого *neo-*, формы *neos* – новый, молодой) и широко используется в ан-

глийском словообразовании с 1880-х годов. К примеру, в XX веке появились такие термины, как *neonate* (1905), *neocolonialism* (1955), *neo-conservative* (1960).

Как видим, продуктивное словообразование отмечено функцией воздействия в различных функциональных стилях. Однако коммуникативная интенция, реализуемая в различных функционально-стилистических типах текстов, при этом не остается неизменной. Если в художественных произведениях метафорическое обыгрывание слов нередко служит целям эстетического воздействия или создания эффекта неожиданности и оригинальности, то в научной речи производные неологизмы являются внутренне органичными элементами, выполняющими функцию сообщения. Жанр научной фантастики объединяет эти коммуникативные интенции и приносит новое качество, а именно – идентичное реальности научное описание с усиленным элементом интеллектуального воздействия. Такого рода полифункциональность словообразовательных моделей создает предпосылки для расширения их продуктивного потенциала в научно-фантастическом жанре и, как следствие, использования их в прагматической и текстообразующей функциях.

Список литературы

1. Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. – Л.: Наука, 1970. – 447 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка: Опыт систематизации выразительных средств. – 2-е изд., испр. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 376 с.
3. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения: Вопросы методологии. – 2-е изд., испр. – М.: ЛКИ, 2008. – 280 с.
4. Ковтун Е.Н. Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века: дис. ... д-ра филол. наук. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2000. – 308 с.
5. Лейчик В. М. Особенности функционирования терминов в тексте // Филологические науки. – 1990. – №3. – С. 80–87.
6. Мухортов Д.С. Вариативность значения слова в функционально дифференцированной речи: дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2003. – 303 с.
7. Bauer L. English Word Formation. – Cambridge University Press, 1983. – 203 p.
8. Dick P.K. Do Androids Dream of Electric Sheep? – Gollancz, 2010. – 120 p.
9. Huxley A. Brave New World. – Vintage, 2004. – 272 p.

Психолингвистический подход к исследованию эмоциональности речи

В статье рассматривается проблема исследования эмоциональности речи. Это явление может быть исследовано на междисциплинарном уровне. В статье дается подробное описание эксперимента с психолингвистическим подходом и аудитивным анализом звучащей речи на русском и немецком языках. Описывается соотношение лексических, ритмико-интонационных и паралингвистических единиц.

The paper considers the problem of speech emotion analysis. This phenomenon can be studied on interdisciplinary level. The article presents a detailed description of a psycholinguistic study based on auditive analysis of Russian and German oral speech. The proportions of lexical, rhythmic-intonation and paralinguistic features while expressing speech emotion are reviewed.

Ключевые слова: эмоциональность речи, экспрессивные средства звучащей речи, универсальные и национально-специфические средства выражения эмоциональных состояний, аудитивный анализ, соотношение лексических и паралингвистических средств речи.

Key words: speech emotion, expressing emotion and attitude in speech, universal and language-specific means of expressing emotion and attitude in speech, auditive analysis, the balance between lexical and paralinguistic features of oral speech.

Введение

Одной из малоисследованных областей психолингвистики является проблема проявления эмоциональности в речи. Роль эмоций в порождении речи общепризнана, но недостаточно ясно определена. Открытым остается вопрос, являются ли эмоции сопутствующим элементом речи или одним из ее компонентов. А.Н. Леонтьев считает, что довольно часто встречающаяся в литературе формулировка «влияние эмоций на речь» неверна. Она подразумевает «привнесение некоторых воздействий эмоциональных явлений как бы извне, тогда как они представляют неотъемлемый элемент структурирования психического образа отражения, осуществляемого до рациональной оценки субъектом своей деятельности» [6, с. 201]. Живая человеческая речь не сводится лишь к совокупности значений. Она обычно выражает и эмоциональное отношение человека к тому, о чем он говорит, и часто к тому, к кому он обращается. «Можно даже сказать, что чем выразительнее речь, тем более она речь, а не только язык, потому что чем выразительнее речь, тем больше в ней выступает говорящий, его лицо, он сам [8, с. 450].

С точки зрения субъективного переживания все эмоции можно разделить на положительные и отрицательные. Практика показывает, что проявление отрицательных эмоций мы встречаем чаще, чем положительных, так как приятное человек считает нормальным и естественным для себя, а отрицательные воздействия стремится преодолеть и показать, насколько они неприятны. Механизм отрицательных эмоций функционирует уже на самых ранних этапах речевого онтогенеза, а положительные эмоции появляются значительно позднее. Отрицательная эмоция – это сигнал тревоги организма о том, что данная ситуация для него губительна. Положительная эмоция – сигнал возвращенного благополучия. Этому сигналу нет нужды звучать долго, поэтому эмоциональная адаптация к хорошему наступает быстро. Сигнал же тревоги должен подаваться все время, пока опасность не будет устранена. Наблюдения свидетельствуют о том, что проявление отрицательных эмоций обычно ярче, выразительнее, чем положительных, так как только нечто экстраординарное может вызвать, например, сильную радость или ликование. Положительные эмоции непродолжительны, отрицательные переживания более стойкие [3]. Спектр отрицательных эмоций шире, чем положительных. Подтверждение этому мы находим почти в любой классификации. В наименьшей степени исследованы проявления отдельных конкретных эмоций. Соотношение средств выражения базовых эмоций остается невыясненным как с точки зрения их универсального характера, так и с точки зрения национально-специфических признаков.

Проводятся экспериментальные исследования с целью выявления механизмов восприятия и дальнейшего использования полученных данных при анализе звучащей речи. В основе психолингвистического подхода к явлениям речи лежат два тезиса [1, с. 8–9]. Первый относится к факту акустической природы языка. Из него вытекает, что единицы порождения и восприятия речи, отличаясь между собой, имеют общую акустическую природу. Именно признаки звучащей речи маркируют в восприятии всё то, что мы различаем в потоке речи и описываем в лингвистических единицах, начиная с процесса переложения речи на буквенный код, и кончая лингвистическим анализом текста.

Вторым тезисом является признание эмоционального характера функционирования языка. Модели порождения речи в представлении известных психолингвистов (Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов, А.А. Леонтьев) исходят из наличия мотива коммуникации, или стимула порождения высказывания, имеющего эмоциональную основу. В лингвистике исследование эмоционального фактора происходило на базе письменного материала, что обусловило сам характер подхода к анализу выраженных средствами языка эмоциональных состояний. Описание системы языка и его единиц происходило с позиций, в которые не входили и не могли найти место психолингвистические данные. Структурное описание языка длительное время рассматривалось как далёкое от речевых процессов и позиции говорящего. Речь воспринималась как реализация системы языка. В поле зрения иссле-

дования эмоциональности могла закономерно попасть только эмоционально окрашенная лексика.

Несомненно, в языке можно выделить лексемы с ярко оценочным характером. Однако системное описание экспрессивных средств возможно не на основе рассмотрения системы языка, а на речевом материале, анализируемом с психолингвистической точки зрения, то есть с позиции говорящего и слушающего. Наблюдения за речью убеждают в первичности экспрессивной функции средств звучащей речи. Е.Н. Винарская выделяет ритмический характер физических и социальных явлений. Для регулирования деятельности человека большое значение имеет выраженность мотивации [3].

Одной из основных проблем в изучении эмоциональной речи является получение данных об универсальности и специфичности выражения эмоциональных состояний в различных языках. Большинство физиологических исследований свидетельствуют о единой биологической основе эмоций. С этим, очевидно, связано то, что часть из них имеет универсальное выражение, не требующее знания языка. Однако в литературе имеются ссылки на существование эмоций, которые «могут быть правильно поняты носителями одного языка и превратно истолкованы носителями другого» [7, с. 46].

Эмоция гнева как базовая эмоция, представляющая собой наивысшее проявление отрицательных эмоций, легко различима, она имеет некоторую универсальную биологическую основу. В эксперименте по различению этой эмоции в иноязычной (немецкой) звучащей речи носителями русского языка, изучающими немецкий язык (студенты 3 курса факультета РГФ немецкого отделения в количестве 27 человек), было верно опознано 76 % окрашенных этим эмоциональным состоянием высказываний (20 звучащих текстов на немецком языке). Однако 24% ответов оказались неверными (в цифрах: 75 из 372), а 4% вариантов (14 текстов) остались без ответов, вызвали затруднение в определении эмоции [2, с. 418–424].

Выражение эмоций в звучащем тексте на уровне интонации обнаруживает при универсальной биологической основе специфические национальные черты. Это может приводить к неадекватному восприятию характера выражения эмоций. Значит, говорить о совпадении выражения аналогичных эмоциональных соответствий в похожих ситуациях нельзя. Исследования такого рода явились основой практической части нашей работы; для решения этой задачи мы использовали методы контрастивного анализа языков и аудиторского прослушивания.

Более глубокому анализу подверглась базовая эмоция «радость» как противоположная по знаку. Эта эмоция в различных формах и степенях проявления сопутствует как учебному процессу по иностранному языку в его креативном варианте, она также соотносится с этикетом межкультурного общения. Вопрос об универсальных и национально специфических формах проявления эмоционального состояния «радость» в звучащей речи

как проявления положительных эмоций участников коммуникации стоял в центре следующего экспериментального исследования, этапы которого будут изложены далее [4].

Описание экспериментального материала

В качестве звучащего материала для нашего исследования были использованы эпизоды из художественных фильмов в видеозаписи: восьми русских (“Хочу в тюрьму”, “Самый лучший фильм”, “Ирония судьбы”, “Продолжение”, “Приключения Степаныча”, “Мы из будущего”, “Александр Невская битва”, “День выборов”, “Индиго”) и пяти немецких (“Verwirrung der Liebe”, “Das Wunder von Bern”, “Heimatmuseum”, “Mädchen”, “Mann, der nach der Oma kam”). Всего экспериментальный материал включал 62 русских и 60 немецких звучащих диалогов. Время звучания русских эпизодов составляет около 2 часов 30 минут, немецких около 3 часов видеозаписи.

Эпизоды содержали диалогическую речь, все диалоги были записаны в орфографии. Каждому эпизоду (диалогу) в русском и немецком экспериментальном материале было дано краткое описание ситуации. Исследование было проведено с людьми разных возрастных групп (от 23 до 55 лет).

Необходимо отметить, что получение спонтанного звучащего материала с эмоциональной окраской представляет собой сложность, так как в лабораторных условиях получить выражение спонтанной речи с эмоциональным состоянием, отвечающим требованиям естественности, не представляется возможным. В этом случае особенно ярко проявляется известный в экспериментальной лингвистике «эффект Лабова». Для целей экспериментов, подобных нашему, может служить звучащая речь ток-шоу, однако в них довольно редко встречается эмоция “радость” с различной степенью проявления, свойственная жизненной ситуации, поэтому мы обращаемся к звучащей речи в фильмах, которые моделируют эти ситуации. При описании экспериментальной работы часто дискутируется вопрос о естественности речи в фильмах. Нам представляется, что эта естественность зависит от различных факторов, в том числе, от художественного уровня фильма. Известен целый ряд фрагментов из фильмов, звучащая речь которых вошла в речевой обиход носителей языка. В связи с этим можно утверждать, что выражение эмоциональности в фильмах служит символами национально-специфических признаков выражения той или иной эмоции в данной языковой среде. Эта позиция явилась также нашей установкой для отбора фильмов.

Этапы эксперимента

При классификации диалогов по группам возникли трудности, которые связаны с культурной спецификой языков. Носители русского и немецкого языков по-разному, через призму родного языка, воспринимают эмоции в неродном языке.

Проводя пилотный эксперимент на материале русских и немецких звучащих диалогов для выявления средств выражения положительной эмоции “радость”, мы классифицировали диалоги на четыре группы:

1) диалоги, в которых выражена эмоция “радость” лексически, она менее выражена на уровне звучащей речи;

2) вторая группа диалогов, в которых эмоция “радость” выражена паралингвистическими средствами;

3) третья группа, где эмоция “радость” не выражена паралингвистическими средствами, а окрашивает весь текст (диалог);

4) фразы, в которых на фоне вербальных и паралингвистических средств эмоция “радость” выражена одним словом.

Мы попытались классифицировать русские и немецкие звучащие диалоги на вышеперечисленные группы, но оказалось, что классификация, полученная в результате пилотного эксперимента, не достаточна для наших диалогов, так как в пилотном эксперименте объём русского и немецкого экспериментального материала был небольшой. Данная классификация на довольно большом экспериментальном материале (рус. – 62 диалога / нем. – 60) не позволила нам достаточно чётко распределить звучащие диалоги в обоих языках.

Ситуации в русском и немецком экспериментальном материале обнаруживают сходство, но выражение эмоции “радость” происходит в значительной мере по-разному. В немецком экспериментальном материале эмоция “радость” была выражена более естественно, приближена к проявлениям эмоции, которое можно наблюдать в повседневной жизни. В русском экспериментальном материале эмоция “радость” иногда была выражена менее естественно (“наигранно”), в некоторых случаях она была окрашена иронией. В связи с этим, мы попытались классифицировать звучащие диалоги иначе, чем в пилотном эксперименте, то есть для каждого из языков были получены две разные и более подробные классификации [4].

При классификации важным явился учёт паралингвистических средств для каждого диалога.

О соотношении лингвистических и паралингвистических средств

Данные проведённого эксперимента позволяют проследить соотношение лингвистических и паралингвистических средств при выражении эмоции “радость”. В основу анализа были положены изменения ритмико-мелодических параметров звучащей речи. Эти средства в соединении с тембровыми характеристиками являются ведущими при выражении эмоциональных состояний, они соединяются с паралингвистическими средствами: мимикой, жестами. По нашим данным, в выражении эмоциональных состояний особенно важным является соотношение речевых средств этих двух типов с лексическими средствами языка. Комплекс всех этих средств имеет национальную специфику.

В русском экспериментальном материале положительная эмоция “радость” в большей степени выражена эмоционально окрашенной лексикой

(отдельными фразами) и паралингвистическими средствами, и в меньшей степени – только паралингвистическими средствами.

Ввиду сложности выделения эмоционально окрашенной лексики мы в настоящей работе относили к эмоционально окрашенной лексике “оценочные” лексемы и лексемы, выражающие состояние радости.

В 8 звучащих диалогах на русском языке было выявлено 12 оценочных лексем: Ещё лучше; отличная машинка; Супер какой!; всё идёт отлично; хорошо нам здесь, хорошо; красиво; замечательная водичка, отличная; шутим, это хорошо; да нет, это хорошо.

В 1 звучащем диалоге была обнаружена 1 лексема, выражающая состояние радости: я всегда буду рада тебе помочь.

В немецком экспериментальном материале положительная эмоция “радость” в большей степени выражена паралингвистическими средствами, и в меньшей степени – эмоционально окрашенной лексикой (отдельными фразами).

В 12 звучащих диалогах было выявлено 16 оценочных лексем: Ist das prima!; herrlich; bezaubernd; ... den finde ich prima!; Es ist sehr schön; Stock ist natürlich toll!; schön; wunderschön; Alles bestens; Schatz; na gut; wunderbar. В 8 звучащих диалогах было обнаружено 10 лексем, выражающих состояние радости: Freust du dich denn so?; Freut mich; der freut sich bestimmt; Freue mich; das freut mich aber; das freut mich wahnsinnig; ...dass du dich freust; vor Freude, weil die da sind.

Наряду с вышеназванными группами были выделены нейтральные лексемы (окрашенные экспрессивными средствами звучащей речи), которые не выражаются ни оценочной лексикой, ни лексемами, выражающими состояние радости (например, в русском: Вернулся; Мамочка; Нашёлся; в немецком: Ehrt mich; Seht mal; Eddi!; Ich hab´ dich auch gern; Meine Herren; Papa; Die Omi).

Отчётливо обозначается тенденция в немецком экспериментальном материале к частому употреблению лексем с глаголом «sich freuen» («радоваться») или существительным «Freude» («радость»). Это явление наблюдается и в реальной речи значительно чаще, чем в повседневном общении на русском языке.

Кроме исследованных нами экспериментальным путём параметров, в выражении эмоции “радость” существенную роль, по нашим наблюдениям, играет тембр. Тембровый характер говорящего определяет в русском языке его функциональное состояние (усталость, тревогу, тоску и т.д.). Несмотря на важную роль этого параметра звучащей речи, мы не включаем его в экспериментальное исследование, ввиду неразработанности механизма анализа. Е.Н. Винарская, говоря о значении этого признака звучащей речи, указывает на недоступность его экспериментальному исследованию [3, с. 47]. Можно предположить, что дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены, в первую очередь, на выяснение характера восприятия тембральных характеристик в речи наивными носителями языка.

Список литературы

1. Величкова Л.В., Абакумова О.В., Иванова В.Ю., Серикова О.Н. Экспрессивные средства речи: психолингвистические исследования: монография / под ред. проф. Л.В. Величковой. – Воронеж: ВГУ, 2010. – 136 с.
2. Величкова Л.В., Шаповалова О.В. Мелодические признаки звучащей речи с эмоциональным компонентом «гнев» (сопоставительное исследование на материале русского и немецкого языков) // Вестн. ВГУ. Гуманитарные науки. – 2006. – Вып. 2. – С. 418–424.
3. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). – 2-е изд. – Воронеж, ВГУ, 2003. – 173 с.
4. Киришинова О.В. Экспрессивные средства звучащей речи для выражения эмоции “радость”: дис. ... канд. филол. наук; Воронежский государственный ун-т. – Воронеж, 2010. – 196 с.
5. Киришинова О.В. Expressive Mittel der Klangsprache mit der emotionalen Komponente “Freude” // Klangsprache im Fremdsprachenunterricht: Forschung und Praxis. – Воронеж, 2011. – Bd. 6. – S. 90–96.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М.: Изд-во полит. лит., 1975. – 372 с.
7. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. – М.: Наука, 1977. – 281 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. – М.: Педагогика, 1989.

Динамика порождения текстового пространства креолизованного текста буклета музыкального альбома

В статье рассматривается процесс порождения текстового пространства креолизованного текста буклета музыкального альбома; предпринимается попытка создания модели текстового пространства креолизованного текста буклета музыкального альбома, основанной на уровнях прагматического влияния на реципиента.

The article offers a view on the process of the text space production of creolized text of music album's booklet. The authors make an attempt to create the pattern of the text space of music album's booklet creolized text. This pattern is based on the degrees of pragmatic impact on a recipient.

Ключевые слова: текст, креолизованный текст, креолизованный текст буклета музыкального альбома, текстовое пространство, прагматическое влияние, прагматика, семиотика.

Key words: text, creolized text, creolized text of music album's booklet, text space, pragmatic impact, pragmatics, semiotics.

Стремительный рост визуальной компоненты в информационном фонде общества вызвал обоснованный интерес исследователей к паралингвистическим, то есть невербальным, средствам, сопровождающим письменную речь. Участвуя в организации как плана выражения, так и плана содержания текста, данные средства приобретают особую значимость, и полное извлечение информации из текста без их декодирования и интерпретации становится невозможным. Особую группу таких текстов составляют креолизованные тексты (*далее* КТ). С позиций современных исследований КТ может быть детерминирован как «текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [5, с. 180–181]. Анисимова Е.Е. определяет подобные тексты как «особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1, с. 73]. Как нам представляется, выявление специфических особенностей исследуемого явления (в настоящей работе – КТ буклета музыкального альбома, рассматриваемого нами как цельный и связный текст в свете семиотических теорий) невозможно без изучения элементов, сосуществующих с ним в едином пространстве. Предваряя анализ того, что мы можем назвать пространством

КТ буклета музыкального альбома, обратимся к рассмотрению непосредственно самого термина «текстовое пространство».

Истоки формирования данного термина коренятся в теории семиотического пространства, или семиосферы, представляющей собой постоянно пополняющееся динамическое образование, состоящее из разных семиотических структур, в том числе языка и текстов [2, с. 167–168]. Семиосфера, по Ю.М. Лотману [2], может быть представлена как своеобразное хранилище текстов, написанных в разные эпохи на разных языках (как вербальных, так и невербальных), из чего следует, что она являет собой глобальное образование, всеобъемлющий пласт культуры в целом. К элементам механизма текстопорождения, включенного в семиосферу, можно отнести его участников, семиотический опыт, язык как средство порождения текстов, созданные тексты и будущие «предполагаемые» тексты.

Термин «текстовое пространство» опирается на понятие семиосферы/семиотического пространства и, вслед за Н.В. Петровой, может быть определен как «сумма всех созданных вербальных и невербальных текстов, служащих источником для порождения текстов» [3, с. 9]. Таким образом, текстовое пространство/пространство текстов представляет собой «некую емкость», где все ее наполнение (множество текстов) взаимосвязано. Термин «текстовое пространство», опирающийся на понятие семиотического пространства, выступает в роли конкретизирующего понятия, предполагающего наличие вербальных и невербальных текстов в семиотическом пространстве [4, с. 14]. Соглашаясь с отечественным исследователем Н.В. Петровой, отметим, что текстовое пространство представляет собой системное образование, в котором каждый созданный текст подвергается категоризации и занимает свое место в определенной нише текстового пространства. Под категоризацией понимается процесс идентификации текста по признакам, на основе которых текст относится к определенной группе текстов в текстовом пространстве [4, с. 14].

Рассмотрим процесс формирования текстового пространства и его конституентов на основе конкретных примеров, в качестве которых в нашей работе выступают КТ буклетов музыкальных альбомов. В качестве основания для категоризации текстов в текстовом пространстве КТ буклета музыкального альбома мы предлагаем рассматривать степень лингвопрагматического воздействия на реципиента, воспринимающего текст, выделяя три основных уровня.

Первый уровень – уровень фонового воздействия на реципиента (то, что в англоязычной литературе называется *background*) – к нему относятся фоновые, предварительные данные, в процессе восприятия КТ буклета музыкального альбома не вычленимые в отдельный самостоятельный элемент текста. Подобные «включения» в текст играют опосредованную роль при его восприятии, что, однако, не умаляет степень их психологического

воздействия. К этому уровню могут быть отнесены следующие элементы текстового пространства КТ буклета музыкального альбома: контекст создания и реализации текстового пространства, в котором мы усматриваем всю уникальность социально-исторического, культурно-творческого и лично-ориентированного бытования автора текста; прототексты, иными словами, базовые тексты, на основе которых создаются последующие тексты. В рамках текстового пространства к ним могут быть отнесены как вербальные, так и невербальные тексты; и, наконец, прагматическая установка автора, наполняющая текст определенным «смыслом», задающая конкретный идейно-тематический вектор текста и позволяющая осуществить «диалог автора с реципиентом» посредством формируемого текста.

Ко второму уровню первичного воздействия на реципиента относятся элементы текстового пространства, оказывающие наибольшую степень влияния на воспринимающего КТ буклета музыкального альбома. Данный уровень включает: тексты музыкальных композиций и непосредственно музыку – собственно то, ради чего порождается все текстовое пространство; предшествующие выходу музыкального альбома синглы – издания единичной песни (иногда с ремиксами), предваряющие основной музыкальный альбом; третьим, и самым важным элементом данного уровня, служит КТ буклета музыкального альбома. Именно он является ядром текстового пространства – его формирование есть цель автора, в опоре на него же происходит порождение потенциально возможных текстов. Данный конституент текстового пространства, заключая в себе идейно-образную составляющую предшествующих ему прототекстов, способен становиться таковым самостоятельно и служить генератором идей для потенциально возможных текстов, которые образуют, на наш взгляд, третий уровень текстового пространства КТ буклета музыкального альбома.

Третий уровень вторичного воздействия на реципиента включает в себя тексты, процесс восприятия которых вторичен по отношению к восприятию буклета музыкального альбома. Они «оттеняют» ядро текстового пространства, заставляют его «играть новыми красками», новыми смыслами и оттенками смыслов. К этому уровню могут быть отнесены: последующие за выходом музыкального альбома синглы; видеоклипы на музыкальные композиции альбома; концерты; рекламная продукция (афиши, листовки); web-ресурсы (web-сайт исполнителя); потенциально порождаемые тексты, к которым может быть отнесена вся прочая продукция, направленная на развитие идейно-тематического вектора музыкального альбома.

Обобщив сказанное, мы можем схематично представить разработанную нами модель текстового пространства КТ буклета музыкального альбома (см. рис. 1).

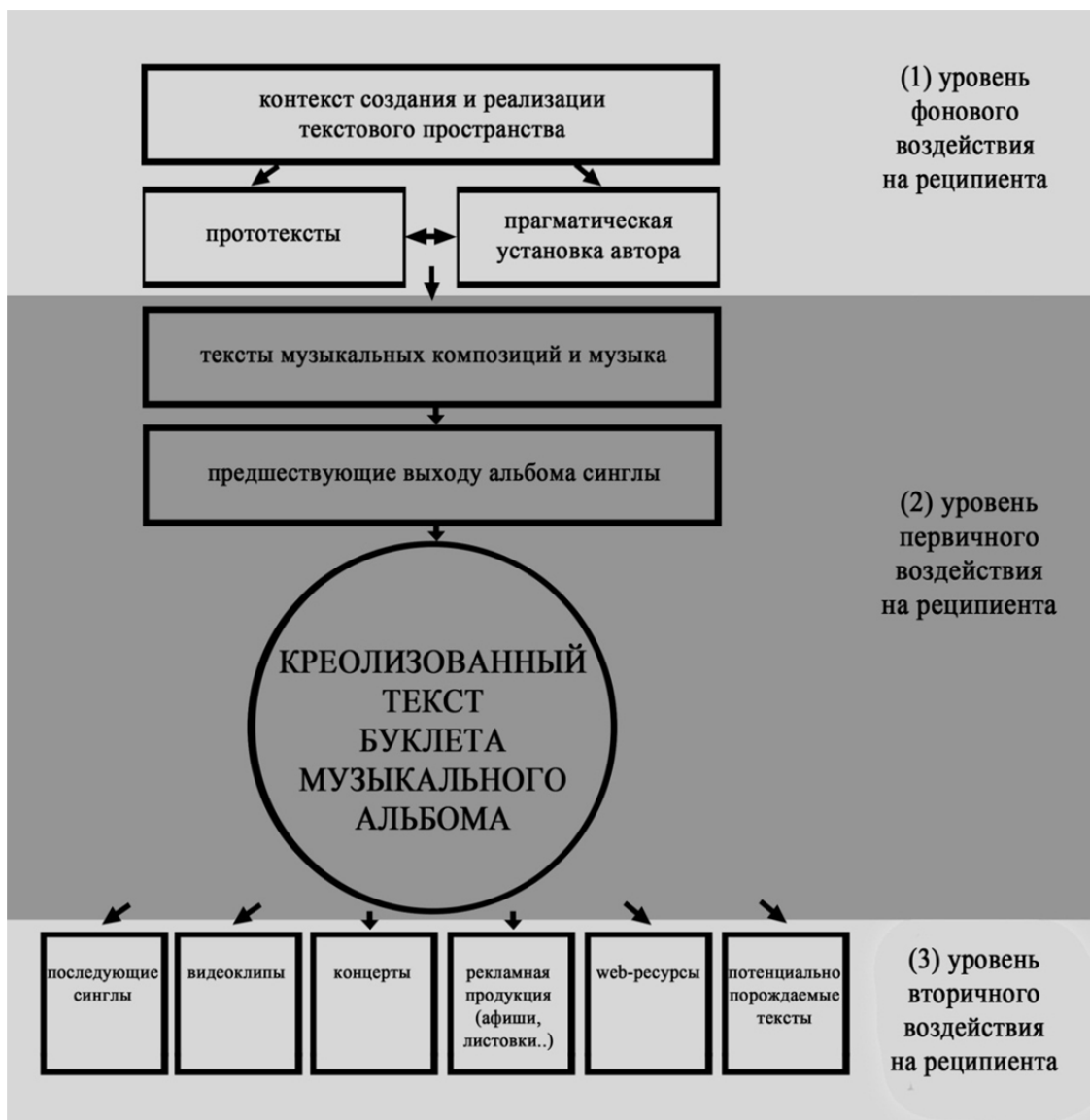

Рис. 1. Модель текстового пространства креолизованного текста (КТ) буклета музыкального альбома

Все компоненты предложенной модели находятся в тесной взаимосвязи; отдельные элементы текстового пространства соподчинены в «единый организм», «хаос» становится «порядком» организованных элементов.

Рассмотрим динамику формирования текстового пространства КТ буклета четвертого студийного альбома «Prism» американской певицы, композитора, автора песен и актрисы Кэти Перри (*Katy Perry*) в соответствии с предложенной моделью.

(1) Уровень фонового воздействия на реципиента

Анализируя данный уровень, прежде всего, отметим особенности контекста создания и реализации текстового пространства. Изначально Перри планировала записать «темный альбом, полный разочарований» [6], эмоционально отражающий жизненные перипетии исполнительницы (развод с британским актером и комиком Расселом Брендом). Однако позже она изменила свое решение [6]. Динамике развития текстового пространства спо-

собствовал не только личностный, но и социальный контекст. Например, на песню «Unconditionally» певицу вдохновили дети Мадагаскара, которых она поддерживала во время своей миссии под эгидой ЮНИСЕФ на Мадагаскаре. Композиция «Dark Horse» была создана после просмотра мистического триллера 1996 года режиссера Э. Флеминга под названием «Колдовство» (*The Craft*). По словам певицы, она также черпала вдохновение в 90-х годах, что непосредственно отразилось на музыкальном звучании альбома [7]. Отмеченные «источники вдохновения», на наш взгляд, являются прототекстами, предопределяющими содержание музыкального альбома «Prism».

Лингвопрагматическая установка автора заложена в основную тему альбома – перерождение человека после трудностей в жизни, что подтверждают слова самой исполнительницы: «Причина, по которой я назвала его [альбом. – Н.М., Д.У.] «Prism», заключается в том, что я пережила достаточно темный период своей жизни. Когда ты теряешь что-то, все твои устои могут рухнуть... но это оставляет большую дыру, открытую для чего-то еще более великого. Я пропустила через себя ... целую радугу света, и именно этим светом теперь сияют мои песни, которыми я готова делиться с другими людьми. Теперь я – призматична для них» [6].

Переходя к анализу первичного уровня воздействия на реципиента, заметим, что вышеперечисленные элементы текстового пространства стали базисной надстройкой для формирования его ядра – КТ буклета музыкального альбома. Рассмотрим его подробнее.

(2) Уровень первичного воздействия на реципиента

Выходу музыкального альбома, и, соответственно, КТ его буклета предшествуют несколько синглов – изданий, содержащих одну песню или несколько ее версий, отличающихся музыкальным оформлением. Цель синглов – предварить основной альбом, ввести воспринимающего в текстовое пространство. Такими синглами из альбома «Prism» стали музыкальные композиции «Roar» (рус. «Рев») (рис. 2) и «Unconditionally» (рус. «Безоговорочно») (рис. 3).

Рис. 2. Обложка музыкального сингла «Roar»

Рис. 3. Обложка музыкального сингла «Unconditionally»

На данном этапе анализа не будем углубляться в особенности невербальной составляющей текстов предшествующих синглов, отметим лишь, что стилистика их оформления (четкие геометричные линии и шрифт, яркая палитра красок, животные и цветочные мотивы) полностью коррелирует с КТ буклета музыкального альбома. Гораздо важнее отметить специфические черты вербальной составляющей рассматриваемых элементов текстового пространства, а именно текстов музыкальных композиций.

1) Музыкальная композиция «Roar».

Текст песни построен на антитезе, с помощью которой противопоставляется образ девушки, униженной своим парнем (*So I sat quietly, agreed politely; You held me down*), и девушки-воина, оказывающей сопротивление (*Get ready cause I've had enough; I am a champion*). Вследствие использования антитезы как формирующего смысл тропа в тексте присутствуют противопоставления (*You held me down, but I got up; So I sat quietly – You hear my voice*). Особую образность музыкальной композиции придают метафоры (*I used to bite my tongue and hold my breath; I got up already brushing off the dust; I got the eye of the tiger; You're gonna hear me roar; louder than a lion*) и сравнения (*Your hear that sound like thunder; I'm floating like a butterfly; Stinging like a bee*), передающие зооморфные образы и служащие для усиления значения сопротивления обидчику. Эту же цель преследует аллюзия *I got the eye of the tiger*, ссылающаяся на песню группы Survivor «Eye of the Tiger», созданную для фильма «Рокки-3», который рассказывает о жизни боксера (данная песня стала для многих олицетворением борьбы, сопротивления и победы, что также, кстати, является прототекстом для ядра исследуемого текстового пространства). В тексте песни также присутствуют устойчивые выражения (*the breaking point; I've had enough; I earned my stripes; I went from zero*), поддерживающие и развивающие тему сопротивления и отстаивания собственного «Я». Большинство предложений текста могут быть охарактеризованы как определенно-личные сложноподчиненные. Доминирующая позиция таковых вместе с преобладанием личных и притяжательных местоимений объясняется интенцией автора песни заявить о себе, своем «Я» и выразить свои чувства и эмоции. Тематически песня «Roar» как нельзя лучше поддерживает общий лейтмотив альбома и формирует его лингвопрагматический потенциал.

2) Музыкальная композиция «Unconditionally».

Образность песни достигается при помощи построения текста на антитезе, противопоставлении трудностей, препятствующих светлым чувствам и любви, побеждающей любые препятствия (*All your insecurities, All the dirty laundry never made me blink one time; Walk through this storm I would, I'd do it all because I love you*). Обилие метафор (*Did I almost see what's really on the inside; I take your bad days with your good; Walk through this storm; Open up your heart*) также вносит свой вклад в развитие образности текста.

Особую экспрессию тексту придают повторы: *Unconditionally, I will love you, unconditionally* (в данном случае повтор функционирует еще и как прием фрейминга); *I'd do it all because I love you, I love you; Open up your*

heart, and just let it begin (повтор строчки 2 раза). Имитация диалога возможна за счет использования риторических вопросов (*Oh no, did I get too close; Oh, did I almost see; Will you do the same for me*), глаголов и глагольных конструкций в повелительном наклонении, выражающих желание и просьбу (*Let go and just be free; Come just as you are to me; Know that you are a worthy; Open up your heart*). Предложения в тексте могут быть охарактеризованы как определенно-личные простые двусоставные; их доминантная позиция объясняется желанием автора сделать свой текст персонализированным и наполненным чувствами, чему также способствует обилие абстрактных существительных (*insecurities; dirty laundry; fear; acceptance*) и описательных имен прилагательных (*too close; unconditional; free; worthy; bad; good*). Тема любви также играет на расширение идейно-тематического пространства альбома и реализации прагматической установки автора.

Как показывает анализ, элементы уровня первичного воздействия непосредственно связаны с фоновым уровнем воздействия: эта связь осуществлена через прототексты и реализацию прагматической установки автора под влиянием личностно-ориентированного и социального контекстов. Лексика музыкальных композиций эмоциональна и экспрессивна, ее синтаксическое и стилистическое оформление позволяет автору песен реализовать свою интенцию – поделиться переживаемыми эмоциями, «пролить свет» сквозь тексты композиций. Таким образом, вербальная составляющая взаимодействует с реципиентом на эмоциональном уровне, при этом оказывая лингвopsихологическое воздействие практически на всех уровнях восприятия.

Рассмотрев особенности вербальной составляющей музыкальных композиций альбома «Prism», отметим, что в нем наличествуют еще несколько вербальных элементов, а именно: название альбома «Prism» и имя исполнительницы *Katy Perry* на обложке альбома; список музыкальных композиций альбома. Главным лексическим средством формирования лейтмотива становится название альбома – «Prism». Данная лексема функционирует в своем денотативном значении «стеклянный предмет в форме пирамиды, используемый для разделения света на различные цвета», однако символ призмы метафоричен по сути и употреблен в значении преобразования человека после борьбы с жизненными трудностями.

Список названий песен альбома обнаруживает устойчивые конструкции (*Walking on Air, Dark Horse, Choose your Battles; By the Grace of God*). Доминирующую позицию занимают номинативные конструкции (*Roar, Legendary Lovers, Birthday, International Smile, Ghost, This Moment*), но также есть простое двусоставное (*This is how We Do*) и безличное (*It takes Two*) предложения, глагол в повелительном наклонении (*Love me*), наречие образа действия (*Unconditionally*) и качественное прилагательное (*Spiritual*). Заметим, что большинство анализируемых лексем и конструкций имеют положительную коннотативную окраску, соответствующую теме альбома.

Паралингвистическая составляющая КТ буклета альбома «Prism» имплицитно раскрывает тему, заявленную вербально. Рассмотрим подробнее

функционирование иконического элемента КТ буклета. На наш взгляд, изображение в анализируемом тексте очень символично (см. рис. 4). На первом и последнем разворотах альбома Кэти Перри сфотографирована в лучах восходящего солнца на поле подсолнухов. Свет падает так, что часть ее лица освещена, другая находится в тени. Подсолнух (символ радости, оптимизма и благодарности) невербально поддерживает развиваемую альбомом идею трансляции самых светлых чувств певицы. Несколько других разворотов изображают Перри с яркими полевыми цветами (знаком верности, хрупкости и женской души); на одном из них певица окружена бабочками, символизирующими способность к превращениям и красоте.

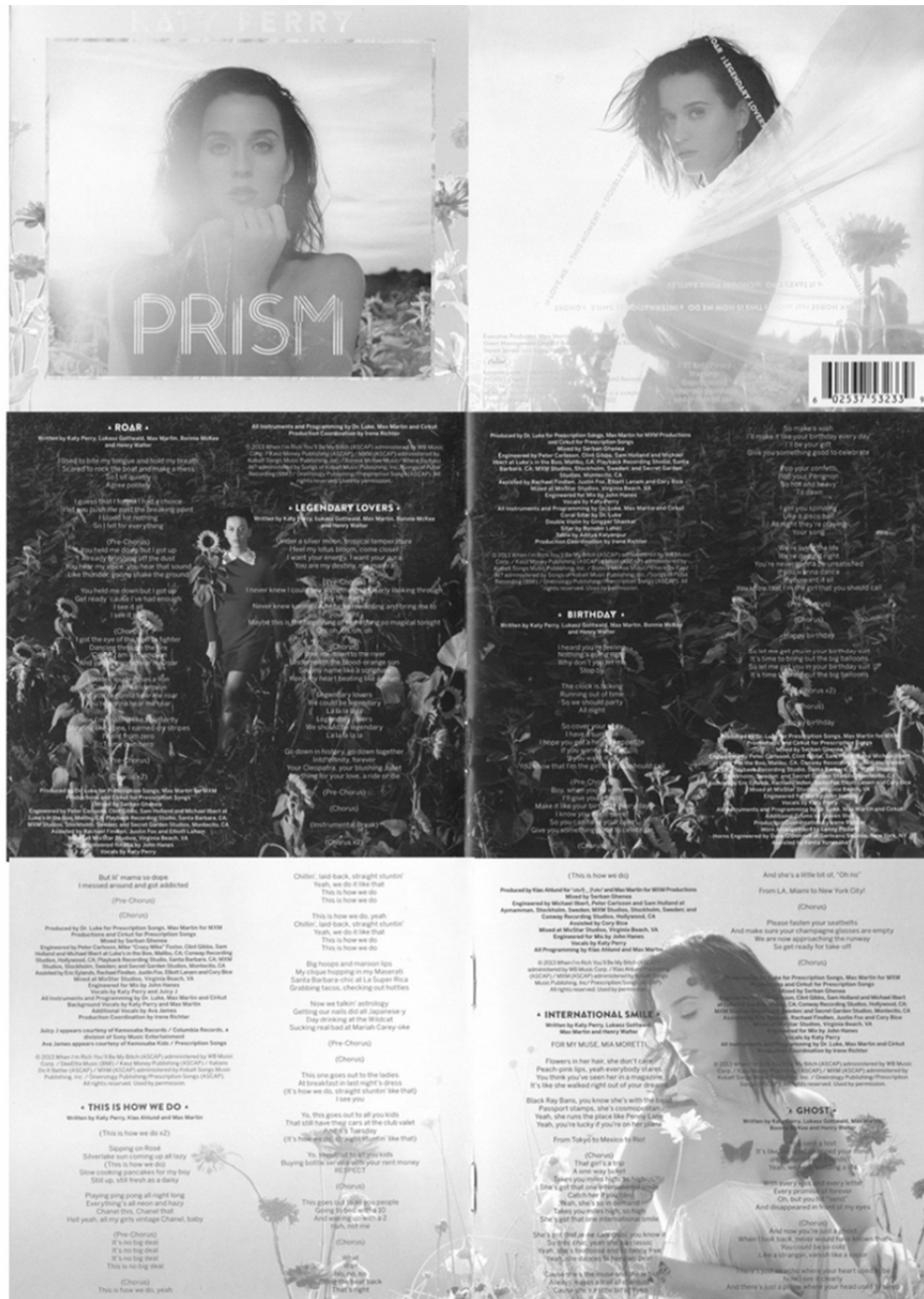

Рис. 4. Креолизованный текст (КТ) буклета музыкального альбома «Prism»

Шрифт буклета поддерживает идею человека как призмы, пропускающей через себя свет и положительные эмоции, так как весь вербальный компонент выполнен простым шрифтом. Название альбома «Prism» выполнено авторским шрифтом, воссоздающим образ лучей, преломляемых призмой. Заметим, что во всем буклете буква «А», так же, как и верхняя часть буквы «У», заменены треугольником, схематически изображающим призму.

Цвета буклета, представляющие собой широкую палитру светлых и пастельных оттенков, символизируют тему перерождения.

Большое значение имеет композиция списка названий песен, где они складываются в фигуру треугольника, также поддерживающего идею «призматичности». Тема перерождения человека после борьбы с жизненными трудностями и воплощение ее через образ призмы, преломляющей свет и делящей его на множество цветов, в полной мере раскрыты благодаря не только подбору вербального материала, но и использованию соответствующего оформления. Отмеченные особенности лексики и синтаксиса делают воспринимаемый КТ легкодоступным, эмоционально наполненным, что позволяет ему оказывать высокую степень психологического воздействия. Подобная связь между КТ и реципиентом не была бы глубока и не реализовывалась бы в полной мере без использования паралингвистических средств, позволяющих оказывать воздействие на подсознательном уровне.

Отметим наличие интертекстуальных связей КТ буклета музыкального альбома с предшествующими ему в модели текстового пространства элементами. Без столь основательной базисной надстройки ядро текстового пространства утратило бы силу первичного воздействия на реципиента, воспринимающего подобный текст. Однако в динамике формирования всего текстового пространства КТ буклета музыкального альбома способен отделяться от прототекстуального материала (напомним, относящегося к уровню фонового скрытого воздействия) и становиться самостоятельно функционирующим прототекстом для порождаемых им в дальнейшем текстов, принадлежащих этому же текстовому пространству и относящихся к уровню вторичного воздействия на реципиента.

(3) Уровень вторичного воздействия на реципиента

Элементы данного уровня появляются в текстовом пространстве, имея в «основании» КТ буклета музыкального альбома. Их влияние на реципиента вторично по отношению к ядру – они наполняют его оттенками новых смыслов, расширяют семантическое наполнение альбома, во всем (даже в степени влияния) оказываясь комплиментарными.

Видеоклипы на музыкальные композиции альбома (см. рис. 5, 6), находясь в тесном взаимодействии со всеми элементами исследуемого текстового пространства, обнаруживают подобную КТ буклета систему образов: яркие и жизнеутверждающие краски, флористические мотивы и т.д.

Рис. 5. Кадр из видеоклипа на музыкальную композицию «Roar»

Рис. 6. Кадр из видеоклипа на музыкальную композицию «Unconditionally»

Афиши к концертному туру «The Prismatic World Tour» (рис. 7) в поддержку музыкального альбома «Prism», как и образ подачи песен во время самого концерта (рис. 8) (яркие сценические костюмы, обилие фейерверков и световых эффектов), воплощают иконический элемент буклета музыкального альбома.

Рис. 7. Афиша к концертному туру «The Prismatic World Tour»

Рис. 8. Концертные номера в рамках концертного тура «The Prismatic World Tour»

На своем официальном сайте певица побуждает фанатов выкладывать в социальные сети фотографии, рассказывающие о чем-либо или о ком-либо, служащим светом их жизни. Сайт певицы призывает: «Покажи Кэти свой свет». Кстати, оформление самого сайта полностью вдохновлено дизайном альбома и выполнено все в тех же геометричных формах, цветах, с использованием дублирующих буклет альбома фотографий исполнительницы (см. рис. 9 (1) – 9 (3)).

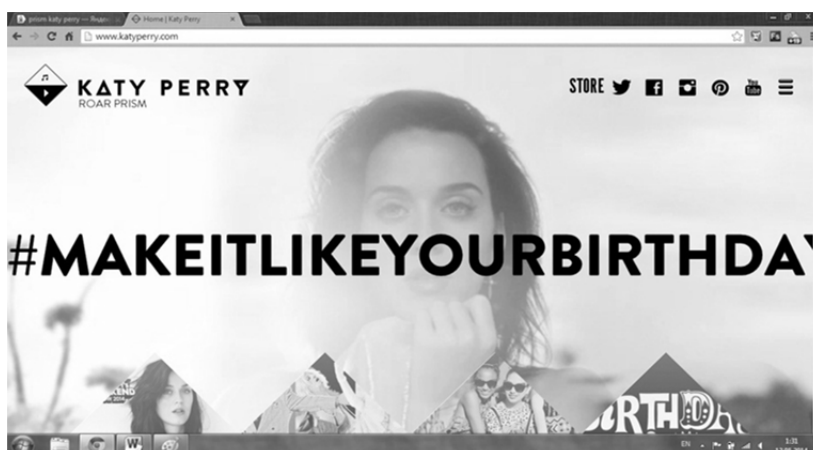

Рис. 9(1). Web-сайт Кэти Перри

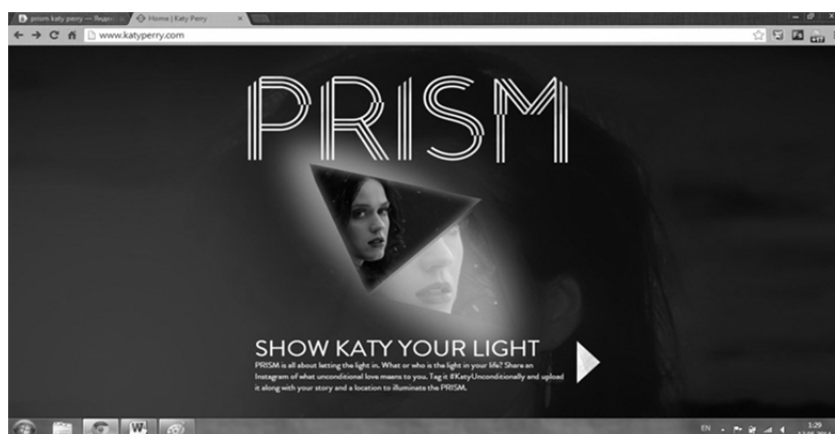

Рис. 9(2). Web-сайт Кэти Перри

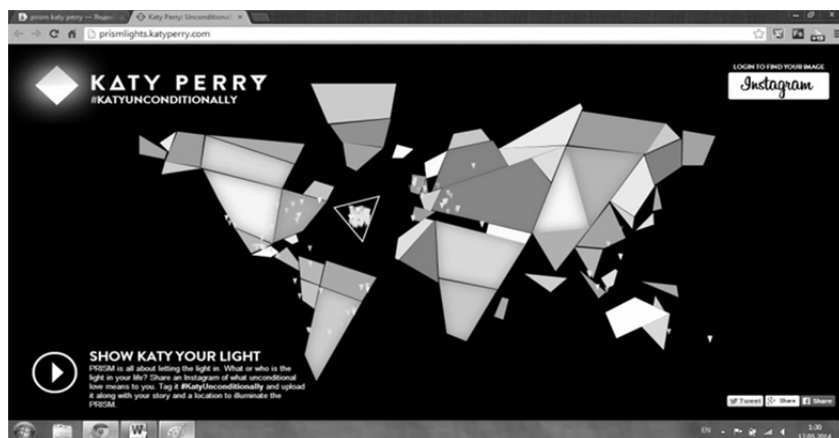

Рис. 9(3). Web-сайт Кэти Перри

Таким образом, элементы третьего уровня воздействия на реципиента не предполагают свое существование без ядра текстового пространства – КТ буклета музыкального альбома. Они полностью соответствуют идейно-тематическому содержанию всего текстового пространства и заимствуют систему образов и смыслов в его ядре, побуждая реципиента к определенному уровню рефлексии, из чего мы можем заключить, что креолизация буклета музыкального альбома оказывает высокую степень влияния, выходя за рамки альбома и продолжаясь в творчестве исполнителя.

Анализ динамики порождения текстового пространства КТ буклета музыкального альбома приводит нас к следующим выводам:

1) текстовое пространство КТ буклета музыкального альбома как «сумма всех созданных вербальных и невербальных текстов, служащих источником для порождения текстов» [3, с. 9], является частью семиосферы, конституентом всеобъемлющего пласта культуры в целом;

2) текстовое пространство КТ буклета музыкального альбома может быть систематизировано в единый «организм», модель которого предложена в настоящей статье (рис. 1);

3) изучение специфических особенностей КТ буклета музыкального альбома как особого типа текста продуктивнее всего проводить в рамках его сосуществования с другими элементами текстового пространства;

4) в текстовом пространстве КТ буклета музыкального альбома, выступающий в качестве ядра данного пространства, обнаруживает следующие черты: он более остальных элементов текстового пространства способен оказывать влияние на реципиента; представляя симбиоз вербального и невербального, КТ буклета становится эмоционально наполненным, легко воспринимаемым, что позволяет ему оказывать высокую степень психологического воздействия. Вербальная составляющая КТ буклета гармонизирует его текстовое пространство, формируя определенный идейно-тематический вектор развития; как особый тип КТ он обладает специфической лишь для него способностью генерировать идеи, и, основываясь на контексте создания и реализации текстового пространства, прототекстах и прагматической установке автора, порождать потенциально возможные

тексты; расширяя текстовое пространство потенциально порождаемыми текстами, КТ буклета музыкального альбома способствует расширению возможностей смыслопорождения в культурном пространстве в целом; имея в основе определенные фоновые знания (фондовый уровень воздействия/background), КТ буклета музыкального альбома делает их достоянием не одной культурной группы, а репрезентирует их в контексте мирового сообщества. Таким образом, фоновые знания, положенные в базис КТ буклета, оказывают влияние на формирование глобального мировоззрения, обнаруживая высокий культурологический потенциал;

5) как было отмечено в процессе анализа, каждый уровень текстового пространства КТ буклета музыкального альбома обладает определенной силой воздействия на восприятие реципиента. На наш взгляд, объединение трех уровней воздействия (фоновый, первичный и вторичный) в рамках текстового пространства способно оказывать эффект макровоздействия на реципиента, проявляющегося на всех уровнях психологического влияния.

Перспективным для нас представляется исследование вопроса динамики формирования текстового пространства других видов креолизованных текстов (КТ) (реклама, кинотекст и др.).

Список литературы

1. Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 71–78.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
3. Петрова Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа. – Иркутск: ИГЛУ, 2004. – 234 с.
4. Петрова Н.В., Лашина Е.Б. Категоризация текстов в текстовом пространстве (на примере художественных и научных текстов) // Вестн. Иркутского гос. лингвистического ун-та. – 2013. – № 3(24). – С. 13–16.
5. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.
6. Katy Perry: Album Was Almost Called 'Adult Reality'. – [Эл. ресурс]: <http://www.2dayfm.com.au/scoopla/music/blog/2013/9/katy-perry-album-was-almost-called-adult-reality/> (дата обращения: 10.03.2015).
7. Katy Perry. – [Эл. ресурс]: http://en.wikipedia.org/wiki/Katy_Perry (дата обращения: 10.03.2015).

Оценка качества научного термина как метакогнитивная деятельность

В статье анализируются результаты эмпирического психосемантического исследования специфики оценки качества научного термина как одного из видов метакогнитивной деятельности. Анализ оценок информантов трех естественнонаучных терминов по 25 градуированным биполярным шкалам и факторной структуры профессионально обусловленных систем значений позволяет выявить профессионально значимые метаязыковые категории с целью моделирования категории терминологичности.

The article presents the results of an empirical psychosemantic study of the specifics of evaluating of a scientific term quality as a type of metacognitive activity. The analysis of three scientific terms using 25 gradient bipolar scales and the factor structure of psychosemantic values helps to identify the professionally meaningful metalinguistic categories for the purpose of further modeling the category of termness.

Ключевые слова: метакогнитивная деятельность, научный термин, качество термина, категория терминологичности, психосемантическое исследование.

Key words: metacognitive activity, scientific term, term quality, category of termness, psychosemantic study.

Задача метакогнитивных исследований, то есть изучения «мнений и взглядов обычных людей (не лингвистов) на язык, на свою собственную деятельность, в том числе, языковую и мыслительную» как новая сфера научных интересов была поставлена и осмыслена В.Б. Кашкиным [4]. По словам ученого, «говорящее существо» находится в когнитивных отношениях со своим языком трояким образом: оно знает язык (неосознаваемое знание), рассуждает о языке (осознание) и со временем развивает способы остранения, верификации, «объективации» своих сведений и представлений о языке (общественно принимаемое знание)» [5, с. 41]. Второй тип когнитивных отношений представляет собой метаязыковое сознание, которое «существует на двух уровнях: уровне теоретически систематизированного сознания, представленного системой научных понятий, теоретических суждений и концепций, входящих в область лингвистической науки, и уровне обыденного сознания в форме массовых эмпирических знаний и представлений, полученных в результате практически-духовного освоения действительности» [1, с. 68].

Изучение метаязыка как основы для терминологической рефлексии является важной методологической проблемой современного когнитивного терминоведения, поскольку именно рефлексия профессионалов над своим языком обеспечивает коммуникативное взаимодействие в профессиональном сообществе, инициирует процесс проблематизации, стимулирует поиск решений проблем, оформляя их посредством адекватной терминологии. «Метаязык как средство научного общения используется и реально существует в соответствующей метаречи, то есть той разновидности речи, которая осуществляется при общении ученых, исследующих те или иные свойства языка-объекта» [2, с. 297]. Металингвистическая деятельность, вербализующая профессиональное метаязыковое сознание, отражает профессиональную языковую личность как носителя языковых, коммуникативных и профессионально-деятельностных ценностей, знаний и установок, поскольку актуализируемые профессионалами представления существенно и неслучайно различаются в зависимости от типа профессии, от типа объектов, с которыми имеет дело профессионал как субъект профессиональной деятельности.

По словам Е.А. Климова, разнотипным профессионалам присущи существенно разные наборы тех дискретных определенностей, системных целостностей («гештальтов, «квантов»), в которые их сознание как бы оформовывает непрерывный и по необходимости хаотический поток жизненных впечатлений из внешнего мира [6, с. 12]. Метаязыковое научное и профессиональное лингвистическое сознание категоризируют окружающий мир по- своему, в зависимости от целей деятельности, свойств объектов труда и профессиональных критериев предмета труда. Так, в нашей ранней работе [3], посвященной психосемантическому исследованию оценки качества термина на выборке юристов и не-юристов, было выявлено, что оценочными шкалами, обладающими различительными свойствами для людей, не занимающихся юридической деятельностью, стали шкалы: определенный – неопределенный, неясный – ясный, лаконичный – громоздкий, бесполезный – полезный. Также было показано, что факторы, лежащие в основе оценки качества термина, «фактически соответствуют трем основным критериям терминологического статуса в рамках современного когнитивного терминоведения – дефинитивности, системности и профессиональной функциональности» [3, с. 21]. В существующих представлениях о метаязыковой категории терминологичности преобладает нормативное, прескриптивное начало, категория описывается с позиций требований к идеальному термину и признаков термина. Между тем дескриптивное описание требует наблюдений за реальной терминологической рефлексией, в том числе эмпирическими психосемантическими методами.

Применяемый нами психосемантический метод, дающий эмпирический доступ к тем системам значений, которые определяют специфику взаимодействия субъекта с окружающим миром, является особенно при-

влекательным для моделирования субъективной семантики, обусловленной профессиональной деятельностью человека, для выявления профессионально обусловленной категоризации. «Экспериментальная психосемантика, использующая методологию построения субъективных семантических пространств как операциональных моделей категориальных структур индивидуального и общественного сознания», по справедливым словам В.Ф. Петренко, «является областью пересечения интересов психологической науки, языкознания и семиотики» [7, с. 173].

Целью данного эмпирического исследования стало выявление основных систем значений, лежащих в основе оценки качества научного термина студентами (учащимися, получающими высшее профессиональное образование) и аспирантами (специалистами). Выбор именно этих типов информантов обусловлен тем, что металингвистическая деятельность не является стабильной системой деятельности и развивается в течение жизни, с развитием профессиональной языковой личности. Поэтому при изучении метакогнитивной деятельности оценки качества термина анкетирование проводилось с учетом возрастного и образовательного статуса респондентов. В исследовании приняли участие 57 испытуемых (26 студентов 2 курса и 31 аспирант первого года обучения факультета почвоведения МГУ имени М.В. Ломоносова).

Для моделирования метаязыковых категорий и их связей с терминологией той или иной специальной сферы знаний необходимо установление закономерностей между терминопотреблением и оценкой термина. Респондентам предлагалось оценить качество трех терминов почвоведения, обозначающих одну из основных классификационных единиц почвоведения: эдафотоп, полипедон и почвенный индивидуум. Термины оценивались в отдельных ситуациях по специально созданному семантическому дифференциалу [8, с. 80–100], включавшему 25 шкал, составленных денотативными и коннотативными антонимичными прилагательными, с трехбалльной градацией проявленности каждого качества.

В рамках нашего исследования, кроме эмоционально-оценочных описаний (плохой – хороший), шкалы дифференциала составили семантические характеристики (простой – сложный, многозначный – однозначный, определенный – неопределенный, точный – неточный, неясный – ясный, теоретический – эмпирический, системный – асистемный), функциональные (бесполезный – полезный, неприемлемый – приемлемый, официальный – неофициальный, национальный – международный, распространенный – авторский, узкоспециальный – общеупотребительный, низкочастотный – высокочастотный), формальные (заимствованный – исконный, основной – производный, лаконичный – громоздкий, экспрессивный – нейтральный) и временные (новаторский – преемственный, современный – устаревший) описания.

Первичная обработка полученных данных включала их перевод в семибальную шкалу:

Пример шкалы из списка	Плохой	-3	-2	-1	0	1	2	3	Хороший
Принятая кодировка		1	2	3	4	5	6	7	

Обработка кодированных данных осуществлялась посредством статистической программы «MINITAB 16» для Windows с применением следующих процедур на трех этапах исследования.

1. Анализ данных описательной статистики: среднее значение (Mean) и стандартное отклонение (St.Dev).

2. Тест на выявление значимых различий в оценках терминов с помощью критерия Манна-Уитни (Mann-Whitney).

3. Факторный анализ методом главных компонент с Varimax-вращением. Ключевыми показателями данного анализа стала величина факторной нагрузки каждой шкалы, вошедшей в фактор и процент описываемой дисперсии, полученной факторной структурой.

Рассмотрим результаты, полученные в ходе первого этапа исследования.

Таблица 1

Описательная статистика оценок терминов по всей выборке студентов

Шкалы СД	Эдафотоп Mean (St.Dev)	Полипедон Mean (St.Dev)	Почвенный индивидуум Mean (St.Dev)
Простой – сложный	4,308(2,074)	4,731(2,051)	3,269(2,051)
Многозначный – однозначный	4,615(1,961)	3,654(2,208)	3,692(2,205)
Определенный – неопределенный	2,577(1,447)	2,885(1,986)	2,500(1,679)
Национальный – международный	5,642(1,838)	4,885(1,966)	2,808(1,877)
Узкоспециальный – общеупотребительный	2,269(1,458)	2,346(1,853)	2,615(2,041)
Неясный – ясный	4,615(1,745)	3,692 (2,074)	5,115(2,026)
Юридически действительный – юридически недействительный	4,269(1,538)	4,615(1,745)	4,615(1,525)
Новаторский – преемственный	4,115(1,925)	3,462(1,630)	3,923(2,058)
Плохой – хороший	5,115(1,395)	4,423(1,528)	4,423(1,629)
Естественный – искусственный	3,038(2,010)	4,154(2,130)	2,808(1,812)
Теоретический – эмпирический	3,692(1,738)	3,769(2,026)	3,577(1,880)
Системный – несистемный	2,308(1,123)	3,115(1,633)	3,385(1,791)
Основной – производный	3,885(1,818)	4,308(1,995)	3,692(1,892)
Распространенный – авторский	3,231(1,819)	3,846(2,073)	3,231(1,904)
Экспрессивный – нейтральный	4,269(1,909)	3,731(1,951)	4,192(1,698)
Современный – устаревший	2,577(1,629)	3,385(1,813)	3,423(1,880)

Продолжение табл. 1

Точный – неточный	2,615(1,499)	3,154(1,541)	2,731(1,779)
Неприемлемый – приемлемый	5,308(1,543)	4,769(1,704)	4,962(1,708)
Официальный – неофициальный	1,923(1,262)	3,231(1,557)	3,154 (1,617)
Заимствованный – исконный	2,885(1,840)	1,769(1,608)	5,115(1,883)
Низкочастотный – высокочастотный	3,462(1,881)	3,500(2,083)	3,692(1,955)
Лаконичный – громоздкий	3,192(1,650)	3,692(1,692)	4,885(1,862)
Бесполезный – полезный	5,731(1,116)	4,846(1,666)	4,846(1,666)
Эффективный – неэффективный	2,808(1,524)	3,731(1,733)	3,154(1,592)
Изменяющийся – стабильный	4,500(1,794)	4,423(1,837)	4,269(2,183)

Термин *эдафотоп* представляется студентам наиболее однозначным, международным, узкоспециальным, хорошим, системным, неэкспрессивным, современным, точным, приемлемым, официальным, лаконичным, полезным, эффективным и стабильным. Термин *полипедон* оценивается студентами как наиболее сложный, новаторский, искусственный и заимствованный. Термин *почвенный индивидуум* студенты описывают как наиболее определенный, национальный, ясный, естественный, основной, исконный и громоздкий. Характеристики юридической действительности, частотности и распространенности примерно одинаковы для оценок всех терминов.

Для термина *эдафотоп* наиболее согласованными по выборке студентов стали оценки по шкалам полезности и системности, для термина *полипедон* студенты были наиболее единодушными в оценках по шкалам: «плохой – хороший» и «точный – неточный». Для термина *почвенный индивидуум* наибольшая согласованность в оценках студентов была по шкалам юридической действительности и эффективности.

Таблица 2

*Описательная статистика оценок терминов
по всей выборке аспирантов*

Шкалы СД	Эдафотоп Mean (St.Dev)	Полипедон Mean (St.Dev)	Почвенный индивидуум Mean (St.Dev)
Простой – сложный	4,258(2,097)	4,387(2,276)	4,065(1,948)
Многозначный – однозначный	4,129(1,996)	3,677(1,990)	4,129(2,306)
Определенный – неопределенный	2,742(1,932)	3,129(1,979)	2,903(2,022)
Национальный – международный	5,290(2,053)	5,194(2,104)	3,065(2,250)
Узкоспециальный – общеупотребительный	2,161(1,753)	1,839(1,393)	2,452(2,127)
Неясный – ясный	5,129(1,962)	4,419(2,277)	4,839(2,002)
Юридически действительный – юридически недействительный	5,000(1,653)	4,871(1,727)	5,323(1,600)
Новаторский – преемственный	4,903(1,739)	4,710(1,987)	5,032(1,798)
Плохой – хороший	5,161(1,369)	4,774(1,586)	5,065(1,548)

Продолжение табл. 2

Естественный – искусственный	4,452(2,079)	5,000(2,145)	3,419(2,321)
Теоретический – эмпирический	2,581(1,747)	2,161(1,594)	3,032(2,121)
Системный – несистемный	2,452(1,670)	2,548(1,609)	2,581(1,649)
Основной – производный	3,258(1,825)	4,645(2,244)	3,806(2,257)
Распространенный – авторский	4,484(1,895)	3,000(2,000)	3,194(2,104)
Экспрессивный – нейтральный	4,839(1,753)	4,742(1,966)	4,806(2,040)
Современный – устаревший	2,258(1,182)	3,032(1,798)	3,161(1,715)
Точный – неточный	3,290(1,657)	3,355(2,090)	3,516(2,096)
Неприемлемый – приемлемый	5,581(1,544)	5,613(1,383)	5,097(1,777)
Официальный – неофициальный	3,355(2,009)	2,871(2,109)	3,226(2,093)
Заемствованный – исконный	3,290(1,987)	3,774(1,892)	4,677(1,990)
Низкочастотный – высокочастотный	4,355(1,496)	4,387(1,453)	4,484(1,411)
Лаконичный – громоздкий	2,806(1,721)	3,742(2,160)	3,323(1,904)
Бесполезный – полезный	5,194(1,662)	5,129(1,565)	5,355(1,817)
Эффективный – неэффективный	3,258(1,825)	3,226(1,668)	2,903(1,814)
Изменяющийся – стабильный	4,484(1,895)	4,484(1,981)	4,323(2,242)

Аспирантам термин *эдафотон* представляется как наиболее определенный, ясный, хороший, системный, основной, неэкспрессивный, современный, точный, заимствованный и лаконичный. Термин *полипедон* оценивается аспирантами как наиболее сложный, международный, узкоспециальный, искусственный, теоретический, официальный и юридически действительный. Термин *почвенный индивидуум* аспиранты описывают как наиболее национальный, преемственный, естественный, исконный, полезный, эффективный и наименее лаконичный. Характеристики экспрессивности, частотности и стабильности примерно одинаковы для оценок всех терминов.

Для термина *эдафотон* наиболее согласованными по выборке аспирантов стали оценки по шкалам «современный – устаревший» и «плохой – хороший», для термина *полипедон* стали оценки терминов по шкалам приемлемости и специализированности. Для термина *почвенный индивидуум* аспиранты были наиболее единодушными в оценке по шкале частотности.

На втором этапе исследования было проведено попарное сравнение оценок трех терминов по критерию Манна-Уитни, которое выявило для выборки студентов статистически значимые различия по шести шкалам: простой – сложный, многозначный – однозначный, национальный – международный, естественный – искусственный, заимствованный – исконный, лаконичный – громоздкий. Попарное сравнение оценок по критерию Манна-Уитни трех терминов для выборки аспирантов статистически значимые различия по только по трем шкалам: «национальный – международный», «естественный – искусственный», «основной – производный». Уменьше-

ние числа шкал показывает, что с ростом профессионального знания достигается большая однородность в оценке метаязыковых понятий, кроме того, все более осознается условный, конвенциональный характер терминологической номинации.

На третьем этапе была предпринята попытка построения семантического пространства оценки качества трех терминов на выборке студентов и аспирантов. Использование метода семантического дифференциала для выявления семантических особенностей, предлагаемых для оценивания трех научных терминов, позволило прибегнуть к процедуре факторного анализа с тем, чтобы проверить гипотезу о специфике полученных семантических пространств оценок по трем изучаемым терминам. В результате факторного анализа оценок как студентов, так и аспирантов для всех трех терминов (*эдафотоп*, *полипедон* и *почвенный индивидуум*) было получено устойчивое шестифакторное решение. Для иллюстрации в Таблице 3 приведены результаты факторного анализа оценок студентами термина *эдафотоп* (76, 3 % дисперсии).

Таблица 3

Результаты факторного анализа оценок термина *эдафотоп*

1-й фактор (17,2%)	2-й фактор (13,5%)	3-й фактор (13,0%)	4-й фактор (12,3%)	5-й фактор (10,8%)	6-й фактор (9,6%)
Неприемлемый – приемлемый (0,866); национальный – международный (0,844); неясный – ясный (0,657)	Современный – устаревший (0,872); плохой – хороший (-0,629)	Узкоспециальный – общеупотребительный (-0,78); теоретический – эмпирический (-0,718); точный – неточный (-0,618)	Определенный – неопределенный (0, 788); системный – асистемный (-0,753); естественный – искусственный (-0,562); новаторский – преемственный (-0,576)	Распространенный – авторский (0,924)	Многозначный – однозначный (0,862)

Сравним с факторной структурой оценок аспирантов термина *эдафотоп* (76, 5 % дисперсии (см. табл. 4).

Результаты факторного анализа оценок термина *эдафотоп*

1-й фактор (14,7%)	2-й фактор (14,6%)	3-й фактор (13,8%)	4-й фактор (12,5%)	5-й фактор (11,5%)	6-й фактор (9,4%)
Плохой – хороший (-0,83); неясный – ясный (-0,798)	Распростра- ненный – авторский (-0,836); неприемле- мый – при- емлемый (0, 693); Лаконичный – громозд- кий (-0,657)	Узкоспециа- льный – об- щеупотреби- тельный (-0,799); естествен- ный – искус- ственный (0, 791)	Националь- ный – меж- дународный (0,896); системный – асистемный (-0,735)	Точный – не- точный (0,875); определенный – неопреде- ленный (0, 780)	Современ- ный – уста- ревший (0,706); новаторский – преем- ственный (0,674)
Условное обозначение факторов					
<i>Эмоцио- нальная оценка</i>	<i>Функцио- нальный статус</i>	<i>Дистрибу- тивный статус</i>	<i>Систем- ность</i>	<i>Дефинитив- ность</i>	<i>Новизна</i>

Результаты факторного анализа показывают более высокую степень определенности описаний научных терминов выборкой аспирантов почвоведов. Полученные данные показывают четкое наполнение каждого фактора в выборке аспирантов, позволяя дать фактору условное обозначение (см. табл. 4). Факторная структура оценок аспирантов для всех трех проанализированных терминов содержит общие пять факторов в оценках качества научного термина: семантический, функциональный, дистрибутивный статус, системность, эмоциональная оценка. Фактор новизны имеет переменный характер, как правило, либо имеет наименьший вес, как в случае терминов *эдафотоп* и *полипедон*, либо вообще не выделяется, как, например, для термина *почвенный индивидуум*.

Шкала эмоциональной оценки в совокупности с функциональным и дистрибутивным описаниями составляет первые три наиболее мощных фактора. Полученные данные подтверждают мысль В.Б. Кашкина, что индивидуальное знание всегда имеет оценочный компонент, а человеческая эпистемология аксиологична [5]. Современное когнитивное терминоведение, в отличие традиционного прескриптивного терминоведения, призвано учитывать субъективность оценки качества термина. Полученные нами описания когнитивной оценки (дефинитивности, системности) составляют для всех терминов существенные по весу факторы. Таким образом, проведенное исследование дает основания полагать, что экспериментальное психосемантическое изучение метаязыковых представлений постепенно даст возможность описания не только отдельных категорий металингвистической деятельности, в частности, категории терминологичности, но и

построения общей модели метаязыкового сознания, с учетом профессиональной специфики языковой личности и этапов ее развития.

Список литературы

1. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
2. Гвишиани Н.Б. Метаязык // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 297–298.
3. Глинская Н.П. Психосемантическая оценка терминологической репрезентации юридического концепта ФРАНЧАЙЗИНГ юристами и не-юристами // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1(038). – С. 15–21.
4. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж: ВГТУ, 2002. – Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – С. 4–34.
5. Кашкин В.Б. Обыденная философия языка, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Кемерово-Барнаул, 2009. – Ч. I. – С. 41–60.
6. Климов Е.А. О феномене профессиональной относительности образа мира // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1995. – № 1. – С. 8–18.
7. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. – М.: Новый хронограф, 2010. – 440 с.
8. Серкин В.П. Методы психосемантики: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 207 с.

**Этнокультурный идеал языковой личности:
лингвокогнитивный аспект**

В статье изложены результаты изысканий, направленных на выявление специфики доминантных характеристик этнокультурного идеала языковой личности, на лингвокогнитивном уровне которой при помощи культурно насыщенных лексических единиц моделируется иерархия морально-духовной ценностной системы знаний о нормативных способах этнического поведения.

The article presents the results of research aimed at identifying the specificity of the dominant characteristics of ethnocultural ideal of a linguistic personality, on the linguistic and cognitive level of which the hierarchy of moral and spiritual and value knowledge system of regulatory methods of ethnic behavior is modeled with the help of culturally rich lexical units.

Ключевые слова: языковая личность, этнокультурный идеал, лингвокогнитивный уровень, доминантные характеристики языковой личности, когнитивные признаки, когнитивная интерпретация, концептуальное значение, концептуальная парадигма.

Key words: linguistic personality, ethnocultural ideal, linguistic and cognitive level, dominant characteristics of a linguistic personality, cognitive characteristics, cognitive interpretation, conceptual meaning, conceptual paradigm.

Лингвистические и смежные с ними исследования последних десятилетий проявляют особый научный интерес к вопросам специфики формирования и развития языковой личности в этнокультурном пространстве, в котором активизируются естественные способности и потребности человека воспринимать, познавать, изучать окружающее и накапливать знания с печатью собственного (этнического) стиля мировосприятия. Функциональным средством постижения и осмысления действительности, в которой зеркально отражается «этнический путь» того или иного народа, является язык, который «...обладает свойством не только служить знаковым средством создания пропозиций, т.е. сообщений о фактах, и таким образом обеспечивать рутинное приращение знания... но и выступать в качестве своеобразного запоминающегося устройства, содержащего информацию о бесчисленных продуктах ментально-лингвальной деятельности этноса, взятого в его пространственном (синхронном) и временном (панхроническом) измерениях...» [12, с. 39–40]. Такая уникальная способность языка позволяет считать его когнитивным средством конденсации знаний и представлений о мире как конкретной языковой личности, так и целого этнического сообщества. В «Кратком словаре когнитивных терминов» отмечается, что язык обладает двойственным характером: как когнитивный инструмент он является системой знаков, играющих роль в репрезентации и в

трансформировании информации. С другой стороны, язык как независимый от человека объект, подлежит усвоению: его функция вербального представления знаний генетически и функционально неотделима от функции коммуникации [11, с. 52]. Это позволяет различать в сознании личности, наряду с языковым уровнем, и когнитивный уровень. Если первый соотносится с вербализацией и строится при помощи языковых знаков, то когнитивный уровень языкового сознания образуется совокупностью значений, смыслов, строительный материал которых составляют языковые единицы. А потому умение придавать языковым знакам определенный смысл, наделять их информативным статусом называется когнитивной способностью личности, предопределяющей ее мышление, поведение, мировосприятие. В структурной организации языковой личности такая способность получает свою реализацию на лингвокогнитивном, или тезаурусном, уровне, одном из трех уровней языковой личности, который, по словам Ю.Н. Караулова, «...имеет дело не с семантикой слов и выражений, а со знаниями» [10, с. 171]. Основные единицы когнитивного уровня, по мнению исследователя, составляют понятия, идеи, концепты, отношения которых регулируют семантические поля, а универсальные (генерализованные) высказывания выступают стереотипами данного уровня. Именно с этого уровня «начинается» языковая личность, так как здесь прослеживаются индивидуальный выбор единиц и личностное предпочтение [10, с. 52–57]. Тезаурус языковой личности позволяет определить уровень (степень) владения языком, а такой лингвокогнитивный, тезаурусный, подход представляется как средство постижения ментальных знаний и представлений языковой личности. Словом, тезаурус, или лингвокогнитивный уровень, – совокупность культурно маркированных знаний и представлений, репрезентируемых языковыми средствами, это сложная иерархия вербализованных смыслов, коррелятивные взаимоотношения лексических единиц, из которых складывается этнокультурная парадигма языковой личности. На наш взгляд, эти знания выстраиваются прежде всего в единую этническую координату, которая предопределяет особенности развития когнитивного уровня отдельной языковой личности. По словам А.П. Седых, именно «...когнитивно-коммуникативный потенциал...является приоритетным для выявления доминантных черт национальной языковой личности» [14, с. 5].

Определяющая роль при таком подходе принадлежит ценностно-смысловой концептуальной базе, в структуре которой обязательно содержится когнитивное ядро как детерминант этнокультурного мировосприятия, как ментальный базис, фиксирующий и отражающий особенности мышления, идеологии, чувств, склад ума, специфику и нормы поведения личности и т.д. В таком контексте языковая личность рассматривается как «...прототип носителя национально-культурных ценностей, являющихся носителем центральной частью национальной картины мира и имеющих различные способы языкового выражения...» [4, с. 11]. Национальное составляющее каждого народа является его визитной карточкой, содержание

и признаки которой позволяют узнавать целый этнос, выделять его среди огромного многообразия народов; по их специфике моделируется этнокультурный идеал языковой личности, воплощенный и передаваемый в исторической и культурной парадигме. Таким когнитивным ядром, например, в русской языковой картине мира является идея русского характера, русской души. Например, в работе В. В. Воробьева моделируется поле «русская национальная личность», которая, по словам исследователя, помогает выделить ее характерные черты «...как некоего единства, позволяющего, с одной стороны, раскрыть его историческую динамику, а с другой – его национальную специфику» [5, с. 111]. «Национальным полем» обладает каждый народ. Так, доминантами лексико-семантического поля «русская национальная личность» исследователи считают соборность или общность бытия, историческую терпеливость и оптимизм, доброту и всепрощение, второстепенность материального, гостеприимство, любовь к большому пространству и другие [4; 5]. Все эти концепты восходят к усилению значимости более крупной идее духовности как когнитивного ядра, смысл которого раскрывается через осмысление нравственных основ как отличительной черты русского человека. Такой же основной этнической идеей, постоянно действующей ценностью вне времени и пространства, кабардинцы считают адыгагъэ (человечность) как «самую первую заповедь и характерную черту адыгства» [3, с. 16]. Адыгское этническое сообщество, или кабардинский народ, издавна проживает на территории Северного Кавказа и является одним из титульных народов Кабардино-Балкарии, имеющим свою культуру, свой язык и свои традиции, основу которой составляют этнические нормы адыгагъэ. Такой же титульной нацией республики является и балкарский народ, в языковой картине мира которого этнокультурный идеал воплощен в этнический кодекс «Тау адет», который объединяет в себе этикетные нормы поведения и законы (тёре). Подобные тенденции, без сомнения, свидетельствуют о существовании этнокультурного идеала нации, что позволяет говорить о нравственной языковой личности, на лингвокогнитивном уровне которой моделируется ментальная морально-духовная ценностная система знаний и идей о нормативных способах этнического поведения.

Нравственные идеи русского народа, например, сосредоточены в морально-духовных концептах, восходящих к когнитивному ядру духовность. Слово духовность образуется от ‘духовный’, имеющий душу, обладающий душой, а душа – это сердцевина и сущность каждого живого существа. Лексема духовность сопоставима со словом нравственность, и в таком контексте можно интерпретировать ее как совокупность нравственных концептуальных идей, которые осмысливаются в процессе формирования и развития духовной этнокультуры русского народа. Когнитивные признаки предлагаемого для исследования концепта, выявленные из разных источников, а также определенные путем когнитивной интерпретации лексических единиц, позволяют заключить, что номинативное поле концепта духовность в языковом сознании русского народа пронизано религи-

озной и нравственной аксиологией. Так, слово духовный означает «церковный, сочиненный на библейскую или церковную тему; церковно-административный, относящийся к церковному управлению» [15, с. 815], а «...во многих русских говорах слова дух, духовный, духовность имели религиозный смысл, связанный с православной верой» [6, с. 45]. Следовательно, ядерный слой исследуемого концепта релевантно соотносить с религиозной сферой, в которой доминируют концепты *вера, доброта, милосердие, благодать, духовное единство, терпение, кротость, всепрощение* и другие нравственные идеалы. Так, в русском языковом сознании лексема вера заполняет всю духовность человека, его морально-нравственный мир. Когнитивными признаками концепта *вера* в ракурсе религиозной аксиологии является вера в Бога (*жить – богу служить, кто богу, тому и бог*); вера в духовную привязанность человека к богу (*без бога ни до порога; утром бог и вечером бог, а в полдень да в полночь никто же, кроме него*); вера в незыблемый характер истин бога, религии (*с верой нигде не пропадешь, без веры живут на этом свете, а на том не проживешь; вера спасает*); действующая сила веры (*вера спасает; вера животворит; вера и гору с места сдвинет*) и другие. Тот или иной когнитивный признак, зафиксированный в паремиях, фразеологизмах, афоризмах, относится к ядерной зоне и «...свидетельствует о коммуникативно релевантном характере данного признака, который является аргументом в пользу признания его ярким, существенным для когнитивного сознания народа» [13, с. 189]. Доброта, милосердие, сострадание также являются когнитивными структурными единицами, в которых зафиксирована объективизация идейных качеств концепта духовность как ядерной национальной черты русской языковой личности. Утверждение доброты и милосердия в лексико-тематическом поле или точнее когнитивном ядре духовности возможно опять же в контексте христианской аксиологии. Концептуальное значение добра и милосердия символизирует идею духовного единения людей, жизнь которых подчинена координате взаимоуважения и взаимопомощи. Так, в пословицах *милостивому человеку и бог дает; рука дающего не оскудеет* утверждается положительное коннотативное значение концептов, в которых запечатлена этническая идея побуждения к проявлениям добра и милосердия. Фразеологический фонд русского языка выявляет в качестве когнитивных признаков проявление добра в формульных приветствиях: *будь добр (будьте добры)* – форма вежливости при обращении к кому-либо; *добро пожаловать* – приветствовать, вежливое приглашение прийти, приехать, войти, зайти и т.п.; *в добрый час* – выражение пожелания удачи, благополучия в чем-либо, обычно при начинании какого-либо дела. Однако надо подчеркнуть, что для исследуемого контекста семема добро занимает дальнюю периферию и относится больше к концептуализации этикетных формул обращения и пожелания. Паремиологическая зона как совокупность исторических представлений и знаний народа о данном явлении объединяет лексические единицы, значения которых в кон-

тексте религиозной аксиологии проявляются в регулятивной зоне, где обнаруживаются когнитивные признаки, «предписывающие что надо, а что не надо делать в сфере, покрываемом концептом» [13, с. 78]. Предписывающим характером обладают, например, пословицы *доброму делу не кайся; добрым делом не кори; делать добро спеши; торопись на доброе дело, а худое само поспеет* и другие. В ядро номинативного поля концепта *духовность* можно включить и такие лексические единицы, как *русский дух, русская душа, русский характер, загадка русской души*, которые имплицитно выражают ментальность народа, то есть специфику его ценностных ориентиров, мировоззренческие и поведенческие стереотипы. Как видно, количество семем и наличие большого числа коннотативных значений концепта *духовность* позволяют рассмотреть его как обобщенную когнитивную модель русского языкового сознания, в которой *духовность* приобретает чисто русский характер. По словам В.И. Карасика, это свидетельствует «о номинативной плотности» [9, с. 111] концепта, что усиливает его культурную и социальную значимость в сознания русского человека. Частота языковых репрезентаций концепта *духовность* в статусе констант русской культуры позволяет подчеркнуть его доминирование и актуальность в когнитивном сознании именно русского человека.

Этнический способ представления мира при помощи выявления и описания специфики формирования и развития нравственной этнокультурной языковой личности обнаруживается и в концепте *адыгагъэ* (каб.) и эксплицируется как нравственный мировоззренческий стереотипный принцип жизнедеятельности национальной (адыгской) языковой личности. В кабардино-черкесском-русском словаре *адыгагъэ, адыгство* определяются как «атрибуты адыгского этикета» [1, с. 19]. Из самого определения явствует, что когнитивная интерпретация идеи *адыгагъэ* выявляет когнитивные признаки, репрезентирующие нравственные качества личности. Основными способами прямой номинации предложенного концепта являются устойчивые обороты, в которых лексема *адыгагъэ* приобретает более насыщенное и конкретное семантическое значение в метафорических выражениях *адыгагъэ ехын (кIэлъызехъэн)* (каб.) – оказать кому-либо свойства данного концепта, то есть уделить внимание, проявить уважительное отношение; *адыгагъэ хэлъын* (каб.) – обладать этим качеством. Рассмотрение слова *адыгагъэ* в лингвистическом словаре [1] дает основание выделить такие семантические значения, как человечность, благородство, учтивость, толерантность, гостеприимство и т.п., которые претендуют на статус самостоятельных концептов. Анализ словарных дефиниций, связанных с данной лексемой, позволяет определить следующие семантические компоненты (семы): *зехъэн* (носить), *зыхэлъхъэн* (воспитывать), *насытц* (счастье), *адыгэ хъэл-щэн, хъэлыфIэ-щэныфIэ* (воспитанный, корректный, с примерным поведением); *адыгэншагъэ* (несоблюдение адыгского этикета), *адыгэлI* (перен. мужчина, воспитанный в традициях адыгского этикета), *адыгэ цIыхубз* (женщина, воспитанная в традициях адыгского этикета) [1,

с. 20]. Б. Бгажноков подчеркивает, что в процессе развития адыгского социума «...формируется основная личность с характерной для нее нравственно ориентированной ментальностью: *адыгэ хьэщэн* – «адыгский характер», «адыгский нрав»... и вводятся обозначения базовой личности: *адыгэл* – «истинный мужчина», *адыгэ бзыльхугъэ* – «адыгская женщина», *адыгэ щыпкъэ* – «истинный адыг...» [3, с. 12]. *Адыгагъэ* как сосредоточие духовно-нравственной культуры позволяет сконструировать модель нравственной языковой личности, когнитивный уровень которой отражает специфику национальной культуры. Языковые единицы, объективизирующие исследуемый концепт, образуют концептуальную парадигму высоконравственных, позитивных смыслов и значений, из которых складывается когнитивная база нравственной языковой личности, ее этнокультурного идеала. В народе говорят *адыгэ нэмыс*, *урыс насып* (каб.), то есть то, что у кабардинцев *нэмыс* (почтительность) как одно из проявлений *адыгагъэ*, то у русских называется *счастье*. Следовательно, *адыгагъэ* – высокая степень проявления самого глубинного, сокровенного, что делает человека счастливым. Концепт почтительность (*нэмыс*) в словаре объясняется как «1. пристойность, приличие; 2. почет уважение» [1, с. 335]. Языковыми средствами номинирования концепта *нэмыс* выступают и однокоренные слова *нэмысыншагъэ* – отсутствие скромности, наглость; *нэмысыншэ* (нескромный, наглый); *нэмысыфлагъэ* (скромность, благопристойность); *нэмысыфлэ* (учтивый, почтительный, скромный, благопристойный). Данные лексемы позволяют расширить семантическое поле концепта смыслами слов *скромность*, *учтивость*, *благопристойность*, которые также объективируют целый ряд когнитивных признаков рассматриваемого концепта – словом, доминантный концепт «обрастает» новыми концептуальными признаками и расширяет его лексико-семантическое поле. Лексемы, номинирующие концепт *почтительность* (*нэмыс*), активно употребляются во фразеологических и паремиологических единицах, значения которых позволяют выявить определенные признаки концепта. Так, в выражении *Нэмыс здэщымылэм насыпи щылэкъым* (каб.) (Там, где нет почтительности, нет и счастья) актуализируется понятие *счастья*; *Нэмыс щылэмэ уи щхьэщ зыхуэщылэр* (Если ты почтителен, то это только для твоего блага); *Уи щхьэ хуэщылэжыр уи нэмысщ* (То, что ты делаешь, то и твое почтение) прививается чувство собственного достоинства, воспитанности; *Уи анэ-адэ яхуэщл нэмысыр уи бынми къыхуащылэжыныщ* (Твое почтение к родителям вернется к тебе от твоих детей) – уважение к родителям и т.п. В связи с этим интересными, на наш взгляд, являются «персонифицирующие принципы», которые детерминируют выделение таких когнитивных признаков, как «уважение старших», «почитание женщин», «почитание гостя», «почитание родственников», «почитание детей», «самоуважение» [3, с. 44], которые также индексируют концептуальное поле *нэмыс*. По данным ассоциативного эксперимента, направленного на выявление понимания смысла *нэмыс*, ассоциаты исследуемого концепта «...представляются

транслятором уникальной информации, являются важнейшими репрезентантами национальной языковой картины мира... стимул «намыс» в представлении современной молодежи является лингвокультурным маркером этнической личности, обязательно соблюдающей признанные ее народом определенные, нередко уникальные принципы [2, с. 30]. Таким образом, «номинативная плотность» лексемы *адыгагъэ*, значительное количество ее когнитивных признаков позволяют утверждать, что концепт *адыгагъэ* представляет собой национально-культурный феномен, предписывающий специфику гармоничного сосуществования людей по нравственным законам и правилам, как морально-этическая категория, выступающая средством моделирования когнитивного уровня структуры национальной (кабардинской) языковой личности.

Этническое мировосприятие побуждает народы к стремлению выделить свой национальный характер и сформировать самому о себе определенное мнение. Полагаем, что для этого нужны проверенные знания, идеи, которые закрепляются прежде всего на когнитивном уровне этноса. Например, балкарский народ, проживающий на территории Кабардино-Балкарии и являющийся одной из титульных наций республики, называет себя «таулула», что в современном понимании означает «горцы». Однако исследователь М.Ч. Джуртубаев пишет, что «в балкарском языке есть понятие «таулулукъ» – в буквальном переводе «балкарство» или «карачаево-балкарство... – синоним слова «доверчивость». Это не может быть случайностью. Народ, который знает себя лучше, чем кто-либо, не стал бы использовать свое самоназвание для термина, в котором не отражается характерная, искони присущая и существующая в его душе черта» [7, с. 174]. Следовательно, можно предположить, что концепты поля *доверчивость* как культурные доминанты могут претендовать на статус основополагающих значений и символов в фундаменте балкарской аксиологии и в моделировании национальной (балкарской) языковой личности, этнокультурного идеала народа. Но функционирование лексемы *таулулукъ* чаще приобретает оттенок сожаления о том, что *доверчивость* в значении искренности и веры приводит балкарца к разочарованию. Так, в той же книге М. Джуртубаев приводит пример проявления склонности балкарца верить незнакомому человеку, который, не оправдав надежды доверчивого горца, тем самым причиняет ему боль. Именно в такой ситуации, по мнению исследователя, и говорят: «*Эй, шуёхум, бу жол а таулулукъ этдинг!*» (Да, приятель, на сей раз ты проявил *таулулукъ*) [7, с. 173]. Однако в контексте выявления национального ядра и специфики мировосприятия национальной (балкарской) языковой личности нельзя не основываться на уникальном этическом кодексе карачаево-балкарского народа, который называется «Тау адет» (балк.). В переводе с балкарского языка означает «горский кодекс» и представляет собой собрание морально-нравственных высказываний и афоризмов, отражающих народную мудрость балкарцев. Одной из его составляющих частей считается «Ёзден адет». Слово *ёзден* (балк.) перево-

дится как «дворянин, свободный, благородный, возвышенный человек», следовательно, очевидно, что данная часть представляет собой совокупность народных знаний, представлений и воззрений об идеальном, нравственном человеке, его мыслях, поступках. Так, когда говорят «*Езденлик этгенди*» (балк.) (Проявил узденство), это означает: он проявил щедрость. Эта же мысль в наставлении «*Тамгъан суугъа кёзлеу деде, къызгъанч адамгъа ёзден деде*» («Не называй капающую воду родником, не называй узденем жадного человека») [7, с. 204–205]. Концептуальное поле *узденство* включает в себя множество концептов, квинтэссенция которых выражает этнический дух народа. Так, считаем важным подчеркнуть, что книга начинается с раздела «Завет» как свидетельства преемственности людей, сохраняющих и передающих самые ценные знания и представления. Не зря в балкарском народе говорят: *Адамны бети – бетинде, элни бети – адетинде* (балк.) (Совесть (честь) человека на его лице – совесть (честь) народа – в его обычаях). В Кодексе утверждается концепт *человек*, его великий статус и величие народа, к которому он относится: *Адамгъа адам керек* (балк.) (Человеку нужен человек); *Тели да бол, эсли да бол – элин, жеринг бла бирге бол* (балк.) (Глуп ли ты, разумен ли – будь всегда со своим народом, со своей землей). «Завет» призывает человека: *Адет билсенг – адетге кёре, билмесенг – бетге кёре* (балк.) (Знай обычай – поступай по обычаю, не зная – поступай по совести). Когнитивная интерпретация этих лексических единиц позволяет выделить в семантическом ядре рассматриваемого концепта подчеркнутый патриотизм, привязанность к своему народу, к его традициям, честь, совесть и достоинство как концептуальные признаки *узденства*. Концептуальное значение расширяется частотностью лексических единиц, связывающих этническое понимание концепта патриотизм с пониманием значимости для балкарца идеи преемственности поколений, от отца к сыну. Так, метафорическое выражение *Анам тикген тонум бар, Атам салгъан жолум бар* (балк.) (Есть у меня шуба, сшитая матерью, есть у меня путь, проложенный отцом) усиливает актуальность завета предков для балкарского народа. Примечателен в данном контексте и раздел «Душа горца», который объединяет афоризмы, выражающие «...как взгляд карачаево-балкарцев на свою среду обитания, так и на самих себя» [7, с. 151]. Как было уже отмечено выше, лексема *таулу, таулулу* (балк.) («гора, горы») является самоназванием народа, что сопряжено с особенностями их местом проживания. Смысл такого названия, его прямое номинативное значение нетрудно сопоставить с признаками горы, ассоциатами которой являются лексеммы *твердость, прочность, основательность*: мышление балкарского народа «монументальное», «крупное», «прочное», «вечное»... это «...народ, в чьей душе преобладает начало мужское, отдающее, а не женское – впитывающее, берущее» [7, с. 203]. Все эти лексеммы индексируют концептуальное значение слова «*таулу*» (горец), обогащая его целым комплексом нравственных признаков, качеств, которые вербализуются, например, в таких выражениях, как

Таулу суйген – туура сёз (балк.) (Открытая речь – то, что любит горец) (концепт *открытость, доверчивость*); *Таулуну кьолу – жауур, ашагъан ашы – ауур* (балк.) (Руки горца мозолисты, пища питательна /тяжела) (концепт *трудолюбие*); *Таулу, кеси ач кьалса да, кьанакълары ач этмез* (балк.) (Горец сам не поест, но гостей накормит) (концепт *гостеприимство*); *Таулу кечип да кьоймаз, дау айтып да кьыёнамаз* (балк.) (Горец обиды не простит, но и досаждать попреками не станет) (концепт *сдержанность, концепт мудрость*). Концепт *сдержанность* прочитывается и в балкарской фразе «*плачут не люди, а горы, скалы, деревья*» в контексте самых трагических страниц истории балкарского народа.

Таким образом, представленный материал позволяет заключить, что этнокультурный идеал языковой личности структурируется в пространстве национальной культуры и языка. Векторная роль в таком этническом процессе принадлежит нравственным ценностям, которые зарождаются в глубинах когнитивного ядра и укрепляются как доминантные знания, отражающие специфику языковой картины мира того или иного этноса. Этническая идея, основанная на иерархии ментальной морально-духовной ценностной системы знаний и идей о нормативных способах этнического поведения как отдельной языковой личности, так и целого национального сообщества, позволяет определить лингвокогнитивный уровень этнокультурного идеала языковой личности в контексте этнокультурной временной и пространственной парадигмы.

Список литературы

1. Апажев М.Л., Коков Дж. Н. Кабардино-черкесский-русский словарь. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 704 с.
2. Башиева С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч. Категория «намыс» как лингвокультурный маркер речевого портрета билингвальной личности // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2013. – № 18. – С. 28–31.
3. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Ф, 1999. – 96 с.
4. Василюк И.П. Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности (на материале афористики): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2004. – 24 с.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 330 с.
6. Гостева И.В. Концепт духовность в русской языковой картине мира // Вестник ЧГУ. – 2013. – № 20 (311). Филология. Искусствоведение. – Вып. 79. – С. 44–48.
7. Джуртубаев М.Ч. Душа Балкарии: Сб. ст. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 232 с.
8. Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисловие и комм. М. Ч. Джуртубаева. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 576 с.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2007. – 264 с.
11. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологический факультет МГУ, 1997. – 197 с.
12. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, «Русские словари», 1997. – 414 с.

13. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ текста. Монография. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

14. Седых А.П. Этнокультурные характеристики языковой личности (на материале французской языковой личности): дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2005. – 418 с.

15. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – Т. 2. – 520 с.

Список сокращений

Балк. – балкарский язык, каб. – кабардинский язык.

Концепт «деньги» в наивном сознании студентов

В статье рассматривается методика описания одного из центральных концептов экономической сферы – деньги. С помощью ассоциативного эксперимента через построение семантического поля определяются особенности (общие и специфические) представления концепта в наивном сознании трех групп информантов – студентов экономического, географического и филологического факультетов.

The paper examines the methodology of description of the concept money which is one of the central concepts in economic sphere. With the help of association experiment through formation of semantic field the peculiarities (general and specific) of presenting the concept in the naïve consciousness of three groups of informants are defined. The informants are students of Economics, Geography and Philology faculties.

Ключевые слова: лингвокогнитивная методика, концептосфера, концепт, ассоциативный эксперимент, информанты, семантическое поле, наивное сознание.

Key words: linguo-cognitive methodology, sphere of concepts, concept, association experiment, informants, semantic field, naïve consciousness.

Важнейшими задачами современной когнитивной лингвистики являются уточнение и совершенствование лингвокогнитивной методики изучения языка, а также исследование коммуникативно релевантных концептов русской концептосферы [1; 2; 4; 5; 6 и др.]. К таким концептам, по нашему мнению, относится концепт **деньги**, выступающий центральным концептом современной экономической сферы. Работа вызвана необходимостью описания и построения моделей избранного концепта по языковым данным носителей русского языка.

Понимая концептосферу как упорядоченную совокупность концептов (иначе – информационную базу мышления человека), а концепт как оперативную содержательную единицу памяти, «ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*linguamentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [3, с. 90], рассмотрим методику, позволяющую описать концепт **деньги** в русском языковом сознании студентов.

Наиболее эффективным методом изучения концептов как «реальности сознания» людей является ассоциативный эксперимент, который выявляет максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих концепты.

Был проведен эксперимент, нацеленный на сбор информации о реальных составляющих концепта **деньги** в наивном сознании студентов 1–4 курсов трех направлений подготовки – филологов, экономистов, гео-

графов (в эксперименте участвовали 30 студентов филологического, 30 студентов географического и 30 студентов экономического факультета).

Эксперимент проводился в письменной форме: информанты давали первую пришедшую в голову реакцию на слово **деньги** (иногда студенты давали не одну, а несколько реакций). От 90 информантов получено 174 реакции. При этом за одну реакцию принималось как одно слово (*достаток*), так и словосочетание (*удовлетворение потребностей*) либо выражение (*счастье не в деньгах*). Полученные ассоциаты с помощью контент-анализа объединялись в более крупные языковые единицы, определяющие актуальные смыслы слова-стимула. Таким образом моделируется речемыслительный процесс, позволяющий объективировать способ членения мира индивидом.

Рассмотрим актуальные смыслы слова-стимула **деньги** в каждой из трех групп информантов.

I. Информанты – студенты экономического факультета. Получено 79 реакций, представляющих актуальные смыслы концепта (приводятся в порядке убывания по количеству употреблений).

1. Ценные бумаги, монеты, водяные знаки, купюры, банкноты, бумажные, рваные, мятые, зеленые – 22.

2. Богатство, благосостояние, материальное благо – 14.

3. Власть, сила, независимость – 7.

4. Товары, покупки – 5.

5. Много, мешок; чем больше, тем лучше – 4.

6. Возможности, услуги – 4.

7. Достижение успеха, успех – 3.

8. Заработать, желание заработать, работа – 3.

9. Банки, магазин – 3.

10. Шелест, специфический запах, деньги не пахнут – 3.

11. Вложить в бизнес, бизнес – 2.

12. Платежи, кредит – 4.

Другое

Удовлетворение потребностей – 1; счастье не в деньгах – 1; инвестиции в будущее – 1; бумажник – 1; жизнь – 1; зло – 1; кафедра – 1.

Информантами отмечаются различные экономические единицы и операции: *бизнес, кредит, платежи, покупки, инвестиции в будущее, банкноты*. Один из информантов приводит индивидуально-авторский ассоциат: *кафедра*.

Многие информанты используют синонимы, объясняя смысл концепта **деньги**: *ценные бумаги, монеты, водяные знаки, купюры*. Даны примеры описания стимула **деньги** при помощи цветовых и осязательных ощущений: *бумажные, рваные, мятые, зеленые, шелест, специфический запах, деньги не пахнут*. В поведенческих характеристиках есть попытка описать деньги как некое действие: *заработать, вложить в бизнес*.

Отметим, что для этой группы информантов наиболее важными представлениями концепта **деньги** являются *купюры, богатство, власть*.

II. Информанты – студенты географического факультета. Получено 68 реакций. Актуальные смыслы концепта **деньги** распределились следующим образом:

1. Зеленые, бумага, касик (жарг.), рубль, доллар, евро, дорогие, бумажные, зелень, хрустящие банкноты, новенькие банкноты, хрустящие – 14.

2. Богатство, изобилие, благополучие, стабильность – 7.

3. Отдых, музыка, кино, удовольствие, путешествие – 7.

4. Много, количество – 6.

5. Нужно, очень надо, всегда необходимы – 6.

6. Заработать, работа, зарплата – 4.

7. Свобода – 3.

8. Банк, магазин – 2.

9. Трудности, не хватает – 2.

10. Определенные возможности, возможность – 2.

11. Покупки – 2.

12. Достаток – 2.

13. Власть – 2.

Другое

Пластиковая карта – 1; статус – 1; на них не купишь любовь и здоровье – 1; здоровье – 1; бюджет – 1; города – 1; одежда – 1; машина – 1; реализация планов – 1; самовыражение – 1.

Обработка результатов ассоциативного эксперимента показала, что первое место вновь занимают ассоциаты, определяющие имя концепта: *зеленые, бумага, рубль, доллар, евро, дорогие, бумажные, зелень, хрустящие, банкноты, новенькие банкноты и др.* – всего 14 единиц, называющих как обобщенные, так и конкретные имена концепта, в том числе и жаргонные – *касик* (купюра достоинством в 1000 рублей).

Стабильно второе место занимают в обеих группах ассоциаты *богатство, благополучие*. На третьем месте – *отдых*, а не *власть*, как выявлено в группе экономистов. На четвертом месте – ассоциат *много*, который отмечен и в группе экономистов: *чем больше, тем лучше* (пятое место).

Важными представляются в обеих группах ассоциаты *заработать, работа* (8 место в группе экономистов, 6 – в группе географов); *покупки* (4 место – в группе экономистов, 11 – в группе географов); *банк(и), магазин* (соответственно 9 и 8 места).

В группе географов определяются и другие смысловые нюансы: *свобода, трудности, возможность*. Следует отметить достаточно разветвленную группу других реакций: 10 единиц, представляющих индивидуальные реакции информантов и отражающих их представление о концепте (*пластиковая карта, статус, на них не купишь любовь и здоровье, здоровье, бюджет, города, одежда, машина, реализация планов, самовыражение*).

III. Информанты – студенты филологического факультета. Всего 35 реакций.

Выявлены следующие актуальные смыслы концепта **деньги** (приводятся в порядке убывания по количеству употреблений):

1. Доллар, рубль, валюта – 6.
2. Богатство, роскошь, материальные ценности – 5.
3. Зарплата, достаток, заработок, доходы, средства к существованию – 5.
4. Зарабатывать, работа – 3.
5. Зло – 2.
6. Власть, правят миром – 2.
7. Кошелек, сумка – 2.

Другое

Не пахнут – 1; кризис – 1; экономика – 1; халява – 1; купить – 1; магазин – 1; расчет – 1; обмен – 1; бизнес – 1; успех – 1.

Как видим, приоритетными ассоциатами концепта **деньги** в группе филологов являются *доллар, рубль, валюта, зарплата, доходы, средства к существованию, зарабатывать, заработок, работа, богатство, роскошь*. Появляются и такие смыслы концепта, как *зло, правят миром, материальная ценность, успех* и др. Такие ассоциаты экономической сферы, как *бизнес, кризис, обмен, экономика*, являются малочастотными и, как и в группе географов, отражают индивидуальные представления концептов экономической сферы. В основном информанты отмечают, для чего нужны деньги (*купить, расчет, обмен, бизнес, магазин*). Деньги символизируют *успех* и *не пахнут*.

Определим семантическое поле, состоящее из ядерной зоны, ближней и дальней периферии, в каждой из трех групп информантов (см. табл.).

Таблица

*Семантические поля концепта **деньги** в представлении информантов*

Семантические зоны	Экономический факультет	Географический факультет	Филологический факультет
Ядерная зона ¹ Э = 47,56% Г = 20,59% Ф = 31,43%	Ценные бумаги, монеты, водяные знаки, купюры, банкноты, бумажные, рваные, мятые, зеленые, богатство, благосостояние, материальное благо, власть, сила, независимость.	Зеленые, бумага, касик (жарг.), рубль, доллар, евро, дорожки, бумажные, зеленые, хрустящие банкноты, новенькие банкноты, хрустящие.	Доллар, рубль, валюта, богатство, роскошь, материальные ценности.
Всего:	39	14	11

¹ Э – информанты экономического факультета; Г – информанты географического факультета; Ф – информанты филологического факультета.

Ближняя периферия Э = 43,90% Г = 66,18% Ф = 40%	Товары, покупки, много, мешок; чем больше, тем лучше, банкноты, платежи, кредит, возможности, услуги, достижение успеха, успех, заработать, желание заработать, работа, банки, магазин, шелест, специфический запах, деньги не пахнут, вложить в бизнес, бизнес.	Богатство, изобилие, благополучие, стабильность, отдых, музыка, кино, удовольствие, путешествие, много, количество, нужно, очень надо, всегда необходимы, заработать, работа, зарплата, свобода, банк, магазин, трудности, не хватает, определение возможности, возможность, покупки, достаток, власть, заработать, работа.	Зарплата, заработок, достаток, доходы, средства к существованию, зарабатывать, работа, заработок, богатство, роскошь, материальные ценности, зло, власть, правят миром, кошелек, сумка.
Всего:	36	45	14
Дальняя периферия Э = 8,54% Г = 13,23% Ф = 28,57%	Удовлетворение потребностей, счастье не в деньгах, инвестиции в будущее, бумажник, жизнь, зло, кафедра.	Пластиковая карта, статус, на них не купишь любовь и здоровье, здоровье, бюджет, города, одежда, машина, реализация планов, самовыражение.	Не пахнут, кризис, экономика, халява, купить, магазин, расчет, обмен, бизнес, успех.
Всего:	7	9	10

Ядерная зона. Самой представительной оказалась ядерная зона у группы экономистов – 47,56%. На втором месте – группа филологов (31,43%). Третье место – у группы географов (20,59%). Следует отметить, что для информантов-экономистов и информантов-филологов актуальным оказался такой ядерный смысл концепта **деньги**, как *богатство*. В ответах всех групп информантов стимул **деньги** определяется либо через общее (*ценные бумаги, купюры, банкноты, валюта, зелень и др.*), либо через конкретные наименования (*рубль, доллар, евро и др.*). В этой зоне только у группы экономистов есть ассоциаты *власть, сила, независимость*.

Ближняя периферия. Наиболее разветвленной явилась ближняя периферия у группы географов – 66,18%. Вновь результаты ассоциатов в двух других группах (экономисты – 43,90%; филологи – 40%) оказались более согласованными.

Сопоставление реакций информантов разных специальностей выявляет смысловые нюансы концепта **деньги**. Для экономистов, например, важен такой ключевой ассоциат, как *много*, для географов актуален иной ас-

социат – *нужны*, а для филологов – *зло, власть, правят миром*. Если в группах информантов экономистов и географов имеют место такие ассоциаты, как *товар, покупки, отдых, магазины*, то у филологов данные ассоциаты в этой зоне не прослеживаются. Однако во всех 3 группах информантов есть общий ассоциат. Это *работа, работать*, а у филологов и географов еще и *зарплата*.

Дальняя периферия. Наиболее объемной оказалась дальняя периферия у группы филологов – 28,57% с такими образными ассоциатами, как *халва, не пахнут, успех*. Надо отметить, что образные ассоциаты есть и в группах экономистов (*счастье не в деньгах*) и географов (*на них не купишь любовь и здоровье*). Именно на дальней периферии оказались ассоциаты, определяющие возможности денег: экономисты (8,54%) – *удовлетворение потребностей, инвестиции в будущее*; географы (13,23%) – *статус, здоровье, одежда, машина, реализация планов*; филологи (28,57%) – *магазин, расчет, бизнес, обмен, успех*.

Итак, исследование корпуса ассоциаций трех групп специальностей выявило как общий (ядерный) универсальный слой концепта **деньги**, так и специфику его преломления у разных индивидов. Являясь ключевым в языковой картине мира говорящих, данный концепт отражает дифференцированные представления индивидов об окружающей социальной среде, выявленные с помощью методики свободного ассоциативного эксперимента.

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2002. – Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – С. 79–95.
2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии наук. Серия лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2004. – 208 с.
6. Слышкин Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 38–45.
7. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
8. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – С. 42–67.

Эмотивный предикат как средство репрезентации константы внутреннего мира человека

В статье затрагивается проблема исследования констант категоричности и некатегоричности на основе оппозиции их ядерных эмоциональных или, вернее, чувственных составляющих – уверенности и неуверенности, средством текстовой репрезентации которых являются, соответственно, категоричное и некатегоричное высказывания, включающие эмотивный предикат.

The article deals with the issue of categoricity and non-categoricity constants' investigation on the basis of the opposition of their nuclear emotional components – certainty and uncertainty the means of linguistic representation of which are, respectively, categorical and non-categorical statements which include emotive predicate.

Ключевые слова: константа, категоричность, некатегоричность, уверенность, неуверенность, эмотивный предикат.

Key words: categoricity, non-categoricity, certainty, uncertainty, emotive predicate.

В фокусе исследований семиотики, антропологической и когнитивной лингвистики находятся вопросы о том, каким образом выражается внутренний мир человека в языке и чем обусловлен выбор тех или иных средств его языковой и неязыковой репрезентации, поскольку «понимание природы языка через понимание природы человека и его внутреннего мира открывает новые горизонты познания языка в человеке и человека в языке. Человек и его мир в целом являют собой сложное, многогранное образование, насквозь пронизанное языком» [15, с. 359].

Лингвокультурологическое направление отечественной когнитивной лингвистики считает язык универсальной формой первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта. Среди работ его представителей особенно выделяются научные труды учёных Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, воплотивших идею о систематизации разговорного материала в сфере семантики на основе черт национальной психологии народа – носителя языка (см., напр.: [1; 2]). Мысль о том, что национальная духовная культура, хотя бы в некоторых своих фрагментах, допускает исследование объективными методами лингвистического анализа, сделала возможным проведение такого изыскания через выделение долей определённых абстрактных семантических образований, составляющих обширные пространства категоричности и некатегоричности – констант внутреннего мира человека (см. подробнее: [15; 16; 17]).

Способствуя изучению и пониманию процессов языкового общения, данные константы, «содержательная (смысловая) онтология которых определяется психофизиологической и социальной организацией человека и его ценностными ориентациями в универсуме, позволяющими соединить мир человека с окружающим его реальным и воображаемым миром» [10, с. 118], являют собой «пространство двух сопряжённых универсальных категорий – противоположаемых понятий, «отражающих двоичность восприятия мира» [9, с. 27]. Данные константы составляют бинарную оппозицию, где семантико-синтаксическую «сильную» позицию занимает, на наш взгляд, категоричность в силу её прототипичности, а также полноты и точности реализации её когнитивных характеристик (см. подробнее: [20, с. 180].

«Все семантически-сопряжённые категории бинарной оппозиции – это категории ассоциативной природы. В этом их специфика, требующая нетрадиционной модели описания и системного представления. Здесь необходимо обращение не только к языку, но и к мышлению и сознанию как динамическим категориям в ретроспективе и перспективе» [11, с. 74].

Константы категоричность и некатегоричность, феномены высшего порядка, представляют собой коллективно обобщённые и осмысленные значения, существующие независимо от сознания определённого индивидуума. Они обладают постоянством своих характерных черт, образуя макроуровень двух сопряженных пространств в семиосфере внутреннего мира человека. Данные константы как комплексные языковые знаки рассматриваются в «трёхмерном пространстве языка» [24], другими словами, в семиотическом пространстве вербальных и невербальных знаков или, в терминах Ю.М. Лотмана, в семиосфере [7]. Их семиотическое пространство «характеризуется областью отношений, обусловленных совокупностью семантической репрезентации, прагматических особенностей контекста рассмотрения, а также анализа языковых средств выражения составляющих их сегментов» [16, с. 170], являя собой знаковую систему – совокупность разноуровневых единиц и определённых отношений и связей между ними, где выделенные смыслы категоричности и некатегоричности вместе с совокупностями языковых средств их передачи распределяются по их уровню-иерархическим соотношениям.

Феномены категоричность и некатегоричность связаны с когнитивной деятельностью индивида, которая находит своё системное отражение в языке, поскольку единицы языка, понимаемого как система, легко соотносятся с когнитивными концепциями о языке – репрезентанте сознания говорящего субъекта как связующем звене между языком и окружающей действительностью. Отечественная когнитивная лингвистика, активно развивающаяся отрасль знаний о закономерностях в процессах познания действительности сознанием, уходит корнями в теорию В. фон Гумбольдта о «духе народа» [4], в исследования А.А. Потемби о двойной функции речи «дихотомия: речь – понимание» [14, с. 187], а также в теорию речевой дея-

тельности (Л.С. Выготский, В.М. Павлов, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия и др.). Работы выдающихся российских учёных, составляющих направление структурно-семантических исследований, принято соотносить с трудами зарубежных авторов-когнитивистов (L. Talmy, G. Lakoff, M. Johnson, R.W. Langacker и др.) преимущественно американского происхождения (см. подробнее: [21, с. 86]).

Очевидно, что между этими направлениями, развивающимися самостоятельно, наблюдается определённое сходство. За различием в терминологии угадывается идентичность рассматриваемых категорий, подобие в методах анализа, да и сам объект исследований – «ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [13, с. 12], указывает на изыскательскую область когнитивной лингвистики.

Как утверждает М.В. Малинович «смысл, идея (эйдос), мысль не рождается из н и ч е г о. Он есть результат познавательной, творческой деятельности активно действующего гносеологического Я – субъекта с его индивидуальным и социальным опытом. Воспринимая объекты, явления, события мира и другие его факты, он пропускает их через своё феноменологическое и причинное мышление – сознательный процесс рефлексии объективной реальности и сознание – бессознательный процесс её отражения, ибо в него включаются эмоции и чувства человека» [8, с. 15].

Феномены категоричности и некатегоричности и их производные – категоричный и некатегоричный характеризуют не только язык индивида: точный, однозначный или неясный, завуалированный, но и его самого: уверенного, бестактного или неуверенного, тактичного. Речевое поведение индивида, категоричное или, напротив, некатегоричное, как правило, обусловлено его эмоциональным состоянием, поскольку в его основе лежат, соответственно, чувства уверенности или неуверенности говорящего субъекта. Это позволяет рассматривать исследуемые феномены на основе оппозиции их ядерных репрезентантов – уверенности и неуверенности как эмоциональных или, скорее, чувственных составляющих.

Эмоции, по мнению А. Ортони, Дж. Клоура и А. Коллинза, «очень реальны и очень интенсивны, и все-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности» [12, с. 318]. Высказанная выше мысль перекликается с утверждением А. Шлейхера о том, что «чувства, восприятия, волеизъявления язык прямо не выражает: язык – не непосредственное выражение чувства и воли, но только мысли. Если необходимо через посредство языка выразить чувства и волю, то это возможно делать только опосредованным путем, и именно в форме мысли» [25, с. 92].

Языковая категоризация эмоций – эмотивность, наряду с когнитивностью и коммуникативностью, является базовой характеристикой языка, представляя собой имманентно присущее ему «семантическое свойство

выражать системой своих единиц эмоциональность как факт психики, отражённые в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [22, с. 24], которое формируется в языковом знаке на основе эмоционального аспекта когнитивно-коммуникативной деятельности субъекта.

Размежевание понятий эмоциональности и эмотивности основывается на их предназначении и направленности: эмоциональность как неконтролируемое и зачастую бессознательное проявление эмоций, характеризует активного субъекта, эмотивность как сознательная, демонстративная репрезентация эмоций имеет направленность на адресата и/или третье лицо (объект) (см. подробнее: [6]), следовательно «на языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность, эмоции – психологическая категория, эмотивность – языковая» [5, с. 72–73]. Это же самое следует сказать и о чувствах как о более устойчивой и пролонгированной основе возникающих эмоций, об особом подклассе эмоциональных процессов. Они могут возникать посредством генерализации нескольких эмоций, направленных на определенный объект, и могут быть выражены посредством эмоций. Например, «неуверенность – это чувство, обусловленное базовой эмоцией страха, это ощущение отсутствия сил, неспособность отдавать распоряжения и требовать их выполнения, это качество или состояние (*the quality or state*), и, следовательно, неуверенным человек может быть либо в силу своих личностных качеств, либо входя в состояние неуверенности в определённой ситуации общения» [18, с. 219–220]. Чувство неуверенности говорящего субъекта выражается в предположительности, неточности, неоднозначности его речевого поведения. Чувство уверенности, напротив, – это отсутствие сомнений и страха, это вера в себя, ощущение и демонстрация силы и права (правоты – истинности суждения). Уверенное поведение говорящего субъекта репрезентирует внутреннюю силу, решимость в совершении определённого действия, а также решительность его выполнения. Средством текстовой репрезентации чувств уверенности и неуверенности говорящего субъекта при его категоричном и некатегоричном речевом поведении являются, соответственно, категоричное и некатегоричное высказывания, включающие эмотивный предикат, эмотив – языковую единицу, «превалирующей функцией которой является выражение эмоций говорящего» [23, с. 13].

Будучи показателем скрытых индивидуально-психологических и социально-психологических составляющих личности, эмотивный предикат как паралингвистическое средство описания невербальных коммуникативных действий чаще всего репрезентируются имплицитно, указывая на действия или намерения индивида, а также на особенности его поведения или психического состояния в определённой ситуации общения. «Невербальные средства, являясь в значительной степени полифункциональными, позволяют уточнить характер диалогических отношений, степень психологической близости между коммуникантами и их актуальное состояние в процессе общения. Отражая индивидуально-психологические свойства

личности, которые могут не обнаруживать себя в высказываниях, невербальная сторона взаимодействия способствует их более глубокому пониманию» [3, с. 237].

Поскольку эмоциональное наполнение высказывания напрямую связано с психикой индивида, паралингвистическими средствами, зафиксированными в эмотивном предикате, являются мимика, жесты, кинесика, проксемика, репрезентирующие информацию о характере речевых поступков участников коммуникативного взаимодействия и особенностях их эмоционального состояния:

The head foreman rushed through the aisles and bawled to us to “hustle for all you were worth,” as customers were demanding their goods.

“My God! ain’t we hustling?” – angrily shouted Rosie Sweeny, a pretty girl at the next table. “God Almighty! How I hate Easter and Christmas time! Oh, my leg is ’most breaking,” and with that the overwrought girl burst into a passionate tirade against everybody, the foreman included, and all the while she never ceased to work [29, p. 105].

Конструкции с эмотивными предикатами отображают статусно-ролевые параметры участников коммуникации, указывая на психологическую дистанцию между ними:

Mr. Alleyne flushed to the hue of a wild rose and his mouth twitched with a dwarf’s passion. He shook his fist in the man’s face till it seemed to vibrate like the knob of some electric machine: “You impertinent ruffian! You impertinent ruffian! I’ll make short work of you! Wait till you see! You’ll apologize to me for your impertinence or you’ll quit the office instanter! You’ll quit this, I’m telling you, or you’ll apologize to me!”[26], а также отражают различные психосоматические состояния коммуникантов:

Mr. Alleyne bent his head again upon his pile of papers. (...) A spasm of rage gripped his throat for a few moments and then passed, leaving after it a sharp sensation of thirst[26].

Эмотивный предикат содержит информацию о внутренних переживаниях, мыслях и рассуждениях коммуниканта, объясняя мотивы его речевых и неречевых действий. Зачастую только внутреннее состояние, отражённое в эмотивном предикате, позволяет правильно идентифицировать эмоциональную ситуацию:

She flushed, half hurt, half angry, but smothering her feeling, replied, “What do you take the case to be? Typhus?”[27].

Такие конструкции с эмотивными предикатами, как *looking doubtfully, hesitatingly replied, much troubled, replied doubtfully, puzzled, he hesitates, she felt undecided, less certain, gasped in astonishment, was not sure* и т.п. указывают на «характер речевых поступков» [22, с. 106] и являются средствами выражения ситуации неуверенности в современном английском языке.

Предикат *to hesitate*, например, репрезентирует внешнего наблюдателя в ситуации неуверенности, которым может быть как адресат, так и третье лицо, фиксирующее и интерпретирующее состояние говорящего субъекта

екта (внешние, наблюдаемые признаки неуверенности свидетельствуют о двойственности его ментального состояния). Крайне редки случаи употребления данного глагола в автореферентном высказывании, что обусловлено отсутствием прототипических компонентов неуверенности в системном значении этой лексемы и наличием значения прерывания или прекращения действия, что является очевидным именно для наблюдателя. Следует отметить, что автореферентное высказывание с предикатом *to hesitate* не обладает признаком неуверенности:

"I'm hesitating," said Mrs. Forrester. "After all, we must move with the times. I am of my day and I do not wish to lag behind. America, as Wilhelm Meister said, is here and now.» She turned brightly to Albert. «What does my lord and master say about it? What is your opinion, Albert? To shingle or not to shingle, that is the question"[28].

В данном примере говорящий субъект, дама почтенного возраста, собирается сделать короткую стрижку и не столько советуется с адресатом, своим мужем, сколько требует подтверждения своего мнения, поскольку наверняка знает, как ей поступить. Ответная реакция адресата лишь подтверждает это предположение: *"I'm afraid my opinion is not of great importance, my dear," he answered [28, p. 152–153].*

Внешними признаками неуверенности, отраженными в эмотивном предикате и маркированными наличием стороннего наблюдателя (третьего лица), могут быть: «отсутствие зрительного контакта или нефиксированный взгляд, согбенность плеч («горб» вины или неуверенности), тихий голос, невнятная речь, неоднозначность, субъективность высказывания» [19, с. 117], а уверенности, как правило, прямой фиксированный взгляд, уверенные, чёткие движения или их отсутствие, расслабленное тело, прямая спина, точное формулирование желаемого (чёткая и ясная речь).

Эмотивный предикат содержит в себе описание ситуации коммуникативного взаимодействия, социальных характеристик её участников, их эмоционального состояния, психологической дистанции между ними, обуславливающих их речевое и неречевое поведение. Он может включать дескрипцию жестов, мимики, тона высказывания говорящего субъекта – ту информацию, которая позволяет идентифицировать поведенческую ситуацию, предоставляя возможность исследования механизмов, отвечающих за выбор и использование в речевом поведении тех или иных лингвистических и паралингвистических средств при определенном психологическом и физиологическом состоянии участников общения.

Список литературы

1. Верещагин Е.М. Тактико-ситуативный подход к речевому поведению (поведенческая ситуация «Угроза») // Русистика. – Berlin: Dieter Lenz Verlag. – 1990. – №1. – С. 26–32.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1999. – 320 с.

3. Владимирова Т. Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. – М.: КомКнига, 2007. – 304 с.
4. Гумбольдт В. Введение во всеобщее языкознание В. Гумбольдта 1836 г. / пер. с нем. П. Билярского // Журнал министерства народного просвещения. – Ч. 97. – С. 1–35; Ч. 98. – С. 101–152; Ч. 99. – С. 108–148; Ч. 100. – С. 293–348.
5. Калимуллина Л.А. Современные трактовки эмотивности // Филологические науки. – 2006. – № 5. – С. 71–81.
6. Ларина Т.В. Эмоциональность и эмотивность в коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод. – Волгоград, 2004. – С. 36–46.
7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
8. Малинович М.В. Универсальные концепты и категории: проблема иерархии и взаимодействия в пространстве языка // Концепты. Категории: Языковая реальность: коллект. моногр. к юбилею профессора М.В. Малинович. – Иркутск, 2011. – С. 10–42.
9. Малинович М.В., Малинович Ю.М. Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: коллективная монография под ред. проф. Ю.М. Малиновича. – М.-Иркутск, 2003. – С. 7–28.
10. Малинович Ю.М. Семантика эгоцентрических категорий в концептуальной модели естественного языка // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний: материалы Всероссийской науч. конференции, посвященной 50-летию ИГЛУ. – Иркутск: ИГЛУ, 1998. – С. 116–119.
11. Малинович Ю.М. Философия семантически сопряжённых категорий бинарной оппозиции // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. Материалы X Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. – С. 70–82.
12. Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. – [Эл. ресурс]: <http://cyberleninka.ru/article/n/emotivnost-kak-funktsionalno-semanticheskaya-kategoriya-k-voprosu-o-terminologii#ixzz3WLLjXQ1> (дата обращения: 09.03.2015).
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
14. Потебня А.А. Мысль и язык. – Харьков: Мирный труд, 1913. – 243 с.
15. Топка Л.В. Некатегоричность // Внутренний мир человека: Семантические константы: коллект. моногр. к юбилею д-ра филол. наук, профессора Ю.М. Малиновича. – Иркутск, 2007. – С. 359–396.
16. Топка Л.В. Семиотическое пространство константы внутреннего мира человека // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков: материалы междунар. научной конф. к 100-летию заслуженного деятеля науки д-ра филол. наук, профессора А.В. Кунина. – М.: Рема, 2009. – С. 167–170.
17. Топка Л.В. Некатегоричность / Категоричность: лингвокультурологическое освещение // Концепты. Категории: Языковая реальность: коллект. моногр. к юбилею профессора М.В. Малинович. – Иркутск, 2011. – С. 130–163.
18. Топка Л.В. Антропоцентрический подход к исследованию феномена неуверенности // Антропологическая лингвистика: современные проблемы и перспективы: сборник научных статей в честь д-ра филол. наук, профессора Ю.М. Малиновича / отв. науч. ред. профессор Т.И. Семенова. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 218–224.
19. Топка Л.В. Эмоциональная обусловленность категоричного и некатегоричного речевого поведения // Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия: материалы IV междунар. научно-практ. конференции. – Прага: Vedecko vydavatelske centrum «Sociosfera-CZ», 2013. – С. 115–121.
20. Топка Л.В. Семантически сопряжённые константы внутреннего мира человека // Актуальные лингвистические исследования иркутской научной школы: Приори-

тетные исследования метафоры. Константы. Концепты. Категории: сб. науч. тр. по материалам междунар. научно-практ. интернет-конференции / отв. ред. С.А. Хахалова, М.В. Малинович. – Иркутск: ИГЛУ, 2013. – С. 177–183.

21. Топка Л.В. Классический и прототипический подходы к исследованию поведенческой ситуации // Русский язык за рубежом. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2014. – № 6. – С. 85–90.

22. Шахнарович А.М., Графова Т.А. Экспериментальное исследование реализации эмотивности в речевой деятельности // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 99–114.

23. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – М.: ЛКИ, 2008. – 208 с.

24. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Институт языкознания РАН; Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000. – 322 с.

25. Шлейхер А. Немецкий язык (извлечения) // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1960. – Ч. 1. – С. 110–116.

Список источников иллюстративного материала

26. Joyce, J. Dubliners. – [Эл. ресурс]: http://www.gutenberg.org/files/2814/2814-h/2814-h.htm#link2H_4_0009 (дата обращения: 09.05.2015).

27. London, J. The Plague Ship. The World of Jack London. – [Эл. ресурс]: http://www.jacklondon.net/writings/ShortStories/plague_ship.html (дата обращения: 15.02.2015).

28. Maugham, W. S. The Creative Impulse // Honeymoon and other stories by English writers. – Moscow: Ayris-press Publishing House, 2004.

29. Richardson, D. The Long Day: The Story of a New York Working Girl. The University of Virginia Press; First Edition, 1990.

Согласие и несогласие как типы речевых актов в английской диалогической речи

В статье рассмотрены проблемы классификации речевых актов согласия и несогласия в трудах отечественных и зарубежных исследователей, особенности средств выражения согласия и несогласия в английской диалогической речи. Выявлены основные трактовки данных понятий в процессе развития научной мысли, рассмотрены их основные категории.

In this article the problems of classification of speech acts of agreement and disagreement from the point of view of different scientists are studied. The main interpretations and categories of these concepts are shown in their development. Peculiarities of means of expressing agreement and disagreement in English speech are analyzed.

Ключевые слова: диалог, диалогическая речь, вербальная коммуникация, невербальная коммуникация, концепт «согласие», средства выражения согласия, концепт «несогласие», средства выражения несогласия.

Key words: dialogue, dialogical speech, verbal communication, non-verbal communication, the concept "agreement", means of expressing agreement, the concept "disagreement", means of expressing disagreement.

Цель данной работы – рассмотреть и систематизировать основные концепции исследователей по проблеме речевых актов согласия и несогласия в диалогической речи, рассмотреть развитие понятий «согласие» и «несогласие» в истории научной мысли, выявить основные классификации средств выражения согласия и несогласия, описать особенности средств выражения согласия и несогласия в английской диалогической речи.

Диалог, представляющий собой наиболее естественную форму межличностной коммуникации, получает активное изучение исследователями многих общественных наук, интересующимися диалогической речью с различных точек зрения. Диалог – это целостная система, состоящая из определенных компонентов. Все его компоненты непосредственно связаны между собой содержательно и конструктивно. Сцепление реплик, в котором вторая реплика по своему строению опирается на первую, грамматически зависит от нее, называется диалогическим единством и является основной единицей диалога [11]. Такие термины, как «диалогическая пара», «диада», «смежная пара», «разговорная последовательность», являются синонимичными понятию «диалогическое единство». Диалогическое единство состоит из последовательно построенных и связанных между собой реплик-стимулов или инициирующих реплик и реплик-реакций или ответных реплик.

В процессе межличностной коммуникации можно выделить два вида общения: вербальное и невербальное. Они также являются взаимосвязанными компонентами диалогической речи, которые могут использоваться в совокупности и отдельно друг от друга.

Вербальное общение является наиболее исследованным и распространенным видом межличностной коммуникации. Это наиболее универсальный способ передачи информации, так как вербальный язык является основным способом «перевода» сообщения, созданного с помощью любой другой знаковой системы. Вербальная коммуникация использует в качестве знаковой системы человеческую речь, естественный звуковой язык, то есть систему фонетических знаков. Речь является самым универсальным средством коммуникации, поскольку при передаче информации при помощи речи менее всего теряется смысл сообщения. При помощи речи осуществляются кодирование и декодирование информации. Согласно традиционной концепции, вербальный язык признавался основным при передаче коммуникативных сообщений. Средства невербальной коммуникации не играли существенной роли и считались дополнением к вербальному языку. Тем не менее, средства невербального общения использовались в разных сферах с древних времен. Первыми исследователями, занявшимися проблемой невербальных символов, являются античные мыслители – Аристотель, Пифагор, Цицерон, Квинтилиан. Далее Чарльз Дарвин в своем труде «О выражении ощущений у человека и животных» выделил несколько невербальных элементов, как у человека, так и у животных [13]. Новая парадигма, появившаяся во второй половине XX века, выдвинула невербальный язык на один уровень с вербальным и позволила произвести его изучение с лингвистической, психологической, социологической и биологической точек зрения [17].

Таким образом, как самостоятельное научное направление «невербальная коммуникация» (известное в зарубежной литературе под термином «nonverbal communication») появилась сравнительно недавно, в 50-х годах XX века. В широком понимании, невербальная коммуникация – это любой вид невербальных сообщений или сигналов, свойственных не только коммуникативным, но и другим видам взаимодействий, содержащим какую-либо информацию. Невербальная коммуникация в узком смысле – это коммуникация, осуществляемая благодаря неязыковым средствам, которые наравне с языковыми средствами, участвуют в коммуникативных взаимодействиях [17].

Г.Е. Крейдлин рассматривает десять основных разделов невербальной коммуникации, выделяя из них два главных – паралингвистику и кинесику [4]. В широком смысле паралингвистика может быть синонимична понятию невербальная коммуникация, относящемуся к неязыковым или параязыковым средствам. В узком смысле паралингвистика включает в себя звуковые средства, сопровождающие речь, но не относящиеся к языку – тон речи, громкость, темп, паузы, заполнители пауз, а также тембр, высоту,

диапазон и, наконец, индивидуальные особенности произношения коммуниканта. Кинесика понимается Г.Е. Крейдлиным в широком смысле слова – как наука о языке тела и его частей, в узком смысле – как учение о жестах, к которым относятся жесты рук, мимические жесты, жесты головы и ног, позы и знаковые телодвижения [4]. Фернандо Пойатос выделяет три категории кинесики – жесты, позы и манеры [18]. Широкое распространение получила классификация кинесических средств американских исследователей П. Экмана и У. Фризена. Они подразделяют невербальные акты на 5 категорий: эмблемы, иллюстраторы, адаптеры, регуляторы и аффективные средства [14]. Вся совокупность данных движений отображает все процессы человеческой жизнедеятельности, связанные с межличностной коммуникацией.

Речевые акты согласия и несогласия, имея высокую частотность в диалогической речи, могут выражаться как вербальными, так и невербальными элементами, а также их совокупностью. Концепт «согласие» впервые возникает как философская категория, обозначающая гармонию, согласование противоположных элементов. Далее, в средневековье, данный концепт непосредственно связывается с теорией образования и функционирования государства на основе всеобщего договора или «согласия». Понятие согласия можно встретить в трудах таких мыслителей, как Гоббс, Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо, Вольтер, И. Кант [1]. В логике концепт «согласие» рассматривался в первую очередь как концепт истинности суждения. В лингвистике интерес к понятию согласия как типу речевого акта стал развиваться во второй половине XX века в связи с развитием деятельностного представления о языке как о взаимодействии между говорящим и слушающим. В 60–70-х годах XX века ученые – представители Оксфордской школы (Дж. Остин, Дж. Серль, Г.П. Грайс) обратились к изучению обычного человеческого языка в естественных условиях его функционирования [12; 15; 19].

Исследователи-лингвисты, занимающиеся изучением данной языковой проблемы, сформировали общие тезисы, характеризующие речевой акт согласия. Во-первых, речевой акт согласия необходимо изучать в контексте, то есть в диалогическом единстве, в которое он входит. Иницилирующая реплика во многом влияет на ответную. Она определяет возможный спектр лексических и грамматических элементов, тон и особенности невербальной коммуникации. Во-вторых, концепт «согласие» служит для выражения одобрения точки зрения собеседника. Принятие мнение собеседника может быть полное и неполное, категоричное и не категоричное, но оно должно обладать положительной семантикой. В-третьих, в семантическом плане в рассматриваемой категории отражается модальная оценка высказывания партнера по коммуникации с точки зрения соответствия действительности. Именно поэтому в числе основных средств выражения согласия назывались модальные слова и модальные частицы.

«Согласие – это констатация правильности и приемлемости мнения собеседника, оценка этого мнения как соответствующего действительности, выражение сходства позиций, взглядов коммуникантов» [6]. К концепту согласия относятся различные виды положительной реакции: подтверждение, одобрение, разрешение, обещание, договор, уступка, а также частичное согласие и неуверенное согласие. М.К. Любимова разделяет данные прагматические значения на две группы – полное и неполное согласие. Под полным согласием мы понимаем согласие, «когда мнение, намерение, желание адресанта полностью совпадает с мнением, намерением, желанием адресата, что выражается в реплике-реакции». «Неполное согласие – это такое согласие, когда мнение, намерение, желание адресанта совпадают с мнением, намерением, желанием адресата, но говорящий в реплике-реакции высказывает определенное условие, при котором он согласится с собеседником, или в согласии говорящего присутствует неуверенность с мнением собеседника» [5].

Согласие как тип речевого акта в диалогической речи может выражаться по-разному. Реплика-реакция может быть вербальной и невербальной, эксплицитно и имплицитно выраженной, в зависимости от прагматического значения согласия и других социолингвистических, прагматических и лингвокультурологических факторов. В частности, большинство исследователей исходит из чисто формальных показателей согласия в диалогическом взаимодействии, выделяя, например, по преимуществу лексические и грамматические показатели в случае вербальной реакции. Лексические средства выражения согласия объединяют в себе такие коммуникативы, в значении которых содержится полное или частичное одобрение, утверждение, разрешение и т.д. по отношению к инициирующей реплике.

В английском языке наиболее распространенными лексическими средствами выражения согласия являются утвердительные коммуникативы – *yes* и его разговорный вариант – *yeah*. Также нередко встречаются наречия и имена прилагательные с положительной семантикой – *right*, *ofcourse*, *sure*, *too*, *also*, *true*, *nodoubt*. В целях усиления экспрессии к ним могут быть добавлены «интенсивы» – *very*, *certainly*, *exactly*, *absolutely*, *totally*, *definitely*.

Среди лексических средств выражения согласия нередко встречаются целостные лексические структуры – *so do I* (и я тоже); *I agree with you* (Я согласен с тобой); *Tell me about it* (Еще как! Я прекрасно понимаю!); *I side with you* (Я согласен с тобой); *You have a point here* (Ты прав); *There is no doubt about it* (Нет сомнений в этом); *I am of the same opinion* (Я разделяю твое мнение); *I couldn't agree with you more* (Я полностью с тобой согласен); *That's exactly how I feel* (Именно так я и думаю) и др. К данным фразам также могут быть добавлены «интенсивы» [3].

Грамматические средства выражения согласия подразделяются на морфологические и синтаксические. Морфологические средства включают в себя использование аффиксов, выражающих одобрение. Синтаксические средства подразумевают использование формальных грамматических

структур – целостных предложений. Это могут быть синонимичные реплике-стимулу синтаксические структуры, повторяющие основную мысль и таким образом подтверждающие ее. Данное языковое явление получило название языкового повторения или явления репризы – повторения морфем, слов, предложений: *It's a very exciting book! – Yeah, very exciting!*

Концепт «несогласие» также возникает как философская категория. Древние мыслители использовали его для выражения своей точки зрения и своего в той или иной мере негативного отношения к предыдущим теориям. Согласно философской трактовке Жака Рансьера, несогласие – это «противоречия», «конфликт», «расщепление» [7].

В лингвистике понятие несогласие стало активно изучаться в связи с так называемым «лингвистическим поворотом», когда произошло признание приоритета языка, активное изучение диалогической речи. Как правило, речевой акт несогласия изучался в тех же трудах, что и речевой акт согласия. Речевой акт негативной реакции – это реактивный акт, выражающий отрицательное отношение говорящего к действию или высказыванию собеседника, представляющий собой информативное, оценочное или императивное высказывание с различными эмоциональными оттенками (суждение, неодобрение и другие) и имеющий в речи определённое воплощение [2].

Речевой акт несогласия выражает в той или иной мере отрицательное отношение к действию или высказыванию собеседника, сопровождая это отношение различными эмоциональными оттенками. Под речевым актом несогласия в диалогической речи понимается акт, объединяющий все виды отрицательной реакции: опровержение, возражение, суждение, выражение недовольства, неодобрение. Существует два основных вида отрицательной реакции: сильное и слабое несогласие. Речевой акт, содержащий сильное несогласие, выражает не только несогласие с иницирующей репликой, но и предоставляет информацию в виде утверждения, противоположную первичной. Слабое несогласие только отрицает информацию, содержащуюся в реплике-стимуле. В английском языке существует градация определенных лексических элементов, выражающих несогласие. Так, отрицательные частицы, наречия и местоимения можно расположить в следующем порядке – от выражающих сильное несогласие, до выражающих слабое несогласие: *not>never>hardly>little>few>seldom*. В то же время в английском языке существуют определенные слова, сигнализирующие наличие отрицания. К ним относятся такие элементы, как *any, yet, a red cent*. Аналогичные элементы встречаются и при выражении утвердительных утверждений: *some, already* [16].

Речевые акты несогласия можно поделить на две группы: отказы, отклонения информации, содержащейся в иницирующей реплике, и отрицание данной информации, которое может выражаться эксплицитным и имплицитным путем [16]. М.М. Филиппова рассматривает эксплицитные средства выражения несогласия через категорию отрицания. Она выделяет

несколько способов выражения несогласия: лексические, морфологические и синтаксические. В лексическую категорию средств несогласия М.М. Филиппова относит слова, в которых отрицание входит в само значение слова, то есть является внутрилексемным (*fail* – не преуспевать, *refuse* – не соглашаться). Это слова с «унаследованным» значением, исторически маркированным. Они есть и в английском, и в русском языках, в них значение несогласия заложено в самом корне слова [10].

Ряд лексических словосочетаний и моделей для выражения несогласия достаточно распространен в английском языке. Например:

You must be joking! (Ты должно быть шутишь!); *I see things rather differently myself* (У меня другое мнение); *That is not necessarily so* (Не обязательно так); *It is not as simple as it seems* (Все не так просто); *There is more to it than that* (Все не так просто); *This is in complete contradiction to* (Это полностью противоречит); *I am of a different opinion* (Я другого мнения); *I cannot share this / that / the view* (Я не разделяю этого мнения); *What I object to is...* (Я возражаю против...); *I'd say the exact opposite* (Я бы сказал с точностью наоборот) и т.д.

Наиболее явно отрицание для выражения несогласия передается морфологическим способом, то есть через отрицательные частицы, местоимения, наречия, союзы и предлоги [10]. К морфологическим способам выражения отрицания относится аффиксация, представленная префиксацией и суффиксацией. Отрицательные аффиксы в английском языке присоединяются только к именным основам. Глагольные же основы с отрицательными аффиксами не сочетаются, ибо глагольное отрицание передается в этом языке аналитической формой глагола с частицей *not*. При наличии отрицательных суффиксов и префиксов значительное большинство отрицательных аффиксов составляют префиксы. Наиболее употребительными префиксами с отрицательным значением являются: *un-*, *dis-*, *de-*, *-in-*, *-um-*, *-im-*, *-il-*, *-ig-*.

Синтаксически категория несогласия может проявляться через определенное построение предложения. Как правило, это имплицитный способ выражения несогласия. Имплицитное несогласие является смысловой языковой категорией. Особенность имплицитного несогласия состоит в асимметрии, то есть несоответствии плана содержания и плана выражения, а также в невыраженности значения формально-грамматическими показателями. Наиболее частая форма проявления имплицитного отрицания – использование риторического или встречного вопроса, которые являются по своей структуре косвенными речевыми актами. Заключенное в рамках риторического вопроса утверждение или отрицание выдвигает на первый план его оценочную функцию. Оценка, как известно, предназначена для воздействия на адресата, значит, риторический вопрос следует рассматривать как риторический прием эмоционально-психологического воздействия на собеседника [8].

Встречный вопрос мы определяем как реплику, имеющую формальные признаки вопросительности (грамматические и интонационные) и появляющуюся в диалоге как реакция на предыдущее вопросительное высказывание, непосредственно данной реплике предшествующее. Интерес исследователя в этом случае должен пробудить сам факт реактивности вопросительной реплики: прототипический вопрос по определению является репликой иницирующей, а не реактивной. Очевидно, что употребление вопросительного предложения в реактивной позиции предполагает наличие у него особых характеристик, обуславливающих такое употребление [9].

Невербальные средства выражения согласия и несогласия в английской диалогической речи тесно связаны с культурой и менталитетом носителей английского языка. Вся совокупность жестов и паралингвистических средств находится в непосредственной зависимости от этнической и культурной составляющей коммуникации.

Таким образом, можно сделать вывод, что речевые акты согласия и несогласия впервые были рассмотрены как философские категории, и только с началом так называемого «лингвистического поворота» и активным изучением диалогической речи концепты «согласие» и «несогласие» рассматриваются как речевые акты, имеющие собственно лингвистические трактовки. В диалогической речи согласие и несогласие представляют собой реагирующие реплики, выражающие принятие или непринятие информации в иницирующей реплике. Они могут изучаться только в «контексте» – в диалогической речи, в совокупности с иницирующей репликой, определяющей их структуру. Речевые акты согласия и несогласия могут быть полными и неполными, вербально и невербально, эксплицитно и имплицитно выраженными. Вербальные способы включают в себя языковые структуры, имеющие соответствующую положительную и отрицательную семантику. Вербальные способы могут подразделяться на лексические и грамматические структуры. Грамматические структуры, в свою очередь, могут подразделяться на морфологические и синтаксические. Невербальные способы, зависящие от культурной принадлежности и менталитета собеседников, могут выражаться паралингвистическими и кинесическими средствами, которые используются как в совокупности с вербальными, так и отдельно от них.

Список литературы

1. Алиев М.Г. Мысль // Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Стёпина. – М., 2001. – С. 11–14.
2. Архипова Е.В. Согласие/несогласие как реакция на комиссивные речевые акты в английском языке // Вестник ВГУ. – № 2. – 2012. – С. 13–15.
3. Василина В.Н. Особенности речевого акта согласия при переводе с английского на русский язык. – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 47–49.
4. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – С. 22–35.

5. Любимова М.К. Реагирующие реплики согласия // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика обучения: межвуз. науч. тр. – Курск, 2002. – С. 54–55.
6. Озаровский О.В. Способы выражения согласия-несогласия в современном русском языке // РЯНШ. – 1974. № 6. – С. 70–75.
7. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия / пер. и прим. В. Е. Лапицкого. – СПб.: Machina, 2013. – С. 67–74.
8. Скородумова Е.А. Риторический вопрос-реакция как средство выражения эмоций // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 39. – С. 137–139.
9. Сычева И.Б. Встречный вопрос и его функционирование в динамике диалога: дис. ... канд. филол. наук. – Орел: ОГУ, 2008. – 161 с.
10. Филиппова М.М. О роли двойного отрицания в английском языке // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2005. – № 31. – С. 23–63.
11. Щерба Л.В. О монологической и диалогической речи // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 115–116.
12. Austin, J. How to do things with words. – London, 1962. – 168 p.
13. Darwin, C. The Expression of the Emotions in Man and Animals. – London: Murray, 1872. – 435 p.
14. Ekman, P., Friesen, W.V. The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage and coding // Semiotica. – 1969. – P. 49–98.
15. Greis G.P. Logic and conversation. Syntax and semantics. N. Y.: Academic Press, 1985. – 278 p.
16. Miestamo, M. Negation // Handbook of Pragmatics. – 2006. – [Эл. ресурс]: <https://www.benjamins.com/online/hop/> (дата обращения: 22.01.2015).
17. Payrató, L. Non-verbal communication. Handbook of Pragmatics. – 2002. – [Эл. ресурс]: <https://www.benjamins.com/online/hop/> (дата обращения: 23.01.2015).
18. Poyatos, F. Cross-cultural perspectives in nonverbal communications. – Toronto, 1988.
19. Searle, J. An Essay in the Philosophy of Language Cambridge university press, 1969. – 203 p.

Использование языка для специальных целей при фреймовом анализе англоязычной терминосистемы инклюзивного образования

В статье рассматривается англоязычная терминосистема инклюзивного образования. Закрепленные в ней термины принадлежат языку для специальных целей, который участвует в разработке фреймового анализа, необходимого для четкого разграничения основных понятий/ концептов, а также их состава в терминосистеме инклюзивного образования.

The article deals with the Inclusive education English term system. The terms, fixed to it, pertain to the language of special purposes dealt with the frame analysis workout. It is necessary for the exact differentiation of the main notions/ concepts and their structure in the inclusive education term system.

Ключевые слова: терминосистема, терминология, инклюзивное образование, язык для специальных целей (LSP), фрейм, субфрейм, фреймовый анализ, концепт, ментальная деятельность, дети с ограниченными возможностями здоровья.

Key words: term system, terminology, inclusive education, language for special purposes (LSP), frame, subframe, frame analysis, concept, mental activity, children with special needs.

Проблема изучения профессиональных языков и отраслевых терминологий всегда привлекала внимание лингвистов. В последнее время она стала особенно актуальной в связи с активным исследованием специфики профессионального образа мира. Процесс формирования англоязычной терминосистемы инклюзивного образования связан с построением всей системы терминов языка педагогической науки, с принципом ее организации. Самый общий принцип организации терминосистемы – создание взаимно однозначных соответствий между системами понятий и системами обозначающих их терминов. За каждым педагогическим термином стоит научно-педагогическое понятие.

Многие терминоведы (М.Н. Володина, Л.А. Манерко, В.Ф. Новодранова, В.М. Лейчик) считают, что термины, с помощью которых общаются специалисты определенной области знания, являются особыми когнитивными структурами-фреймами. До возникновения когнитивной науки термин рассматривался как слово или словосочетание, основным признаком которого являлась информативность в специальной сфере употребления (Теория Даниленко В.П., Мельникова Г.П.). Однако такой подход представляется неполным. Понятие термина в рамках когнитивной науки значительно шире. Согласно когнитивным теориям, термин является не только знаком, который несет конкретную информацию об определенном зна-

чении, явлении, процессе. Когнитивный аспект позволяет увидеть, что термин можно изучать не только сам по себе как объект описания. Он нацеливает терминологов на изучение внутренних закономерностей конкретных свойств термина. Когнитивные исследования в области терминоведения способствуют осмыслению новых, более глубинных проблем термина, в число которых входит проблема отношения человека к окружающему миру и его стремление обозначить в языке результаты своего познания [1]. Рассматривая изучение терминов с позиции когнитивной лингвистики, В.Ф. Новодранова отмечает, что «...термин сам становится инструментом познания, закрепив полученную информацию в своем содержании. Он дает возможность обобщать и умножать научные знания, и передавать их следующим поколениям ученых» [7, с. 153].

В последние десятилетия большое внимание в странах Запада (Великобритании, США, Канаде и др.) и Океании (Австралии и Новой Зеландии) стало уделяться процессу включения детей с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательную среду. Инклюзивное образование (франц. *Inclusive* – включающий в себя, от лат. *include* – заключаю, включаю) [9] – новое направление специальной педагогики, которое направлено на обучение детей с особыми потребностями в общеобразовательных школах, реформирование и перепланировка учебных помещений которых должны отвечать нуждам и потребностям всех без исключения детей.

С расширением области деятельности человека происходит не только пополнение уже сформировавшихся терминосистем, но отмечается появление новых (англизированная терминосистема инклюзивного образования), поскольку любой род занятий нуждается в собственном корпусе специальной лексики, который должен постоянно пополняться и совершенствоваться. Такого рода соображения привели ученых к осознанию того, что в структуре развитых национальных языков существует так называемые языки для специальных целей (*language for special purposes* – LSP). Понятие LSP появилось в германоязычных странах Европы в начале 1970-х годов XX века. Лингвист Дж. Сейгер, стоявший у истоков учения о LSP, называет следующие причины появления подобного направления в лингвистике: проведение многочисленных научных исследований международного уровня и их влияние на развитие общества и индивида; необходимость устранения неоднозначности в осуществлении деятельности, передаче информации, общении как среди специалистов различных областей, так и в отношении неспециалистов; совместная деятельность специалистов смежных сфер и появление новых дисциплин на стыке двух или более наук [14].

В отечественной лингвистике главные теоретические и методологические предпосылки таких исследований были сформулированы еще в 60–70-е гг. в работах таких ученых, как В.В. Виноградов, О.С. Ахманова,

Р.А. Будагова и др. С лингвистической точки зрения LSP – это функциональная разновидность языка, целью которой является обеспечить адекватную и эффективную коммуникацию специалистов в данной предметной области с учетом конкретной ситуации общения. Во второй половине XX века изучение LSP получило новый толчок к развитию и сконцентрировалось на английском языке (ESP), который занял главенствующее положение в разных областях знания и превратился в язык международного общения в процессе межкультурной коммуникации. Английский язык обладает более высоким мировым статусом, чем любой другой язык. Новая терминология, связанная с научно-техническим прогрессом, оказала на язык самое непосредственное влияние, обогатив его лексический состав специальными словами.

LSP является подсистемой национального естественного языка, на базе которого он формируется посредством постоянного взаимодействия единицами разных уровней: морфемного, словообразовательного, семантического, синтаксического. Термины оформляются и функционируют согласно правилам естественного общелитературного языка. Вместе с тем терминосистемы каждой научной области имеют свои особенности и организованы в соответствии с системными связями понятий той сферы, которую они представляют. Как отмечает В.М. Лейчик, «...необходимо шире использовать успехи таких перспективных областей, как когнитивный подход, включая когнитивную семантику, как теория LSP, в сочетании с дальнейшим изучением содержания и структуры тех специальных сфер, которые обслуживаются этими языками» [5, с. 124–125].

Современная специальная педагогика состоит из предметных областей, которые исторически сформировались в связи с традиционной существующей системой специальных образовательных учреждений для детей с особыми образовательными потребностями, например, тифлопедагогика, сурдопедагогика, тифлосурдопедагогика, логопедия, олигофренопедагогика и др. Множество понятий специальной педагогики как системы научных знаний, организуя имеющееся знание, представляет собой подвижную развивающуюся систему. Первоначально, при отсутствии собственной педагогической терминологии, использовалась общепринятая медицинская терминология, с развитием психологии в специальную педагогику начали входить соответствующие понятия и термины. Постепенно медицинские и психологические термины фиксировались в понятийном поле специальной педагогики. Однако этот процесс не был плавным, не всегда новый этап в развитии специальной педагогики совпадал со своевременным уточнением и обогащением ее терминологии [13].

В настоящее время благодаря своему длительному развитию, формированию и накоплению определенных знаний англоязычная терминология специальной педагогики преобразовалась в терминосистему. Собственные

термины и термины из смежных областей знания (медицины, психологии, педагогики) приобретают статус закрепленных терминологических единиц в области специального образования. Терминосистема, по мнению В.М. Лейчика, сложное иерархическое образование, состоящее из слов и словосочетаний, выполняющих функции терминов – элементов терминосистемы. Элементами терминосистемы служат лексические единицы (слова и словосочетания) определенного языка для специальных целей какого-либо естественного языка, а структура, в целом, адекватна структуре системы понятий данной теории [6]. Инклюзивное образование характеризуется наличием терминологического аппарата, который находится на завершающем этапе формирования, следовательно, можно утверждать, данная предметная область складывается в терминосистему, для которой характерна устойчивость и фиксация терминологического состава в нормативных документах [10].

Языки для специальных целей находятся в постоянном взаимодействии с общеупотребительным языком, поэтому справедливо отметить, что граница между специальной и неспециальной лексикой подвижна. С одной стороны, специальные слова могут переходить в общеупотребительный язык (*classroom, school program, regular school, teacher training*), теряя при этом некоторые из своих свойств, с другой стороны, общеупотребительные лексические единицы могут переходить в разряд терминологии (например, термины *home visits, para-professional, prevention and intervention* переходят из терминосистемы педагогики и терминосистему специальной педагогики).

Специальная лексика понимается очень широко, сюда включаются слова, связанные с данным предметным полем независимо от того, являются ли они строго дефинированными и нормированными [13]. Основным критерием при выделении языка для специальных целей является предметная его отнесенность и соответствующая коммуникативная сфера общения.

Л. Хоффманн называет LSP совокупностью всех языковых средств, используемых в профессиональной коммуникации для достижения взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между людьми, занимающимися соответствующей профессиональной деятельностью. В своей докторской диссертации «Принципы исследования языка для специальных целей (на примере языка экономики)» профессор О.А. Зяблова дает следующее определение LSP: «LSP – это такая система лингвистических средств общенационального языка, которая репрезентирует структуры знания, сложившиеся в определенный период развития науки и демонстрирующие достигнутый в этот период особый уровень развития в конкретной предметной области знания, важный для социума и обеспечивающий его собственное развитие и прогресс» [3, с. 8]. Однако главным признаком LSP остается используемая в нем терминологическая лексика.

В языках для специальных целей важную роль играет связь информации со знанием и использование терминов в речевой деятельности. В результате взаимодействия мышления, действительности и языка создается языковая картина мира, понимаемая как естественный продукт сознания для мыслительно-языковой деятельности [2]. В когнитивной лингвистике термины рассматриваются как особые единицы обработки информации. Ментальная деятельность позволяет человеку классифицировать свой опыт и собственные ощущения под определенные единства – категории. По определению Е.С. Кубряковой, «... категория – одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [4, с. 15].

Взаимодействием семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания, мыслительного пространства, занимается фреймовая семантика. Информация о мире, извлекаемая из опыта, хранится в памяти человека не в хаотическом беспорядке, а в виде связанных конструкций, именуемых «схемами», «сценариями», «фреймами», которые «соотносятся с концептуальной моделью данной области знания и могут быть представлены в виде каркаса» [7].

После того, как новое слово появилось в лексиконе, ему необходимо закрепиться в определенной категории и пройти процесс субкатегоризации (сопоставления с другими членами данной категории, и только после этого начинается для него поиск нового имени). Стоит отметить, что носители языка держат в своей памяти тысячи отдельных, непохожих друг на друга по значению и звучанию единиц. Так, лексическая система языка, в том объеме, в котором ею владеет говорящий, является функцией памяти, из которой говорящие извлекают нужные им для коммуникации единицы. Следовательно, язык играет важную роль не только в передаче сообщений, но и во внутренней организации того, что подлежит сообщению [2].

Далее слово проходит процесс конвенционализации (усвоение обществом) и лексикализации (усвоение системой языка). Действие инференции (проникновения) проявляется, когда слово воспринимается слушателем. Значение нового слова должно восприниматься слушателем в соответствии с уже существующими в его когнитивной структуре фреймами. Он должен искать подходящий фрейм, в который необходимо поместить новую информацию. Существует порог новизны, за которым действие инференции невозможно, например, если у новой информации не образуется никакой связи с уже существующей когнитивной системой, то происходит нарушение коммуникации, поскольку когнитивная система слушающего должна узнавать новое слово. Следовательно, для успешного действия инференции необходим баланс между новой и старой информацией.

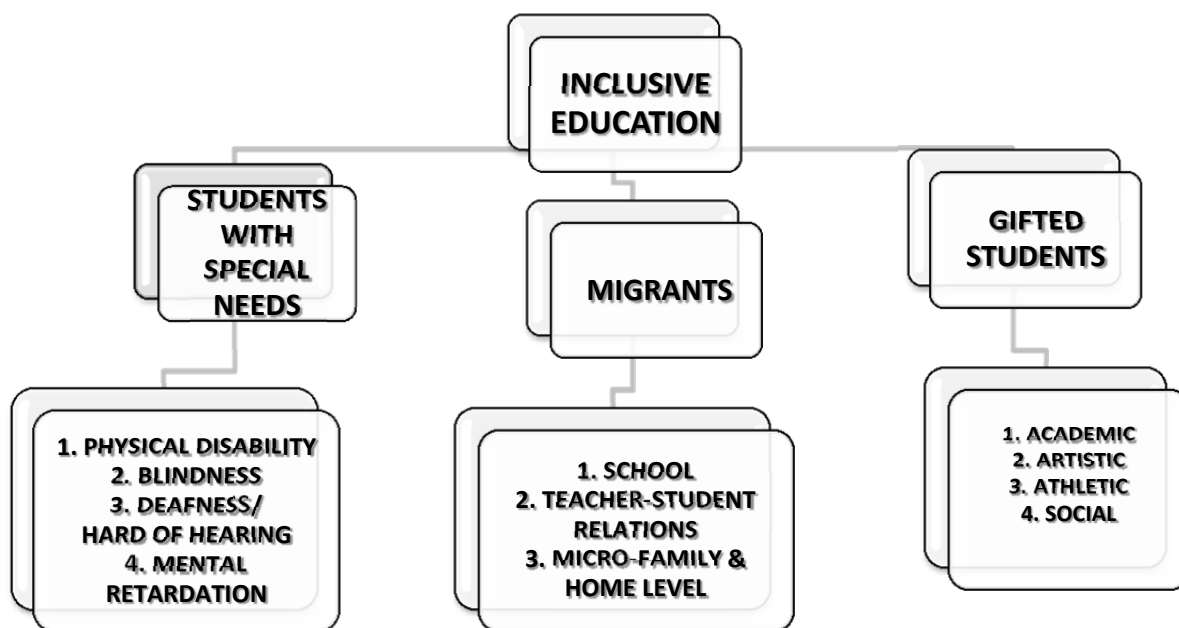
Схематизация опыта и знания человека связана с понятием «фрейма», которое является наиболее крупным ментальным образованием, включа-

ющим в свой состав как разные типы когнитивных структур, так и различные формы ментальных репрезентаций [11]. По мнению Ч. Филлмора, «фрейм» – это набор слов, каждый из которых обозначает определенную часть некоторого концептуального целого. Например, в англоязычной предметной области инклюзивного образования при обучении детей с различными видами нарушений возникают такие понятия, как *to guide, to homevisit, to educate, tutor, pull-out teacher, schooling*. Эта группа слов является лексическим представителем некоторой единой схематизации опыта или определенного знания. Для того чтобы понять смысл одного из членов группы, необходимо до некоторой степени понять, что значат они все [12]. В этом случае и вводится понятие «фрейма» как особой унифицированной конструкции знания или связной схематизации опыта.

Для описания LSP необходимо, прежде всего, выделить определенную предметно-познавательную область, с которой он связан. Иными словами, разумным представляется представить фреймовую структуру выбранной области знания в ее онтологическом аспекте, то есть дать представление о том, какими объектами она занимается, и какие аспекты анализа выделяются в данной отрасли как главные и наиболее существенные.

Метод фреймового анализа устанавливает иерархическую упорядоченность концептуальных признаков, которые образуют отдельные слоты, соотносящиеся с ядром-именем понятия. Фреймовые структуры могут использоваться для наглядного представления иерархически организованных категорий, а также с целью отражения парадигматических связей терминов в рамках определенной терминосистемы. Ее постепенное формирование позволяет построить непротиворечивую концепцию языка, представить научную картину его сложного взаимодействия с человеческим мышлением, познанием и деятельностью. Кроме того, суть фреймового анализа англоязычной терминосистемы инклюзивного образования состоит в определении макроуровня всей исследуемой терминосистемы и выделении его подразделов, каждый из которых является определенным лексико-семантическим полем. Выявление элементов фреймовой структуры терминосистемы опирается на определение основных концептов исследуемой предметной области знания, в совокупности составляющих ядро терминосистемы, структурирование которой позволяет выявить системность изучаемой терминологии.

Ядро терминосистемы – основное понятие, от которого расходятся другие понятия, обозначающие виды, признаки, функции, процессы и смежные объекты. Так, можно представить терминосистему инклюзивного образования в виде следующей схемы, центральным понятием которой является *Inclusive Education*. Оно, свою очередь объединяет три основных/базисных концепта (*students with special needs, migrants, gifted students*). Выделяемые подразделы основываются на основных определяющих их элементах.

Выделение таких базисных концептов фрейма инклюзивного образования позволяет в полной мере дать представление о данной предметной области, ее составляющих и их взаимодействии друг с другом. Распределение терминологических единиц по группам отнюдь не случайно. В первую очередь они определяют степень важности и актуальности номинируемых концептов для терминосистемы. На начальных этапах формирования англоязычной терминосистемы инклюзивного образования доминирующим концептом, ее смысловым центром был термин *students with special needs* (дети с ограниченными возможностями здоровья), поскольку именно на таких детей было направлено внимание педагогов, которые стали предпринимать попытки их социальной адаптации в общеобразовательные учебные заведения. Позднее, с развитием общества, притоком эмигрантов, смешением национальностей и культур, предметная область инклюзивного образования стала заниматься проблемами мигрантов и одаренных детей, которые сейчас представляют два основных ее пласта. Следовательно, наряду с концептом *students with special needs* нами выделяются концепты *migrants* и *gifted children*, при описании работы с которыми существует собственная терминология.

При дальнейшем концептуально-языковом анализе этих концептов выявляется, что их терминология имеет собственные базисные концепты, которые являются субфреймами концептов *students with special needs*, *migrants* и *gifted children*. Мы считаем, что анализ сможет дать возможность представить фрейм англоязычной терминологии инклюзивного образования в виде вертикальной развернутой схемы, которая включает номинируемые базовые и опорные концепты, выделяемые в процессе систематизации и структурировании терминосистемы. Стоит отметить, что системати-

зация представляет собой только структурированную модель, определенные рамки формирующейся терминосистемы. Вертикальная структура позволяет увидеть открытость границ, поскольку опорные концепты фреймовой схемы представляют собой самостоятельные фреймы, имеющие собственную структуру.

Кроме того, в фреймовой анализе англоязычной терминосистемы инклюзивного стоит отметить, что ее когнитивная структура включает и другие концепты/понятия: *educational approach and philosophy* (образовательный подход и философия) как область реализации академического и социального достижения (*academic and social achievement*). Оно, в свою очередь, включает концепт *to participate/ participation* (участвовать/ участие), раскрывающиеся через такие более частные понятия как *learn together* (совместное обучение), *children with and without disabilities* (дети с ограниченными возможностями здоровья и без), *putting into action* (приводить в действие), *supporting everyone* (поддержка каждого), *increasing participation* (стимулировать участие), *reducing exclusion* (сокращать эксклюзию), *improving schools* (улучшение школьных условий) etc. Анализ дефиниции термина в лексикографическом источнике показывает, что эти составляющие когнитивной структуры представлены в ней вербальными единицами на различных уровнях абстракции или категоризации.

Inclusive education is an educational approach and philosophy that provides all students with community membership and greater opportunities for academic and social achievement. It happens when children with and without disabilities participate and learn together in the same classes. It involves:

- *putting inclusive values into action;*
- *supporting everyone to feel that they belonging;*
- *increasing participation for children and adults in learning and teaching activities, relationships and communities of local schools;*
- *reducing exclusion, discrimination, barriers to learning and participation;*
- *restructuring cultures, policies and practices to respond to diversity in ways that value everyone equally;*
- *improving schools for staff and parents/carers as well as children.*
- *recognising that inclusion in education is one aspect of inclusion in society* [15].

Так, в приведенной дефиниции, относящейся к фрейму «Inclusive Education» представлены следующие концептуальные признаки, связанные с понятием инклюзивного образования: *educational approach and philosophy* (образовательный подход и философия), *greater opportunities* (улучшенные возможности), *academic and social achievement* (академические и социальные достижения), *children with and without disabilities* (дети с ограниченными возможностями здоровья и без), *supporting everyone* (поддержка каждого), *improving schools* (улучшение школьных условий).

Нельзя не обратить внимания на двойственную природу фрейма, которая заключается в том, что с одной стороны, фреймы – это структурированные лексические подсистемы, а с другой стороны – это средство организации и инструменты познания, внутренняя когнитивная информация, врожденная или усвоенная путем опыта и обучения. Таким образом, в данной статье наглядно представлена связь языка для специальных целей и описываемых им фреймов, а также значимость фреймового анализа для систематизации формирующейся англоязычной терминосистемы инклюзивного образования.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. О тенденциях развития современного терминоведения // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения: междунар. сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. З.И. Комаровой. – Екатеринбург, 2007. – С. 8–11.
2. Воронцова Т.И. Текст баллады. Языковая картина мира: (на материале английских и шотландских баллад). – СПб.: Северная звезда, 2003. – 228 с.
3. Зяблова О.А. Принципы исследования языка для специальных целей (на примере языка экономики): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005. – 40 с.
4. Кубрякова Е.С. Память и ее роль в исследовании речевой деятельности // Текст и коммуникация. – М., 1991. – С. 4–21.
5. Лейчик В. М. Люди и слова: Как рождаются и живут слова в русском языке. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 216 с.
6. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ДомКнига, 2006. – 256 с.
7. Новодранова В.Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. тр., посвящ. юбилею В.М. Лейчика. – М.; Рязань, 2000. – С. 150–155.
8. Новодранова В.Ф. Фон и фигура в языке для специальных целей // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. посвящается юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева. – Тамбов, 2005. – С. 455–457.
9. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М.: Дрофа: Бол. Рос. энцикл., 2008. – 528 с.
10. Ткачева Л. Б. Основные закономерности английской терминологии. – Омск, 2007. – 243 с.
11. Fillmore, Charles C. The need for a frame semantics with in linguistics, *Statistical Methods in Linguistics*. – 1976. – P. 5–29.
12. Fillmore, Charles C. Frames and the semantics of understanding // *Quaderni di Semantica*. – 1985. – Vol. VI. – P. 222 – 254.
13. Hoffmann, L. *Kommunikationsmittel Fachsprache: Eine Einführung*. – Berlin: Akad. Verl., 1987. – 498 S.
14. Sager, J. C. *English Special Languages*. – Wiesbaden, 1980. – 368 p.
15. CSIE (Centre for Studies Inclusive Education). – [Эл. ресурс]: www.csie.org.uk

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'27+811.133.1'27

Питка Я.А.

Особенности фразеологических оборотов с номинантом «лошадь» в русском и французском языке

В статье раскрыты особенности фразеологических оборотов с номинантом «лошадь» в русском и французском языке. Рассматриваются случаи полного совпадения, а также отсутствия соответствующего фразеологизма в другом языке, случаи совпадения в содержании и расхождения во внешней форме.

Particularities of phraseological units with «horse» as nominee in Russian and French languages were clued in the article. Cases of full matches and the absence of phraseologism in other language, and also cases of match in content and differences in exterior form are considered there.

Ключевые слова: язык, культура, фразеология, фразеологизм, фразеологические выражения, пословицы, номинант, лошадь.

Key words: language, culture, phraseological, phraseological units, nominee, horse.

В статье раскрыты особенности фразеологических оборотов с номинантом «лошадь» в русском и французском языке. Рассматриваются случаи полного совпадения, а также отсутствия соответствующего фразеологизма в другом языке, случаи совпадения в содержании и расхождения во внешней форме.

Как известно, язык является сложным феноменом, который можно определить как важнейшую форму и средство общения и познания, как знаковую систему и способность к коммуникации особого рода. Внешний мир субъективно интерпретируется человеком, при этом язык является связующим звеном между внешним и внутренним миром человека, важным каналом трансляции менталитета представителей того или иного этноса, той или иной культуры [6]. Раздел теоретической лингвистики, изучающий устойчивые речевые обороты и выражения – фразеологические единицы какого-либо языка, называется фразеологией [1]. Термин «фразеология» был введен в 1905 году Ш. Балли, который обосновал ее как науку. Основы фразеологии, предмет и задачи ее исследования были в дальнейшем определены в работах академика В. В. Виноградова. Одним из ключевых вопросов фразеологии является определение фразеологизма. Фразеологизм (фразеологический оборот, фразема) – устойчивое сочетание

слов, в котором одно слово нельзя заменить другим. Ученые по-разному интерпретируют понятие фразеологизма и его свойств, однако наиболее последовательно выделяемыми различными учеными свойствами фразеологизма являются: воспроизводимость, устойчивость, сверхсловность, принадлежность к номинативному инвентарю языка [1]. По мнению Н.М. Шанского, одним из видов фразеологизма являются фразеологические выражения [5]. Фразеологические выражения, представляющие законченные предложения с утверждением, назиданием или выводом, называются пословицами и афоризмами, а в случаях, когда в них отсутствует назидание или имеются элементы недосказанности, – поговорками или крылатыми фразами [2].

Изучение культурных особенностей понятий, представленных фразеологическими единицами, в сопоставительном аспекте дает возможность выявить систему оценок и ценностей, необходимых для исследования межкультурных различий, своеобразие менталитета и миропонимания людей. Народные пословицы как вид фразеологизмов обладают большой общественной и познавательной ценностью, так как содержат лаконичные представления о жизни, обобщая повседневные наблюдения людей, их отношение к природе и животным.

Целью данной статьи является сопоставление номинанта «лошадь», представленного во французских и русских фразеологизмах.

Человек и лошадь на протяжении всего существования на Земле постоянно находились во взаимодействии. Лошади участвовали в освоении новых земель и стран, являлись незаменимыми помощниками человека в быту и сельском хозяйстве, с их помощью было налажено транспортное соединение между городами. Практическое применение лошади нашло также отражение и в культурной сфере общества. Образ лошади выражается средствами многих видов искусства, в частности, в художественных и фольклорных текстах разных жанров и во фразеологизмах.

Проанализируем семантические, лексико-стилистические и синтаксические особенности отдельных французских и русских фразеологизмов, объединенных общим концептом «лошадь». Одним из важных компонентов фразеологизмов является семантика (от греч. *Semaino* – означать и *semanticos* – означающий) – наука о значении. Семантика относится к наукам, имеющим междисциплинарный статус. В лингвистике она рассматривает все языковые уровни, связывая ее с такими науками, как философия, логика, психология, семиотика. Фразеологические единицы обладают широким семантическим объемом: они обозначают предметы, явления, состояния. Как известно, в семантической структуре фразеологического значения различают три аспекта: денотативный, сигнификативный и коннотативный. Рассмотрим особенности их выражения на примере французских фразеологизмов с номинантом «лошадь». Соотнесение фразеологической единицы с каким-либо референтом выражает денотативный аспект значения фразеологизма, в основе которого лежит смена денотата ис-

ходного сочетания и перенос его свойств на новый денотат, что вызвано частичным или полным семантическим преобразованием этого сочетания.

Сигнификативный аспект значения фразеологической единицы заключается в собственно смысловом содержании этой единицы, в том элементе действительности, который фразеологизм обозначает, например: «*Méchant poulain peut devenir bon cheval*» (Злой жеребенок может стать добрым конем). В данном примере сигнификативный аспект значения имеет лексема «*cheval*» («лошадь»), а денотативный – «*poulain*» («жеребенок»). Во фразеологизме «*Il n'est si bon cheval qui ne devienne rosse*» (Самый добрый конь со временем становится клячей) сигнификативное значение также приобретает лексема «*cheval*» («конь»), а денотативное – лексема «*rosse*» («кляча»).

Коннотативный аспект значения фразеологических единиц отражает отношение говорящего к предмету речи, его субъективную характеристику денотата. В качестве показателя коннотативного аспекта выделяют: образность; стилистическую окрашенность; оценочность и экспрессивность. Коннотативный аспект значения фразеологической единицы часто является ведущим. Эмоционально-оценочные ассоциации, закрепляемые за номинантом «лошадь» в составе фразеологических единиц, можно связать с культурно-историческими коннотациями, складывающихся под влиянием предшествующего исторического опыта, этических и эстетических норм. Фразеологические единицы с номинантом «лошадь» выступают как символы нежелательных поступков, ситуаций и т.д.: «*Il ne faut pas mettre la charrue avant les boeufs*» (Не ставь телегу впереди лошади); «*Le meilleur fouet pour faire tirer le cheval, c'est l'avoine*» (Не гони коня кнутом, а гони овсом); «*Les bons chevaux chauffent en mangeant*» (Сыпь коню мешком, так и не будешь ходить пешком); «*On ne change pas son cheval au milieu du gué*» (Коней на переправе не меняют); «*Mariage prompt, regrets longs*» (Кто на борзом коне жениться поспешит, тот скоро поплачет).

Как домашнее животное лошадь находилась в постоянном взаимодействии с человеком, отчасти влияя на его эмоциональную жизнь. Поэтому люди с древних времен, наделяя лошадей реальными качествами, одновременно приписывали их и человеку, а в некоторых случаях – в большей степени человеку, нежели лошади: «*Il n'ya si bon charretier qui ne verse*» (Нет такой лошади, чтобы не спотыкалась); «*Il fait bon battre un glorieux*» (Заносчивого коня построже зануздывают); «*C'en est toujours au point mort*» (Конь еще не валялся).

Как французские, так и русские фразеологизмы в большинстве случаев отражают отношение человека к лошади: «*Aux chevaux maigres vont les mouches*» (К тощим лошадям мухи липнут). В данном фразеологизме подчеркивается нерачительное отношение человека к лошади, сказывающееся на ее внешнем виде. Передачу заботливого отношения к лошади можно заметить в следующих фразеологизмах: «*Qui m'aime, aime mon chien*» (Пригрел меня, так корми и коня); «*C'est dans les vieux pois qu'on fait les*

bonnes soupes» (Старый конь борозды не портит); «Le meilleur fouet pour faire tirer le cheval, c'est l'avoine» (Не гони коня кнутом, а гони овсом); «Quand le foin manque au râtelier, les chevaux se battent» (У пустого корыта и кони грызутся); «Les bons chevaux chauffent en mangeant» (Сыпь коню мешком, так и не будешь ходить пешком).

Среди французских и русских фразеологизмов, объединенных номинантом «лошадь», встречаются фразеологизмы, отражающие различные сферы жизнедеятельности человека, например, сферу конного спорта: «Jouer sur le mauvais cheval, miser sur le mauvais cheval» (Поставить не на ту лошадь). Данный фразеологизм выступает как пример профессиональной, в данном случае, конноспортивной терминологии.

Общеизвестна тесная связь фразеологии не только с бытом французского народа, но и с его историей и культурой, в которых воплощены национальный дух, психология и способ мышления. Национально-культурная специфика фразеологии одного языка наиболее ярко проявляется при сопоставлении с устойчивыми словосочетаниями другого языка. Во фразеологических оборотах русского и французского языков достаточно распространены случаи полного семантического совпадения «Un cheval rommelé» (Лошадь в яблоках); «L'âge n'est que pour les chevaux» (Возраст имеет значение лишь для лошадей). Или: «À cheval donné, on ne regarde pas la dent» (Дареному коню в зубы не смотрят).

В случаях расхождений фразеологии иногда семантика фразеологизмов совпадает, но внешне выражается по-разному. Например: «Avoir plus besoin de brides que d'éperon» (На ретивую лошадь не кнут, а вожжи). Данный фразеологизм имеет следующий смысл: «Больше используй повод, чем шпоры». «Il n'est si bon prédicateur à qui la langue ne fourche» (Конь о четырех ногах, и тот спотыкается) – данный фразеологизм имеет следующее значение: «Нет того проповедника, который бы не оговаривался». «C'en est toujours au point mort» (Конь еще не валялся). Выражение означает: «Быть все время на мертвой точке».

Часто бывает так, что французский фразеологический оборот не находит себе эквивалента в русском языке. Обычно это связано с тем, что французские слова, обозначающие конкретные предметы, легче, нежели русские, приобретают переносный смысл и, следовательно, чаще становятся компонентами фразеологических оборотов: «On va bien loin quand on est las» (И усталая лошадь везет; Можно пройти очень далеко, когда устал); «Cheval bien nourri ne fuit pas l'écurie» (От корма кони не рыщут; Хорошо откормленная лошадь в конюшне не нуждается). Рассмотрим случаи, когда образное употребление какого-либо конкретного слова во французском фразеологизме в качестве перевода предлагает русский устойчивый оборот, не обладающий столь же яркой образностью: «Chacun prêche pour son saint» (Чей конь, того и воз; Своя рубашка ближе к телу); «A rude ânerude ânier» (По коню и стойло; Грубому ослу грубый погонщик); «C'est dans les vieux pois qu'on fait les bonnes soupes» (Старый конь борозды не портит; Из

старого гороха получается лучший овощной суп); «*Tout bonnet la nuit est bon*» (Для ночи подойдет любой спальный колпак); «*Douffler comme un rhoque*» (Дышать как загнанная лошадь; Дышать как тюлень).

По мнению некоторых исследователей во французском языке синонимия развита гораздо больше, нежели в русском языке, в связи с чем необходимо отметить, что большинство данных фразеологизмов имеют множественное значение. Например: «*Donner de la confiture aux cochons*» (Не в коня корм; Метать бисер перед свиньями); «*Chacun prêche pour son saint*» (Чей конь, того и воз; Своя рубашка ближе к телу); «*A chevaux maigres vont les mouches (à или aux)*» (К тощим лошадям мухи липнут). Данный фразеологизм имеет такие значения как: «К мокрому теленку все мухи липнут», а также «На бедного Макара все шишки валятся».

Во фразеологической системе любого языка имеются фразеологизмы, отражающие отдельные исторические события: «*Cheval de Troie*» (Троянский конь). Данное выражение означает: дар врагу с целью его погубить. Некоторые фразеологизмы связаны с историческими личностями, например: «*Les chevaux et les poètes doivent être nourris non engraisés*» (Лошадей и поэтов надо кормить, но не закармливать). Данный фразеологизм приписывается французскому королю Карлу IX. Французскому королю Людовику XII приписывается выражение «*Les chevaux courent les bénéfices, les ânes les attrapent*» (Рысаки добывают призы, а ослы их ловят). При анализе русских и французских фразеологизмов, объединенных номинантом «лошадь», выяснилось, что в основе многих фразеологизмов лежат ассоциации, связанные с реалиями мифологического характера, свойственного всем культурам: «*Le cheval ailé*» (Крылатый конь). Как известно, в древнегреческой мифологии крылатый конь (Пегас) – сын морского бога Посейдона и медузы Горгоны. При анализе русских и французских фразеологизмов были отмечены некоторые морфологические особенности, например в предложении «*Les chevaux et les poètes doivent être nourris non engraisés*», лексема «**engraisés**» выражена прилагательным, а во фразеологизме «*l'yeux du maître engraisse le cheval*» такая же лексема выражена глаголом.

Особое внимание хотелось бы обратить на лексико-стилистические особенности французских и русских фразеологизмов, объединенных номинантом «лошадь». В контексте лексических особенностей следует обратить внимание на частоту повторения лексем «*bon*», «*bonne*» – «хороший»: «*C'est dans les vieux pois qu'on fait les bonnes soupes*» или «*Il n'ya si bon charretier qui ne verse*». Следует отметить, что и французские, и русские пословицы метафоричны, образны, характеризуются меткостью и краткостью выражения, что облегчает запоминание.

Характеризуя стилистические средства образования фразеологических единиц, следует отметить повтор и антитезу. Повтор (двукратное употребление компонента фразеологической единицы) приводит к усилению ее значения: «*qui m'aime, aime mon chien*» (Пригрел меня, так корми и коня); «*A rude ânerude ânier*» (По коню и стойло). Благодаря использованию анти-

тезы (антонимического сопоставления компонентов фразеологической единицы) подчеркивается, сильнее выделяется контраст, лежащий в основе данного фразеологизма: «Le cheval ailé» (Не запрягай вместе осла и коня); «Les chevaux courent les bénéfiques, les ânes les attrapent» (Рысаки добывают призы, а ослы их ловят); «C'est dans les vieux pois qu'on fait les bonnes soupes» (Старый конь борозды не портит; Из старого гороха получается лучший овощной суп).

Довольно часто во французских и русских фразеологизмах, объединенных номинантом «лошадь», встречается эпитет: «Un cheval pommelé» (Лошадь в яблоках). Во фразеологизме «Cheval de Troie» (Троянский конь) наблюдается комбинация эпитета, метафоры и гиперболы. Комбинация метафоры и гиперболы присутствует во фразеологизмах «l'yeux du maître engraisse le cheval» (От хозяйского глаза и конь жиреет). Русские и французские фразеологизмы, объединенные номинантом «лошадь», часто содержат такой стилистический прием, как сравнение: «L'écurieuse plus que la course» (Стойло портит лошадь больше, чем бег); «Souffler comme un rhocue» (Дышать, как загнанная лошадь) (во французском фразеологизме – «как тюлень»). Во фразеологизмах встречается также транзитивная литота, например: «Cheval de bataille» (Тетя-лошадь).

Рифма как средство образования фразеологических единиц более характерна для русских фразеологизмов: «Не гони коня кнутом, а гони овсом»; «Сыпь коню мешком, так и не будешь ходить пешком». В некоторых случаях наблюдается одновременное присутствие рифмы как в русском, так и во французском фразеологизме, например: «Mariage prompt, regrets longs» (Кто на борзом коне жениться поспешит, тот скоро поплачет).

Рассматривая синтаксические особенности фразеологизмов в русской и французской лингвокультурах, отметим, что подавляющее число фразеологизмов в обоих языках выражены преимущественно полными предложениями, хотя в отдельных случаях имеют место обрывочные, неполные предложения, например: «Cheval de bataille» (Тетя-лошадь); «Cheval de Troie» – (Троянский конь); «Le cheval ailé» (Крылатый конь); «Cheval de (gros) trait» – (Ломовая лошадь); «Un cheval pommelé» (Лошадь в яблоках).

Анализ фразеологизмов с номинантом «лошадь» в русской и французской лингвокультурах позволяет сделать следующие выводы. Нами было выявлено значительное сходство фразеологических единиц с номинантом лошадь в русской и французской лингвокультурах. Практически во всех французских и русских фразеологизмах присутствует сигнификативное и денотативное значение данных фразеологизмов. Как русские, так и французские фразеологизмы, объединенные номинантом «лошадь», носят преимущественно коннотативный семантический характер, включающий эмоционально-оценочные ассоциации, связанные, в свою очередь, с культурно-историческими особенностями. Фразеологизмы русской и французской лингвокультур, объединенные номинантом «лошадь», во многих случаях приписывая качества лошади человеку, включают некие нормы его поведения, акцентируют внимание на нежелательных поступках.

Как французские, так и русские фразеологизмы в большинстве случаев отражают заботливое отношение человека к лошади. Русские и французские фразеологизмы всегда связаны не только с бытом французского народа, но и с его историей, культурой с менталитетом и способом мышления. В них отражены определенные исторические события, а также реалии мифологического характера. Во французских фразеологизмах были обнаружены фразы, принадлежащие историческим личностям.

Во фразеологических оборотах русского и французского языков достаточно распространены случаи полного совпадения. Не менее часто встречаются случаи расхождений русской и французской фразеологии, в которых смысловой компонент фразеологизмов совпадает, но внешне выражается по-разному. Номинант «лошадь» во французском языке чаще, чем в русском, имеет переносный смысл, в связи с чем французский фразеологический оборот не находит себе эквивалента в русском языке. Большинство проанализированных фразеологизмов, включающих номинант «лошадь», имеют множественное значение, что раскрывает многозначность синонимов французского языка. Как русские, так и французские фразеологизмы, объединенные номинантом «лошадь», метафоричны и образны. В них распространены такие стилистические приемы, как антитеза, эпитет, повтор, сравнение, рифма, литота. Встречаются случаи взаимосвязи метафоры и гиперболы. Следует отметить, что и в русских и французских фразеологизмах, содержащих номинант «лошадь», одновременно присутствуют все стороны, подвергающиеся анализу в данной статье.

Изучение особенностей фразеологизмов в разных лингвокультурах является актуальным вопросом как для теории лингвистики, так и для методики преподавания иностранного языка. Фразеология, как и язык в целом, хранит не только национальные, но и интернациональные знания. Взаимосвязь этих знаний обусловлена общностью человеческой цивилизации и мышления людей, культурно-историческим наследием, а также постоянным взаимообогащением языков и культур.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л., 1970.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
4. Ливанова Т.К., Ливанова М.А. Все о лошади. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2002. – 384 с.
5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 1985. – 160 с.
6. Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. – М., 1999. – 237 с.
7. Макарова О.Ю. Сравнительный анализ фразеологических оборотов французского и русского языков, специфика их перевода (на примере фразеологизмов с названиями овощей, фруктов) / Электронное научное издание «Труды МГТА: электронный журнал». – [Эл. ресурс]: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-152993.html>
8. <http://ru.wikipedia.org/wiki>

Функционирование англо-американских слоганов в коммуникативном пространстве

В статье рассматриваются особенности англо-американских рекламных слоганов, которые являются особой формой коммуникации, оказывающей воздействие на потребителя. На основе анализа лексико-грамматических и семантических аспектов выявляются и описываются свойства слоганов, функционирующих в рекламном дискурсе.

The paper examines the peculiarities of English and American advertising slogans as a special form of communication which influences the customer. On the basis of the analysis of lexical and grammatical and semantic aspects features of slogans in advertising discourse are defined and described.

Ключевые слова: рекламный слоган, рекламный дискурс, эффект манипуляции, коммуникация, оценка, языковая игра.

Key words: advertising slogan, advertising discourse, manipulation effect, communication, assessment, language game.

Рекламный продукт, будучи особой сферой приложения творческих усилий, создает особый мир. При этом ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что реклама не только демонстрирует товары и услуги, она навязывает моральные ценности, стереотипы мышления, образцы поведения. Следовательно, реклама может рассматриваться как «специфическая область социальных массовых коммуникаций между рекламодателями и различными аудиториями рекламных обращений с целью активного воздействия на эти аудитории, которое должно способствовать решению определенных маркетинговых задач рекламодателя» [8, с. 8].

Рекламное сообщение учитывает национальные особенности культуры тех народов, которым оно адресовано. Изучение социокультурных особенностей восприятия рекламных сообщений, на наш взгляд, представляется актуальным и требует тщательного изучения. Мы считаем, что рекламное сообщение является сходным с понятием слоган, так как данные термины несут одну и ту же смысловую нагрузку и оба функционируют в средствах массовой информации. Однако их грамматическая сторона различна. По мнению Е.М. Огородниковой, «рекламное сообщение – это своеобразный текст, конструируемый в системе рекламной коммуникации, подчиняющийся определенным закономерностям ...» [5, с. 3]. Автор отмечает, что семантическое наполнение данного текста может принимать своеобразные лексические формы, порождая определенные образы, воздействующие только на принятие решения в приобретении товара или

услуги [5, с. 3]. Мы определяем слоган как лаконичное и интонационно запоминаемое неанонимное выражение, созданное компанией или сообществом, оставляющее отпечаток в сознании носителей языка той или иной культуры [6, с. 146]. При подготовке рекламного продукта специалисты учитывают социальные, психологические и профессиональные характеристики адресата, а также прогнозируемый эффект воздействия.

Данные многочисленных исследований позволяют говорить о рекламе как об особой форме коммуникации. Рекламную коммуникацию отличает то, что в ней имеет место сознательное стремление одного из коммуникантов изменить поведение другого путем передачи ему некоторого сообщения о товаре или услуге. Учитывая это обстоятельство, можно утверждать, что успех рекламной коммуникации напрямую зависит от того, какую именно информацию сообщит адресант и насколько адекватно адресат сможет её понять и переработать.

Рекламные агентства, используя языковое манипулирование, скрыто воздействуют на потребителей. Явным манипулятивным потенциалом обладает использование в рекламном дискурсе категории оценки, которая приобретает в этом случае особую значимость. Они не только описывают какую-либо ситуацию внешнего мира, но и интерпретируют её, задавая нужное говорящему видение мира [2, с. 54].

Нами было проанализировано 200 англо-американских рекламных слоганов. Ярко выраженной оценкой из них обладает 4 %, например, 'Alabama the beautiful', 'Try it you'll like it' компании Alka Seltzer. Лекарственное средство Anadin предлагает такие слоганы, как 'Nothing is more effective than Anadin', 'Nothing acts faster than Anadin'. Компания British Airways, уверенная в том, что их авиалинии одни из любимых, придумали слоган 'The world's favourite airline'. Таким образом, оценка позволяет сконцентрироваться на положительных качествах товара или услуги и избежать оказания воздействия путем прямого выражения интенций.

Компании, которые ввели в рекламный слоган свое название, тем самым напоминая о себе, составляют 19 %. Например, компания Allstate insurance 'You're in good hands with Allstate', Alpo Dog Food 'Doesn't your dog deserve ALPO?', American Home Magazine 'American Home has an edifice complex', Ariston 'Ariston...andon...andon...', ASDA 'There's no place like ASDA', Bisto 'Ahh Bisto!', Bromo-Seltzer 'If you keep late hours for Society's sake Bromo-Seltzer will cure that headache'.

Реклама высоких технологий составляет 4 %. Представим слоганы таких компаний, как Apple 'The computer for the rest of us', Apple Computers 'Think different', Cisco Systems 'Welcome to the Human Network', Cisco 'Empowering the Internet Generation'. Эти компании стали известными не благодаря рекламе, а уверенной демонстрации своего лидерства, через поставку информации о верном выборе направления приобретений. Эффективность слогана зависит от того, насколько скептически настроена целевая аудитория к товару или насколько сложное рекламное сообщение, что

касается, в первую очередь рекламы высоких технологий: «Потребитель... должен доверять рекламе и видеть, что хотя высокие технологии и глобальны, но рекламное обращение направлено в первую очередь лично к нему, а только потом к другим, обществу или учреждениям» [1, с. 35].

В исследованиях, обращенных к рекламному дискурсу, специалисты выделяют феномен языковой игры, подчеркивая её позитивно-созидательный и творческий потенциал. По мнению ряда авторов, языковая игра – это «...игра с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное...» [3, с. 172]. Многими специалистами языковая игра понимается как речевая стратегия, способствующая созданию большей выразительности рекламного текста. Различные формы языковой игры повышают экспрессивный потенциал рекламного текста, который, в терминах теории речевых актов, представляет собой персуазив: «...Персуазивный потенциал каламбура как языковой единицы особой семиологической природы заключается в его повышенной экспрессивности» [7, с. 10]. Наш материал показал 5 % рекламных слоганов, представляющих феномен языковой игры. Например, 7-up 'Freshen-up with 7-Up', Access Credit Card you 'Does does or does you don't take Access?', Alka Seltzer 'Plop plop fizz fizz oh what a relief it is', Birds eye peas 'Sweet as the moment when the pod went 'pop'', British rail 'Let the rain take the strain', Brylcreem 'A little dab'll do ya', Chevrolet 'Eye it - try it - buy it!'. В большинстве случаев феномен языковой игры воспринимается абсолютно положительно, при том, что некоторые исследователи признают её манипулятивный характер. Л.В. Исаева предполагает, что языковая игра выполняет в том числе и деструктивную роль. По её мнению, прежде чем сформулировать в сознании реципиента «положительный имидж рекламируемого продукта», рекламист обязан соответствующим образом «подготовить» его сознание, разрушив его структурные и структуропо-рождающие основания [4, с. 125]. Таким образом, языковая игра не является средством украшения речи или создания комического эффекта. Языковая игра – это «средство форсированного разрушения устоявшихся, основанных на опыте и здравом смысле языковых и, соответственно, поведенческих и мировоззренческих стереотипов» [4, с. 127].

В языке рекламы используются разноуровневые языковые средства, доминирующими являются лексико-грамматические – сравнительная и превосходная степень имени прилагательного, что составляет 8,5 %. Приведем примеры следующих слоганов: 'Nothing is more effective than Anadin', 'Nothing acts faster than Anadin', 'Be the best', 'We try harder', 'We're number two. We try harder', 'Making life richer for the poorer', 'Only the best for the Captain's table', 'Better sound through research', 'We'll take more care of you', 'You'll look a little lovelier each day with fabulous pink Camay'.

Анализ материала продемонстрировал наличие побудительных структур (17,5 %), выраженных повелительным наклоном. Приведем некоторые примеры: Abbey National 'Get the Abbey habit', American Airlines 'Fly

the American way', American Express 'Don't leave home without it', Apple Computers 'Think different', AT&T 'Reach out and touch someone', Bic Lighters 'Flick your Bic', British airways 'Keep the flag flying'. Повелительная форма косвенно принуждает потребителей покупать тот или иной товар или пользоваться услугой компании.

Таким образом, в рекламных сообщениях реализуется широкий потенциал языковой системы (семантический, грамматический, прагматический) в силу того, что рекламный дискурс обладает целым рядом структурно-семантических особенностей, выполняя информативную функцию и функцию манипуляции.

Список литературы

1. Городищева А.Н. Высокотехнологичная реклама и реклама высоких технологий // Междунар. научно-практ. конф. «PR и реклама: традиции и инновации» с международным участием под ред. Михайлова А.В.; Сибирский государственный аэрокосмический университет. – Красноярск, 2013. – С. 33–36.

2. Еромейчик Т.В. Манипулятивный потенциал имплицитной оценки в рекламном дискурсе (на материале англоязычной рекламы и русскоязычной рекламы Беларуси) // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2008. – № 1. – С. 53–56.

3. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. – М., 1983. – С. 172–214.

4. Исаева Л.В. Деструктивные стратегии персуазива как речевого акта в «игровом» рекламном тексте // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 11(117). – С. 123–129.

5. Огородникова Е.М. Социокультурный анализ рекламы в полилингвистической среде: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 28 с.

6. Ошева Е.А. Лингвокультурная специфика паремиологического пространства (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2013. – 215 с.

7. Пономарева Г.В. Каламбур как форма реализации языковой игры в англоязычной персуазивной коммуникации в аспекте перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2009. – 23 с.

8. Ромат Е.В. Реклама. – СПб.: Питер, 2004. – 176 с.

Интернет-источники иллюстративного материала

<http://www.adslogans.co.uk/hof/hofindx1.html>

**Репрезентация концепта «SPACE» в сознании билингва:
статистический анализ экспериментальных данных**

В статье представлен статистический анализ результатов, полученных в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента, стимулом в котором выступало слово «space» (пространство). Целью эксперимента было установление общих и отличительных черт в репрезентации исследуемого концепта в сознании двух разноязычных групп билингвов.

The paper presents a statistical analysis of the results of data obtained in free association experiment, the stimulus of which was the word "space". The aim of the experiment was to establish common and distinctive features in the representation of the studied concept in the minds of the two different bilingual groups.

Ключевые слова: пространство, ментальная репрезентация, свободный ассоциативный эксперимент, билингвизм, статистический анализ.

Key words: space, mental representation, free association experiment, bilingualism, statistical analysis.

В настоящее время в лингвистических исследованиях уделяется большое внимание изучению категории пространства в целом и концепта «пространство» как ее центрального элемента. По мнению Е.С. Кубряковой, концепт «пространство» формирует основу целого ряда классов и групп слов, например, предлогов, и получает в языке широкое отражение на разных его уровнях [6, с. 84]. Н.Н. Болдырев, рассматривая пространственную категорию в рамках когнитивного подхода, отмечает: «Восприятие любого события, его концептуализация и представление в языке во многом определяется пространственной характеристикой данного события, т.е. выделением объектов как определенных пространственных ориентиров» [3, с. 212].

Целью нашего исследования является получение представления о том, как варьируется содержание исследуемого концепта в сознании билингва в зависимости от того, каким предшествующим лингвокультурным опытом обладает последний, в частности, опытом владения первым языком и когнитивными структурами, сформировавшимися на его основе. Для решения поставленных задач был проведен свободный ассоциативный эксперимент, стимулом в котором выступило английское слово «space», которое в одном из своих значений соответствует слову «пространство». В данном случае мы руководствовались опытом экспериментальных исследований,

накопленным в современной психолингвистике и отражающим возможность доступа «к процессам и результатам конструирования смыслов при условии обеспечения мотива речемыслительной деятельности у испытуемых... и актуализации образа мира, что позволяет идентифицировать слово-стимул в соответствии с культурными установками участников эксперимента» [7, с. 70–71].

Согласно психолингвистической теории слова А.А. Залевской, необходимо рассматривать слово как единицу, которая входит в «чрезвычайно сложную систему объемных многоярусных многократно пересекающихся полей» и является средством доступа к когнитивно-аффективно-перцептивной базе носителя языка [4, с. 6]. Особенно важным для нас является следующее замечание А.А. Залевской: «Изложенные представления о том, что лежит у индивида за словом, вполне объясняют наблюдаемые со стороны или посредством рефлексии удивительные возможности слова, которое живо только тогда, когда мы его не просто знаем, а переживаем как слитое с продуктами переработки многообразного опыта и всегда включённое во множество связей и отношений, вне которых не может восприниматься и опознаваться окружающий нас физический и социокультурный мир» [5, с. 47]. Кроме того, как справедливо отмечает С.В. Лебедева: «Точка отсчета – это сам человек – мыслящий и чувствующий – *homo sapiens et loquens*, именно вокруг него расположен тот фрагмент образа мира, который значим для вербального поведения» [8, с. 65].

Основной задачей проведенного свободного ассоциативного эксперимента было установление общих и отличительных черт в репрезентации концепта «space» (пространство) в сознании двух разноязычных групп билингов, обладающих различным опытом владения первым языком, но говорящих на одном втором языке (английском). В данном эксперименте приняли участие 12 двуязычных информантов, говорящих на вьетнамском и английском (далее – группа 1), а также 12 информантов-билингов, владеющих русским и английским языками (далее – группа 2). Все информанты – жители США, обучающиеся в колледжах штатов Вашингтон, Нью-Гэмпшир и Массачусетс. Возраст респондентов от 20 до 40 лет. В качестве задания испытуемым было предложено, не задумываясь, написать в бланке ассоциации, которые вызывает у них слово «space». Время выполнения задания ограничивалось 5 минутами. В результате проведения данного эксперимента была получена 221 реакция. 126 ответов были даны на английском языке вьетнамо-англоговорящими информантами, 95 реакций были получены от информантов-билингов, владеющих английским и русским языками. Все полученные реакции от обеих групп информантов и общие статистические данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Ассоциации, полученные на слово-стимул «space» (пространство)

Ассоциация	Количество информантов группы 1, представивших данную ассоциацию	Количество информантов группы 2, представивших данную ассоциацию
Infinity/безграничность	12	8
Galaxy/Вселенная	6	8
Ocean/океан	6	2
Chasm/бездна	10	2
Field/поле	0	8
Depth/глубина	11	5
Infinitude/бесконечность	10	10
Infinite/бесконечное	12	3
Endless/бесконечное	12	12
Horizon/горизонт	0	12
Distance/расстояние	11	3
Quantity/величина	12	7
Dimension/измерение	12	7
Size/размер	12	8
Всего реакций: $\sum X$	126	95
Число участников: n	$n_1 = 12$	$n_2 = 12$
Средняя величина: X	10,5	7,9
Квадрат суммы реакций: ($\sum X$)²	15876	9025
Сумма квадратов реакций: ($\sum X^2$)	1378	793

Вертикальный анализ реакций информантов показал, что наиболее частотными ассоциациями на английском языке для информантов-билингвов из группы 1 были: *infinity* (безграничность) – 12, *infinite* (бесконечное) – 12, *endless* (бесконечное) – 12, *quantity* (величина) – 12, *dimension* (измерение) – 12, *size* (размер) – 12, *depth* (глубина) – 11, *distance* (расстояние) – 11, *chasm* (бездна) – 10, *infinitude* (бесконечность) – 10. Наименее частотными: *Galaxy* (Вселенная) – 6, *ocean* (океан) – 6.

Для англо-русскоговорящих информантов самыми частотными ассоциациями стали: *endless/бесконечное* – 12, *horizon/горизонт* – 12, *infinitude/бесконечность* – 10, *infinity/ безграничность* – 8, *Galaxy/Вселенная* – 8, *field/поле* – 8, *size/размер* – 8, *quantity/величина* – 7, *dimension/измерение* – 7, *depth/глубина* – 5. Наименее частотными являлись: *infinite/бесконечное* – 3, *distance/расстояние* – 3, *ocean/океан* – 2, *chasm/бездна* – 2.

Значительное количество ассоциаций, предложенных информантами из двух групп, совпадает, однако, если информанты из группы 2 указывали в качестве ассоциаций слова *horizon/горизонт* и *field/поле*, то представители группы 1 не предлагали таких ассоциаций. При этом значимыми для

представителей группы 1 стали такие реакции, как *ocean* (океан), *depth* (глубина), *chasm* (бездна). В данном случае мы разделяем мнение И.С. Борздиной о том, что совпадение ассоциаций на слово-стимул «пространство» указывает на универсальность тех представлений, которые возникают в сознании носителей языка в качестве реакций, что, в свою очередь, свидетельствует о единстве концептуализации базовых элементов окружающего мира людьми как представителями одного биологического вида. В то же время, специфика концептуализации пространства проявляется на культурологическом уровне и демонстрирует важность учета экспериенциального (полученного с опытом) характера восприятия объективной реальности [2, с. 77].

На наш взгляд, отмеченные отличия могут быть объяснены тем, что информанты из указанных групп имеют различный предшествующий лингвокультурный опыт, связанный, например, с ландшафтом и географическим положением их родных стран (о чем свидетельствуют, например, ассоциации *ocean*, *depth*, *chasm*). Анализируя результаты ассоциативного эксперимента, мы также принимаем во внимание идею И.Г. Бескоровойной о том, что «одни данные, что вполне закономерно, обусловлены социально, другие могут быть объяснены национально-культурной спецификой» [1, с. 76].

На основе проведенного вертикального анализа полученных ассоциаций была сформулирована рабочая гипотеза (H_1) о том, что репрезентация и содержание концепта «space» в сознании билингвов, говорящих на общем втором (английском) языке и различных родных языках, имеет некоторые отличия. В качестве противоположной (нулевой гипотезы – H_0) выступало положение о том, что различий между формой и содержанием ментальной репрезентации концепта «space» у двух исследуемых групп билингвов нет.

Далее, для подтверждения/опровержения выдвинутой рабочей гипотезы и достоверности экспериментальных показателей, полученные данные были обработаны с применением метода t -статистики Стьюдента и аналитических методов инферентной статистики Р. Нуэза для групп с одинаковым числом участников в каждой из них [9, с. 104–107], нашедших широкое применение в экспериментальных когнитивных исследованиях.

Мы использовали t – параметрический тест Стьюдента – метод для проверки гипотез о валидности средних величин при анализе количественных показателей, который дает возможность опровергнуть H_0 – нулевую гипотезу (отсутствие различий между группами) и принять рабочую H_1 о значимости различий в репрезентации исследуемого концепта между группами. Для выполнения t (параметрического теста) для двух независимых выборок предполагается, что распределение показателей находится достаточно близко к нормальному распределению – вероятности того, что реальное наблюдение находится между двумя любыми действительными числами, а кривая с обеих сторон может приблизиться к нулю.

В построенных нами формулах X_1 и X_2 – выборочные средние значения, M_1 и M_2 – выборочные арифметические средние величины, числа – оценки параметров: $n_1 = n_2 = 12$ – число участников в обеих группах, $\sum X_1$ и $\sum X_2$ – общее число ассоциативных реакций в группах, число повторяющихся реакций, число единичных реакций, S_1^2 и S_2^2 – среднеквадратические отклонения, α – alpha – уровень значимости, df – число степеней свободы, вычисляется по формуле: $df = n - 1$.

При определении наличия или отсутствия разницы между выборочными арифметическими средними величинами возможны две гипотезы: H_0 – нулевая, согласно которой отсутствует разница между показателями, и H_1 – альтернативная – рабочая гипотеза. Полученное значение t покажет наличие или отсутствие разницы между ассоциациями, полученными от двух групп билингвов. Кроме того, t также позволит определить, значима ли установленная разница или нет и, следовательно, подтверждается ли выдвинутая нами рабочая гипотеза. Для этого мы сравниваем полученное значение t со значениями из таблицы значений t – статистики Стьюдента, где α – alpha – общепринятый стандартный уровень значимости. Данный подход позволяет проверить достоверность рабочей гипотезы и валидность числовых показателей, полученных экспериментальным путем. При этом, чем больше значение t по сравнению с критическими показателями в таблице и меньше α – уровень значимости, тем выше вероятность того, что $X_1 \neq X_2$ и больше у нас оснований отвергнуть H_0 и принять рабочую гипотезу [9, р. 104 – 107].

$$H_0 : M_1 - M_2 \leq 0$$

$$H_1 : M_1 - M_2 > 0$$

$(M_1 - M_2)$ – это разница между выборочными арифметическими средними величинами.

$$t = \frac{(X_1 - X_2) - (M_1 - M_2)_{hyp}}{Sx_1 - x_2}, \text{ где}$$

$(X_1 - X_2)$ – это разница между выборочными средними значениями.

$(M_1 - M_2)_{hyp}$ – это гипотетическая разница между выборочными арифметическими средними величинами.

Подсчет знаменателя для основной формулы, определяющей t , производится следующим образом:

$$Sx_1 - x_2 = \sqrt{[(S_p^2 / n_1) + (S_p^2 / n_2)]}.$$

Так как число участников в обеих группах является одинаковым, то можно определить S_p – среднее значение суммы расхождений:

$$S_p^2 = (S_1^2 + S_2^2) / 2$$

Для этого подсчитывается величина для $Sx_1 - Sx_2$ (число, которое выражает среднюю величину, на которую $(X_1 - X_2)$ случайно отклоняется от ожидаемого значения:

$$S_1^2 = \frac{n_1(\sum X_1^2) - (\sum X_1)^2}{n_1(n_1 - 1)} \text{ и } S_2^2 = \frac{n_2(\sum X_2^2) - (\sum X_2)^2}{n_2(n_2 - 1)}$$

$$\sum X_1 = 126 \text{ и } \sum X_2 = 95 \quad (\sum X_1^2) = 1378 \text{ и } (\sum X_2^2) = 793$$

$$(\sum X_1)^2 = (126)^2 \text{ и } (\sum X_2)^2 = (95)^2 \quad n_1 = 12 \text{ и } n_2 = 12$$

$$S_1^2 = \frac{12(1378) - (126)^2}{12(12 - 1)} = 5,0 \quad S_2^2 = \frac{12(793) - (95)^2}{12(12 - 1)} = 3,7$$

$$S_p^2 = (5,0 + 3,7)/2 = 4,35 \quad S_{x_1 - x_2} = \sqrt{[(4,35/12) + (4,35/12)]} = 0,85$$

Так как величина $(M_1 - M_2)_{hyp}$ является величиной, равной или меньше нуля, то критическое значение, определяющее величину t , представляет собой разницу между выборочным средним значением $(X_1 - X_2)$. Следовательно, t мы вычисляем по следующей формуле:

$$t = \frac{(X_1 - X_2) - (M_1 - M_2)_{hyp}}{S_{x_1 - x_2}} = \frac{(X_1 - X_2) - 0}{S_{x_1 - x_2}}$$

Средняя величина X подсчитывается по формуле: $X = \sum X / n$

$$X_1 = 10,5 \text{ и } X_2 = 7,9$$

$$t = \frac{10,5 - 7,9}{0,85} = 3,06 \quad df = n - 1 \quad df = 11$$

Итак, мы получили значение $t = 3,06$ и можем прийти к следующему выводу. Сравнив данное значение с таблицей значений t для одностороннего критерия значимости для группы из 12 человек, который равен 2,718 для $\alpha = 1\%$ уровня значимости, мы видим, что поскольку значение $t = 3,06$ больше 2,718, мы можем отказаться от H_0 (нулевой гипотезы) и принять рабочую (H_1) гипотезу о том, что существует различие в ментальной репрезентации концепта «спрасе» у представителей двух групп разноязычных билингвов.

Таким образом, экспериментальные и статистические данные подтверждают идею о том, что несмотря на общность представлений о пространстве у двух различных групп билингвов содержание этого базового концепта может существенно отличаться под влиянием их предшествовавшего лингвокультурного опыта, а также лингвокогнитивных структур, сформированных под влиянием родного языка.

Список литературы

1. Бескорвайная И.Г. Ассоциативный эксперимент как способ реконструкции фрагментов языкового сознания // Вопросы психолгвистики. – 2004. – № 2. – С. 73–77.
2. Бороздина И. С. Лингво-когнитивное моделирование пространственных отношений и объектов: экспериментальное исследование. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2011. – 131 с.
3. Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании / Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 112–216.
4. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1992. – 136 с.

5. Залевская А.А. Идентификация слова как включение во «внутренний контекст» // Вестник ТвГУ. Сер. филология. – Тверь, 2012. – № 10(2). – С. 44–49.
6. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 84–92.
7. Курбанова Н.И. Смысловое поле при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова // Вестн. ТвГУ. Сер. филология. – Тверь, 2012. – № 10 (2). – С. 70–77.
8. Лебедева С.В. Содержание и специфика термина «проксиматика» // Вопросы психолингвистики. – М.: РАН, 2009. – С. 62–68.
9. Nuñez, R. Inferential statistics in the context of empirical cognitive linguistics // M. Gonzalez-Marquez, I. Mittleberg, S. Coulson & M. Spivey (Eds.), *Methods in cognitive linguistics*. – Amsterdam: John Benjamins, 2007. – P. 87–117.

УДК 82–97

Нургатина Г.Г.

Творчество Хусаина ибн Амирхана (историография вопроса)

В статье освещается история изучения жизни и деятельности татарского муллы, историка и писателя XIX века Хусаина ибн Амирхана, автора исторических хроник, переводов, комментария к Корану под названием «Аль-Фаваид». Делается попытка определить роль сочинения «Таварихе Булгария» в развитие татарской историографии, намечаются основные направления для дальнейших исследований.

This article is devoted to the history of the study of the life and works of Tatar Mulla, historian and writer of the 19th century Husain Ibn Amirkhan, who is the author of historical chronicles, translations, commentaries to the Qur'an by the name of "Al-Fawaid". There was made an effort to determine the role of essays "Tawarikh-i Bulghariyah" in the development of the Tatarian historiography, and to outline the main directions for further research.

Ключевые слова: Хусаин ибн Амирхан, «Таварихе Булгария», татарская историография, тафсир «Аль-Фаваид».

Key words: Husain Ibn Amirkhan, Tawarikh-I Bulghariyah, Tatarian historiography, tafsir «Al-Fawaid».

Хусаин ибн мелла Амирхан ибн 'Абдульманнан ибн Исма'иль ибн Мурад ат-Талкышы (1816–1893) – выдающийся представитель татарской интеллигенции XIX века. Представитель знаменитой династии Амирхановых, один из образованнейших татарских мусульманских духовных служителей своего времени, имам-хатыб шестой мечети Новой Татарской слободы города Казани, просветитель, педагог и, наконец, автор исторических, религиозных книг и переводов на татарский язык. Произведения Х. Амирхана полностью пронизаны духом ислама, но в то же время содержат в себе ценнейшую информацию об истории татарского (булгарского) народа. Все это определяет его вклад в развитие татарской историографии, экзегетики и литературы XIX века в целом, которая осталась верна традициям предыдущих эпох, носила синкретический характер, объединяя в себе религиозные, духовные и культурные представления народа.

Определяя дату рождения Х. Амирхана, Ш. Марджани называет 1816 год [20, с. 322], Р. Фахрутдин в своем знаменитом биобиблиографическом труде «Асар» («Следы») отмечает, что Хусаин ибн Амирхан умер в 1893 году в 79 лет [34, с. 217], значит, годом его рождения считает 1814. Р. Амирхан больше склоняется к версии Ш. Марджани, учитывая тот факт,

что Хусаин был рожден в Казани, а его отец мела Амирхан ибн 'Абдулманнан ибн Исма'иль ибн Мурад ибн Ахмад ат-Талкышы переехал в Казань между 1814–1816 годами, о чем свидетельствуют Ш. Рахматуллина [23, с. 47–48] и Ш. Марджани [20, с. 271].

Х. Амирхан учился в Чистополе и Казани у муллы Исхак ибн Са'ида, в Мачкаре у муллы 'Абдуллы ибн Яхья аль-Чиртуши, после чего отправился за знаниями в Бухару и обучался там в одно время с Ш. Марджани. В 1846 году, вернувшись на родину, женился на дочери Баймурада муллы Бадриджемал. В 1847 году получил указ [20, с. 323], а после кончины Баймурад хазрата был избран имамом шестой мечети Новой Татарской слободы, так называемой Иске Таш [24, с. 278].

Всю свою жизнь посвятил служению религии и народу, до 1889 года исполнял обязанности имама, давал уроки сначала в медресе ибтидаия (начальная школа), потом в медресе рушдия (неполное среднее образование) и в знаменитой медресе своего отца «Амирхания». В 1852 и 1862 годах Духовное управление назначало его имамом на Макарьевскую ярмарку в качестве представителя от Казани [9, с. 21–22]. Умер в 1893 году и был погребен на кладбище Новой Татарской слободы города Казани [24, с. 141].

Жизнь и деятельность Х. Амирхана была включена еще в труды его современников. В конце XIX века увидел свет труд Ш. Марджани «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Источники по истории Казани и Булгара»), в главе которого «Шәхесләр һәм истәлекле вакыйгалар» («Личности и знаменательные события») находим краткую, но очень ценную информацию о его биографии [20, с. 322–323]. Ризаэддин Фахруддин в библиографическом труде «Асар» также освещает жизнь и деятельность писателя, сообщает о двух его напечатанных книгах: тафсир «Аль-Фаваид» и «Таварихе Булгария» [34, с. 217].

В «Календаре» за 1894 год Шихабуддин Рахматуллин напечатал статью, посвященную истории казанских мечетей и их имамов «Казан шәһәрәндәге һәм аның фәнәләрендәге мәсҗидләр» («Мечети города Казани и его окрестностей»), где назвал Х. Амирхана большим ученым своего времени, знатоком во всех науках («һәр фәндә мütәбәххир... галим кеше булган» [23, с. 78]). Ибрагим Нуруллин в книге «Фатих Әмирхан» («Фатих Амирхан»), посвященной знаменитому татарскому писателю начала XX века, не обходит стороной и его деда Хусаина [22, с. 5–8].

В советское время его имя оставалась в тени, тем не менее, в шеститомной «Татар әдәбияты тарихы» («История татарской литературы») ученые не смогли обойти стороной творчество историка, хорошо знавшего историю татарской культуры [28, с. 150]. Его имя и труд «Таварихе Булгария» были перечислены наряду с другими видными деятелями конца XIX века [28, с. 422]. Более того, он послужил источником для авторов шеститомной «Истории татарской литературы» [28, с. 150], что еще раз

подтверждает важность роли Х. Амирхана в формировании татарской историографии.

В первом томе «Татар эдэбияты тарихы» («История татарской литературы») при анализе творчества Сулеймана ибн Дауда Сувари, сообщается, что Х. Амирхан в «Нуджумат-таварих» («Звезды исторических хроник») приводит отрывок из произведения этого автора¹ «Зухрат аль-рийаз ва нузхат аль-кулуб аль-мараз» («Цветок садов и исцеление для больных сердец») [27, с. 90].

В последние годы творчество Х. Амирхана было освещено в работах многих ученых. Среди них статьи доктора исторических наук Р. Амирхана «Бохара гыйлемле мөдәррис» («Мударрис с бухарским образованием») [9, с. 20–25], «Олуг милләт хадиме» («Великий слуга народа») [10, с. 69–76], «Татарская историография: востоковедческо-тюркологические аспекты» [5, с. 70–74], труды американского ученого Аллена Франка «Islamic regional identity in Imperial Russia: Tatar and Bashkir historiography in the eighteenth and nineteenth centuries» [44, с. 157–179] и его перевод на русский язык «Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России» [36, с. 156–171], книга Салима Гилязутдинова «Әмирхан Хөсәен. Тәварихы Болгария... (Болгар тарихы...)» («Амирхан Хусаин. Таварихе Булгария... (История Булгара)») [11], Саяма Алишева «Татар тарихчылары» («Татарские историки») [3, с. 80–83], Азата Ахунова «Амирханов Хусаин. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники)» [4]. Его имя также упомянуто в «Татарском энциклопедическом словаре» [29, с. 33], в книге «Татарстан жәмһүрияте: татар халкының тарихи һәм мәдәни һәйкәлләре (XVIII гасыр ахыры – XX гасыр башы)» («Республика Татарстан: исторические и культурные памятники татарского народа (конец XVIII – начало XX вв.)») [24, с. 278] авторы назвали историка выдающимся ученым своего времени [24, с. 8].

Творческое наследие Х. Амирхана представляют несколько рукописных и печатных книг на старотатарском и арабском языках. Р.Гайнанов утверждал о 14 трудах, автором которых является Х.Амирхан [9, с. 24]. Но многие из этих произведений были потеряны и не дошли до наших дней. Современной науке известны четыре сочинения автора, напечатанные в Казани в конце XIX века.

---

¹ Сулейман бин Дауд Сувари (Саксини) – писатель первой половины XII века. Родился в городе Сувар, учился у болгарского судьи Хамида Булгари. Автор произведения на персидском языке «Бахджат аль-анвар мин хақыкат аль-асрар» («Яркость лучей от истины тайн»). После сам автор перевел его на арабский язык под названием «Нузхат аль-кулуб аль-мараз» («Исцеление для больных сердец»), после еще ввел исправления и дал название «Зухрат аль-рийаз ва нузхат аль-кулуб аль-мараз» («Цветок садов и исцеление для больных сердец»). Это произведение пользовалось популярностью среди тюрских народов и было введено во многие рукописные сборники. Известно, что Ш.Марджани напечатал его отдельные части. Сегодня одна из рукописей «Зухрат аль-рийаз...» хранится в музее Топ Капу города Стамбула [27, с. 89; 25, с. 155].

Самым значительным из них можно назвать «Таварихе Булгария», которое, несмотря на то, что не сохранилось в рукописном виде, было издано в 1883 году в Казани в типографии Вечеслова, благодаря помощи сына автора Мухаммадзарифа Амирханова¹. На наш взгляд, именно поэтому некоторые ученые (Н.Ф. Катанов, Ш.Ш. Абилов, З.А. Ишмухаметов, Т. Батыркаев) ошибочно приписывали авторство сыну историка [15, с. 25–26; 16, с. 64–67; 1; 14, с. 51; 10].

«Таварихе Булгария» («Булгарские хроники») – татарский исторический источник XIX века, вобравший в себя историю мусульманского мира, отдельных тюркских и исламских государств, Булгарского и Казанского ханств, библиографические сведения о знаменитостях. Состоит из глав «Мөхәммәдхан Әбулгази Бахадирхан Хаваризи вә Чынгыз кыйссасы» («Рассказ о Мухаммадхане Абульгази Бахадырхане Хорезми и Чингизе»), «Чынгыз ханның дөньяга килгән кыйссасы» («Сказание о рождении Чингизхана»), «Әмир Тимер бин Тургай Барлас кыйссасы» («Сказание об Амуре Тимуре, сыне Тургай Барласа»), «Болгар кыйссасындадыр» («Сказание о Булгаре»), «Болгарда вә этрафында булган голәмә вә мәшәехләр вә нәсари аслы кыйссасында» («Сказание об улемах и шейхах Булгара и его окрестностей, также о христианах»), «Болгарда булган гулямә вә мәшәихләр бәянындадыр» («Сказание о болгарских улемах и шейхах»), «Хосус Казан бәянындадыр» («Сказание о Казани»), «Кабан күле кыйссасы» («Сказание об озере Кабан»), «Урысның Казан алу кыйссасы» («О том, как русские завоевали Казань»), «Бистә димәк кыйссасы» («Сказание о [Татарской] слободе»), «Черек күл кыйссасы» («Сказание о Черном озере»), «Хикәят. Хытай хан» («Рассказ о Хытай [Китай] хане»), «Яңа бистә димәк» («Новотатарская слобода»), содержание которых соответствует названию; а также важных по смыслу «Мукаддәмә» («Введение»), и «Хатимә» («Заключение»).

В качестве источника автор опирался как на народные легенды и предания, также на всемирно известные произведения Востока «Джиханнаме» («Описание мира») Катиба Челеби², «Шаджараи тюрк» («Родословная тюрков») Мухаммадхана' Абульгази Бахадирхана Хорезми³, которому

---

¹ Мухаммадзариф Амирхан (1853–1921) – богослов, имам шестой казанской мечети, преподаватель медресе «Амирхания», автор религиозных книг, которые в свое время использовались в качестве учебника в медресе рушдия: «Әхәдисән-Нәбәуийа» («Пророческие хадисы») (1909) [25, с. 76], «Әхәдисәль-Кудсийа» («Священные хадисы») (1909), «Әхәдисәль-Кудсийа. Тәржемәсе илә» («Священные хадисы. С переводом») (1909) и др.

² Катиб Челеби Мустафа бин 'Абдаллах (1609–1657) – известный историк и библиограф Турции. Автор библиографического словаря «Кашф аз-зунун 'ан асами алкутубва-л-фунун» («Раскрытие сомнений в названиях книг и наук»), географического труда «Джиханнаме» («Описание мира») и других сочинений по географии и истории [4, с. 21].

³ Мухаммадхан 'Абульгази Бахадирхан Хорезми (1603–1663) – Хивинский хан, большой знаток мусульманской истории, поэт, автор трудов о родословной тюркских народов «Шаджараи тюрк» («Родословное древо тюрков») и туркмен «Шаджараи Таракима» («Родословное древо туркмен») [41, с. 47].

посвящена первая глава сочинения, «Тимурнаме» ибн 'Арабшаха¹, «Таварихе Булгария» Хисамуддина аль-Булгари², «Камус» («Словарь») Фирузабидий³ и др.

«Таварихе Булгария» высоко оценивалась современниками Х. Амирхана и долгое время использовалась в качестве учебника в медресе [9, с. 23]. В журнале «Деятель» за 1898 год Н. Катановым были напечатаны статьи «Татарские предания об озере Кабане в городе Казани» [15] и «Татарское предание о слободах Татарской и Навотатарской в городе Казани» [16], где приводятся предания из «Таварихе Булгария» в переводе на русский язык с некоторыми разъяснениями.

В приложении к журналу «Православный собеседник» под названием «Инородческое обозрение» [21] за 1912 год в отделе «Критика и библиография» была напечатана статья «Новые труды по татарской истории», где наряду с другими книгами анализируется «История тюрок и татар» («Төрөк вә татар тарихы») А. Валидова. Автор сравнивает это сочинение с «Таварихе Булгария» Х. Амирхана, отмечая при этом сравнительно большую легкость и близость языка «Истории тюрок и татар» к местной разговорной речи [21, с. 74].

В книге «Материалы по истории Татарии» наиболее ценными произведениями татарских писателей по истории называются вышеупомянутый труд «Таварихе Булгария» Хисамутдина аль-Булгари, «Мустафад аль-ахбар...» Ш. Марджани, «Археологические заметки» Каюма Насыри, «Таварихе Булгария» Х. Амирхана и «Тальфик аль-ахбарватальких аль-асар фи вакаиғ Казан ва Булгар вамулюке татар» («Собрание известий и памятников о событиях в Казани, Булгаре и татарских правителях») М.М. Рамзи. В качестве недостатков этих книг отмечается следующее:

---

¹ Ахмед ибн Мухаммад ибн 'Арабшах (1389–1450) – арабский писатель. Родом из Дамаска, автор сочинения «Чудеса предопределения» или «Тимурнаме» («История о Тимуре», «History of Timur») [42, с. 739–740].

² Хисамуддина ибн Шарафуддина аль-Булгари (Муслими (XVI век) – составитель трактата «Таварихе Булгария». О его личности ученые не пришли к единому мнению, так как это имя считается псевдонимом. В «Таварихе Булгария» автор пишет, что он из рода Муслим баба деревни Ташбилге, учился у Тафтазани. Но многие даты не совпадают с реальностью, поэтому сочинение подвергалось критике многих ученых [33, с. 33–34; 36, с. 79–83].

³ Фирузабидий (Маджеддин Абу ат-Тахир Мухаммад Ширазский, 1329–1414) – родился близ Шираза, образование получил в Багдаде и Дамаске. Жил в Иерусалиме, Малой Азии, Египте, Мекке, Индии. В Йемене был назначен верховным кадымом. Автор сочинений «Удивительное светило», знаменитого толкового словаря арабского языка «Камус», где объяснено много слов и выражений, не включенных в другие словари. Он пользуется широким распространением и на Востоке, и у арабистов. Но словарь составлен в сжатой форме и объяснения не всегда понятны даже ученым арабам, из-за чего было составлено много комментариев к нему. Один из них написан в XVIII веке Сеидом Муртазой аз-Забури (ум. 1791) и назван «Тадж аль-'арус» («Венец невесты в деле истолкования Камуса»), где исправлены ошибки Фирузабиди, разъяснены темные места и на все даны обильные цитаты из лучших филологических сочинений [43, с. 40].

«Давая много важного фактического материала, эти четыре автора часто страдают тем недостатком, что не делают точных указаний на первоисточники» [19, с. 100].

В книге М.А. Усманова «Татарские исторические источники XII–XIII веков» [32, с. 222] имя Х. Амирхана было упомянуто в одном ряду с Ш. Марджани, Р. Фахрутдином, А. Рахимом, Г. Ибрагимовым, «сурово критиковавшими» [32, с. 222] «Таварихе Булгария» Хисамуддина аль-Булгари.

З.А. Ишмухаметов в своей антирелигиозной монографии «Социальная роль и эволюция ислама в Татарии» ссылается на «Таварихе Булгария», отмечая при этом, что «Автор «Истории Булгарии» («Таварихе Булгария» – Г.Н.) перечисляет имена сотен ишанов эпохи царизма, восхваляя и идеализируя их авторитет и влияние» [14, с. 51]. Положительную оценку Х. Амирханом всех своих современников отметил и А. Ахунов: «О ком бы из татарских деятелей ни шла речь, Х. Амирхан дает исключительно положительную оценку их жизни и деятельности. В этом его главное отличие от «Мустафада» Ш. Марджани, который не щадил своих героев, подробно описывая их неблагочестивые дела, если таковые имели место быть» [4, с. 11].

В «Антологии татарской поэзии» [6] «Таварихе Булгария» упоминается в связи с именем средневекового поэта Мухаммада Амина¹, произведение которого «Гыйкаб» было включено в вышеупомянутый труд Х. Амирхана [6, с. 143]. Памятник татарского устного народного творчества «Аксак Тимербаете» («Беит Хромого Тимура»), включенный в сборник «Татарское народное творчество. Байты», тоже взят из сочинения историка [30, с. 351].

Во введении к книге «Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар» («Татарское народное творчество. Легенды и придания») [31] С. Гилязутдинов перечислил имя Х. Амирхана вместе с такими учеными, как Ш. Марджани, М. Аитов, Г. Ахмаров, Х. Атласи, М. Рамзи, Р. Фахрутдин, обратив внимание читателя на то, что все они в своих произведениях, освещая те или иные исторические события времен Булгар и Казани, опирались на народные предания [31, с. 8]. Труды вышеперечисленных историков послужили источником при составлении сборника. Такие предания, как «Иске Казан каласының корылуы» («Основание Старой Казани»), «Әби патша» («Бабушка царица»), «Бистә димәк кыйссасы» («Сказание о слободе»), «Кабан» и другие были взяты из «Таварихе Булгария».

В последние годы этот труд вызвал интерес ряда исследователей. В 1994 году американский ученый Аллен Франк защитил диссертацию на тему «Islamic regional identity in Imperial Russia: Tatar and Bashki rhistoriography in the eighteenth and nineteenth centuries» [44], где посвятил целую

---

¹ Мухаммад Амин (II половина XV века – 1518) – Казанский хан, правивший в 1487–1496, 1502–1518 годах, поэт. До нас дошло его стихотворение «Гыйкаб» («Месть»). Н.Ф. Катанов перевел его на русский язык и назвал автора «татарским поэтом».

подглаву «Таварихе Булгария» Х. Амирхана, назвав его комментарием к «Тавархе Булгария» Хисамуддина аль-Булгари. Он писал: «Mulla Husayn Amirkhanov's Tawarakh-I Husayniyah is an important transitional work in Volga-Ural historiography» [44, с. 177] («Таварихе Булгария» муллы Х. Амирхана – важная промежуточная работа в волго-уральской мусульманской историографии» – пер.наш. – Г.Н.) и был удивлен тем, что этот труд продолжает оставаться вне поля интереса местных ученых: «Пренебрежительное отношение, которое вызвала к себе история Амирханова, огорчает, т.к., наряду с другими причинами, эта история – богатый и доступный источник для изучения истории волго-уральских улемов» [36, с. 168]. Позже работа А. Франка была переведена на русский язык [36].

В труде известного немецкого ученого Михаэля Кемпера «Sufis und Gelehrte in Tatar und Baschkirien, 1789–1889: der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft» [45] «Таварихе Булгария» Х. Амирхана рассматривается как «объемный комментарий к Таварих-и Булгарийа» [18, с. 97, 511] Хисамуддина аль-Булгари. Автор отмечает критику Х. Амирхана в адрес сочинения Хисамуддина аль-Булгари за некоторые «Anochronismen und Unglaubwürdigkeiten» [45, с. 381] («анахронизмы и недостоверные данные» [18, с. 511]), например, легенду о принятии ислама булгарами при посредничестве сподвижников пророка и др. Интересно, что М. Кемпер заявляет о неизвестности ни одного другого сочинения Х. Амирхана, кроме этой книги [18, с. 511].

В 1994 году в журнале «Мирас» была напечатана седьмая глава из «Таварихе Булгария» «Махсус Казан баяндыдадыр» («Сказание о Казани»), переведенная на современный татарский язык Салимом Гилязутдиновым [37]. В 2001 году увидела свет книга «Таварихы Болгария... (Болгар тарихы...)» [11] того же автора с транскрипцией и переводом на современный татарский язык полного текста произведения.

Салям Алишев в книге «Татар тарихчылары» («Татарские историки») [3] посвятил изучению жизнедеятельности историка несколько страниц. В труде «Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.)» сочинения Х. Амирхана, Т. Ялчыгула и Г. Чокри под одним названием «Таварихе Булгария» рассматриваются как «внутренняя связь XIX века» [26, с. 151] с «Таварихе Булгария» Хисамуддина аль-Булгари.

В 2006 году «Таварихе Булгария» была переведена со старотатарского на русский язык казанским востоковедом Азатом Ахуновым и издана под названием «Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники)» [4], которая сопровождается факсимильным воспроизведением оригинального текста по изданию 1883 года и комментариями.

В 1884 году в Казани была напечатана «Шаджараи 'алия фи баян аль-ансаб» («Великая родословная, повествующая о поколениях») или «Нуджум ат-таварих» («Звезды исторических хроник») [38] Х. Амирхана, на страницах которого автор приводит информацию и легенды о былых

мусульманских странах и выдающихся мусульманских личностях. Р. Салихов и Р. Хайрутдинов писали: «Аның (Х.Әмирханның – Г.Н.) «Тәварихе Болгария» (1883) һәм «Бөөк шәжәрә, яки нәселләр бәяны» (1884) кебек әсәрләре бүген дә әһәмиятләрен югалтмадылар» [24, с. 9]. Такие его (Х. Амирхана. – Г.Н.) произведения, как «Таварихе Булгария» и «Шаджараи галия... » не потеряли свою актуальность и на сегодняшний день.

В 1885 году увидели свет «Таварихе Маккаи-Мукаррама 'аля фатихиха афдаль ас-салат уа акмаль ат-тахийат» («История священной Мекки, лучшая молитва и совершеннейшие приветствия ее открывателю [Мухаммаду]») [39] и комментарий к Корану «Аль-Фаваид» («Полезности») [40] в двух томах. О тафсире «Аль-Фаваид» упоминал еще Р. Фахрутдин в книге «Дини вә ижтимагый мәсьәләләр» («Религиозные и общественные вопросы») наряду с тафсирами Корана, напечатанными в России на тюркских языках и широко распространенными среди народа [35, с. 136]. Ш. Рахматуллин назвал этот комментарий и вправду полезным, поскольку написан на языке, близком к местной речи («дайрәмез лисанында улдыкыннан гаять файдалыдыр» [23, с. 48]. В последние годы «Аль-Фаваид» был упомянут в обзорных статьях ряда ученых по коранической экзегетике [2; 7, с. 91–95; 8; 12; 13, с. 82].

Все вышеперечисленные труды Х. Амирхана, кроме «Таварихе Булгария», до сегодняшнего дня остаются неизученными, о них упоминается лишь рядом с именем автора. Кроме того, известные нам рукописи и переводы Х. Амирхана, хранящиеся в частных архивах и хранилищах Казани, требуют основательного изучения и выявления авторства. Исходя из всего вышеизложенного можно прийти к заключению, что изучение творчества Х. Амирхана является одной из важнейших, на наш взгляд, задач современных ученых, что помогло бы пролить свет на многие “белые пятна” в истории татарской литературы.

Список литературы

1. Абилов Ш.Ш. Әдәби мохит һәм ядкярләр // Татар әдәбияты тарихы.– Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1984. – Т. 1. – Б. 283–295.
2. Адыгамов А. Традиции комментирования Корана у татар. – [Эл. ресурс]: <http://dumrt.ru/node/5882> (дата обращения: 07.06.2013).
3. Алишев С. Татар тарихчылары. – Казан: Татарстан китап нәшр., 2006. –206 б.
4. Амирханов Хусаин. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники); пер. со старотат., вступ. ст., и коммент. А.М. Ахунова. – М.: Марджани, 2010. – 232 с.
5. Амирханов Р.У. Татарская историография: востоковедческо-тюркологические аспекты // Научный Татарстан. – 2000. – № 3. – С. 70–74.
6. Антология татарской поэзии. В двух томах / сост. Гарай Рахим. – Казань: Татарское книжное издательство, 1992. – Кн. 1. – 543 с.
7. Ахунов А.М. Исламизация Волжско-Камского региона (VII-X вв.). – Казань: Отечество, 2003. – 110 с.
8. Ахунов А.М. Коран по-татарски // Татарский мир. – 2004. – № 4. – [Эл. ресурс]: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=496> (дата обращения: 03.09.2013).

9. Әмирхан Р. Әмирханнар (тәфсилле шәжәрә). – Казан: Мәгариф, 2005. – 223 б.
10. Әмирхан Р. Иманга тугърылык. – Казан: Татарстан китап нәшр., 1997. – 384 б.
11. Әмирхан Хөсәен. Тәварихы Болгария (Болгар тарихы). Төзүчесе һәм тәржемәчесе Сәлим Гыйләжетдинов. – Казан: Иман, 2001. – 192 б.
12. Батыркаев Т. Кораническая экзегетика мусульман Поволжья и Приуралья (конец XVIII – начало XX вв.) // Минарет. – 2007. – № 4 (14). – [Эл. ресурс]: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?104 (дата обращения: 30.08.2013).
13. Исламоведение: пособие для преподавателя / Э.Р. Кулиев, М.Ф. Муртазин, Р.М. Мухаметшин и др.; общ. ред. М.Ф. Муртазин. – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во Моск. исламского ун-та, 2008. – 416 с.
14. Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии. – Казань: Татарское книжное издательство, 1979. – 224 с.
15. Катанов Н.Ф. Татарские предания об озере Кабанев гор. Казани // Деятель. – 1898. – №1. – С. 25–26.
16. Катанов Н.Ф. Татарское предание о слободах Татарской и Навотатарской в гор. Казани // Деятель. – 1898. – № 2. – С. 64 – 67.
17. حسن بن اميرحان. تواريخ مكه مكرمه على فاتحها افضل الصلوة و اكمل التحيات. – قزان: قزان اونيويرستيتيننك طبع خانهسنى – 1885 – 88 بيت.
18. Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – 675 с.
19. Материалы по истории Татарии. – Казань: Татгосиздат, 1948. – Вып. 1. – 486 с.
20. Мәржани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). – Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1989. – 415 б.
21. Новые труды по татарской истории // Иностранное обозрение. Приложение к журналу «Православный собеседник». – Казань: Центральная типография, 1912. – Кн. 1. – 80 с.
22. Нуруллин И. Фатих Әмирхан. – Казан: Татарстан китап нәшр., 1988. – 279 б.
23. الدين. كاليندار. 1894 نجى يل اوجون. شهاب الدين بن ملا عبد العزيز رحمة الله اوغاي ننگ رحمة الله شهاب
- تأليفى قزان اونيويرستيتيتى طبع خانه سنى. – 1893. – 47-48
24. Салихов Р., Хайретдинов Р. Татарстан жәмһүрияте: татар халкының тарихи һәм мәдәни һәйкәлләре (XVIII гасыр ахыры – XX гасыр башы). – Казан: ФЕСТ, 1995. – 278 б.
25. Сафиуллина Р.Р. Арабская книга в духовной культуре татарского народа. – Казань: Алма-лит, 2003. – 214 с.
26. Средневековая татарская литература (VIII-XVIII вв.). – Казань: ФЭН, 1999. – 240 с.
27. Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. – Казан: Татарстан китап нәшр., 1984. – Т. 1. Урта гасырлар дәвәре. – 565 б.
28. Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. – Казан: Татарстан китап нәшр., 1985. – с. Т. 2. XIXйөз татар әдәбияты. – 575 б.
29. Татарский энциклопедический словарь / гл. ред. М.Х. Хасанов. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – 690 с.
30. Татарское народное творчество. Байты. – Казань: Татарское книжное издательство, 1983. – 351 с.
31. Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләрне язучы С.М. Гыйләжетдинов. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1987. – 368 б.

32. Усманов М.А. Татарские исторические источники XII–XIII веков. – Изд-во Казанского университета, 1972. – 222 с.
33. Фәхреддин Р. Асар.– Казан: Рухият, 2006. – Т. 1. – 360 б.
34. Фәхреддин Р. Асар. 3 һәм 4 томнар. – Казан: Рухият, 2010. – 648 б.
35. Фахреддин Р. Коръән вә табагат. – Казан: «Рәшидә» Коръән өйрәнү үзәге, 2012. – 156 б.
36. Франк А. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – 266 с.
37. Хөсәен Әмирхан. Болгар тарихы. Махсус Казан баянында // Мирас. – 1994. – № 10. – Б. 109–112; № 11–12. – Б. 105–110.
38. حسن بن اميرحان. - شجرهء عليه فى بيان الانساب. نجم التواريخ. سنكت بيطربورخ. - 1884. - بيت
39. حسن بن اميرحان. - تواريخ مكهء مكرمه على فاتحها افضل الصلوة و اكمل التحيات. - قزان: قزان اونيويرستيتيننك طبع خانهسنى. - 1885. - 88 بيت.
40. ند. - قزان. - 1885 حسن بن اميرحان تقسير الفوا
41. Энциклопедический словарь /под ред. проф. И. Андреевского; издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.– СПб.: Семеновская Типо-Литография (И.А. Ефрон), 1890. – Т. 1. – 480 с.
42. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1894. – Т. 12. – 960 с.
43. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: Типография акц. общ. «Брокгауз–Ефрон», 1902. – Т. 36. – 478 с.
44. Frank, A.J. Islamic regional identity in Imperial Russia: Tatar and Bashkir historiography in the eighteenth and nineteenth centuries / A.J. Frank. – Ph.D. – Indiana University, 1994. – 229 p.
45. Kemper, M. Sufis und Gelehrte in Tatar und Baschkirien, 1789-1889: der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft Kemper. – Berlin: Schwarz, 1998. – 516 s.

Сведения об авторах

Аветян Нарине Самвеловна – аспирант, Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск); 19Narina90@mail.ru

Берсенева Наталья Сергеевна – аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва); natalijaberseneva@yandex.ru

Богоявленская Юлия Валерьевна – доцент, Уральский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук (г. Екатеринбург); jvbog@yandex.ru

Величкова Людмила Владимировна – заведующий кафедрой, Воронежский государственный университет, доктор филологических наук, профессор (г. Воронеж); luvel1@rambler.ru

Глинская Нелли Петровна – доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук, доцент (Москва); glinskaya_nelly@mail.ru

Гордеева Елена Михайловна – аспирант, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь); elenagordeeva2012@gmail.com

Горохова Наталья Вячеславовна – доцент, Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина, кандидат филологических наук (Москва); n.gorokhova@nxt.ru

Гринфельд Владимир Александрович – доцент, Северо-Западный институт печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна (Санкт-Петербург); vlsobol@yandex.ru

Дёмушкина Татьяна Николаевна – аспирант, гуманитарный институт Череповецкого государственного университета (г. Череповец); tanyadema1@mail.ru

Ерофеева Тамара Ивановна – профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, доктор филологических наук, профессор (г. Пермь); genling.psu@gmail.com

Знаешева Ирина Владимировна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); irathebear@gmail.com

Идельсон Елена Викторовна – аспирант, Курский государственный университет (г. Белгород); evkam2000@yahoo.com

Касаткина Ксения Вадимовна – аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва); kasatkak@mail.ru

Качоровская Анна Евгеньевна – доцент, Российский государственный университет им. А.И. Герцена, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург); kachorovskaya@mail.ru

Киришинова Олеся Валерьевна – преподаватель, Воронежский государственный университет, кандидат филологических наук (г. Воронеж); ilse8@yandex.ru

Корюкина Екатерина Евгеньевна – аспирант, Российский государственный университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург); ekaterina.koryukina@gmail.com

Мещерякова-Клабахер Вера Александровна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); verameshch@gmail.com

Московская Наталия Леонидовна – заведующий кафедрой, Северо-Кавказский федеральный университет, доктор педагогических наук, профессор (г. Ставрополь); mosknl@mail.ru

Нургатина Гульназ Габдулбариевна – аспирант, институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); www.gulnaz.nur.1987@mail.ru

Ошева Елена Анатольевна – старший преподаватель, государственный университет управления Института иностранных языков и лингвокоммуникаций в управлении, кандидат филологических наук (Москва); sweetyhel@mail.ru

Петелина Ольга Олеговна – аспирант, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород); graol@bk.ru

Пискун Евгения Сергеевна – аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург); evgeniya.piskun@mail.ru

Питка Яна Артуровна – аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород); pitka@bsu.edu.ru, eolize@gmail.com

Почтарь Елена Ивановна – заведующий кафедрой, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, кандидат филологических наук, доцент (г. Тирасполь); ent_15@rambler.ru

Придорогина Елена Александровна – старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); elena@pridorogina@yahoo.com

Прозорова Наталья Евгеньевна – соискатель, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь); nprozorova2006@mail.ru

Розонова Юлия Александровна – доцент, Смоленский областной институт развития образования, кандидат филологических наук (г. Смоленск); yulia.bychenckova@yandex.ru

Романтовский Александр Владимирович – аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва); rav8732@mail.ru

Сидоренко Александра Владимировна – аспирант, Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск); sidorenko@pglu.ru

Стрельникова Лариса Юрьевна – доцент, Кубанский государственный университет, кандидат филологических наук (г. Армавир); logastrelnikova@yandex.ru

Топка Лариса Владимировна – доцент, Евразийский лингвистический институт – филиал Московского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент (г. Иркутск); lavtop@list.ru

Удод Дмитрий Александрович – аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь); dmitrii_udod@mail.ru

Федоров Денис Андреевич – доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, кандидат социологических наук (Санкт-Петербург); piarman@gmail.com

Чистикова Екатерина Сергеевна – аспирант, Российский государственный университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург); chistikovaekaterina@gmail.com

Шогенова Марина Чашифовна – доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, кандидат филологических наук, доцент (г. Нальчик); shog-marina@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Суг, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра литературы и русского языка, каб. 316.
- отправить по электронной почте: E-mail: vestnikfilol@yandex.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

Научный журнал

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 3

Том 1. Филология

Оригинал-макет Н. П. Никитиной

Подписано в печать 21.09.2015. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1175

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10